Знаменитая сага плодовитой американской писательницы

Джулиан

МЭЙ

ИЗГНАННИКИ В ПЛИОЦЕН

ЗОЛОТОЙ ТОРНАДО

Золотой торквес

Джулиан Мэй

Аннотация
Джулиан Мэй. Золотой торквес
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МЕЗАЛЬЯНС
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НАПАДЕНИЕ
1
2
3
4
5

6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВЕЛИКАЯ БИТВА
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
ЭПИЛОГ
ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Аннотация

Во второй книге увлекательной саги Джулиан Мэй некоторые изгнанники в плиоцен становятся союзниками воинственных гуманоидов тану и помогают им одерживать победы над фирвулагами. Другие готовят восстание, используя метапсихические способности, усиленные золотым торквесом. Авантюрист Эйкен Драм с помощью сложных интриг начинает борьбу за королевскую корону.

Джулиан Мэй
Золотой торквес

Барбаре – няне, редактору и наставнице

Дверь распахни – и ты сады увидишь,
Напьешься серебристых слез луны.
Твой путь в огне, но ты без страха выйдешь
На берега неведомой страны…
Пусть рок гласит: «Не преступи порога!
Оставь надежду, отврати свой взор!
Закрыта для тебя весны дорога,
И над тобой безмолвья приговор!
Пригрезилось тебе садов благоуханье.
Лишь пустота и мрак владычат в мирозданье…»
Но тьма не вечна: после битв и бед
Наполнит душу чистый звездный свет.

Симона Вей. «Порог»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МЕЗАЛЬЯНС

1

Стрекоза сверкнула золотой искрой над неподвижно застывшей мачтой корабля.

При первом же дуновении ветерка, слабо, словно мягкой кошачьей лапкой, взрыхлившего речную гладь, насекомое встрепенулось, резко взвилось в небо и снова зависло в воздухе. Отсюда судно казалось крохотной точкой среди неярких мелководных лагун и солончаков, затянутых жемчужной дымкой.

Выше! Выше! На трепещущих прозрачных крыльях стрекоза устремилась навстречу рассвету. Зоркие фасеточные глаза почти во всю головку позволяли ей увидеть темную глыбу материка, восходившего к северному горизонту. Кромка Европы была окутана клубящимся каскадом Роны, протекающей по обширному плато и впадающей в почти безводный Средиземноморский бассейн плиоценовой Земли, именуемый Пустым морем.

Может, туда, к материку? Крылья понесут его со скоростью более ста километров в час короткими перелетами. С высоты он проследит путь корабля, пройденный накануне. Но можно двинуться и восточнее, к маячащей вдали громаде

Корсики — Сардинии, где, по словам Крейна, нет ни единого тану.

Он может лететь куда вздумается. Он теперь свободен.

Сброшены невидимые путы, наложенные гуманоидом-поработителем. Сегодня утром, когда он проснулся, его серебряный торквес похолодел: психопринудительный аппарат обезврежен небывалой силой его ума. Метафункции, высвобожденные торквесом, работают в нарастающем темпе.

Он вытянул сверхчувствительные стрекозьи локаторы, прислушиваясь и улавливая ровное дыхание семерых спящих на борту и телепатический гомон с других судов, разбросанных по бескрайнему водному пространству. Далеко на юге — он напряг зрение, неуклюже пытаясь сфокусировать его получше, — просматривались гармоничные умственные сигналы. Великолепно! Не иначе, там столица тану Мюрия, куда они и направляются.

Если он подаст сигнал, отзовется ли ему кто-нибудь с борта? А ну, попробуем!

Сознания мгновенно достиг невыносимо яркий отзыв:

«Кто ты, сверкающий озорник?»

«Кто, кто! Эйкен Драм — вот кто!»

«Такой далекий, маленький, мерцающий умишко… Постой! О-о!»

«Нет! Прекрати!»

«Не уходи, Сиятельный! Ты кто таков?»

«Пусти же, черт тебя…»

«Погоди, кажется, я тебя знаю…»

Его вдруг охватил леденящий ужас. Кто-то странный, неведомый завладевает им, прокладывая себе путь в лабиринте его мозга. Эйкен Драм рванулся, пытаясь освободиться, но слишком поздно сообразил, что ему понадобятся все силы, чтобы разрушить эту связь. Поднатужась, он все же стряхнул с себя чужую хватку. И вдруг понял, что падает, теряя обличье стрекозы и обретая свое человеческое, уязвимое. Ветер свистел в ушах. С воплями Эйкен летел прямо на корабль; за какую-то долю секунды до крушения ему удалось вновь превратиться в насекомое. Дрожа и отдуваясь, он уселся на верхушку мачты.

Поднятый им шум разбудил остальных. Судно раскачивалось, отчего по гладкой поверхности лагуны пробегала мелкая волна. Элизабет и Крейн высунулись из крытой пассажирской каюты и уставились на него; за ними показался Раймо с выражением тупого недоумения на за-

дранной кверху физиономии; шкипер Длинный Джон орал во всю глотку:

— Эй, Драм! Я знаю, что это ты! Помогай тебе Бог, ежели что сотворишь с моей посудиной!

Крики привлекли на палубу еще одного пассажира, антрополога Брайана Гренфелла, который не удостоился даже серого торквеса. Он был зол и явно ничего не подозревал о телепатическом поединке, происходившем между стрекозой и остальными.

— Вы что, сдурели — так раскачивать судно?!

— Эйкен, спускайся! — громко произнес Крейн.

— Как же, держи карман! — отозвалась стрекоза.

Тану насмешливо взмахнул тонкой рукой.

— Ну и лети себе, стрекозел! Потом локти будешь кусать. Подумаешь, с торквесом справился! Мы это предвидели, между прочим. Но ведь серебряный торквес — только начало: в Мюрии тебя ожидают особые привилегии.

Стрекоза недоверчиво рассмеялась.

— Ага, мне уже дали это понять.

— Брось! — невозмутимо ответил Крейн. — Тебе бы чуть пошевелить мозгами, ты бы усек: Мейвар нечего бояться. Напротив!.. А с другой стороны, она тебя и без торквеса где угодно достанет. Драм,

ты делаешь самую большую ошибку в своей жизни. Рассуди, куда тебе податься одному? Только с нами, в Мюрии, ты сможешь реализовать себя… Давай, приятель, спускайся! Нам пора трогаться. К вечеру мы должны быть в столице, и ты сам увидишь, правду я говорю или нет.

Высокий гуманоид резко повернулся и ушел в каюту. Оставшиеся на палубе, разинув рты, смотрели на стрекозу.

— Какого черта! — фыркнул Эйкен Драм.

Затем насекомое ринулось по спирали вниз, село у ног шкипера и превратилось в маленького человечка, одетого в золотой костюм, весь усеянный карманами. Обретя свою всегдашнюю самоуверенность, Эйкен криво усмехнулся.

— Ладно уж, обожду малость. Посмотрим, устроят ли меня их привилегии.

Глядя на всадников, скачущих навстречу кораблю, Брайан думал только об одном: а вдруг Мерси там, в этой экзотической кавалькаде? Возбужденный антрополог метался по палубе, в то время как к борту железными оглоблями подцепили десятка два элладотериев — гигантских предков окапи, — чтобы тащить корабль посуху к Мюрии. В небе плыла яркая, почти полная луна. В отдалении понад доками, стоящими на дымных

полосатых солончаках темного полуострова, похожего на звездную галактику, сверкала огнями столица тану.

— Мерси! — не сдержавшись, выкрикнул Брайан. — Мерой, я здесь!

Бок о бок с высокими гуманоидами скакали мужчины и женщины, одетые точь-в-точь, как те — либо в стеклянные доспехи с алмазной огранкой, либо в усыпанные драгоценными каменьями кисейные туники. Их незажженные факелы радужно светились. Всадники хохотали над Брайаном, даже не думая отвечать на вопросы, которые тот пытался им задать под грохот ползущего по суше судна.

Казалось, у всех женщин, восседавших на гигантских иноходцах, золотистые волосы. Снова и снова Брайан пытался получше разглядеть то одну, то другую из них, но стоило прекрасной всаднице приблизиться, всякий раз убеждался, что она даже отдаленно не похожа на Мерси Ламбаль.

Эйкен Драм вертелся на полубаке, как раззолоченная кукла, и сыпал дерзкими шутками, вызывавшими безудержный смех, что лишь усиливало общий бедлам. Финско-канадский лесоруб Раймо Хаккинен, повиснув над пневматическим

планширом судна, целовал протянутые руки дам, а мужчин потчевал из серебряной фляги. Стейн Ольсон, напротив, держался в тени, причем одной своей лапищей обхватил Сьюки, как бы оберегая ее. Вид у обоих был встревоженный.

Шкипер Длинный Джон подошел и стал на носу рядом с Брайаном. Он ощупывал пальцами серый торквес на шее и во всю глотку хохотал.

— Гляди-ка, Брайан! Они нас мигом доставят. Надо же, какая встреча! Первый раз такое вижу! Гляди, гляди, как золоченый коротышка-то разошелся! Они с ним еще повозятся, пока приструнят… И то смогут ли.

Брайан тупо уставился на сияющую физиономию шкипера.

— Что? Прости, Джонни, я не расслышал. По-моему, там мелькнула моя… Ну, словом, женщина, которую я знал когда-то.

Моряк мягко, но властно взял его за плечо и усадил рядом с собой. Погонялы подхлестывали тягловую скотину, из толпы раздавались подбадривающие крики и звон мечей по усыпанным алмазами щитам. Когда корабль выполз на сушу, из сотни глоток и умов грянула песня тану; мелодия ее была странно знакома Брайану, хотя ни одного слова он не понял.

Ли ган нол по, кон ньези, Кон о лан ли пред неар, У тайнел компри ла нейн, Ни блепан алгар дедон.

Шомпри пон, а габринел, Шал у кар метан прези, Нар метан у бор тайнел о погекон.

Кар метан сед гон мори.

Пальцы Брайана вцепились в фальшборт. Фантастическая кавалькада в доспехах мельтешила вокруг бечевника, словно бы помогая тянуть судно. Растительности на берегах соленой лагуны не было никакой, но причудливые комья и столбики минерального происхождения, окутанные колеблющимися тенями, напоминали руины волшебного замка. Кортеж устремился в низину, окруженную крутыми скалами, и огненный мираж Мюрии скрылся из виду. Взятый на буксир корабль и его феерический эскорт, казалось, погрузились в черный зев пещеры, охраняемой огромными, грубо высеченными из камня херувимами. Песня эхом отражалась от нависающих стен.

Перед мысленным взором Брайана возникли образы детских лет. Глубокая, темная пещера, а в ней затерялось любимое существо. Главный герой: мальчуган, которому едва сравнялось восемь; время: шесть миллионов лет вперед; место

действия: меловые холмы Англии, где в коттедже жила его семья. Пропал котенок Уголек, которого он искал трое суток. Наконец набрел на вход в пещеру, такую узкую, что еле-еле смог туда протиснуться. Больше часа он вглядывался в черноту смрадного лаза, понимая, что надо все обшарить, но страшась одной этой мысли.

Наконец все-таки достал из кармана электрический фонарик и пополз. Пещера крутыми изгибами вела вниз. Царапаясь об острые камни и едва дыша от страха, он все полз и полз по темному сужающемуся коридору. Летучие мыши навалили здесь кучи зловонного помета. За одним из поворотов дневной свет совсем померк, и перед ним открылась яма, слишком глубокая, чтобы ее можно было осветить карманным фонариком. Он направил луч в глубь ямы и не увидел дна. «Уголек!» — позвал он, и эхо возвратило ему какой-то надломленный стон. Замкнутое пространство было наполнено зловещим шуршанием и жалобным писком. С потолка на него внезапно обрушилась едкая струя мочи.

Задыхаясь и отплевываясь, он хотел было повернуть обратно, но щель была слишком узкой. Пришлось ползти задом на животе; по щекам струились слезы; он боялся, что летучие мыши

в любую минуту набросятся на него и обкусают нос, губы, щеки, уши.

Он оставил на полу зажженный фонарик — может, свет отпугнет этих тварей — и продолжал двигаться, сантиметр за сантиметром, по шершавым камням. Ободрал в кровь локти и колени. Коридор никогда не кончится! Он как будто еще больше сузился, и вот сейчас его раздавит черная каменная масса.

И все же он выбрался.

От слабости Брайан не мог даже плакать и пролежал возле пещеры до тех пор, пока не село солнце. Когда наконец нашел в себе силы подняться и приплелся домой, то на заднем дворе увидел Уголька: тот преспокойно лакал сливки из блюдечка. Ужасающая вылазка оказалась напрасной. «Ненавижу тебя!» — закричал он. Но когда мать выбежала на его крик, он уже прижимал черного котенка к своей оцарапанной, испачканной щеке и гладил его, чувствуя, как тихое мурлыканье успокаивает бешеный ритм сердца.

Уголек прожил еще лет пятнадцать, превратился в толстого, самодовольного кота, а ребяческое обожание Брайана перешло в привязанность, что сродни привычке. Но, видно, ему суждено жить

в вечном страхе от потери любимого существа; мало того — к страху примешивается ненависть, оттого что вся его отвага пропадет втуне… Теперь он вступает в новую пещеру.

Дружелюбный голос шкипера вернул Брайана к действительности.

— Так ты из-за Мерси сюда притащился? А ты уверен, что она тут, в Мюрии? Это они тебе сказали?

— Да. Тот тип, что допрашивал нас в Надвратном Замке, узнал ее по фотографии и сказал, что ее отправили сюда. А Крейн мне намекнул: дескать, если я буду с ними сотрудничать, то мы… я и она… может, встретимся.

Брайан секунду поколебался, затем расстегнул нагрудный карман и достал оттуда кусочек бумаги. Длинный Джон уставился на озаренное внутренним светом личико.

— Красотка! А глаза-то грустные! Такой я тут не видал, Брай, правда, я редко на берег схожу… Нет, точно не видал: такую не сразу забудешь. Ух и глазищи!.. Бедняга ты, бедняга!

— Это уж точно, Джонни.

— А чего она-то сюда явилась? — полюбопытствовал шкипер.

— Не знаю. Ты будешь смеяться: мы были зна-

комы всего один день. Только встретились — а мне уезжать в экспедицию: тогда она казалась такой важной… Возвращаюсь — Мерси нет. Ну и ничего не оставалось, как последовать за ней, понимаешь?

— Как не понять! Сам из-за этого здесь очутился. Правда, меня тут не ждал никто… Знаешь, Брай, ты тоже приготовься к неожиданностям.

— Мерси латентна. Скорее всего, ей надели серебряный торквес. Я почти уверен в этом.

Верзила шкипер медленно покачал головой и опять дотронулся до своего серого ожерелья.

— А-а, кабы только в этом дело… Впрочем, Бог их знает… говорят, если у тебя не было… как их… метафункций и вдруг они появились, то ты очень рискуешь. Взять хоть нас, серых… какие там у нас метафункций — и говорить не о чем!.. Ан нет, и нам кой-чего перепадает через торквес.

Поджав свои тонкие синюшные губы, он вдруг воскликнул:

— Слушай, дружище! Слышишь?

— Поют на своем языке.

— Ну да, ты, ясное дело, слов не разбираешь. А вот нам, окольцованным, песня эта говорит: «Счастливая встреча — не бойся ничего — тут вс„ для тебя — и все за одного!» Стоит человеку

попасть в ихнюю шайку, он сам не свой делается, будто ему мозги новые вправили. Даже нам, серым, ей-Богу! Скажешь, телепатия? Верно, хотя не только она! Чертовщина какая-то… Можно разговаривать без слов… Не умею я объяснить!.. Все они словно одна большая семья. И ты теперь к ней принадлежишь, да-да! Она тащит тебя за собой, как вот эту посудину. Больше ты не будешь один со своей тоской. И никогда никто тебя не оттолкнет. Всякий раз, как понадобится сила или утешение, ты почерпнешь их из общего котла. И ничего тут страшного нет, потому что ты сможешь взять ровно столько, сколько надо… Есть, правда, и ограничения. Если ты пс золотой, то должен выполнять приказы, как в армии… Но главное в том, что эти штуковины все твое нутро переворачивают наизнанку. Постепенно, не враз, но переворачивают! Если ты носишь торквес, то хоть не хошь — ты уже другой человек. Так что твоя красотка теперь, надо думать, совсем не та, какой ты ее запомнил.

— Может, я уже ей больше и не нужен, а?

— Да нет, я ведь ее не знаю, Брай. Люди в торквесах по-разному себя ведут. Некоторые прямо-таки расцветают. Большинство, можно сказать.

Антрополог не решился заглянуть в темные

глаза шкипера.

— Но не все… Понимаю… Что же происходит с неудачниками?

— Среди нас, серых, неудачников не особенно много. У тану пропасть всяких проверок да испытаний, чтобы выбрать, кто им подойдет, кто — нет. У них тут целая команда спецов работает, а во главе ее лорд Гомнол… Так вот, они следят, чтоб ни один нормальный человек не получил даже серого торквеса, если в нем нет метафункций. К чему зря торквесами разбрасываться, ведь их не так-то просто изготовить. Убедись они, скажем, что на тебя положиться нельзя, что ты, если не дать тебе вариться в собственном соку, и подвести можешь, так нипочем даже серого торквеса не дадут. На то у них попроще способы есть, как заставить людей работать, а не выйдет — могут и совсем сбросить со счетов. А вот если тебе в этом изгнании надели торквес — считай, полдела сделано. Тану за нас спокойны, потому как читают наши мысли и распределяют награды. Иной раз могут и на должность назначить. Возьми хоть меня!.. Все тану никудышные пловцы, а на моей посудине плавают даже рыцари Высокого Стола — главной ихней власти, смекаешь?

— Смекаю. Небось и от морской болезни не

страдают.

— Смеешься? Ну и хрен с тобой! Но тану знают: со мной им нечего опасаться за свою шкуру. Уж я ни в жисть не подведу!

— Но ведь ты не свободен.

— А кто свободен? — резонно заметил шкипер. — Может, я там, в Содружестве, был свободен, когда водил паром через Таллахасси и Ли вовсю наставляла мне рога?.. Черта с два! А тут надел торквес — и повинуюсь приказам тану. И взамен имею радости, дозволенные только метапсихам в нашем двадцать втором веке. У тебя как будто тыща глаз, и всеми видишь! Или подымаешься вверх, ровно у тебя сто ног… Да не умею я сказать — я ведь не поэт и не ученый!

— Кажется, я понял, Джонни. Торквесы явно более сложные устройства, чем мне казалось.

— Во-во! Кто к ним приспособится, тому они очень даже облегчают жизнь. К примеру, язык. Там, в Содружестве, нам внушали: мол, надобно всем иметь один язык. Потому, чтоб нас оттуда не поперли, все балакали по-английски — и руки по швам! А тут, с этой мысленной речью, кого хошь поймешь. Скажем, шлет тебе какой-никакой тану послание, и ты в момент разумеешь.

— Варвары! — буркнул Брайан себе под нос. —

Вот почему в Галактическом Содружестве на метафункции наложены такие суровые запреты. Особенно на человеческие.

— Чего-чего, Брай? Вот видишь, я тебя не понял. А будь у тебя торквес, так я бы зараз усек, даже без слов.

— Не бери в голову, Джонни. Я просто закоснелый циник.

— А по мне, лучше нет, чем умственное братство. Ведь кто я был?.. Бессловесная скотина, паромщик, от которого девчонка сбежала к другому. Иное дело, если б мы с ней с самого начала поняли друг друга… А ну ее к дьяволу! Теперь меня все любят… и все понимают.

Шкипер махнул рукой всадникам. И они тут же помахали в ответ. Брайан почувствовал, как ледяная рука сдавила ему все внутренности.

— Джонни!

— Ммм? — Шкипер оторвался от своих мыслей.

— Однако не всех путешественников во времени испытывали на психологическое соответствие, прежде чем надеть им торквесы. Вот Стейна не проверяли. Сразу надели торквес, как только почувствовали исходящую от него угрозу.

Длинный Джон пожал плечами.

— Что ж тут непонятного? Торквес может удерживать бунтарей либо на коротком, либо на длинном поводке. Раз твой приятель все еще с нами, значит, у них на него какие-то виды. Врачи и прочие ученые редко проходят сквозь врата времени, потому они волей-неволей получают торквес. Жизненно важные профессии, улавливаешь?

— А метапсихически латентные — такие, как Эйкен, Сьюки, Раймо?.. Ведь на них нацепили серебряные торквесы, невзирая на возможные неблагоприятные последствия.

— Ну, серебряные — это особ статья, — признал Длинный Джон. — Тут все дело в генах.

Брайан сдвинул брови.

— Серебряные нужны тану для улучшения породы, — продолжал Длинный Джон. — Главным образом женщины, но иногда и мужчины. Тут уж все идут в ход — и нормальные и… как их… латентные. Последних они страсть как ценят. Я не больно в этом разбираюсь, но они, видать, надеются, что человеческие гены все ихнее племя сделают производительным. Ну, как наше там, в Содружестве.

— А разве для повышения производительности им мало золотых торквесов?

— Э-э, приятель, в том-то и штука. Даже лучшие из них не сравнятся с метаносителями из Содружества. Ни один тану мизинца не стоит наших Великих Магистров. Не, им до нас ох как далеко! Но генетический план — он их подтолкнет. Тану — мастера планы строить… Кроме этих планов, воевать, пить да трахаться — вот и все их занятия. Генетический план, он им знаешь для чего нужен? Хотят закрепить свою победу над фирвулагами. Слыхал про них? Кровные братья тану, только росточком не вышли. Правда, они торквесов не носят, но по части всяких иллюзий, превращений, телепатии — очень даже похожи. Гены фирвулагов встречаются и у тану, поэтому их бабы иногда производят на свет фирвулагов. А карлики, чтоб ты знал, и физически сильнее, и плодятся чертовски быстро, не то что тану. Одним словом, если тану думают удержать изгнание в своей власти, то им еще попотеть придется.

— Да, ситуация проясняется, — заметил Брайан. — Но давай вернемся к серебряным торквесам. Ты говоришь, их надевают без разбору, но ведь кто-то может и не выдержать.

— Точно. Бывает, наденут кому торквес — а он и с катушек долой. У всякого торквеса может обнаружиться… как ее… несовместимость с пси-

хологией носителей. Даже среди чистокровных тану попадаются выродки. Их называют «черные торквесы». Если же человек в серебряном торквесе свихнется, тану делают все, чтобы спасти его гены. Женщин, к примеру, одурманивают чем-то и заставляют рожать без устали, пока те дух не испустят. Целители латают их по мере возможности, а после удаляют яичники и пересаживают рамапитекам. Только пересадки не всегда удачны, потому как рамапитеки плодятся уж очень жестоким способом… Но тану все равно проводят такие опыты.

— А если мужчина окажется несовместим с серебряным торквесом?

— Ну так что? Сперматозоиды очень даже хорошо сохраняются. Что до их владельцев… на них есть Охота… Или заклание.

— Про Охоту я уже слышал, — угрюмо откликнулся Брайан. — А вот заклание… Это что? Жертвоприношение, что ли?

— Да нет, обыкновенная казнь преступников и безнадежно непригодных. Жертвоприношение, как я понимаю, должно быть благородным, чистым… ну, или вроде того. Жертвоприношения тану совершают очень редко — когда сажают на трон нового короля. А обычные заклания устраи-

вают два раза в год: в конце Великой Битвы — в первых числах ноября — и в праздник Великой Любви

— в мае. Это больше похоже на чистку тюрем и карцеров, чем на жертвоприношение… Да, в Содружестве это сочли бы негуманным, но если разобраться, не такая уж плохая идея.

Не читай мои мысли, Джонни, подумал Брайан. А вслух спросил:

— А как серебряные люди попадают в золотые?

— Всяко бывает, — смеясь, густым басом произнес шкипер. — Вон твой вертлявый прямо туда и метит.

Брайан не знал, что и ответить. Разумеется, Эйкен Драм как нельзя лучше подходит для безумного мира чудовищных сил и варварства. Но как быть с Мерси, такой пугливой и хрупкой?

На носу корабля в красно-белых, развевающихся на ветру одеждах появился исполин Крейн в сопровождении Элизабет.

— Ну вот, мы почти на месте, Брайан. Видите сооружение со стропилами, залитыми золотистым светом, и сотнями ярких лампочек, рассыпанных по всему фасаду? Это Большой Королевский дворец. Там и закончится наше путешествие. Отдохнем несколько часов, а затем будет дан

торжественный ужин в честь вновь прибывших. Сам король Тагдал и королева Нантусвель выйдут поприветствовать вас.

— Неужели всем прибывающим оказывают столь великолепный прием? — спросила Элизабет. Рядом с величественным тану она выглядела очень скромно в своем красном хлопковом комбинезоне.

— Не всем. — Крейн снисходительно улыбнулся. — Ваше прибытие — особый случай. Для меня большая честь сопровождать вас. Надеюсь в дальнейшем поработать с вами в Гильдии Корректоров.

Брайана словно осенило: «Пышный эскорт здесь для того, чтобы поглядеть на Элизабет! И прием, на котором будут присутствовать король и королева, устраивают главным образом в ее честь. Молчаливая, выдержанная женщина с непревзойденными умственными способностями — просто блестящая добыча для тщеславных гуманоидов. Какие дерзкие генетические планы, должно быть, вынашивают в голове эти прожектеры! Бедная Элизабет! Сознает ли она, какого рода соблазны предложат ей тану и какая смертельная опасность угрожает ей в случае отказа от сотрудничества?» — подумал Брайан.

Крейн продолжал расписывать достопримечательности столицы.

— Самое высокое здание — видите, с остроконечными башнями и сигнальными огнями — штаб пяти Великих Ментальных Гильдий. Вам они покажутся метапсихическими кланами, поскольку между ними существует скорее семейная, чем профессиональная связь. Лиловые и янтарные огни озаряют зал Гильдии Экстрасенсов, возглавляемой достопочтенной леди Мейвар — Создательницей Королей. Гильдия Творцов освещена белым и голубые. В настоящее время ею верховодит лорд Алутейн — Властелин Ремесел. Однако его авторитет сильно пошатнулся. Возможно, нас ожидают большие перемены в Системе власти, что выявится в ходе Великой Битвы. Голубые и желтые огни символизируют Гильдию Принудителей, главой которой является Себи Гомнол, человек в золотом торквесе. Дальше возвышается Дом Психокинеза, собравший под своей крышей движителей и сотрясателей под водительством лорда Ноданна Стратега. Сейчас он отдыхает у себя дома, в городе Гории. А геральдические цвета Гильдии Психокинетиков — розовый и желтый.

— А ваша собственная ассоциация? — спросила

Элизабет.

— Штаб Гильдии Корректоров находится за городской чертой, на южном склоне Горы Героев. Из этой части полуострова его красно-белая иллюминация не видна. Нашу Гильдию возглавляет лорд Дионкет, Главный Целитель тану.

К ним подалась маленькая фигурка в костюме из металлизированной ткани. Эйкен Драм раскланивался, махая шляпой. Ухмыляющееся лицо его находилось в тени и в бликах факелов напоминало маску.

— Простите, шеф, я невольно подслушал. А как случилось, что человек — Гамбол, или как вы там его назвали — сделался главой одного из ваших крупных объединений?

— Лорд Себи Гомнол, — сухо отозвался Крейн, — обладает исключительными способностями, как метапсихическими, так и научными. Когда вы встретитесь с ним, то поймете, почему мы так высоко его ценим.

— Но как он получил свой золотой торквес? — не унимался Эйкен.

Даже Брайан ощутил неприязнь, исходящую от экзотического целителя.

— И об этом вам лучше услышать из его собственных уст.

Эйкен злорадно поцокал языком.

— Сгораю от нетерпения! Может, старина Гамбол и мне даст кое-какие полезные советы?

«Оставьте нас, Эйкен Драм!»

— Слушаюсь, шеф!

Элизабет нахмурилась, видя, как услужливо попятился нахальный юнец. Чтобы проследить пути любопытного психологического воздействия, потребуется кропотливая работа. Ей тоже захотелось увидеть лорда Гомнола.

— А остальные дома в городе — частные владения? — услышала она вопрос Брайана.

— Ни в коем случае! — возразил Крейн. — Мюрия — столица деловой жизни. Большинство ее обитателей составляют административный штат нашей Многоцветной Земли. Здесь расположены общеобразовательные и некоторые другие жизненно важные учреждения. Но вы убедитесь, Брайан, что наш подход к столь высоким материям далеко не так формален, каким он будет в вашем Галактическом Содружестве через шесть миллионов лет. Население нашего королевства немногочисленно и обладает весьма незамысловатой культурой. Наше правительство работает, если можно так выразиться, в домашней, семейной обстановке. Вы еще получите возможность

познакомиться поближе с нашей социальной структурой. А мы в свою очередь жаждем услышать многое о вас самих.

Антрополог наклонил голову.

— Заманчивая перспектива. На первый взгляд культура Галактического Содружества не имеет ничего общего с вашей.

Наконец корабль приблизился к напоминающему Вавилонскую башню сооружению из белого камня, пышно украшенному цветущими растениями, коими были увиты ярко освещенные балконы. Портик дворца выходил на укатанную дорогу. Зевак не было видно, однако под фронтоном стояла большая группа людей в ливреях, а также сорок или пятьдесят рамапитеков в белых, затканных золотом плащах. Узоры на них складывались в затейливое изображение мужского лица — вероятно, то была эмблема короля. Как только корабль остановился, всадники стремительно взлетели на середину парадной лестницы, ведущей к дворцу. Они гордо восседали в седлах, высоко вздымая свои факелы и теснясь по обеим сторонам, словно почетный караул.

Раздался удар гонга, затем звуки фанфар. Величавая представительница племени тану, одетая в серебряные одежды, в сопровождении стражи

в серебряных доспехах появилась на верхней площадке. Она вытянула обе руки к путешественникам и пропела куплет на языке тану. Всадники громко подхватили припев.

— Высокочтимая леди Идона, Покровительница Гильдий и старшая дочь Тагдала, приветствует вас, — пояснил Крейн. — Элизабет, вам надлежит отвечать.

Шкипер Длинный Джон, швартовавший судно у нижней ступеньки, подмигнул Элизабет и подал ей большую загорелую руку, помогая сойти по трапу.

Мгновенно воцарилась тишина. Прохладный вечерний бриз шевелил султаны и плащи всадников. Элизабет в своем простом красном комбинезоне затерялась среди этой пышности, но голос ее и ум были не менее звучны, чем у королевской дочери.

Она произнесла фразу на языке тану и повторила ее по-английски:

— Мы благодарны вам за радушный прием в вашем прекрасном городе. Мы поражены великолепием и богатством Многоцветной Земли, не идущей ни в какое сравнение с тем примитивным миром, какой мы себе представляли, углубляясь на шесть миллионов лет в прошлое.

Нам неизвестны обычаи страны, поэтому мы взываем к вашему терпению и молимся о том, чтобы между нашими двумя расами царил вечный мир.

Громом взорвались барабаны и цимбалы. Упорядоченное шествие превратилось в карнавальный вихрь. Всадники скакали вверх-вниз по ступеням с песнями, смехом и здравицами. Благосклонно кивнув Элизабет, леди Идона удалилась во дворец. Ливрейные и рамапитеки бросились к путешественникам, стали выхватывать у них багаж.

Элизабет поспешна вернулась на борт, пока дикая толпа ее не затоптала. В некоторой прострации, выставив все заслоны против умственной какофонии, она пошла попрощаться со шкипером.

Брайан стоял, облокотившись на дверь рубки; лицо его перекосилось от ужаса.

Крейн, улыбаясь, прошествовал мимо Элизабет.

— Все в порядке. Длинный Джон безупречно справился со своими обязанностями, поэтому я решил сразу выдать ему вознаграждение. — Целитель ступил на трап и растворился в толпе.

Элизабет подошла и, встав рядом с Брайаном,

заглянула в рубку. Шкипер лежал под штурвалом, бескозырка свалилась с головы. Глаза закатились, и виднелись только белки. Слюна повисла на черной всклокоченной бороде. Серый торквес блестел от пота. Ногтями Длинный Джон царапал корабельные доски, и тело его содрогалось. Он стонал, словно в экстазе.

— Так вот что они делают с тобой, Джонни, — прошептал Брайан. — Все, кто любят тебя и понимают… Значит, так они избавляют тебя от одиночества?

Он мягко отстранил Элизабет и закрыл дверь рубки. Оба последовали за другими во дворец короля тану.

2

Пышно разодетые люди и тану толпились перед входом в парадный зал, ожидая прибытия высоких особ. На них были прозрачные одежды самых различных расцветок и фасонов. В волосах у дам сверкали жемчуга и алмазы. Дворец наполняла музыка — играл невидимый оркестр, в котором явственно прослушивались флейты, арфы и глокеншпили.

Брайан, Элизабет, Стейн, Сьюки и Раймо снова встретились после трехчасового перерыва. Их провели в помещение, куда не было доступа остальным приглашенным. Какое-то время путешественники молча смотрели друг на друга, в недоумении от перемен, происшедших с каждым из них, потом в один голос расхохотались.

— Но у меня отобрали всю одежду! — протестующе воскликнул Раймо. — И сказали, что все мужчины будут в таком…

— Надо же чем-то потрясти дам! — фыркнул Стейн. — Видок у тебя, как у прима-балерины…

— Заткнись, Стейни! — оборвала его Сьюки. — По-моему, Раймо просто неотразим.

Бывший лесоруб, заливаясь краской, одергивал

на себе коротенькую алую тунику с золотистым узором; ткань так и льнула к его мускулистому торсу, точно села от стирки. Ансамбль довершали золотые башмаки и такой же пояс.

«Нарочно обрядили как куклу, — подумала Элизабет, — с его зачатками психокинетических способностей и неярко выраженным интеллектом он годится лишь на роль марионетки.»

— Ну, тебя-то они тоже вытащили из твоих дурацких шкур, — огрызнулся на реплику Стейна Раймо.

Викинг самодовольно улыбнулся. Он выглядел великолепно и знал это. На нем были темно-зеленая короткая туника простого покроя, его собственный шейный обруч и кожаный пояс, инкрустированный золотом и янтарем. С ними гармонировала сверкающая перевязь, на которой болтался огромный меч в усыпанных драгоценными камнями ножнах. На широкие плечи небрежно накинут плащ из вишневой парчи с изумрудной пряжкой, а на голове красовался бронзовый двурогий шлем викинга.

Сьюки уцепилась за руку этого северного божества. На ней было белое кисейное платье со шлейфом и узкими рукавами. Простоту фасона подчеркивала замысловатая прическа в виде

серебряного нимба, украшенного сверкающими рубинами. Цвет камней отражался в узеньком пояске и браслетах, звенящих на запястьях.

— По-моему, меня одели в геральдические цвета клана корректоров, — заявила Сьюки. — Вроде бы все они носят белый и красный. Странно, Элизабет, почему они тебе не нацепили красно-белых регалий?

— Не знаю, мне нравится мое платье, — отозвалась та. — Может, они придают черному особое значение? Иначе зачем бы им так долго трудиться над моей прической? А когда камеристка увидела у меня на пальце кольцо с бриллиантом, то сразу принесла маленькую диадему.

— Мы с тобой прекрасная пара, — заметил Брайан. — Элегантная простота на фоне райских птиц.

Элизабет рассмеялась.

— Без сомнения, профессор. Особенно сейчас, когда ты скинул свои мятые ковбойские штаны и шляпу в стиле первых австралийских поселенцев.

И действительно, замызганный антрополог теперь щеголял в костюме из блестящей ткани цвета морской волны. Узкие брюки были заправлены в короткие серебряные сапожки, а длинный

плащ подобран в тон костюму. Наряд Элизабет также отличался изысканной простотой. Свободного покроя платье из прозрачной черной материи держалось на вороте-стойке, от которого спускались две ленты, затканные красной металлизированной нитью. Многие аристократки тану явились на бал в платьях такого фасона, но ни у одной из них модель не была выполнена в черно-красной гамме.

— А где же Эйкен? — Сьюки огляделась вокруг.

— Уж и не знаю, удастся ли им сделать из него еще большего пижона, чем он есть, — пробормотал Стейн.

— Легок на помине, — заметил Брайан.

Ливрейный приподнял штору и торжественно ввел в зал недостающего члена группы. Замечание Стейна оказалось пророческим. Эйкен Драм по-прежнему был в своем золотом костюме с кармашками. К нему добавились лишь черный плащ, сверкающий, как антрацит, и высоченный султан, прикрепленный к тулье широкополой шляпы.

— Все в сборе, можно начинать! — провозгласил он в своей шутовской манере.

— Может, все-таки дождемся короля с королевой? — проронила Элизабет.

Раймо все еще не мог прийти в себя от негодования.

— Подумать только, Эйк! Они забрали мою фляжку!

— Вот негодяи! Да я бы тебе ее на цырлах притащил, мой лесоруб, вот только отвлекся малость.

— Ты что, правда мог бы принести ее сюда? — удивился бывший лесник.

— А то как же! Мне ли не понять, что значит для человека виски! Или водка, или все прочие крепкие напитки, которые мы так хорошо знаем и любим! Все они переводятся как «вода жизни». Наши предки давали названия таким напиткам в полной уверенности, что они возвращают жизнь. Так почему бы мне не вдохнуть жизнь в твою флягу? Не приделать ей маленькие ножки?.. Да раз плюнуть!

— По-моему, они собирались несколько ограничить твои метафункции, — вмешалась Элизабет.

Это был пробный шар, и Эйкен подхватил его на лету. Лукаво подмигнув, он подсунул палец под свой серебряный торквес и легонько потянул. Металлический обруч будто растянулся, но, когда Эйкен убрал палец, со щелчком вернулся в первоначальное положение.

— Я об этом уже позаботился, моя прелесть. И

еще кое о чем. А тебе, я вижу, отвели на торжестве роль почетной матроны.

— Попридержи язык, осел! — рявкнул Раймо.

— Позвольте вам заметить, — сияя, проговорил молодой человек, — что все вы — просто шедевры портняжного искусства. — Он немного помолчал, оглядывая Стейна и Сьюки, и добавил: — Разрешите принести вам самые горячие поздравления по поводу вашего брачного союза.

Викинг и его возлюбленная уставились на Эйкена со смесью страха и дерзкой решимости в глазах.

«Черт бы тебя побрал, Эйкен! — направила ему послание Элизабет. — Я живо укорочу твои синапсы, если ты…»

Но он не унимался, его черные глаза оживленно блестели.

— Тану это вряд ли понравится: у них на вас, кажется, иные виды. Но я, грешным делом, всегда был сентиментален. Пусть торжествует любовь!

— Ты бы и впрямь попридержал язык, — тихо произнес Стейн и стиснул в кулаке размером с увесистый молот рукоять меча.

Эйкен придвинулся к нему поближе. Голубые глаза скандинава широко раскрылись, встретив озорной взгляд балагура. Элизабет почувствовала

телепатические колебания речи, устремленной по интимному каналу. Она не сумела расшифровать ее смысла, но Сьюки, стоявшая рядом с Драмом, наверняка все поняла, как и ее северный великан.

Музыка, игравшая под сурдинку, смолкла. В арочном проеме парадного зала блеснули фанфары с подвешенными к ним знаменами, на которых было вытканно изображение мужской головы. Прозвучал сигнал к началу церемонии. Беспорядочная толпа разделилась на пары, и оркестр грянул торжественный марш.

Брайан недоуменно посмотрел на придворного, распахнувшего перед ними двери.

— Вагнер?

— Вы правы, профессор. Наша милостивая леди Идона желает, чтобы вы чувствовали себя как дома, насколько возможно. Да и сами тану любят музыку людей. Учитывая то, что вы не носите торквеса, профессор, приглашенные будут говорить на вашем языке. Если угодно, вы можете начать научный анализ нашего общества прямо во время приема.

«Я его уже начал, когда вошел в ваши чертовы врата», — подумал Брайан, но ограничился кивком.

— Лучше скажи, как нам себя вести, приятель, — обратился к ливрейному Эйкен. — Не можем же мы допустить какой-нибудь ляп перед лицом вышестоящих!

— Коронованные особы будут восседать за отдельным столом, — пояснил придворный. — После короткого представления начнется ужин. Дворцовый этикет у нас весьма неформален. Главное — не выходить за рамки вежливости и приличий.

Они дождались, пока привилегированные граждане Мюрии попарно войдут в зал. Затем настала их очередь.

Эйкен помахал своей золотой шляпой перед Раймо.

— Изволите пройти, сударь?

— Изволю, черт меня побери! — громко засмеялся лесоруб. — Если на празднике все будет, как в прошлый раз, то уж баб мы себе там найдем.

— Праздник с прошлым разом ничего общего не имеет, — заявил Эйкен. — Но ты, друг, повеселишься на славу, обещаю тебе.

— А мы как же? — спросил Стейн, засовывая свой шлем под мышку. Они со Сьюки следовали за Раймо и Эйкеном.

— И ты веселись, дружище, если можешь, — от-

кликнулся Эйкен и устремился в зал, расталкивая фанфаристов.

Брайан без слов предложил Элизабет руку, но все мысли об этой необыкновенной женщине и ее судьбе выветрились у него из головы. Выступая в такт каденциям «Тангейзера», он чувствовал, как мозг опять сверлил идефикс: наверняка Мерси здесь! Здесь и в безопасности, под прикрытием своего серебряного торквеса! Не преследуемая, не затравленная, а надежно защищенная в кругу феерической семьи, что доводит до экстаза своих пленников… тех, кому повезет…

Только бы она была счастлива!

Они вошли в громадный, обшитый панелями зал со сводчатым потолком; в бронзовых канделябрах горел настоящий огонь. Маленькие сверкающие метасветильники тоже пошли в ход, но в основном для украшения гобеленов и бронзовых скульптур в стенных нишах. Праздничные столы были поставлены в форме перевернутой буквы «U», по обеим сторонам столов расположились несколько сотен занявших свои места гостей. В дальнем конце зала стоял местный вариант стола для почетных гостей: он был гораздо ниже боковых ответвлений, с тем чтобы приглашенные могли лучше видеть коронованных особ. На

стене за спинами «высочайших» виднелась уже знакомая увеличенная репродукция мужской головы, выполненная из золота и помещенная внутрь причудливой мозаики из хрустальных метасветильничков. Драпировка из тонкой металлизированной ткани обрамляла эмблему и плавно переходила в балдахин, нависающий над двадцатью выстроенными в ряд тронами. Придворные в ливреях почтительно застыли позади приглашенных. Высокопоставленных лиц обслуживали две шеренги лакеев, одетых более претенциозно, чем те, которые были к услугам гостей попроще.

Брайан и Элизабет прошли к столу, сопровождаемые улыбками присутствующих. Антрополог старался не слишком пристально вглядываться в лица, но, даже если бы он и не прилагал таких усилий, все равно гостей было слишком много, а у большинства женщин были золотистые волосы.

— Досточтимый доктор антропологии Брайан Гренфелл!

Когда церемониймейстер выкрикнул его имя, Брайан шагнул вперед и, по обычаям Галактического Содружества, слегка поклонился, чувствуя, как все взгляды восседающих за королевским столом устремились на него и его спутницу;

предыдущие четверо едва ли удостоились такого заинтересованного внимания. Очевидно, придворный этикет не предусматривал обратного представления, но Брайану было уже не до этих высокопоставленных особ — ведь среди них нет Мерси.

— Прославленная из прославленных, леди Элизабет Орм, Великий Магистр и оператор Галактического Содружества!

«Черт побери!» — усмехнулся про себя Брайан.

Гости, стоя, вскинули руки в приветственном жесте. Как ни странно, властители тоже поднялись с тронов. Все собрание грянуло троекратное:

— Сланшл! Сланшл! Сланшл!

У Брайана холодок пробежал по спине. Господи, неужели лингвистическое совпадение? note 1 Стоящий в самом центре представитель мужского пола слегка повел плечами. В ответ на это откуда-то донесся звук, напоминающий звон цепи. Воцарилась тишина.

— Да здравствует дружеское застолье! — провозгласил главный.

Это был великолепный экземпляр тану в белом,

---

note notes: Note1

заздравное «сланшл» на языке тану странным образом созвучно подобному приветствию в гэльском языке

без всяких украшений одеянии. Длинные белоснежные волосы и струящаяся борода тщательно расчесаны и завиты. В его облике угадывалось отдаленное сходство с геральдической эмблемой. Брайан догадался, что это и есть Тагдал, Верховный Властитель тану.

Из-за кулис вырвался вихрь конфетти; часть гостей опустилась на стулья, остальные кинулись приветствовать друг друга. Лакеи из числа людей и их подручные рамапитеки принялись уставлять столы напитками и закусками. Шестерых путешественников во времени усадили на низкие банкетки против королевского семейства, и высшие аристократы тану в обход всех формальностей засыпали их вопросами.

К Брайану обратилась внушительного вида особа женского пола, сидевшая по правую руку от короля. Ее роскошные рыжие волосы выбивались из-под плотно прилегающей златотканой шапочки, по бокам которой торчали усыпанные драгоценными камнями крылья.

— Я — Нантусвель, мать королевского потомства и супруга Тагдала. Сегодня я буду вашей дамой, Брайан. От имени всех присутствующих желаю вам счастья на Многоцветной Земле. Итак… Но что я вижу? Вы смущены? Или даже

встревожены? Я охотно помогу вам освободиться от гнетущих чувств, если это в моих силах.

Перед матерински ласковой улыбкой королевы невозможно было устоять: словно искусный игрок на лютне, она тронула струны его воспоминаний. Тускло освещенная лаборатория в башне замка, личико, полное нежной затаенной грусти, слезы при звуках песни трубадура… Струна, отзвучав, вызвала другое воспоминание: о цветущих яблонях, соловьиных трелях, восходящей луне, живом тепле золотистых волос и глаз, вобравших в себя обреченность взбаламученного моря… Затем последовало слегка диссонирующее арпеджио. «Скажи, Гастон, куда она пропала, зачем ушла в проклятое изгнанье?! И я за ней, мсье Дешан, в тот люк, откуда нет возврата…»

Брайан невольно протянул руку к нагрудному карману своего праздничного наряда и подал кусочек фотобумаги королеве Нантусвель. Она взглянула на фотографию Мерси.

— Вы явились сюда за ней, Брайан?

— Да. Я не сумел ее удержать, но буду любить, пока не умру.

Тонкие ноздри Нантусвель дрогнули, навевая покой и забвение.

— Но ваша Мерси цела и невредима! Она пре-

красно прижилась в нашем обществе. Более того — она счастлива! Эта женщина будто родилась для того, чтобы носить торквес. Может быть, неосознанно, но она всегда стремилась воссоединиться с нами, преодолеть разделяющую нас пропасть в шесть миллионов лет.

Глаза королевы сияли каким-то внутренним сапфировым светом; казалось, в них совсем не было зрачков.

— Могу я ее навестить? — робко спросил Брайан.

— Мерси в Гории, в том районе, который вы называете Бретанью. Но она скоро вернется в наш город, раскинувшийся среди Серебристо-Белой равнины, и вы вместе со всеми услышите ее историю. Но готовы ли вы добровольно служить нам в обмен на это воссоединение? Поможете ли добыть знания, необходимые для выживания всей нашей расы?

— Сделаю все, что смогу, высокочтимая леди. Я специализировался в культурном анализе, в оценке взаимопроникновения цивилизаций и сопутствующих ему негативных факторов. Должен признаться, я не совсем понимаю, чего вы от меня хотите, но я в вашем распоряжении.

Нантусвель кивнула золотой крылатой го-

ловкой и улыбнулась. Верховный Властитель, отвернувшись от Элизабет, обратился к антропологу:

— Мой любимый сын Агмол поможет тебе координировать исследования. Видишь его? Вон тот весельчак справа в бирюзово-серебряных одеждах. Поставил себе кувшин с вином на голову и пытается его удержать, болван! Ну вот! Добился, чего хотел… Что ж, и ученым не грех повеселиться. Завтра он покажет себя с более серьезной стороны. Он будет твоим ведущим… Да нет, черт побери, твоим ассистентом! Вдвоем вы разрешите наши загадки прежде, чем прозвучит труба к Великой Битве, или я буду не я, а последний кастрат из ревунов!

Тагдал громко захохотал, и оробевшему Брайану припомнились рождественские призраки, виденные в детстве по стереотелевизору.

— Да будет мне позволено спросить, король Тагдал, на чем зиждется ваша власть?

Тут уже Тагдал и Нантусвель вместе закатились смехом, а король даже закашлялся. Королева взяла со стола золотой кубок и отпоила мужа медовым вином.

— Это мне нравится, Брайан, — промолвил король, немного придя в себя.

— Начинай всегда сверху. И немедля! Ну так вот, нет ничего проще, юноша. У меня потрясающие метафункции, и в драке мне нет равных. Но главное мое достоинство в том, что я великий производитель! Больше половины людей здесь — мои дети, внуки и правнуки, не считая наших дражайших отсутствующих чад. А, Нанни?

Королева улыбнулась одними губами.

— Мой муж — отец одиннадцати тысяч пятидесяти восьми детей, — пояснила она Брайану. — И среди них ни одного фирвулага, ни одного «черного торквеса». Его семя не имеет себе подобных, вот почему он — наш Верховный Властитель.

Брайан попытался как можно тактичнее сформулировать свой следующий вопрос:

— А у вас, благородная леди, столь же славная производительная биография?

— Сто сорок два отпрыска! — пробасил Тагдал. — Рекорд королевских супруг. Среди ее сыновей такие блестящие умы, как Ноданн и Велтейн, Имидол и Куллукет. И столь несравненные леди, как Риганона, Клана и Дектар, не говоря уж о любезной нашему сердцу Анеар. Ни одна из моих жен, даже оплакиваемая всеми нами леди Боанда, не приносила мне таких сокровищ.

— Брайан, — негромко вставила Элизабет, — не

забудь попросить Его Величество рассказать тебе и о других матерях его детей.

— С удовольствием! — просиял Тагдал. — Пусть все пользуются моим богатством! Необходимо вывести оптимальный фенотип, как выразился бы Чокнутый Грегги. Все золотые и серебряные леди в первый раз спариваются со мной, стариком.

— И после того, как понесут от Его Королевского Величества, — пояснила Элизабет, — они могут стать женами или любовницами других аристократов тану и рожать от них детей. Любопытно, не правда ли?

— Весьма, — еле слышно отозвался Брайан. — Но этот… мм… генетический план вряд ли мог быть введен в действие сразу после вашего расселения на планете Земля?

Тагдал погладил бороду. Его кустистые седые брови сошлись на переносице.

— Не-е-ет. В первое время все было несколько иначе — темные века, так сказать. Нас было тогда немного, и мне приходилось отстаивать свои королевские права, если леди не желала уступить добровольно. Но, разумеется, я почти всегда побеждал, потому что в те времена во владении мечом мне тоже не было равных. Ясно?

— В старину на Земле тоже существовал подоб-

ный обычай, — заметил Брайан. — Он назывался правом сеньора.

— Точно! Точно! Припоминаю, как одна из серебряный милашек мне что-то говорила об этом. Так на чем я остановился?.. Ах да, на нашей истории! Ну вот, с открытием врат времени и появлением людей из будущего мы попытались поставить культивацию породы на научную основу. Некоторые из ваших оказали нам неоценимую помощь. Ты непременно встретишься с ними, Брайан. Я бы назвал их крестными отцами славного братства тану, которое ты видишь перед собой! В первую очередь это старина Грегги — лорд Грег-Даннет, мастер генетики и евгеники. А еще наша чародейка Анастасия Байбар! Где бы мы сейчас были, черт побери, если бы Таша не научила наших узколобых специалистов по производству излечивать женское бесплодие? Да-да, огромное число драгоценных латентных яичников было бы потеряно для нас! — Он ткнул локтем в Юноново бедро своей супруги. — И я бы лишился половины всех удовольствий — а, Нанни?

Королева снова приподняла в улыбке уголки губ.

Чувствуя на себе пристальный взгляд Элизабет,

Брайан отхлебнул большой глоток вина.

— Таким образом… таким образом, где-то около семидесяти лет тому назад, когда к вам стали прибывать первые люди-переселенцы, вы начали скрещивание с ними?

— Давай по порядку, сынок. Сперва только мужчины вносили вклад в нашу генетическую заводь. А Таша появилась… когда?.. Лет десять спустя после открытия временного люка. Поначалу только нашим леди все сливки доставались. И мы очень скоро обнаружили, что гибрид человека с тану имеет меньшую вероятность оказаться фирвулагом и большую вероятность быть до конца выношенным нашими слабенькими, болезненными матерями… не считая, конечно, тебя, Нанни, дорогая!.. Даже наши тупоумные генетики это заметили. Алутейн и его подручные долго искали кого-нибудь вроде академика Анастасии Астауровой. Ну вот наша Небесная Мать Тана и послала нам Ташу с ее колокольчиками! Так-то!

Тагдала обуял новый приступ смеха, который он щедро залил вином. В зале тем временем общий настрой также поднимался соответственно осушенным и вновь наполнявшимся кубкам. Ужин состоял в основном из огромного разнообразия мясных блюд; к ним подавались большие

подносы с фруктами и булочками очень странных форм. Затейники, выпущенные на сцену герольдом, исполняли свои трюки, а гости в награду бросали им не до конца обглоданные кости или мелкие монеты — в зависимости от таланта исполнителя. Высочайшие лица ужинали более чинно, хотя с того конца стола, где сидел Эйкен Драм против двух знатных особ в розово-золотистых одеждах, доносился пьяный смех и почти непрерывный звон сдвигаемых кубков.

— Тэгги, расскажи Брайану о наших торквесах, — посоветовала королева.

— Нам обоим расскажите, — уточнила Элизабет, одарив его улыбкой Джоконды.

Король погрозил ей пальцем.

— Барьеры все еще выставлены, душечка? Это никуда не годится. Медовое вино — вот что тебе нужно! Ну чем тебя можно соблазнить?

Нантусвель, прикрыв рот ладонью, подавила монарший смешок.

— Ваше Величество — очень радушный хозяин. — Элизабет потянулась к нему своим кубком. — Прошу вас, продолжайте вашу увлекательную историю!

— Так о чем я?.. Ага, торквесы для людей! Ну, вы, конечно, понимаете, что настоящее брат-

ство между тану и вами не могло возникнуть с бухты-барахты, за год-два. Наша генетическая совместимость была выявлена, но до конца не изучена. Мы надели Грегги и Таше золотые торквесы в награду за их труды. Но они, как выяснилось, не обладали латентностью и к тому же не сумели психологически адаптироваться. А потом явился Искендер Курнан и приручил животных. Ему мы тоже надели почетный торквес.

— Ах, бедный, милый Иски! — Вздохнув, королева осушила кубок, который лакей тут же вновь наполнил. — Его похитили у нас фирвулаги и их прихлебатели… первобытные!

— А около сорока лет назад прибыл Эусебио и провел такую блестящую работу по приспособлению торквесов рамапитекам! Он у себя в Содружестве был психобиологом и, пожалуй, первым усмотрел за торквесами целую теорию. Потом мы наградили его золотым торквесом и присвоили имя Гомнол. И надо же было, чтобы у этого чертова карлика обнаружились невероятные способности к подчинению себе живых существ! То-то мы все были потрясены.

— Вы прежде не знали о факторе человеческой метапсихической латентности? — спросила Элизабет.

— Мы древняя, очень древняя раса, — признала королева. — Наши научные теории несколько устарели. — Слеза выкатилась из сапфирового глаза и поползла по безупречно гладкой щеке в глубину бархатного корсажа. Однако она быстро утешилась, приложившись к кубку.

— Панин права, — продолжал король, — мы очень древняя раса. И, боюсь, в некоторых дисциплинах у нас наблюдается упадок. А наша маленькая секта, которая, как вы знаете, была вынуждена под давлением покинуть родную галактику, еще менее склонна к наукам, чем прочие тану. Нет, все мы, за исключением Бреды (а ее можно не принимать в расчет), толком не понимали, как торквесам удается привести в действие наши собственные метафункции, более того — даже не стремились проникнуть в природу этих сил. Ну есть они

— и слава Богу, улавливаете мою мысль? Мы не слишком обременяли себя всякими «отчего» и «почему»; в результате человеческая латентность явилась для нас полной неожиданностью. Но ведь и вы, люди, как уверяет Гомнол, ни черта не знали ни о своем теле, ни о своем мозге на протяжении почти всей вашей эволюционной истории! Потому не смейтесь над нами! Так о

чем я?.. Ах да, о латентных людях. Когда Гомнол получил золотой торквес и задействовал свои метафункции, то в мгновение ока связал концы с концами. Тану латентны, как и нормальные люди — некоторые в большей, но основная масса в гораздо меньшей степени, вплоть до нулевой. У вас, в мире будущего, латентных младенцев выявляют еще во чреве матери, а после они проходят выучку у таких практикующих медиумов и операторов, как наша светлейшая леди. — Он галантно поклонился Элизабет. — Поскольку в то время действующих метаносителей не пропускали через «врата времени», а наши усиленные торквесами возможности в обнаружении человеческой латентности были все равно крайне ограничены, Гомнол решил, что мы должны изобрести механическое устройство для анализа умственных способностей человеческих индивидуумов. Он разработал испытательный прибор для проверки людей там, в Надвратном Замке. В больших городах у нас имеются и другие приборы, на случай, если кто-нибудь ускользнет от нашего внимания во время первоначальных тестов. Таких ускользнувших из-за сумбура, царящего в их мозгу, довольно много. — Тагдал грозно нахмурился. — Включая ту, которая спровоци-

ровала непоправимую катастрофу! Так где я?.. Ах да, мозговая революция Гомнола! Понимаете, этот парень даровитый психобиолог. Он вполне отдавал себе отчет в том, как опасно надевать золотые торквесы латентным людям, которые еще не ассимилировались полностью в нашем обществе.

— Среди людей попадаются неблагодарные, — угрюмо поддакнула королева.

— Так вот, Гомнол изобрел серебряные торквесы со встроенными психорегуляторами, а вскоре после этого — серые торквесы для так называемых низколатентных, способных выдерживать лишь незначительные метапсихические нагрузки. Другими словами, было положено начало совершенно новому сообществу. Да, именно с появлением Гомнола, сделавшего возможным массовый выпуск серых торквесов при относительно быстрых темпах производства, тану удалось предотвратить упадок своего мира. Подлые фирвулаги, наши бледные тени, уже не могут состязаться с нами на равных. Наши войска верных серых сминают их превосходящие числом орды! Наши женщины по плодовитости не уступают их отвратительным самкам! Наши благородные серебряные служат нам надежной

умственной опорой! И со временем многие из них получают право гражданства и золотой торквес.

— А замена торквеса не может вызвать психическую травму?

— Ну что ты, милая Элизабет, серебряный торквес без всяких осложнений меняется на золотой. И это еще не все! Наши серые экономисты нашли более эффективные средства перевозки грузов и производства товаров. Благодаря незабвенному лорду Кернану у нас есть и скакуны, и вьючный скот, и животные, охраняющие наши границы от фирвулагов. А главное… у нас есть великолепные гибриды для участия в Великой Битве. — Король выдержал паузу, перегнулся через стол, опрокинув кубок, и взял за руку Элизабет. — А теперь милость Таны превзошла все ожидания: наша Богиня послала нам тебя.

Глаза королевы Нантусвель, казалось, излучали лунное сияние. В темно-зеленых очах Тагдала сверкал совсем иной огонь.

— Да, теперь она послала меня, — невозмутимо ответила Элизабет. — Но в нашем мире дары богов часто имеют обратную сторону. Ведь вы меня совсем не знаете, король Тагдал.

— У нас еще будет время ближе узнать друг друга, дражайшая Элизабет! Для начала, чтобы

усвоить наш образ жизни, ты встретишься с наиболее благородной из нас, с ясновидящей Бредой, Супругой Корабля, двуликой поэтессой. Ты будешь учиться у Бреды, а она — у тебя. Затем ты отправишься к Таше Байбар. А потом придешь ко мне, дражайшая Элизабет!

— Дражайшая Элизабет! — эхом откликнулась Нантусвель; разумеется, голос ее звучал все так же благосклонно.

— Тост! — воскликнул Тагдал, вскакивая с трона. Его кубок быстро наполнили.

— Тост! — хором откликнулось несколько сотен глоток.

Глашатай звякнул цепью, призывая к тишине.

— За племя тану и племя людей! За дружбу, за единство, за любовь!

Гости высоко подняли золотые кубки.

— Дружба! Единство! Любовь!

— Особенно за последнюю! — выкрикнул Эйкен Драм.

Раздались смех, крики, плеск, пошли пьяные объятия и тосты на брудершафт. Королевская чета, воспламененная вином и праздничной атмосферой, обнялась и страстно перешептывалась. Кордебалет из мужчин и женщин, одетых в одинаковые черно-белые туники, выбежал

при первых же звуках музыки и вовлек толпу в замысловатые па контрданса.

— Я оставлю тебя ненадолго, — шепнула Элизабет Брайану. — Я должна заглянуть в их сознание, пока они сбросили запреты. Если хочешь, потом поделюсь своими наблюдениями. — Она церемонно кивнула ему и отошла, найдя себе удобное место для умственного обзора.

Одна из черно-белых танцовщиц попыталась затащить Брайана в круг, где уже лихо и сосредоточенно отплясывали Эйкен и Раймо. Брайан отрицательно покачал головой. Он снова и снова позволял официантам наполнять его кубок, пытаясь таким образом заставить себя не думать о том, какая участь постигла Мерси.

Когда Брайану вдруг пришло в голову рассмотреть кубок поближе и он обнаружил, что скрывается за золотом и алмазами, хмель так ударил в голову, что ему было уже все равно.

3

«Стейни, умоляю, не танцуй с ними! Взгляни, что они сделали с нашим Раймо, Боже мой!»

«Ну хорошо, малышка, успокойся, не смотри на меня так, ты можешь нас выдать!»

«Они сильнее, особенно этот Главный Целитель, не знаю, как бы я заслонилась от него, если б не Элизабет! Им не нравится, что она мне помогает, но они до срока не хотят портить с ней отношения! О Господи! Эта красивая дрянь Анеар присосалась к Раймо при всем народе! Какая мерзость!.. Стейни…»

«Успокойся, любовь моя, Элизабет всегда выручит! И Драма им пока не удалось заставить плясать под свою дудку.»

«Так ведь он не игрушка, как этот болван Раймо!»

«Я тоже, с твоей и Божьей помощью.»

— А почему бы и вам не потанцевать вместе со всеми? — Леди Риганона улыбнулась Стейну и Сьюки. Сзади на них наседал неугомонный кордебалет. — Взгляните, как веселятся ваши друзья!

— Нет, благодарю вас, леди, — вежливо отозвался Стейн.

Разочарованные танцовщицы оставили его в покое.

Сьюки положила себе еще кусок мяса с острой приправой.

— До чего же вкусно, лорд Дионкет, — смущенно обратилась она к темноглазому Главному Целителю, что сидел напротив нее. — Это что, оленина?

— О нет, сестричка. Мясо гиппариона.

— Как?! — в отчаянии вскричала Сьюки. — Славной маленькой лошадки?!

Леди Риганона вскинула голову и весело засмеялась. Золотые подвески на ее пахнущих лавандой волосах зазвенели в такт смеху.

— Что же еще с ними делать? Гиппарионы — наш главный источник мяса. Благодарение Богине, что оно такое нежное. А вот бедные обитатели Герсиньянского леса, Финии и других мест на краю света вынуждены довольствоваться свининой, старой, жесткой олениной и даже мясом мастодонтов! Так что нам, южанам, считайте, повезло. Никакое блюдо не сравнится с жареной гиппарионовой вырезкой, приправленной чесноком и тмином, да еще этим вашим перцем, от которого все нутро горит и кровь быстрее бежит по жилам!

— Не привередничай, Сьюки, — одернул ее Стейн, накладывая себе порцию с другого блюда. — Знаешь ведь, в чужой монастырь… Вот… Я не знаю, что это, но какой аромат!

— Это? — Дионкет указал костлявым пальцем на глубокое серебряное блюдо и причмокнул губами. — Это рагу из промифитиса, любезный воитель. Кажется, на вашей Земле тоже есть такая зверушка, и называется она…

Перед мысленным взором Стейна и Сьюки сразу возникло упомянутое существо.

— Скунс! — Стейн поперхнулся.

— О, что с вами, Стейни?! — воскликнула леди Риганона. — Кусок не в то горло попал? Так выпейте вина, как рукой снимет.

Сидевший рядом с Дионкетом дородный верзила в коротком голубом с золотом камзоле порекомендовал:

— Попробуйте ежатины в бургундском, Стейн, она успокоит ваш кишечник. Этому деликатесу надо непременно отдать должное. Знаете, что про ежей говорят…

Стейн подозрительно покосился на блюдо, а Сьюки отодвинула ежей от него подальше.

— Наш друг поправляется после ранения, лорд Имидол. Ему нельзя злоупотреблять… чем бы то

ни было.

Серебристый смех леди Риганоны вновь слился со звоном ее подвесок.

— Она очаровательна, правда, Дионкет? Просто находка для вашей Гильдии! Только очень гадко с твоей стороны не допустить ее до торгов.

В голове у Стейна будто вспыхнуло что-то.

— Простите, леди, я не понял? — переспросил он.

— Выпейте еще шерри-бренди, — предложил глава Гильдии Корректоров. — А может быть, вы предпочитаете сливовую или малиновую? — Он коснулся пальцами своего торквеса, и Сьюки со Стейном разом почувствовали, как внутреннее напряжение спало.

«Все пропало, Стейни, он сильнее меня! О, Элизабет, иди же скорее сюда, пока Стейн не заметил, что я не могу защититься!»

…

«Сьюки, любовь моя, что, что, что, черт побери!»

«Стейн, милый, я не могу тебя прикрыть, сейчас они все поймут и тогда не пощадят тебя. Успокойся, держи себя в руках! Черт побери, Элизамедиумбет, куда ты подевалась?!»

Герольд, подняв на вытянутой руке сверка-

ющую стеклянную цепь, тряхнул ею. Бешеная пляска оборвалась, и музыка стихла. Танцующие вернулись на места. Четыре дамы тану буквально тащили на себе взъерошенного Раймо. Эйкен Драм, к счастью, не испытал подобного позора. Он сам засеменил к столу для высоких гостей и уселся на краешек банкетки.

— Высокочтимая публика, благородные лорды и леди! — провозгласил герольд. — Прошу тишины! Настал час выступления почетных гостей!

Послышались здравицы, звон кубков и ножей о золотые блюда.

Герольд в серебряном торквесе вновь тряхнул цепью.

— Двое из наших гостей… — он кивнул на Брайана и Элизабет, — освобождаются от процедуры по приказу Их Королевских Величеств. А третий… — герольд указал на Раймо, — уже проявил свои таланты!

Многие дамы зашлись визгливым смехом. Соседки Раймо стали заталкивать ему в рот бананы и весьма неохотно оторвались от своего занятия при звоне цепи.

— Послушаем Сью Гвен Девис!

Невидимая сила вытолкнула Сьюки на середину зала. Мозг ее трепетал перед безжалостными

взглядами короля, королевы и других высокородных особ. Тану были поражены, встретив твердый заслон — Элизабет вовремя пришла ей на помощь, — но в конце концов удовлетворились доступными им поверхностными сведениями. Ум лорда Дионкета обратился к ней с речью:

«Дорогая сестра-оператор, ученица медиумов и целителей! Доставь нам радость нынешней ночью, спой песню своего древнего народа!»

Тревога Сьюки начала рассеиваться. Другие умы вокруг нее, казалось, взывали:

«Убаюкай нас!»

Не сводя глаз со Стейна, она спела негромким, но чистым голосом под аккомпанемент арфы старую колыбельную песню — сперва по-валлийски, потом на английском.

Дитя, пусть не томят тебя дурные сны Ночь напролет.

В твоем окошке звезды ясные видны Ночь напролет.

А на рассвете радость снова в дом придет, И солнца луч для нас надеждою блеснет.

Ах, только б не был вещим сна дурного гнет Ночь напролет.

Слова и мелодия были исполнены беспредельной любви. Целительная энергия Сьюки

изливалась на мужчину-ребенка, которому она дала новую жизнь, и выплескивалась через край в чувственную атмосферу огромного зала. На несколько мгновений нежность пересилила витающую в нем тревогу, смягчила гнев и алчность, умерила горе и тоску.

Песня закончилась, но публика еще долго хранила молчание. Наконец на недоступном уровне сознания — человеческий разум посредством торквеса мог лишь ощутить, но не был способен расшифровать его — зал взорвался овациями. Однако восторженные изъявления чувств тану пресек резкий, надменный внутренний голос Дионкета. Главный Целитель встал во весь рост и раскинул руки, отчего тело его стало похоже на живой малиново-серебряный крест.

«Моя! Не суйтесь!»

Сьюки в смущении вернулась и села подле Стейна. Церемониймейстер взмахнул цепью.

— Теперь мы имеем честь лицезреть искусство Стейна Ольсона!

Пришел черед викинга повиноваться чужой воле, выталкивающей его на середину зала. Он стоял с непокрытой головой, глядел на аристократов тану, собравшихся за главным столом, и чувствовал, как странные флюиды ощупывают,

обнюхивают, пробуют на вкус его мозг. К нему пробилась по-матерински сердечная мысль королевы:

«Не надо было надевать ему торквес, увы, жизнь так коротка!»

«Как раз то, что нужно для Битвы. Виртуозно владеет мечом!» — ответил король.

Из боковых рядов выплыли два танцора, держа в руках металлические корзины с фруктами, напоминающими огромные апельсины. Один подхватил яркий шар и запустил в голову Стейна.

Великан викинг обеими руками со свистом выхватил из ножен бронзовый меч и аккуратно рассек шар на две половины.

Торжествующий вопль громовержца вырвался из глотки Тагдала. Танцоры в черно-белых одеждах принялись с молниеносной быстротой кидать в Стейна экзотические апельсины. Меч мелькал в воздухе, будто золотое колесо. Воин наступал, отпрыгивал и кромсал на куски летящие шары, не пропуская ни одного. Король молотил кулаками по столу; слезы счастья скатывались в его роскошную бороду. Болельщики тану вопили как безумные.

Наконец раздался призыв к тишине.

— Поблагодарим нашего героя за блестящее выступление! Отличная работа, Стейн!

«Торг.»

Еще один шквал умственной речи. Элизабет мгновенно настроилась на нее. Нимало не удивившись, она осознала, что Стейна выставили на торги как кандидата на Отборочный Турнир. Поскольку бывший бурильщик представлял собой один из самых внушительных экземпляров, появившихся в изгнании за прошедшее десятилетие, азартные гуманоиды довели торги до беспрецедентного уровня. Они предлагали короне, номинально владеющей всеми исключительно одаренными путешественниками во времени, свои услуги, свои метафункции, свои богатства, свою челядь, как в торквесах, так и без оных.

«Три сотни серых за королевского гвардейца!»

«Мои гранитные копи в Пиренеях!»

«Знаменитая танцовщица Канда-Канда с кордебалетом!»

«Сотня самых быстрых рысаков в золотой сбруе!»

«Смерть Делбета!!!»

— Стоп! — Король поднялся с трона и окинул взглядом встревоженное собрание.

Стейн неподвижно стоял посреди зала, уперев острие меча в выложенный плиткой пол.

— Кто сделал последнюю ставку? — елейным голосом спросил Тагдал. — Кто столь высоко оценивает силу этого воина, что за нее готов сразиться с Огнеметателем?

Публика, оробев, придерживала языки и мысли.

— Я, — отозвался Эйкен Драм.

Послышался общий вздох удивления и облегчения. Тагдал громко засмеялся; спустя мгновение к нему присоединились Нантусвель и остальные. Дерзкий вызов, брошенный человеком, всколыхнул весь зал.

Элизабет проникла в мозг Эйкена по единственному отведенному для людей каналу.

«Ты что, спятил?»

«А ты сама попытай ум Тэгги, Элизабэби, и убедишься, что его заветное желание — истребить мерзавца фирвулага Делбета Огнеметателя. Вот я и рискнул.»

«Ради Стейна? Псих и шут Эйкен играет жизнью друга?!»

«Послушай, Элизадурабет! Я хочу спасти уязвимого малыша! Иначе военная школа тану необратимо перезарядит психическую энергию

нашего скандинава.»

«Да… черт возьми. С этим не поспоришь.»

«А мне ничто не грозит. Может, Сьюки тоже удастся отстоять. Знаешь, я и впрямь закусил удила, когда тупоголовые тану надели мне торквес.»

«Подозреваю. Но не больно-то хорохорься. Тебе несдобровать, если они нас запеленгуют! Нам обоим плохо придется, если они расшифруют наш диалог.»

«Отвлекись, отвлекись, отвлекись!»

Телепатическое общение между Эйкеном и Элизабет заняло долю секунды. Герольд яростно звенел цепью, призывая к тишине, а тем временем плут в сверкающем костюме вышел из-за стола и встал рядом со Стейном.

— Говори, Эйкен Драм! — вымолвил король, когда шум стих.

Коротышка сорвал с головы шляпу и раскланялся. Пока он разглагольствовал, его тонкие умственные импульсы обрабатывали сознание аудитории. Слова Эйкена показались всем очень убедительными, обезоружили даже закоренелых скептиков.

— Понимаю, друзья, мое предложение удивило вас. Само предприятие вы воспринимаете как неслыханную наглость с моей стороны и к тому

же никак в толк не возьмете, откуда мне известно про монстра Делбета, чтоб я, едва прибыв к вам, решился на его ликвидацию. Вам это кажется невероятным, не так ли? Какой-то ничтожный серебряный торквес, без году неделя, а туда же

— берется за то, что до сих пор не удавалось даже вашим прославленным рыцарям!

Позвольте объяснить вам, как обстоит дело. Я не такой, как все люди! Уверен, вы еще не встречали мне подобного. А великан рядом со мной — мой друг. И я боюсь, что добрейшая королева права: он не из тех, кому серый торквес продлит жизнь. Жесткие приемы вашей военной школы сотрут всю целительскую работу, которую малышка Сью Гвен и леди Элизабет проделали у него в мозгу для оздоровления травмированной психики. Я хочу спасти Стейна и потому забираю его у вас. Но взамен просто обязан предложить вам справедливую компенсацию.

Вот только что вы изо всех сил пытались заглянуть в мое сознание. Но вам не удалось! Никому, даже королю Тагдалу! Элизабет, и та уже не может меня обследовать. К вашему сведению: торквес, который нацепили мне в Надвратном Замке, спровоцировал цепную реакцию в моем мозгу, и ее уже не остановишь. Что, страшно?

Вот и вашему лорду Крейну было страшно. Но не бойтесь! Я не собираюсь причинять вам зла. В сущности, мне нравится почти все, что я вижу в вашем мире, и чем больше я в него вживаюсь, тем светлее мне рисуются наши совместные перспективы. А посему позвольте мне высказаться до конца, прежде чем дадите волю своему страху и попытаетесь меня прихлопнуть. Хотите верьте — хотите нет, но я намерен удвоить, утроить, удесятерить ваше нынешнее величие.

Но сначала о Делбете. Я видел шаровые молнии в мозгу короля Тагдала и из чистого любопытства обследовал его, пока мы ели, пили и развлекались. А когда начались торги, я сказал себе: «Почему бы и нет?» И, согласно вашему обычаю, предложил свои услуги. Уверен, что смогу вырвать с корнем угрозу фирвулагов. Так что думайте, братья по разуму! И вы, Верховный Властитель! Я лишь на мгновение покажу вам, что растет и набирает силу внутри моего черепа. А уж ваше дело решать, как ко мне относиться: как к союзнику или как к слуге…

Он действительно приоткрыл перед ними завесу своего разума, и тану, мешая друг другу, ринулись внутрь.

Элизабет воспользовалась суматохой, чтобы

покопаться в мозгах гуманоидов. Устремленный на нее взгляд Эйкена свидетельствовал о чуть насмешливом признании ее мастерства. В пароксизме возбуждения тану вряд ли отдавали себе отчет, во что могут превратиться увиденные ими умственные ростки. А Элизабет уже точно знала.

«Да, Эйкен, малыш, Галактическое Содружество в добрый час избавилось от тебя!»

«Ты глянь, глянь на этих недоносков! Тычутся, словно слепые котята!»

«Не скажи… Кое-кто из них не так слеп. Заметил?»

«Хм! Ага!.. Ты кто ж будешь, старушонка?»

«Мейвар. Я еще с тех пор, как прибыл Корабль, поджидаю парня вроде тебя. Я старая ведьма, возглавляю Гильдию Экстрасенсов. Айда ко мне на практику, и все будет так, как ты замыслил. Если не струсишь, конечно…»

Звякнула цепь тишины. Великие и малые инспектора очумело вылетели из ума Эйкена. Тот вежливо посторонился, пропуская последними Элизабет и Мейвар, затем снова поставил барьер.

— Ну что, позволим ему? — громко спросил король Тагдал.

— Сланшл! — откликнулось собрание.

— Пусть попытает счастья, а храбрейшие из нас станут свидетелями его победы или гибели, верно?

— Сланшл!

Теперь голос короля был едва слышен.

— А кто возьмет к себе этого опасного павлина и познакомит с нашим образом жизни?

Слева от него из-за стола поднялась тощая фигура и вышла в центр зала, опираясь на толстую золотую клюку. На темно-фиолетовом, почти черном ее балахоне сверкали золотые звезды, под капюшоном не было видно поразительного уродства черт, но когда она приблизилась вплотную к двоим путешественникам, те едва не отшатнулись.

— Я, Мейвар — Создательница Королей, беру его под свое покровительство, — заявила старуха. — Ну что, пойдешь со мной, умник? Будешь благоразумен — ходить тебе в золотом торквесе, а то и повыше куда подымешься. А твой приятель пускай малость поучится военному искусству, пока не придет время бросить вызов Делбету.

— Стейн! — крикнула Сьюки.

Старая карга засмеялась и обратилась к Эйкену уже на потаенной волне:

«Вопреки моему союзнику Дионкету я по-

забочусь, чтобы она досталась этому серому красавчику, если твоя похвальба не окажется пустой. Ну что, по рукам?»

Коротышка в золотом костюме раскрыл объятия уродливой старухе из племени тану. Та наклонилась к нему, и они скрепили уговор поцелуем. Потом вместе вышли из зала, а Стейн, точно во сне, потянулся за ними. Герольд резко взмахнул рукой, подавая знак музыкантам, и те разразились зажигательной танцевальной мелодией. Танцоры буквально силой вытягивали осоловевших гостей на площадку.

Тагдал не сводил глаз со странной троицы, медленно шествовавшей к выходу из зала. С тех пор как старуха в фиолетовом балахоне поднялась из-за стола, ни один мускул не дрогнул в его лице. Теперь же тусклые зеленые глаза его будто возвратились к жизни. Он улыбнулся и поднял свой кубок; сидящие справа и слева от трона последовали его примеру.

— Ну как, выпьем сейчас за здоровье Эйкена Драма или подождем, пока не убедимся, что достопочтенная леди Мейвар сделала правильный выбор?

Кубок в монаршей руке дрогнул. Малиновое вино полилось на полированную столешницу,

будто свежая кровь. Тагдал опрокинул кубок в образовавшуюся лужицу, вскочил и выбежал через задрапированную портьерами дверь. Королева поспешила за ним.

Сьюки подошла к Элизабет. Глаза ее были сухи, но в душе она рыдала.

— Что случилось? Я не понимаю, почему Стейн и Эйкен пошли за старухой?

«Терпение, моя названая сестренка, я объясню…»

— Создательница Королей! — Брайан тупо уставился на обеих женщин, затем нетвердой рукой поднял свой алмазноглазый золотолицый кубок-череп. — Мейвар — Создательница Королей — так называл ее Крейн. Чертова легенда! Чертов мир! Сланшл! Да здравствует король! — Вылив содержимое кубка себе в глотку, он рухнул на стол.

— Я думаю, — заявила Элизабет, — праздник закончен.

4

Королева Нантусвель и трое ее отпрысков гуляли по саду; поскольку воздух был еще по-утреннему прохладен, коронованная особа предусмотрительно кутала в накидку себя и свой страх.

Нантусвель сорвала цветок жимолости и сделала приглашающий жест. На цветок опустилась колибри, ее радужное оперение сверкнуло в солнечных лучах. Она напилась нектара и претерпела изучающее проникновение королевы в свой птичий мозг. Когда оно закончилось, птичка, жужжа, помельтешила немного перед лицом Нантусвель, затем юркнула в листву лимонного дерева.

— Смотри, мама, — предупредил Имидол, — колибри коварны. Не успеешь моргнуть, как вопьется в глаз, едва почует угрозу. Нам не следовало выпускать их из клетки.

— Но я люблю их, — возразила королева и со смехом отбросила цветок. — Они это знают и никогда не причинят мне зла.

На ней было бледно-голубое платье. Огненно-рыжие волосы заплетены в косу и уложены

вокруг головы в виде короны.

— Ты слишком доверчива, — заметил Куллукет.

Остальные двое только того и ждали.

Имидол, младший и самый агрессивный, ворвался к ней в мозг со всей метапринудительной силой своей натуры.

«Даже внешне безобидные создания могут быть опасны. Возьми хоть женщин! Загнанные в угол, они порой потрясают нас яростными психическими вспышками как раз тогда, когда мы ждем от них мягкой уступчивости.»

— Новая женщина, активная… не нравится она мне, — вставила Риганона.

Куллукет взял мать под руку и повел по широким ступеням на лужайку, окруженную цветущим кустарником. На середине лужайки стоял небольшой мраморный павильон.

— Присядем здесь, мама. Надо все обсудить, дело не терпит.

— Да, наверное, ты прав, — вздохнула Нантусвель.

Куллукет ободряюще улыбнулся, и мать ответила ему полным любви взглядом. Из троих взрослых детей он больше всего похож на нее: те же широко расставленные сапфировые глаза, тот

же высокий лоб. Но, несмотря на красоту, незаурядные корректирующие способности и кровное родство, братья и сестры редко прибегают к его советам. Может, правду говорят, что Куллукет слишком рьяно изучает природу боли?

— Но ведь мы, наша семья, конечно же, не выпустим из-под контроля Элизабет, невзирая на всю ее силу, — сказала Нантусвель. — Когда она познакомится с нашими обычаями, то наверняка воссоединится с нами. С ее стороны это было бы вполне разумно.

«О мама, не будь так легковерна. Беда с тобой!»

«Закройся, Кулл! Подслушивают!»

«Ими, прогони отсюда садовников. Рига, покажи хоть ты ей!»

— Нечего шептаться за моей головой! — упрекнула их королева. — Ох уж эти мне умственные плутни… Я же учила вас, дорогие мои. Выкладывайте все по порядку.

Медиум Риганона поднялась с мраморной скамьи и стала расхаживать взад-вперед, стараясь не встречаться накоротке с флюидами матери.

— Сегодня рано утром, как и было запланировано, я наблюдала за пробуждением Элизабет. В полусне барьеры размыты и человеческий мозг наиболее уязвим, поэтому в него можно

проникнуть незаметно. Я не доверила эту задачу Куллукету, я взяла ее на себя, поскольку мое сочетание экстрасенсорных и корректирующих способностей, пожалуй, наиболее совместимо с ее собственным и ей труднее было бы меня выследить… По-моему, мне удалось выполнить задуманное. Я наблюдала за ее размышлениями о вчерашнем ужине и за реакцией на то, что у нее из комнаты исчезли шар, наполненный горячим воздухом, и другие средства самосохранения. Итак, по поводу первых… Элизабет смотрит на простую культуру тану свысока. Наши обычаи кажутся ей варварскими, умственные построения — наивными, а мораль — несовместимой с традиционной моногамией и сублимацией, принятыми в метапсихической элите Галактического Содружества. Она нас презирает и никогда по своей воле с нами не подружится. Роль супруги монарха ей кажется отвратительной. В ее мотивации было нечто более глубокое, в чем я не разобралась, но в своем неприятии она тверда и однозначна. Она ни за что не подчинится новой генетической схеме, выдвинутой Гомнолом. Что до пропажи снаряжения, необходимого ей для побега, то, несмотря ни на что, она надеется сбежать из Мюрии и примкнуть к первобытным.

«О благословенное облегчение! — подумала Нантусвель. — Дети мои, лучше и быть не может! Я боялась, что она пожелает стать королевой. А я… хоть и с опозданием, разделю судьбу Боанды и Анеар-Йа.»

«Никогда!» — прошелестели хором три разума.

«Любимые мои детки, цветы моего многочисленного потомства!» — воскликнула королева, заключив в объятия своих детей.

— И все же не стоит обольщаться, — сказал вслух Куллукет. — Пускай у нее нет никаких амбиций, но тем не менее Элизабет — угроза нашему племени. Сегодня я вышел на телепатическую связь с Ноданном, и он со мной согласился. Наш благородный брат, даже несмотря на его изъян, — всеми признанный наследник Тагдала. Под его эгидой мы расширим свою власть. Но у нас нет ни малейшей надежды добиться преобладания над действующей метапсихикой потомства, которое породят Тагдал и Элизабет. Можете быть уверены, что Гомнол это сознает.

Дознаватель начертил на полу две генетические диаграммы.

— Первая диаграмма показывает потомство Элизабет в случае ее гомозиготности, — пояснил он. — Грег-Даннет утверждает, что тогда мета-

психическая активность окажется соматической доминантой.

— То есть все дети будут метапсихически активны! — в отчаянии воскликнула Нантусвель.

— Вторая диаграмма предполагает, что метапсихическая активность содержится у Элизабет лишь в одной аллели. Тогда половина ее потомства будет активна. Это в первом поколении, в следующем активны будут трое из четырех. Если же они будут вступать в единокровные браки, то уже третье поколение станет для тану таким грозным соперником, что, боюсь, и торквесы нам не помогут!

«Инцест?» — внутренне ужаснулась Риганона.

Куллукет принужденно улыбнулся сестре.

— Схема принадлежит Гомнолу. По-моему, он никогда не проявлял чрезмерной щепетильности в отношении наших табу… А отец стареет и все более подвержен человеческим порокам гнусного лорда.

Четыре разума помедлили, пытаясь стереть воспоминание о былом позоре. Выскочка-пришелец — глава Гильдии Принудителей! У бедного старого Лейра не было ни одного шанса победить.

— Хорошо хоть, что этот скот бесплоден! — Не-

нависть юного Имидола выплескивалась через край. — А то, чего доброго, сам бы польстился на Элизабет. И надо же так осквернить наше священное знамя!..

«Мы отвлеклись от темы разговора, брат.»

— Куллукет прав, — заметила Нантусвель. — Надо решить, что делать с Элизабет.

ПЕРСПЕКТИВЫ. Красный воздушный шар удаляется к востоку от Авена, через Глубокую лагуну к острову Керсик… Судно, управляемое Длинным Джоном или даже самой Элизабет, плывет на юг к Африке… Женщина в красном комбинезоне с эскортом рамапитеков пешком пробирается на запад по высокому хребту Авенского полуострова в пустынную Иберию…

ДЕЙСТВИЯ. Люди, верные скорее королю, чем его потомству, быстро отслеживают воздушный шар… Удирающее судно еще легче настичь при содействии тех же самых людей на паруснике, погоняемом психокинетическим ветром. Пешая беглянка усложняет задачу, но далеко ли может она убежать, когда все города и деревни подняты на ноги, а до Испании добираться более четырехсот километров. Элизабет придется обогнуть большой город Афалию у оконечности полуострова, избежать встречи с Летучей Охотой

и размещенными в городе силами безопасности. Но даже если она доберется до Каталонской пустыни…

— …То будет вне досягаемости Тагдала и нашей, — подхватил Куллукет.

— Зато рискует попасться в лапы фирвулагам или даже Минанану Еретику, не ведая, что он — зверь пострашнее нас.

— И каково же будет наше решение? — с жалостью спросила королева.

— Ее необходимо умертвить, — заявил Имидол. — Это единственный выход. Уничтожить не только разум, но и тело, чтобы у Гомнола не было надежды использовать ее яичники для своих порочных начинаний.

Маленькие темно-зеленые вьюрки щебетали в ветвях лимонных деревьев. Ветер с Горы Героев, нависавшей над Мюрией, стихал, и становилось жарко. Королева протянула унизанный кольцами палец к маленькому паучку, спускавшемуся с крыши павильона. Паутина его раскачивалась, увлекая насекомое прямо на ноготь Нантусвель, куда он и сел, перебирая передними ножками в воздухе. Королева с интересом наблюдала за извивами его коварного ума.

— Едва ли это будет легко, — наконец возразила

она. — Мы не знаем, чего ждать от такой особы. Ее средства защиты и нападения неизвестны. А если услать ее куда-нибудь подальше, то она будет только благодарна и не станет нам вредить.

Паучок продолжил свой путь, стартовав с пальца королевы в направлении куста ремонтантной розы. Ешь тлю, маленький убийца, чтобы розы могли цвести.

— Элизабет сильна только как целитель и экстрасенс. Остальными ее метаспособностями можно пренебречь. Она неспособна конкретизировать иллюзии и собирать в пучок психическую энергию. Правда, у нее есть слабо выраженный фактор психокинеза, но в самообороне и нападении он бесполезен. Принудительной силы тоже никакой, зато целительная развита до невероятной степени.

Имидол послал брату иронический импульс.

«Ну да, кому, как не тебе, Дознавателю, знать, насколько развращенный ум целителя способен ко всякого рода гнусным проделкам.»

«Ими, сейчас не время для подковырок!» — одернула его Риганона, а вслух сказала:

— После Мятежа Галактическое Содружество наложило строгие ограничения на метафункции высшего порядка. И не только из соображений

этики; их власти опасаются вообще всякого проявления мании величия, что я ясно видела во время обследования. Элизабет не может нанести вред чувствительному разуму, разве что ей придется встать на защиту своих соплеменников.

Все на несколько секунд замолчали, чтобы осмыслить услышанное.

— Это нам на руку, — продолжал размышлять вслух Куллукет. — Все упирается во время… Думаю, лучше всего было бы принудить ее к саморазрушению. Ты согласна, моя ясновидящая сестра?

— Ее эмоциональная аура окрашена в темно-серые тона. Она чувствует себя одинокой, как будто потеряла близкого человека.

«Так оно и есть», — последовала мысленная реплика сердобольной матери.

— Мы с Куллом обмозгуем оптимальный вариант принуждения, — отрывисто бросил Имидол. — Возможно, понадобится совместное волевое усилие ста девяти членов нашего клана, находящихся в данный момент в Мюрии. Если этого окажется недостаточно, то отложим до Великой Битвы, когда прибудут остальные.

— И все-таки нельзя полагаться только на принудительные меры, — заявил Куллукет. — Я

хотел бы еще подумать… и посоветоваться с Поданном: может быть, ему придет в голову, как лучше с ней расправиться.

— Тагдал ничего не должен знать, — предупредила королева.

«И Гомнол тоже», — про себя добавил Куллукет.

— Какое-то время у нас есть, — успокоила их Риганона. — Если помните, Элизабет проходит выучку у Бреды. К неофитке… да и к Бреде тоже… никто не посмеет подступиться, даже король.

В мозгу у них замаячил таинственный образ Супруги Корабля — хранительницы изгнанников, самой старой, самой могущественной и самой мудрой из них всех. Но теперь Бреда почти не вмешивается в дела земного королевства. Когда король объявил, что Элизабет будет обучаться у Супруги Корабля, тану были огорошены.

— Бреда! — Имидол брезгливо сморщился, выказывая презрение молодости к почтенным сединам. — Она не считает нужным хранить лояльность нашему роду, и все же угроза настолько очевидна, что если бы мы обратились к Супруге Корабля…

Риганона невесело засмеялась.

— Ты действительно веришь, что Бреда не в

курсе? Да она все видит из своей комнаты без дверей. Вполне вероятно, она и приказала отцу послать к ней эту женщину!

— Ну и ладно! — тряхнул головой Куллукет. — Пусть двуликая пока берет Элизабет к себе. А после обучения мы уж как-нибудь заграбастаем эту суку. Элизабет не бывать на твоем месте, мама.

«Никогда, никогда!» — мысленно откликнулись остальные двое.

— Бедная женщина! — Королева встала и направилась к выходу из павильона, чувствуя настоятельную необходимость уединиться в прохладных покоях дворца. — Мне так ее жаль. Если б только был какой-нибудь иной выход!

— Иного выхода нет, — отрезал Имидол. Он подал матери руку, гордо выступая в своем великолепном облачении Гильдии Принудителей.

Все четверо двинулись по аллее сада к дворцу.

За их спинами в зелени розового куста паучок высасывал жизненные соки из тли. Когда на него с высоты камнем рухнул вьюрок, удирать было уже поздно.

5

— Нет, что вы, Брайан, разумеется, не серебряный, а золотой!

Высокий, пронзительный голос Агмола, диссонирующий со столь мощным телосложением, перекрывал гомон рыночной площади, заставляя торговцев и покупателей испуганно оборачиваться. Правда, на рынке было не так уж много народу, в основном женщины. То тут, то там стройная фигура леди из племени тану в сопровождении свиты серых и рамапитеков, несущих за ней покупки и прикрывающих ее от солнца, склонялась над продукцией какого-нибудь бродячего ювелира или стеклодува. Временами на солнце сверкал серебряный торквес, но большинство сновавших по рынку были домоправители и лакеи в ливреях благородных домов. Все они либо носили серые торквесы, либо вовсе не имели никаких и занимались покупкой провизии, цветов, живой птицы, скота и прочих товаров, обильно представленных как на открытых прилавках, так и в маленьких лавчонках, что выстроились по краям торговой площади.

— Мы с Крейном это уже обсуждали, — терпе-

ливо возражал Брайан. — Мне не нужен никакой торквес.

Он остановился у прилавка, заваленного всякой всячиной двадцать второго века: шкафчиками для посуды, баночками от косметических кремов, истрепанными книгами, поношенной одеждой, разбитыми музыкальными инструментами, вышедшими из строя хронометрами и диктофонами, различными изделиями из небьющегося стекла.

— Я так или иначе обязан помогать вам в работе. — Агмол окинул взглядом диковинки Блошиного рынка, так заинтересовавшие Брайана. — Это все барахло. Самые ценные вещи из вашей эры продаются только по специальной лицензии. Но есть, конечно, и черный рынок.

— Угу, — отозвался Брайан и двинулся дальше.

Агмол продолжал развивать свою тему.

— В золотых торквесах не предусмотрены принудительные и карающие элементы. В вашем случае, поскольку, как я понял, ваш метапотенциал весьма незначителен, торквес просто стимулировал бы телепатические способности, имеющиеся у каждого человека, и позволил бы вам общаться с нами на умственном уровне. Подумайте об экономии времени! И о семантических

перспективах! Вы не упустите ни одного нюанса в своем культурном погружении. Масштаб вашего анализа в значительной мере расширится, и у вас будет меньше возможностей впасть в субъективизм…

Торговец в сомбреро размахивал перед ними вертелом с насаженными на него зажаренными птичками.

— Жаворонков не желаете, сиятельные господа? С фирменным техасским соусом чиле!

— Попкорн! — скрипела старуха за соседним прилавком. — Кукуруза нового тетраплоидного урожая! Пальчики оближете!

— Трюфели из Перигора кончаются! Не упустите случай, господа!

— Розовое масло! Апельсиновая туалетная вода! Только для вас, ваша светлость, редчайший флакон четыре тысячи семьсот одиннадцатого года!

— Фальшивка! — скривился Агмол. — Этих мошенников надо наконец призвать к порядку… Так вот, имея торквес…

— Я могу работать только в условиях полной свободы, — перебил Брайан, изо всех сил пытаясь скрыть раздражение.

Агмол примирительно пожал плечами и повел своего спутника к зданию на теневой стороне

площади. «Кондитерская — Закусочная — Кафе», — гласила вывеска.

Толпа почтительно расступилась перед ними. На украшенной благоухающими цветами террасе стояли столики. Рамапитек в клетчатой красной с белым тунике засеменил к ним, раскланялся, пригласил за столик. Агмол, отдуваясь, опустился в плетеное кресло.

— Фу, какая жара! Надеюсь, Брайан, дальнейшие исследования не будут так утомительны. Я все еще не очухался после вчерашнего. Удивляюсь, как вам удается сохранять такой бодрый вид.

Рамапитек в мгновение ока поставил перед ними две чашки кофе и поднос с пирожными. Брайан выбрал себе одно.

— Я принял пилюлю. Мы тоже долго мучились, но в последние годы изобрели превосходное средство от похмелья. У меня в рюкзаке целый запас таких пилюлек. Жаль, с собой не захватил.

— Так ведь и я о том же! — простонал Агмол. — Будь у вас торквес, вы бы почувствовали, как мне плохо, и незачем было бы тратить столько слов. — Он залпом осушил чашку, и рамапитек тут же ее наполнил. — Видите, как быстро этот пигмей уловил мое желание? А ваш кофе, пока

вы соберетесь его пить, остынет. Попробуйте тогда объяснить ему словами! Рамапитеки слов не понимают, с ними только так: «давай, пошел». Тем, у кого нет торквесов, приходится прибегать к языку жестов, а он эффективен, только когда дело касается простейших команд.

Брайан молча кивнул, уплетая пирожное. Таких он не пробовал даже в кондитерских Вены. С легким удивлением он отметил, что внутреннее помещение закусочной набито битком.

— Насколько я понял, золотой торквес не снимается, и, говорят, есть случаи несовместимости. Уж извините, Агмол, я не хочу рисковать своим здоровьем. И вообще, не вижу, каким образом мой статус может помешать исследованиям. В Галактическом Содружестве я и без метафункций считался компетентным специалистом, как и большинство моих коллег. Для достоверного анализа необходимы лишь надежные источники информации.

Глаза тану воровато забегали.

— М-м-да. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы обеспечить их вам. Мой властительный отец отдал по этому поводу четкие распоряжения.

Брайан старался быть как можно тактичнее в

формулировках.

— Боюсь, что некоторые выводы заденут вас за живое. В подобном исследовании этого не избежать. Даже поверхностные наблюдения выявляют глубокое несоответствие наших культур.

— Мы готовы к нелицеприятным оценкам. Я лишь хочу сказать, что работу можно было бы облегчить, переведя ее на мыслительную платформу. Слова слишком тяжеловесны.

Он выпил еще одну чашку кофе, зажмурился, провел пальцами по золотому торквесу. Как правило, тану мужского пола отличались некой трансцендентной красотой; Агмол же являл собой разительное исключение. Нос его напоминал какую-то странную нашлепку, а губы в обрамлении короткой обкромсанной бороды цвета ржавчины были слишком красны и мясисты. Сходство с королем наблюдалось лишь в глубоко посаженных изумрудных глазах, сейчас, к сожалению, подернутых сетью мелких кроваво-красных сосудиков. Спасаясь от жары, он вырядился в короткий камзол без рукавов, бело-голубой с серебром

— геральдические цвета Гильдии Творцов. Руки и ноги его покрывала густая и жесткая рыжевато-коричневая поросль.

— Бесполезно, ничего не помогает. — Агмол

постучал себя по лбу костяшками пальцев. — Сливянка мстит за себя. Вы мне дадите про запас одну-две пилюли, старина?

— Разумеется. А в своем исследовании постараюсь быть возможно более беспристрастным. Вероятно, при настоящем положении вещей работа займет немного больше времени, и все же, думаю, мы с вами поладим.

— Со мной можете говорить напрямик. — Агмол сокрушенно поцокал языком. — Я не столь чувствителен, как мои собратья.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, во-первых, помогать вам — мой долг и большая честь. А во-вторых, поскольку я полукровка, кожа у меня гораздо толще, чем у м-м-м… коренных представителей секты изгоев.

— Вы — сын женщины?

Агмол импульсом отпустил рамапитека и откинулся на стуле.

— Она носила серебряный торквес. И была скульптором из Уэссекса. Я унаследовал ее латентность и творческую энергию. Но она была слишком эмоциональна, чтобы долго прожить на Многоцветной Земле. Я — ее единственный ребенок.

— А если начистоту, в вашем обществе су-

ществует предубеждение против потомства смешанных браков?

— Да, что есть, то есть. — Агмол нахмурился, затем тряхнул головой. — Черт бы их побрал… эти слова! Старожилы нас презирают, но их презрение окрашено побочными чувствами. Тела наши не столь совершенны по форме, зато физически мы сильнее. Большинство чистокровных тану не умеют плавать, а мы чувствуем себя в воде как рыбы. К тому же гибриды весьма плодовиты, хотя у чистокровных либидо более ярко выражено. А еще мы с меньшей вероятностью порождаем фирвулагов и «черных торквесов»… — У него вырвался натужный смешок. — Понимаете, Брайан, гибриды являются усовершенствованными экземплярами оригинальной модели, потому нас и недолюбливают.

Не находя, что сказать, антрополог глубокомысленно хмыкнул.

— Как вы можете заметить, внешне я почти ничем не отличаюсь от чистокровного тану: светлые волосы и кожа, типичные светочувствительные глаза, удлиненный торс, очень тонкие конечности. А вот растительность на теле — это уже человеческое наследство, как и более крепкий костяк и мускулатура. Немногие чисто-

кровные тану могут похвастаться развитыми мышцами… Даже король, даже наши герои. Там, в родной галактике тану, могучее телосложение вообще считалось анахронизмом, рудиментом грубого происхождения расы.

— Однако же изгнанная секта намеревается возродить наследственность — вот что любопытно.

Подбежал рамапитек, промокнул Агмолу вспотевший лоб чистой салфеткой. «Да, — подумал Брайан, — какая жалость, что я оставил алдетокс во дворце!»

— Видите ли, друг мой, старожилам нелегко смириться с тем, что человеческие гены оптимизируют их выживание на Земле. Физическая сила гибридов их оскорбляет. Они очень горды и — как это ни абсурдно — даже побаиваются нас, полукровок.

— Такие умонастроения нередки и в нашей эре. — Брайан проглотил последний кусочек пирожного и допил кофе. — Мы отсюда сразу отправимся к лорду Гомнолу?

Агмол усмехнулся и тронул свой золотой обруч.

— Вот вам еще преимущество торквеса! Одну минуту!

Потомок обезьяны с умными грустными гла-

зами неподвижно стоял у стола. Пока Агмол объяснялся с кем-то по телепатической связи, Брайан порылся в карманах в поисках выданных ему накануне мелких монет и, вытащив горсть, протянул на ладони официанту. Пальцы рамапитека лениво выудили две серебряные. «Может, чаевые здесь давать не принято?» — спросил себя Брайан, оглядываясь по сторонам. За столиками не было ни единого посетителя без торквеса. Голошеим, видно, приходится довольствоваться залом самообслуживания, где на крайний случай есть кому принять словесный заказ.

— Хорошие новости, коллега! — воскликнул Агмол. — Лорд Гомнол свободен и готов лично показать вам свои лаборатории! О, вы, я вижу, расплатились. Позвольте все-таки мне…

Рамапитек издал радостный вопль и зашлепал губами от удовольствия.

— Интеллектуальная щедрость, Брайан.

— Мне следовало бы догадаться.

Агмол нанял экипаж, и они поехали по широким бульварам мимо лавчонок и чистеньких домиков на северную окраину города, где размещалась Гильдия Принудителей. В окраинных постройках Мюрии не было и намека на стиль эпохи Тюдоров: все дома здесь отличались клас-

сической строгостью линий, почти дорическим стилем. Белые и пастельных тонов массивы оттеняла пышная растительность, за которой заботливо ухаживали вездесущие рамапитеки. Человеческие обитатели столицы — ремесленники, торговцы, военные, чиновники — выглядели сытыми и процветающими. Отбросами общества были, пожалуй, нищие на рынке, погонщики и путешественники, прибывшие из провинции, но и они со временем могли приобрести должную респектабельность. Брайан не заметил никаких следов эпидемий, лишений или плохого обращения с людьми, не имеющими торквесов. По крайней мере, на первый взгляд в Мюрии царила полная идиллия. Агмол сообщил, что общая численность постоянного населения сравнительно невелика: около четырех тысяч тану, несколько сотен людей, носящих золотые торквесы, около тысячи серебряных, тысяч пять серых и шесть или семь тысяч голошеих. Рамапитеки превышали человеческое население по меньшей мере втрое.

— Каждый, в ком течет кровь гуманоида, именуется тану, — объяснял дюжий социолог. — Официально никакой расовой дискриминации нет. И, естественно, человек в золотом торквесе

приравнивается к тану. Во всяком случае, теоретически.

Брайан подавил усмешку.

— Очевидно, поэтому вы так настаиваете, чтобы я надел торквес. Братия голошеих, судя по всему, считается деклассированным элементом. Вы заметили, как рыночные торговцы на меня косились?

— Любой уважаемый гражданин знает, кто вы такой, — заявил Агмол, напуская на себя чопорность. — Остальные не в счет.

Некоторое время они ехали молча. Брайан все гадал, отчего король так заинтересован в антропологических исследованиях, и радовался, что Агмол не может читать его мысли.

Экипаж приблизился к красивому архитектурному ансамблю на берегу Каталонского залива. Здание штаба Гильдии Принудителей, выстроенное из белого, голубого и желтого мрамора, приютилось во внутреннем дворике, выложенном абстрактной мозаикой. На фоне лазурной черепичной крыши золотом сверкали водосточные трубы. Вооруженные часовые в серых торквесах и доспехах из голубого стекла и бронзы неподвижно застыли в арочных проемах и возле каждой двери. Когда коляска въехала во двор,

стража, повинуясь телепатическому сигналу Агмола, приветственно вскинула алебарды из небьющегося стекла. Один из алебардщиков выступил вперед и проследил, чтобы извозчик человеческого происхождения не сшивался во дворе Гильдии, после того как высадит своих почетных пассажиров.

— По-моему, служба безопасности здесь налажена даже лучше, чем во дворце, — заметил Брайан.

— В здании ведутся работы над торквесами, поэтому оно в каком-то смысле средоточие всего королевства.

Они вступили в прохладные коридоры, бдительно охраняемые живыми статуями; по-видимому, их серые торквесы рассеивали скуку стояния на часах. Где-то трижды громко прозвонил колокол. Брайан и Агмол поднялись по лестнице к двустворчатой бронзовой двери. Четверо часовых приподняли тяжелый резной засов, пропуская исследователей в приемную. Там за столом, оборудованным сверкающими хрустальными приспособлениями, сидела необыкновенно красивая представительница гуманоидной расы. При взгляде на нее Брайан почувствовал, как что-то ледяной иглой впилось в его зрачки.

— Во имя всемогущей Таны, что с тобой, Мива! — раздраженно воскликнул Агмол. — Неужели я привел бы сюда врага? Доктор Гренфелл облечен доверием самого лорда Дионкета!

«Да ну?» — удивился про себя Брайан.

— Я только выполняю свой долг, брат-творец, — отозвалась женщина, которую он назвал Мивой, и повела рукой в сторону двери. Та, видимо, под влиянием психокинеза, отворилась, а красавица вернулась к какому-то эзотерическому занятию, прерванному приходом гостей.

— Входите! Входите! — раздался глубокий голос.

Они предстали перед Гомнолом, главой Гильдии Принудителей, живущим в полной изоляции от окружающего мира. Несмотря на тропический климат Мюрии, в комнате было прохладно. Несколько угольков тлели за решеткой старинного камина; стену над ним украшало абстрактное полотно, скорее всего кисти Джорджии О'Кифф. Перед камином на подушечке лежала собачка породы чихуахуа и неодобрительно смотрела на незнакомцев. На стенах, обшитых темными деревянными панелями, висели полки с фолиантами в кожаных переплетах, системами видеотелефонной связи и орденами двадцать второго века. В

углу на специальной подставке Брайан разглядел копию (не мог же это быть оригинал?) роденовского «Искушения святого Антония». Большой стол в стиле позднего рококо был окружен стульями, обтянутыми кожей вишневого цвета. На столе стояли масляная лампа под зеленым абажуром, резная серебряная чернильница с гусиным пером, фруктовый увлажнитель воздуха и пепельница из оникса, полная сигарных окурков. Буфет орехового дерева по стилю гармонировал со столом и вмещал дюжину графинов, поднос с бокалами из уотерфордского стекла, сифон с содовой и небольшую жестяную коробку печенья «Кэдбери». (Любопытно, что за путешественник во времени преподнес это сокровище лорду-лакомке?) В облаке прозрачного дыма восседал Эусебио Гомес Нолан собственной персоной; на нем была стеганая куртка из золотой парчи с атласными лацканами и манжетами цвета синей полночи. Уничижительно назвав его «чертовым карликом», король Тагдал несколько преувеличил, однако до среднего роста по стандартам Старого Света лорд Гомнол все же не дотянул. Нос картошкой, безусловно, портил его лицо, зато глаза были прекрасны — ярко-синие, под длинными темными ресницами. Он улыбнулся

посетителям, обнажив мелкие, ослепительно белые зубы.

— Прошу садиться, коллеги, — небрежно взмахнул он рукой с зажатой в ней сигарой.

Антрополог повиновался, внутренне недоумевая, как такой невзрачный человечек умудрился стать главой Гильдии.

Гомнол услышал его мысли.

Однажды, очень давно, Брайан плыл на небольшой яхте и попал в ураган, непонятно как вырвавшийся из-под контроля делателей погоды и докатившийся до Британских островов. После многочасовой борьбы со стихией, уже выбиваясь из сил, он увидел перед носом своего суденышка гору мутно-зеленой воды метров в тридцать высотой. Гигантская волна вздымалась вокруг яхты, наседая на нее с чудовищной медлительностью, что неминуемо должно было закончиться полной катастрофой. Подобное ощущение вызвала у Брайана и психическая сила Гомнола, подавляющая его ошеломленное, меркнущее сознание.

Как тогда штормовой вал необъяснимым образом выпустил его разбитую, но все еще державшуюся на плаву яхту, так и теперь одним резким импульсом Гомнол ослабил хватку своего разума.

— Вот так и умудрился, — пояснил глава Гильдии Принуждения. — Ну, дорогие гости, чем могу быть вам полезен?

Брайан словно издалека услышал, как Агмол излагает задачу, поставленную перед ними Верховным Властителем, и перечисляет данные, необходимые для анализа взаимодействия культур. Они очень рассчитывают, что лорд Гомнол не только осветит решающую роль торквеса в обществе, но и поделится своим личным опытом, совершенно уникальным из-за его привилегированного человеческого статуса. И если высокочтимый коллега предпочитает побеседовать с доктором Гренфеллом наедине…

Дружелюбная улыбка Гомнола потонула в кольцах сигарного дыма.

— Пожалуй, подобный вариант наиболее приемлем. Отдаю должное вашей деликатности, брат-творец. Почему бы вам не вернуться и не пообедать с нами… скажем, часа через три?.. Ну и превосходно. Заверьте вашего могущественного отца, что я окажу надлежащий прием достойному доктору антропологии.

И Гомнол с Брайаном остались наедине в тиши псевдовикторианского кабинета; психобиолог, отрезав кончик новой сигары, проговорил:

— Итак, друг мой, что могло занести вас в изгнание?

— Можно мне… выпить чего-нибудь?

Гомнол подошел к буфету и вытащил графин, наполненный почти бесцветной жидкостью.

— Есть «Глендессарри», но, к сожалению, нет эвианской воды. А может, что-нибудь местного розлива? Пять сортов виски, водка, какое угодно бренди

— любимый напиток наших братьев тану.

— Чистый «скотч» подойдет, — выдавил из себя Брайан. После глотка виски он немного приободрился. — Надеюсь, мой приход не внушает вам опасений. Видите ли, мне и самому не совсем понятна мотивация Его Величества… А в изгнание я попал по самой банальной причине — следуя за любимой женщиной. Я собирался стать рыбаком или торговцем в примитивном мире плиоцена. Интерес, проявленный захватившими нас в плен тану к моей профессии, крайне удивил меня. И я согласился на сотрудничество, поскольку мне сказали, что это единственный способ увидеть мою Мерси.

Гомес Нолан чуть прищурил левый глаз, как будто созерцая нечто летающее в воздухе перед носом Брайана.

— Так это ваша Мерси? — прозвучал загадочный вопрос. — Боже всемогущий! — Ничего не объяснив, он зажег сигару. — Пойдемте. Я проведу вас по фабрике и расскажу о найденыше.

Одна обшитая панелями стена, словно по волшебству, отодвинулась, открыв длинный, хорошо освещенный проход. Вдыхая сигарный дым, Брайан следовал за Гомнолом. Огромные бронзовые ворота сами собой раскрылись перед ними, и Гомнол быстрым, деловым шагом вошел внутрь.

— Да, — пояснил он, — я владею психокинезом, а также обладаю даром ясновидения и целительства. Не в такой степени, как принудительными способностями, но мне хватает.

Они вошли в большое помещение, заставленное рабочими столами, за которыми люди и тану, как мужского, так и женского пола, вооружившись увеличительными стеклами, занимались сборкой золотых торквесов.

— Сюда, пожалуйста, в наш главный цех. Все остальное — подсобки. Есть еще цех вспомогательной сборки — там выращивают, подвергают травлению и шлифуют кристаллы интегральных схем и монтируют их в металлический корпус. Тану привезли из своей галактики только один прибор для выращивания таких кристал-

лов и установку для травления, а я потом ввел несколько усовершенствований, что позволило увеличить объем производства примерно в десять раз.

Мимо прошел рамапитек, гремя тележкой со сверкающими деталями. Гомнол взмахнул сигарой, из тележки вылетело розовое облачко, попав ему прямо между пальцев.

— Этот маленький прибор моего собственного изобретения — психорегулятор для серебряных и серых. Благодаря ему носитель поступает в распоряжение золотого торквеса.

Брайан невольно вспомнил об Эйкене Драме.

Гомнол просиял.

— И впрямь любопытный экземпляр. Я не был на пиршестве, но мне уже доложили. Старая ведьма Мейвар заперла его в своем Зале Ясновидения. Но Куллукет и я просто сгораем от нетерпения его расспросить.

— Он представляет собой угрозу для истэблишмента?

— Да нет, так полагают лишь наивные умы, — рассмеялся Гомнол. — Меня он не беспокоит. Этот парень явно возомнил себя новой звездой на умственном небосклоне. Псевдоактивный идиот! Феномен весьма типичный для Галак-

тического Содружества. Бывает, что латентные метафункции приводятся в действие в результате шока, вызванного психической травмой. Мы здесь такое уже несколько раз наблюдали, но ни один из тех эпизодов не был столь достопамятен. Временно активный статус пересиливает сдерживающие устройства серебряного торквеса. Как правило, это ненадолго: силы истощаются, и в итоге наступает полный маразм — так-то!

— Мне рассказывали о печальных случаях неудачной адаптации к торквесу. Но вы, как я понимаю, носите его уже сорок лет без всяких вредных последствий для ума.

Человек в парчовой куртке только усмехнулся, не вынимая изо рта сигару.

Брайан шел между столами, наблюдая за усердной работой и слушая пояснения своего гида. Сборщику требуется неделя, чтобы изготовить один золотой торквес, а для хрупких маленьких торквесов, надеваемых детям тану,

— еще больше. Торквесы изготавливаются четырех размеров; когда тебе надевают торквес побольше, меньший легко снимается и переходит к другому ребенку.

— А серебряные торквесы детям тоже надевают? — поинтересовался Брайан.

— Тануски не дают человеческого потомства, даже когда спариваются с мужчинами. А женщинам — золотым, серебряным, серым, голошеим — позволено иметь детей только от тану. Так что все их потомство — такие же гуманоиды. Более того, женщины крайне редко производят фирвулагов, чем выгодно отличаются от самок тану. Гибриды, как вы понимаете, резко различаются по метапсихическим способностям, но пока что все они были латентны. А со временем раса начнет производить естественно активных, подобно человеческой расе. Люди — что называется, генетическая опора тану. Сами по себе, без человеческой примеси, они еще миллионы лет не добились бы активности. Браки между тану и людьми невероятно ускорили эволюционный процесс. Имея данные о численности пришельцев, поступающих через врата времени, Прентис Браун подсчитал, что тану станут надежно активны через пятьдесят поколений. Но теперь…

— Элизабет?..

— Вот именно. Прентис Браун и я пересмотрели наследственные вероятности различных метагенотипов, основываясь на генетической структуре Элизабет, и результаты оказались воистину потрясающими. Детали вам сообщит сам Прентис

Браун в Доме Творцов. Тану его называют лорд Грег-Даннет.

«Чокнутый Грегги!» — не сдержавшись, подумал Брайан.

Гомнол снова засмеялся, стиснув в зубах сигару.

— Всех нас это ждет! Пройдемте сюда. Серебряные торквесы в основном идентичны золотым. Только в производстве серых и простых, что для рамапитеков, нам удалось кое-что автоматизировать.

— А как фирвулаги вписываются в вашу генетическую модель? — спросил Брайан.

— Пока никак. С точки зрения евгеники — большое упущение, конечно. Эти коротышки — подлинные операторы, хотя их силы и ограничены. К сожалению, в обеих ветвях расы существует табу на смешение, и ни один из фирвулагов — хоть убей! — не дотронется до человека. Но мы работаем над этой проблемой. Если бы нам удалось убедить тану оставлять при себе своих детенышей-фирвулагов, вместо того чтобы передавать их «маленькому народу», то у нас появился бы шанс изменить модель сношений. Возможностей на этом пути хоть отбавляй.

В цехе для производства серых торквесов они

задержались недолго. Здесь несколько прессов штамповали корпуса, а рамапитеки выполняли несложную сборку. Гомнол разъяснил, что серый торквес является вариантом прибора, который пионеры тану изначально надевали рамапитекам. Сам же он сделал кое-какие усовершенствования, что позволило превратить его в психорегулятор, пригодный для людей.

— Не скрою, у нас тоже пока существуют проблемы с торквесами, но в целом они гораздо эффективнее, чем устройства принуждения, используемые для социопатов в Галактическом Содружестве. Схемы наслаждения — боли и стимуляторы телепатической речи — наши нововведения. — Гомнол опустил глаза и каким-то невыразительным тоном добавил: — Вообще-то первое принудительное устройство я сконструировал еще в Беркли.

Брайан наморщил лоб.

— А я полагал, что Айзенман…

Гомнол повернулся к нему спиной.

— Я был молод и глуп, — жестко произнес он, — а Айзенман руководил моим дипломным проектом, но относился ко мне как к сыну — так гордился моими достижениями. У моей работы, говорил он, большие перспективы, но они могут

остаться нереализованными, так как я не обладаю необходимым авторитетом, чтобы привлечь государственные средства. Другое дело, если он будет соавтором проекта. Я боготворил его, не знал, как выразить свою благодарность… Словом, работа имела сногсшибательный успех. Теперь имя нобелевского лауреата Айзенмана гремит по всему Галактическому Содружеству. Некоторые даже помнят Эусебио Гомеса Нолана, его скромного и верного ассистента.

— Понимаю.

Гомнол резко обернулся.

— Вот как? В самом деле понимаете? Всего за четыре десятилетия я создал целую культуру, проложил для этих варваров дорогу к цивилизации! А теперь, если генетические опыты с Элизабет окажутся удачными, они выйдут за пределы нашего мира и превзойдут пресловутое Единство Галактического Содружества! Любопытно, что бы сказали Айзенман и недоумки из Стокгольма, если бы узнали о таких перспективах!

«О Боже! — внутренне воскликнул Брайан, изо всех сил стараясь не пропустить в голову ни единой мысли. — Как учила нас Элизабет на постоялом дворе?.. Надо считать! Один-два-три-четыре…»

Но Гомнолу теперь было не до встревоженного разума антрополога. Его полностью занимало собственное внутреннее видение.

— Много лет назад, во время Мятежа, несколько активных метапсихологов прошли сквозь «врата времени». Но тогда мои позиции были еще шатки, а культура тану — столь нестабильна, что инициативу вырвали у меня из рук, прежде чем я начал действовать. Нынче другое дело! Со мной работают люди, разделяющие мои взгляды. Имея новое поколение операторов, мы добьемся своих целей.

«Один-два-три-четыре. Один-два-три-четыре.»

— Заманчивые перспективы, лорд Гомнол. Если вы заручитесь поддержкой Элизабет — ваше дело в шляпе. — «Один-два-три-четыре».

Психобиолог несколько расслабился. Выпустив кольцо дыма, дружески похлопал Брайана по плечу.

— Будьте объективны, Гренфелл. Это все, что от вас требуется.

Они перешли в цех сборки тестирующих приборов.

— Не хотите подвергнуть свой мозг микроанализу? — благодушно предложил Гомнол. — У нас даются гораздо более точные оценки, нежели в

Надвратном Замке. Я в состоянии вывести вашу психосоциальную формулу и рассчитать латентность. Это займет всего несколько часов.

«Один-два-три-четыре».

— Боюсь, вы только потеряете время. Леди Эпона была разочарована моими результатами.

Настороженное выражение стерло улыбку с лица лорда.

— Да-да, ведь вашу группу тестировала Эпона…

Он замолчал и проследовал дальше, в лаборатории и испытательные секции. Тут Гомнол ограничился формальным обходом и не дал своему гостю четких объяснений о характере выполняемой работы. Затем они спустились по длинной лестнице в вестибюль под открытым небом, где от струй великолепного фонтана веяло блаженной прохладой, уселись за столик под тентом, и слуги-рамапитеки в голубых с золотом ливреях принесли им сангари

— охлажденный льдом напиток из вина с мускатным орехом.

— У вас в группе была молодая женщина по имени Фелиция, — заговорил Гомнол. — Она доставила всем массу хлопот. Можете вы рассказать мне что-нибудь о ней?

«Один-два-три-четыре».

Брайан поведал ему все, что мог припомнить об успехах девицы на хоккейном поле, о ее огромной физической силе и явных отклонениях от нормальной психики.

— Я не знаю, чем закончилось ее тестирование. Но способность подчинять себе животных, безусловно, свидетельствует о латентности. Странно, что Фелиция не удостоилась серебряного торквеса… Сильно она пострадала?

— Она совсем не пострадала. — Тон Гомнола был подчеркнуто нейтрален.

— Ее группа взбунтовалась по дороге в Финию. Леди Эпона, обладавшая блестящей принудительной способностью, была убита, а вместе с ней — весь конвой в серых торквесах. Пленники бежали, правда, большинство из них потом были пойманы. И все как один показали, что зачинщицей мятежа была ваша подруга Фелиция.

«Один-два-три-четыре!»

— Невероятно! И она… Вы ее схватили?

— Нет. Она и трое других из вашей группы все еще в бегах. Власти тану склонны считать, что произошедшее — чистая случайность. В прошлом у нас бывали бунты местного значения, иногда при поддержке фирвулагов. Но ни разу людям без

торквесов не удавалось убить тану. Если все дело рук Фелиции, то я просто обязан выяснить, как она это сделала.

«Один-два-три-четыре. Один-два-три-четыре.»

— Боюсь, не смогу вам ничем помочь: я мало с ней знаком. Она произвела на меня впечатление странного и опасного ребенка. Знаете, ведь ей нет еще и восемнадцати.

— Все дети опасны, — вздохнул Гомнол. — Ну, допивайте, Брайан. У нас осталось мало времени, до обеда я хочу вам еще показать школу Гильдии Принудителей. Надеюсь, вы получите удовольствие от встречи с моими вундеркиндами. Я возлагаю на них большие надежды, очень большие.

Попыхивая сигарой, Эусебио Гомес Нолан повел Брайана знакомиться с юными гениями.

6

Страх отпустил Сьюки, осталась только холодящая душу тоска при мысли о разлуке со Стейном. Она внушила себе, что он в безопасности: этот бесподобный шут Эйкен Драм не даст его в обиду.

Но что ожидает *ее*?

Наутро за ней явился Крейн — добрый, знакомый Крейн, единственный из всех тану, за которым она готова была последовать по своей воле. Интересно, как они об этом узнали? Теперь она ехала с Крейном в Гильдию Корректоров, расположенную за городом, на склоне заросшей лесом Горы Героев. По обочинам дороги и за каменными оградами вилл росли оливковые деревья; ветви их сгибались под тяжестью плодов размером со сливу. За ними тянулись апельсиновые, лимонные и миндальные рощи, а еще выше по склону — ухоженные виноградники. К западу странными зелеными и золотыми заплатками простиралась земля Авена до самой Драконовой гряды, едва просматривающейся на горизонте. Основная часть земель была интенсивно обработана и представляла разительный контраст с солончаками и бледно-голубыми лагунами Сре-

диземноморского бассейна.

Когда коляска взобралась повыше, Сьюки получила возможность разглядеть любопытную топографию древнего высохшего моря к югу от Балеарского полуострова. Крутой откос высотой в сотню метров отвесно обрывался с другой его стороны. Внизу волнообразно изгибалась линия белоснежных дюн, то и дело прерываемая пастельными, разъеденными эрозией холмиками и столбиками соляных образований. Небольшая речушка, пересекающая полуостров чуть западнее Мюрии, прорыла себе русло в их сверкающих отложениях; водный поток весело скользил по дну ущелья, отвесные стены которого были расчерчены цветными полосами, и впадал в южную часть лагуны. Вся территория к востоку от реки и до мыса полуострова была занята сверкающими на солнце пустошами.

— Серебристо-Белая равнина, — сказал Крейн. — По ее периметру во время Великой Битвы мы разбиваем палаточные городки. Около десяти тысяч участников съезжаются сюда со всей Многоцветной Земли. А люди и тану, прибывающие только поглядеть на сражение, превышают это число в пять раз. Вон там обычно стоят фирвулаги, все окутанные своими до жути

яркими миражами, а под ними скрываются черные доспехи. Их знамена украшены загадочными символами, высушенными скальпами и гирляндами из позолоченных черепов.

Ее мысленный взор охватил нарисованную Крейном картину. Сперва идет подготовка к Битве: фирвулаги играют в свои звериные игры, тану разминаются на великолепных турнирах и скачках как верхом, так и в шарабанах. Затем наступает время единоборства, оба войска выбирают себе предводителей, и, наконец, начинается Большой Турнир. Тану, люди и фирвулаги набрасываются друг на друга: герой в сверкающих доспехах против коварного демона, сила против силы, голова против головы, знамя против знамени, — целых три дня кружатся в вихре бронза и стекло, запотевшее от разгоряченной плоти, победители восторженно кричат, освещая темноту, подобно факелам, а черная кровь побежденных окрашивает солончаки.

— Нет! — вскричала Сьюки. — Только не Стейн! — А про себя отметила, что ему бы это наверняка понравилось.

В душе ее внезапно воцарился мир.

«Не тревожься, сестричка по уму. До этого еще далеко, много воды утечет, и отнюдь не все тану

наслаждаются устраиваемым кровопролитием. О нет, отнюдь!»

— Я не понимаю… — Сьюки испытующе взглянула в непроницаемое лицо Крейна. — Не понимаю, что вы пытаетесь мне сказать.

— Ты должна набраться мужества. Жди, когда придет твой час, будь терпелива. Не теряй надежды… даже если с тобой будут происходить всякие несчастья. Стейну и Эйкену предстоят нелегкие испытания, но твои будут, пожалуй, потруднее.

Она попыталась разгадать, что стоит за этим добрым взглядом, но ничего у нее не вышло. Пришлось довольствоваться предложенным ей поверхностным утешением: так ли уж важно, какие трудности ее ожидают, если все кончится хорошо?

— У тебя есть шанс, Сьюки. Запомни это. И мужайся.

Перед ними вздымались алые с серебром стены и башенки. Коляска въехала под кружевную мраморную арку и остановилась возле белого сооружения с красными пилястрами. Тануска в белых прозрачных одеждах вышла им навстречу и взяла Сьюки за руку.

— Леди Зелотриса Ясновидящая, твой инструктор.

«Добро пожаловать, доченька. Как тебя зовут?»

— Сью Гвен.

— Красивое имя, — произнесла леди вслух. — Мы тебя будем называть Минивель. Думаю, тебе приятно будет узнать, что последняя его носительница прожила две тысячи лет. Пойдем со мной, Гвен Минивель.

Сьюки повернулась к Крейну; у нее дрожали губы.

— Не бойся. Я отдаю тебя в хорошие руки.

Крейн удалился, а Сьюки последовала за Ясновидящей в покои Гильдии Корректоров. Здесь царили прохлада, тишина и серебристо-белый цвет с отдельными вкраплениями геральдического красного. В коридорах пустынно — никакой стражи.

— Можно мне… можно мне кое о чем спросить вас, леди?

— Конечно. Потом будут только тесты, послушание, дисциплина. Но сначала я покажу тебе работу, которой мы занимаемся, и как можно более подробно отвечу на все твои вопросы. — «Я исцелю, направлю, просвещу».

— Люди, подобные мне, в серебряных или золотых торквесах… как долго они могут прожить в этом мире? Неужели, как вы сказали…

«Улыбайся. Все увидишь. Жди!»

Они спустились в катакомбы, прорубленные в скале и освещенные белыми и рубиновыми лампочками. Ясновидящая открыла тяжелую дверь, и они вошли в круглую, совершенно темную комнату, в центре которой на стуле одиноко сидел целитель-тану с закрытыми глазами, явно в состоянии медитации. Глаза Сьюки постепенно привыкали к темноте. Белые статуи, выставленные вдоль стен, оказались людьми; их обнаженные тела были затянуты прозрачной, прилегающей к телу оболочкой, наподобие полимерной пленки.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста.

Она двинулась в обход комнаты, разглядывая стоящие фигуры. Вот мужчина в золотом торквесе, от истощения превратившийся в скелет. Рядом спокойно спящая тануска; одна из ее отвислых грудей деформирована опухолью. Неподвижно застывшая девочка-тану с широко открытыми глазами и ампутированной по локоть рукой. Золотобородый толстяк, улыбающийся внутри своей искусственной зародышевой оболочки, несмотря на то, что тело его сплошь покрыто ранами и шрамами. Еще один богатырь с обуглен-

ными руками. Рядом обмякшее, но совершенно гладкое тело пожилой женщины.

— В более сложных случаях применяется индивидуальное лечение, — пояснила Зелотриса. — А этих наш брат может исцелять скопом. Пленка сделана из психоактивного вещества — мы ее называем Кожей. Сочетая психокинез и коррекцию, практикующий врач задействует целительную энергию, содержащуюся в теле и мозге самого пациента. Ранения, болезни, опухоли, старческие недомогания — все поддается лечению, если ум пациента достаточно силен, чтобы вступить в общение с целителем.

— Исключения?

— Мы не восстанавливаем мозговую деятельность после травм. И не лечим тех, кто лишился головы в сражениях или во время культовых отправлений — это противоречит врачебной этике. Если пациента доставляют к нам после отмирания клеток мозга, то мы уже ничем не можем помочь. Полностью изношенные старческие мозги также не поддаются исцелению. Надо признать, мы не настолько далеко продвинулись, как медицина Галактического Содружества, способная полностью регенерировать кору головного мозга, если остался хотя бы один грамм ткани,

или омолаживать самых дряхлых стариков при наличии у них сильной воли.

— Но все равно это невероятно! — выдохнула Сьюки. — Неужели и я научусь когда-нибудь творить такие чудеса?

Ясновидящая за руку вывела ее из комнаты.

— Все возможно, дитя мое. Но у нас есть и другие задачи. Пойдем — увидишь.

Сквозь однонаправленные окна они смотрели, как люди с психическими расстройствами подвергались глубинной коррекции. Большинство пациентов были молоды, и Ясновидящая объяснила, что это в основном гибриды людей и тану, плохо адаптирующиеся к торквесам.

— Мы лечим и людей в золотых и серебряных торквесах. Хотя отдельные человеческие умы совершенно несовместимы с долговременными эффектами уморасширителей. Полностью излечить таких пациентов практически невозможно. Лорд Гомнол снабдил нас приборами, показывающими возможность исцеления. Сама понимаешь, мы не можем тратить время наших талантливых целителей на безнадежные случаи.

— Полагаю, вы и на серых торквесов не тратите времени, — проронила Сьюки, поставив, по совету Элизабет, надежный заслон.

— Нет, дорогая. Как правило, нет. Как ни ценим мы наших серых, жизнь их слишком эфемерна, она — лишь мимолетная вспышка на фоне вечности. А наша терапия — сложный и длительный процесс. Она не для них… Ну пойдем, посмотришь, как растут наши дети.

Они поднялись на верхние этажи огромного здания и вошли в залитые солнцем, наполненные игровым оборудованием комнаты. Прекрасно одетые самки рамапитеков играли в веселые игры под бдительным оком людей и тану. В соседних комнатах они ели, спали или проходили врачебные процедуры. Все обезьянки были беременны.

— Ты, наверное, слышала, — небрежно бросила Ясновидящая, — что нам, тану, очень трудно производить потомство в этом мире. С начала нашего изгнания мы используем рамапитеков для вынашивания зиготы. Оплодотворенная в пробирке яйцеклетка имплантируется этим животным, и они ее выращивают в своем чреве. Но, разумеется, рамы чересчур малы, чтобы доносить плод. Поэтому в критический момент им делают кесарево сечение. Правда, восемьдесят процентов детей не выживают, но мы считаем, что драгоценные двадцать стоят таких жертв. Пре-

жде подобные эрзац-матери были единственной надеждой на выживание нашей расы. К счастью, теперь ситуация несколько изменилась.

Зелотриса и Сьюки покинули отделение для беременных и на цыпочках перешли в полутемный отсек, где в стеклянных инкубаторах находились недоношенные младенцы. Сьюки с изумлением отметила, что дети фирвулагов получают необходимый уход наравне с детьми тану.

— Фирвулаги — наши братья по расе, — заявила Зелотриса. — Древний обычай предписывает нам вынянчить детей до срока и в целости передать их собственному народу.

«Чтобы потом охотиться на них и убивать?»

«Когда-нибудь ты поймешь, сестричка по разуму. Таковы наши законы. Если хочешь выжить, они должны стать и твоими.»

— А теперь, — проговорила Ясновидящая вслух, — мы нанесем визит леди Таше Байбар.

Сьюки вскрикнула за своим умственным заслоном.

— Видишь ли, по всем показателям, пройдет еще несколько недель, прежде чем твой менструальный цикл окончательно нормализуется. А мы устраним эти помехи гораздо быстрее, чтобы не задерживать твою инициацию.

Сьюки с трудом обуздала внутреннюю дрожь.

— Я не желаю… подвергаться таким унизительным процедурам…

«Тихо, успокойся, малышка. Это твоя судьба. Смирись, и ты не пожалеешь. Операция быстро закончится, а леди Байбар — опытный целитель. Ты даже не почувствуешь боли.»

Ясновидящая на миг застыла, приложив пальцы к золотому торквесу. Затем кивнула, улыбнулась и повела Сьюки по винтовой лестнице в одну из высоких башен. Круглая комната, в которую они вошли, была огромной, метров тридцать в диаметре, из окон открывался фантастический вид на долины и солончаки, подернутые сверкающей дымкой.

Посреди черного отполированного пола стоял длинный стол, окруженный небольшими тележками; на них были разложены какие-то драгоценности. С потолка свешивалась незажженная лампа под большим стеклянным плафоном.

— Сперва леди Байбар станцует для тебя, Гвен Минивель. Это великая честь. Жди ее здесь и веди себя достойно, как подобает носительнице серебряного торквеса.

С этими словами Ясновидящая оставила ее одну.

Сьюки на негнущихся ногах приблизилась к столу. Так и есть: предметы с алмазными наконечниками — не что иное, как гинекологические инструменты.

Слезы туманили глаза. Она отшатнулась и про себя воскликнула: «Стейн, только для тебя!»

Но, может, она еще успеет сбежать?..

Ее настиг импульс Ясновидящей, вынудил остановиться, обернуться, и Сьюки в полном смятении увидела, как в комнату вошла Таша Байбар и принялась танцевать.

Ее бледное, нежное тело гурии источало несколько подчеркнутую, искусственную сладострастность. Волосы метались на голове, как иссиня-черное пламя, когда Таша кружилась, прыгала и изгибалась перед своей потрясенной пациенткой.

Всю одежду целительницы составляли золотой торквес и лента с маленькими колокольчиками, изящно обвитая вокруг нее. Колокольчики звенели в разной тональности, и в такт с тем, как сокращались мышцы танцовщицы, полупустую комнату наполняла волшебная мелодия, рожденная движением. Мелодия странным образом согласовывалась с пульсом Сьюки, которая стояла, окаменевшая, беспомощная, и глядела,

как танцовщица приближается к ней плавными прыжками; руки ее извивались, словно ткали какую-то жуткую песенную нить, пятки шлепали по полу с неотвратимой настойчивостью, заставляя сердце Сьюки биться все быстрее.

Глубоко посаженные глаза Таши Байбар были так же черны, как волосы. Почти бесцветные губы приоткрылись в пугающем оскале. Она долго вертелась вокруг Сьюки, наращивая темп; девушку в конце концов затошнило, и все поплыло перед глазами. Она тщетно пыталась закрыть глаза, уши, ум перед бешеной круговертью, что захватила и медленно увлекла ее в полное забытье.

7

— Ну что, починил?! До чего ж ты ловок, мой Сиятельный!

Колдунья Мейвар с удовольствием наблюдала, как крошечные фигурки копошатся в часовом механизме. Бирюзово-агатовый дракон прыгал, хлопая золотыми крыльями и клацая алмазными клыками. Рыцарь в опаловых доспехах отбросил маленького монстра, затем взмахнул сверкающим мечом и ударил… один раз, два, три. Часы пробили три раза. Дракон испустил дух и распался на три части, обнажив рубиновые внутренности. Диск завращался, и персонажи сцены скрылись за дверцей из чистого золота.

Эйкен Драм рассовал по карманам инструменты.

— Так ведь поломка небольшая. Анкер надо было поправить да один зубец в шестеренке стерся. Ты, моя прелесть, попросила бы стеклодува, чтобы тебе изготовили защитный колпак.

— Непременно, — откликнулась старуха. Она взяла со стола ювелирную игрушку и поставила ее на полочку. Затем повернулась к Эйкену и, ухмыляясь, протянула к нему обе руки.

— Опять?! — протестующе воскликнул тот. — Ну ты ненасытная старая карга!

— Все мы такие. — Она хихикнула, подталкивая его к спальне. — Но не всякому дано угодить старухе Мейвар и остаться живым. Пора бы тебе это понять, мой Сиятельный. Всякий раз, как мне попадается молодец вроде тебя, я его испытываю вдоль и поперек. А если он мне угодит, тогда… тогда…

В комнате было холодно и темно, хоть глаз выколи; страшная ведьма казалась тенью, застывшей в ожидании. Пустив золотой костюм плыть по воздуху, Эйкен подошел к ней и был поглощен ее чревом. Но в душе его не было ни страха, ни отвращения — после того первого раза, когда он узнал, что скрывается за омерзительной наружностью.

О, потрясающая колдунья, опять ты бросаешь меня в котел своего убийственного экстаза! Хочешь полной мерой испить моих жизненных сил, уничтожить меня, задуть, словно свечу, после того, как я вдохну в твои жилы огонь юности? Но я не сдамся, вампирша! Не сгорю! Я достойный противник, Мейвар, я выше, сильнее тебя, и ты идешь за мной, крича от наслаждения. Смотри не споткнись, Мейвар! Кричи, старая ведьма, пока

не испустишь дух, пока не лопнешь, как воздушный шар, насытясь своим Сиятельным, который играючи выдержал испытание…

Плут надел свои золотые ботинки и ласково провел рукой по ее сморщенному телу.

— Ты и сама кое на что годишься, старушка.

— Тагдал говорил то же самое, — вздохнула она. — И мой незабвенный Луганн… — Она мысленно показала Эйкену, как это было там, у Могилы Корабля, когда все они только что явились на Многоцветную Землю.

— Странное вы племя, — задумчиво произнес Эйкен. — Дикари, да и только! Где вы были бы теперь, если бы люди не пришли вам на помощь? Другие на вашем месте молились бы на нас, а вы еще обижаетесь!

— Я на тебя не обижаюсь, — самодовольно ухмыльнулась Мейвар. — Подойди ближе, мой мальчик. — Она достала из-под подушки солнце и протянула ему.

— Это еще зачем? — Его губы озорно искривились. — Может, ты опять меня хочешь, ненасытная Мейвар?

Но на сей раз она хранила серьезность.

— Путь наверх долог. Тебе надо подрасти, сосунок, прежде чем ты сможешь соперничать

с величайшим из потомства. Не обольщайся: пока еще здесь есть кому покончить с тобой. Так что будь осторожен и следуй моим советам. На, бери!

Он надел на шею золотой торквес и защелкнул концы. Крючковатые пальцы Мейвар сняли с него серебряный торквес и швырнули под кровать.

— Все будет, как ты велишь, дорогая вещунья. Я сумею насладиться каждым мгновением на своем пути.

Она поднялась с постели, и Драм помог ей облачиться в фиолетовый балахон. В гостиной он расчесал ее седые космы и распорядился подать закуски — обоим не мешало подкрепиться.

— Мне ты себя показал, — наконец проговорила Мейвар. — Теперь надо показать *им*... Чтобы они сами, по доброй воле, признали тебя. Так у нас принято.

На полке звякнул золотой хронометр. Вновь выполз дракон, и рыцарь вступил с ним в борьбу; отмечая время, усыпанное алмазами чудовище распалось на четыре части.

— Вот такого же подвига ждут и от меня, — заметил Эйкен. — Чтобы стать своим в племени дикарей, я должен сдержать свое обещание и

сразиться с чудовищем.

— Если расправишься с Делбетом, это и будет твоим доказательством. — Мейвар фыркнула и принялась раскачиваться взад-вперед, обхватив костлявые колени под тканью балахона. — Да-а, парень, подобным вызовом ты обратил на себя внимание. Интересно знать, кто тебя надоумил… Уж не сама ли Тана?

— Да просто мозг вашего великого короля так вопил о боязни призраков, что невозможно было устоять, — ответил Эйкен лаконично.

— Вот оно что… Так ведь Тагдал и сам всю жизнь мечтал потягаться с Делбетом. Но теперь он уже слишком стар, и ему придется просить Ноданна. А это свяжет его обязательствами перед кланом. Политика, одним словом… Что до пресловутого Делбета, то он крепкий орешек. Настоящий великан, в отличие от своих соплеменников. Пожег все плантации вокруг Афалии… вы ее называете Гибралтар — песчаный перешеек на Пиренейском полуострове… Целый год уже бесчинствует. А тот район кормит всю столицу, да еще к началу Великой Битвы требуются дополнительные припасы. Афалией сейчас правит лорд Селадейр. Он из первых пришельцев и на принудительном операторстве собаку съел, но Делбет ему не по

зубам. Да и никому из нас, пожалуй. Старик Селад выпустил на Огнеметателя свою Летучую Охоту, да только фирвулаг не дается — прячется где-то в пещерах Гибралтарского перешейка. Положение угрожающее: скоро начнется Великая Битва — Селад потребовал помощи Верховного Властителя. Хочешь не хочешь, Тагдалу придется отвечать.

— Понял, — кивнул Эйкен. — Но для таких подвигов у Его Величества кишка тонка. По нынешним временам ему бы только с девками развлекаться.

— Да, но он вправе послать любого из своих подданных. И ты его вынудил выбрать тебя. Смекаешь, как ему неловко? Выскочка-землянин берет на себя то, с чем не справились богатыри тану! Мало того — тебя угораздило опередить Ноданна; этот хитрец наверняка бы сам вызвался, не дожидаясь королевского приказа… Теперь у тебя есть золотой торквес, и если ты убьешь Делбета, то сможешь объявить всему миру, что ты ничем не хуже их.

— Как Гомнол, да?

Ведьма опустила набрякшие веки и в мозгу воссоздала для сведения Эйкена сцену давнего человеческого триумфа. Да и сама вспоминала Серебристо-Белую равнину, где все произошло.

— Вообще-то Гомнол метил выше, — тихо произнесла она. — А я его отвергла, хотя он мне нравился. Но он бесплоден — вот в чем беда! Или, вернее, гены его летальны, так что даже развитая наука вашего Галактического Содружества против этого бессильна. Лежалый товар Создательница Королей пропустить не может… Вряд ли нужно говорить, что у тебя такого недостатка нет — уж в этом-то я убедилась.

Эйкен, руки в боки, откинул голову и захохотал.

— Ах ты, старая карга! — воскликнул он. — А я-то думал, у тебя на уме одно сладострастие!

«Нашими с тобой страстями управляет судьба, Сиятельный.»

— Чертовка! — восхищенно воскликнул он. — Костлявая плутня! Ненасытная утроба! Шла бы ты в Гильдию Корректоров, пускай бы затянули Кожей твое дряблое, морщинистое тело и сделали из тебя молодую красотку. Вот бы мы тогда всех их с тобой отдрючили, а, любовь моя?

Схватив Мейвар за руку, он завертел вокруг себя высокую костлявую фигуру, но вдруг застыл как вкопанный, поймав выражение ведьмина лица и образ, что сопровождал его.

— Мне повезло, Эйкен. Многим из мне подоб-

ных довелось выбирать всего лишь раз. Но я выбрала Тагдала, а потом его преемника, хотя, прежде чем успела изъявить свою волю, мой милый Луганн погиб по воле Таны. Когда его не стало, я тысячу лет ждала, оценивала претендентов, как мне и надлежало. Но никто из них по тем или иным причинам не годился. Перебрав все королевское потомство, я остановилась на лучшем из худших — Ноданне Стратеге. Ум хоть куда, и с наследственностью никаких проблем, но что за чахлый огонь тлеет в его груди, несмотря на всю гордость и тщеславие! Разве такому ничтожеству пристойно быть продолжателем расы героев? И все же он — лучшее, что мы имели, пока…

— Ладно, ты мне льстишь, безмозглая старуха!

Узловатые пальцы погладили его золотой торквес, отчего Эйкена объяла сладостная дрожь.

— Счастливица Мейвар! — проскрипела она. — Ты дождалась третьего! Ах, мальчик мой бесподобный, с тобой я достигла предела! Три тысячи триста пятьдесят два года я подвергала тану любовным испытаниям. С тобой пришла моя смерть, Эйкен Драм! Но не раньше, о милостивая Тана, не раньше, чем я увижу тебя на троне!

— Давай по порядку, — перебил ее Эйкен, неохотно освобождаясь от умственных ласк. —

Сперва Делбет. Ты же понимаешь, у меня и в мыслях нет, как с ним расправиться. Язык у твоего покорного слуги подвешен неплохо, а до дела дойдет, так этот призрак живо подпалит мои золотые штаны и все, что в них. Хорошенькое исполнение твоих замыслов!

Мейвар хихикнула.

— Да неужто я своего дорогого ученичка пошлю без подготовки? Ты научишься управлять своей силой, прежде чем вызовешь Делбета на бой. Две недели моей выучки, плюс к тому уроки Блейна Чемпиона, да Альборана — Пожирателя Умов, да Катлинели Темноглазой — и ты сможешь потягаться с этим фирвулагом… А на крайний случай будет у тебя еще один козырь — спрячешь в рукаве.

— Ну ты даешь! — удивился Эйкен. — Что ж это такое?

— Сто лет гадай — не догадаешься! Тану не рискнули бы воспользоваться им из страха за свою жизнь, а для тебя, умник, опасности никакой, зато Делбета мой козырь мигом доконает, если сумеешь его выследить. Но только держи это в тайне от других. Впрочем, такой хитрец, как ты, никогда лишнего не выболтает.

— Да что же за козырь такой, скажи — не то-

ми!

Он схватил ее за костлявые плечи и хорошенько встряхнул, но Мейвар еще долго подтрунивала над ним, показывая какой-то неясный образ — близко, а не ухватишь. Наконец все-таки сжалилась.

— Пойдем в подвал, покажу.

Чувствуя, как в нем медленно нарастает гнев, Стейн вцепился обеими руками в барьер и заставил себя следить за слушателями военной школы, занимавшимися на арене. Верхние отделы его подкорки фиксировали все замечания лорда Меченосца по поводу тактики ведения боя либо отсутствия оной у юных серых торквесов. Но за показным прилежанием бушевала ярость. Дубина Тагал за своими инструкциями ничего не замечал, но от женщины в золотом торквесе, которая по приказу Мейвар наблюдала здесь за Стейном, это не укрылось. С тактичностью истинного медиума она обратилась к своему подопечному:

«Ну что, друг любезный, надоели учебные бои? А мы-то надеялись, что они тебя отвлекут и развлекут.»

«С моей женой неладно. Что с ней, ЧТО, леди Дедра, я ведь все равно узнаю!»

— Посмотри-ка, Стейн, на этого рыжего бычка курдской породы, — разглагольствовал лорд Тагал. — Великолепная мускулатура и хватка, как у всех дикарей. Но бьюсь об заклад, на Отборочном Турнире он и пяти минут не продержится, если не отучится заранее предупреждать противника о своих ударах. Чтобы читать чужие мысли, никакой торквес не нужен! А если хочешь овладеть всеми тонкостями борьбы, приглядись повнимательнее к тем двум масаи с копьями из витредура. Вот это работа — от нее у старого борца душа поет…

«Успокойся, расслабься, Стейн. Вспомни указания-обещания достопочтенной Мейвар и Эйкена Драма: Сьюки не причинят никакого вреда.»

«Вранье! ЧЕРТ!.. Я же слышу, как она кричит от страха перед какими-то бубенцами! Леди Дедра, напрягитесь, найдите ее, скажите, почему она кричит!»

«Ладно, только успокойся и смотри, чтобы Тагал не заметил, где витают твои мысли.»

— Удары у этих парней что надо, лорд Тагал, — сказал Стейн вслух. — Я не большой специалист, но дерутся они здорово. И все же, по-моему, им не выдержать умственного напора ваших тану.

— Да нет, они в основном будут состязаться

друг с другом. Только лучшие из них удостоятся чести выступить на Главном Турнире вместе с метапсихическими воинами против фирвулагов. Наши храбрые серые уже не раз проявили себя в Великой Битве. Главное — не бояться устрашающих фирвулагских миражей и сосредоточиться. Конечно, в итоге большинство…

Тагал осекся и осторожно покосился на викинга. Телепатическое видение погасло в его мозгу столь же внезапно, как и появилось, однако Стейн успел все отчетливо разглядеть.

Вид у Меченосца был не такой цветущий, как у всех тану: пшеничные усы уныло обвисли, под морщинистыми веками прятались запавшие зеленые глаза.

— Но ты не думай, не у всех серых судьба одинакова — бывают исключения. Воистину неустрашимый гладиатор может рассчитывать на амнистию

— не только временную, до следующей Битвы, но и полную. К примеру, может стать инструктором моей школы.

— Видишь ли, брат Меченосец, окончательно судьбу Стейна решит леди Мейвар. Она взяла под свою опеку кандидата Эйкена Драма, — объяснила Дедра, а про себя добавила: «Предполагаемого

хозяина этого серого, который, скорее всего, недолго проживет».

Тану в голубых доспехах мысленно усмехнулся и тут же забыл о Мейвар и ее протеже.

— Хотел бы поглядеть на тебя в Битве, Стейн. Ты способный парень, я сразу это понял еще там, во дворце. Всего несколько недель работы с тобой и… — Тагал один за другим посылал ему импульсы: «Дружба, адреналин, вызов, облегчение, кровь, блаженная усталость после Битвы». — Ну так как?

Стейн открыл было рот, чтобы послать Меченосца куда подальше, но вместо этого произнес:

— Благодарю вас, лорд Тагал, для меня большая честь состоять под началом столь прославленного чемпиона. Когда мой хозяин и я расправимся с ненавистным Делбетом, у нас будет время подумать и о предстоящей Битве. В свое время мой хозяин свяжется с вами. — «Это не я говорю, а ты, чертова Дедра, отпусти меня, отпусти, отпусти!»

— А теперь мы оставим тебя, отважный брат, — произнесла Дедра, завернувшись поплотнее в шифоновый плащ цвета лаванды: солнце уже спустилось за ограду арены, и это вполне могло служить оправданием ее внезапной дрожи. — Можешь быть уверен, что Стейн и его хозяин

Эйкен Драм со всей благосклонностью и серьезностью рассмотрят твое предложение. — «Ну довольно, прекрати сражаться со мной, безмозглый медведь!»

Тагал постучал по закованной в латы груди сапфировой перчаткой.

— Приветствую тебя, ясновидящая сестра, достойная леди Мэри-Дедра. Поклонись от меня своей начальнице… А ты, могучий Стейн, не забывай нас. Мы проводим общегородские игры три раза в неделю здесь или на стадионе. Приходи! Завтра наши лучшие борцы сразятся с исполинской обезьяной, пойманной в холмах Северной Африки. Волнующее зрелище!

Стейн не по своей воле снял рогатый шлем и отвесил поклон лорду Меченосцу. А затем устремился вслед за женщиной в золотом торквесе по холодному гулкому коридору под ареной, ведущему во двор, где стояла их коляска. Коридор был темен и пуст. Стейн окликнул Дедру, но та бросила на него быстрый взгляд через плечо и пустилась бежать. Ум ее, настроившись на принудительную волну, твердил:

«Ты подчинишься мне, ты успокоишься, ты подчинишься…»

— Что случилось со Сьюки? — крикнул он.

«Ты подчинишься, успокоишься…»

— Боишься сказать? — Стейн ускорил шаг. — Она меня больше не зовет.

«Тыподчинишься
тыподчинишься ТЫПОДЧИНИШЬСЯ!»

Его ярость напирала, точно бурный огненный поток, разрушая, сжигая сдерживающие заслоны.

— Они убили ее, да? — взревел скандинав. Дедра попятилась от него и едва не упала на сырой каменный пол. — Отвечай, подлая! Отвечай мне!

«ТЫПОДЧИ…»

Стейн издал клич, в котором смешались боль и торжество: наконец-то мозговые путы разорваны. Одним прыжком он настиг Дедру и подбросил в воздух. С высоты на него беспомощно смотрела прелестная женщина с искаженным страхом лицом. Поймав на лету хрупкое тело, он прижал его к стене в сырой, темной, пропахшей плесенью нише.

— Только пикни — хребет сломаю! И брось свои телепатические трюки, я все равно тебя засеку, поняла?.. Отвечай же, черт возьми!

«Стейн, о Стейн, ты не понял, это для твоего же блага, мы хотим помочь…»

— Слушай меня, — прошипел он, слегка осла-

бив хватку. — Здесь никого нет, только ты и я. И спасать тебя некому. Мейвар надо было приставить ко мне кого-нибудь посильнее, Дедра. Она должна была знать, что ты меня не удержишь.

«Но Мейвар желает…»

— Не смей вползать ко мне в мозг, сучья дочь! — Дедра застонала, и голова ее бессильно свесилась. — Я хочу знать, что с моей женой! Тебе это известно, и ты скажешь мне…

— Она жива, Стейн. — «О Господи Иисусе, ты же и вправду все кости мне переломаешь, о-о-о!»

Стейн отпустил ее, прислонив безвольно обмякшее тело к стене. Дедра повисла, будто кукла на веревочке, в своем шифоновом наряде. Расшитая золотой нитью шапочка сползла набок. Внутренний голос поспешно сообщил:

«Подобно всем женщинам в серебряных торквесах, твою Сьюки отправили к Таше Байбар, дабы восстановить ее плодовитость.»

— Они обещали, что ей не причинят вреда! Мейвар и ее прихвостень в золотом костюме… они обещали!

Дедра с мольбой протянула к нему белые руки.

— С ней все в порядке, Стейн, как ты не поймешь? Мы не могли сделать для нее исключения, раньше чем Эйкен утвердится среди воинству-

ющей братии… О-о, не надо! Мне же больно! Ты что, не слышишь, я говорю правду! На данном этапе Мейвар и Дионкет должны соблюдать осторожность, иначе все замыслы пойдут прахом. На карту поставлено нечто большее, чем участь твоей жены и твоя!

Стейн вновь выпустил ее. Она сползла на грязный пол. Ум ее ослабел. Из озера слез на Стейна глядели фиалковые человеческие глаза.

— Мы не допустим до нее Тагдала, поверь! Еще есть время. По меньшей мере месяц, пока ее женский цикл не восстановится.

— А потом она должна зачать гуманоидного ублюдка? Говори, дрянь! К дьяволу Мейвар и Дионкета и все их замыслы! К дьяволу вас всех! Я слышал, как Сьюки меня звала… а теперь перестала, черт побери! Чем ты мне докажешь, что она жива и невредима?

«Отвези его к ней.»

Стейн вздрогнул. Пальцы его потянулись к рукояти меча; он дико озирался кругом. В коридоре было по-прежнему пусто.

— Я предупреждал тебя, Дедра! — Его голос и взгляд опять замутились яростью.

Она поднесла дрожащую руку к золотому торквесу.

— Это Мейвар. Она все видела и теперь велит мне отвезти тебя к Сьюки. Ну, поверил наконец, что мы на твоей стороне?

Стейн поднял Дедру на ноги. Ее платье вымокло и было заляпано грязью. Он отстегнул свой короткий зеленый плащ и накинул ей на плечи.

— Сможешь сама идти?

— До коляски дойду как-нибудь. Только дай руку.

На козлах, убаюканный цикадами, что настраивались на вечерний концерт, подремывал кучер, на котором не было торквеса. По широкому проспекту, который начинался от арены, с короткими лестницами и медленно горящими фитилями сновали рамапитеки, зажигая фонари. За исключением этих суетливых обезьянок, вокруг не было видно никого — ни прохожих, ни проезжих.

Стейн осторожно подсадил леди Дедру в коляску, а сам зашел с другой стороны.

— Куда прикажете, мэм? — проскрипел кучер, неохотно пробуждаясь к жизни.

— Гильдия Корректоров. И побыстрей!

Кучер хлестнул элладотерия, и коляска тронулась. Прежде чем выехать на дорогу, поднимающуюся в гору, они миновали центр и

западную окраину. Мюрия не была защищена крепостными стенами. Для южного оплота тану естественная изоляция Авенского полуострова оказалась вполне надежной защитой. Дедра молчала; Стейн напряженно сидел рядом, не глядя на нее. Наконец, когда граница города осталась далеко позади, женщина проронила:

— Здесь неподалеку есть источник. Ты позволишь мне сойти и умыться? Если я явлюсь к целителям в таком виде, неминуемо возникнут вопросы.

Стейн кивнул, и она дала распоряжения кучеру. Через несколько минут они въехали под сень деревьев, росших по обочине дороги. Какая-то птаха беззаботно щебетала в листве. Среди желтоватых известняков протекала река, спускавшаяся тройным уступом. Элладотерию дали напиться из нижнего озерца, потом Дедра велела кучеру отъехать к густому кустарнику и дать животному попастись. В среднем озерце она умылась, достала зеркальце и золотой гребень, расчесала волосы. После тщетных попыток привести в божеский вид золотую шапочку Дедра выбросила ее в овражек.

— То-то младшие целители полюбуются. Будем надеяться, что Таша в своей прострации не заме-

тит моего платья.

— А ты можешь помешать ей читать наши мысли?

Дедра невесело засмеялась.

— Ты не знаешь нашу милую Ташу Байбар — Анастасию Астаурову, главную радетельницу о продолжении рода гуманоидов. Выше голову, любезный викинг! У нее вообще нет никаких метафункций. Золотой торквес для Таши — лишь свидетельство уважения тану. Она обычная женщина, гинеколог, шестьдесят с лишним лет назад изобрела средство от женского бесплодия. Теперь у нас есть и другие опытные гинекологи, но с Ташей все равно никому не сравниться. Все серебряные обязательно проходят через нее. В каждую… можно сказать, сует свой палец.

Перед мысленным взором Стейна возник образ танцовщицы, обвешанной колокольчиками.

— Видали мы таких… — пробормотал он.

Дедра зачерпнула ладонью воду из верхнего озерца и напилась.

— Таша теперь совсем сошла с катушек. А когда отправлялась сюда с постоялого двора, уже была на грани. Да ладно тебе, не смотри на меня зверем! Я, как и ты, считаю, что она изменила нашему племени. Но сделанного не воротишь.

Основная масса женщин научилась извлекать из этого выгоду.

Стейн тряхнул головой.

— Как она могла?

— Не скажи. В ее безумных действиях есть своя логика… Разве справедливо лишать всех прибывающих сюда женщин материнства? А сама Таша не может иметь детей, так почему не стать хотя бы посаженой матерью? Благодаря ей совершенно здоровые путешественницы во времени рожают прелестных гуманоидов, несмотря на то, что с ними сотворили ловкачи на постоялом дворе. Искусный приемчик, ничего не скажешь! Мадам и иже с ней, видно, подозревали такой подвох со стороны этих прогенофилов. Тут милая Таша и подоспела со своим уменьем. А теперь выпустила уже целый курс студентов-тану. Так что вот они мы — паши и сей!

— Если она такой опытный врач, почему какой-нибудь из учеников ее не исправит?

— О! В том-то и трагедия! Под женственной оболочкой, напичканной всякими эстрогенными имплантантами, бьется сердце настоящей XY.

Стейн раздраженно глянул на нее.

— Это еще что за чертовщина?

Дедра выбралась из ручья и послала властную

умственную команду кучеру.

— К твоему сведению, Таша транссексуальна. Даже если ввести живую оплодотворенную яйцеклетку в ее искусственную матку и подпитывать редчайшими гормонами (которых, кстати, здесь не достанешь), плод все равно проживет в лучшем случае несколько недель. Так-то, мой милый. Материнство

— великое чудо и в то же время очень коварная штука. Ни в нашем Галактическом Содружестве, ни где-либо еще никому пока что не удалось научить мужчин рожать детей.

Уже без посторонней помощи она легко впорхнула в коляску.

— Ну? Чего рот разинул? Может, раздумал встречаться с женой?

Стейн опомнился и впрыгнул в карету вслед за ней.

Когда красные и белые огни Гильдии Корректоров были уже совсем близко, Дедра предупредила его:

— Поосторожней там. Таша не может читать мыслей, но многие другие могут. Хотя плотные заслоны — не моя специальность, я сделаю все, что в моих силах. Но если ты будешь меня перебивать и суетиться, нам обоим несдобровать.

— Постараюсь расслабиться, — пообещал Стейн. — Там, на борту, когда нам удавалось побыть вдвоем, Сьюки учила меня, как это делается.

— Доверься мне! — шепнула Дедра и под покровом вечерних сумерек придвинулась к нему поближе, отыскивая в его глазах хоть каплю тепла.

Но Стейн сейчас мог думать лишь о безопасности своей несравненной, обожаемой Сьюки.

— Прости меня… — Это было все, до чего он снизошел.

Она вздохнула и уставилась на согбенную спину старого кучера.

— Да ничего. Я сама виновата — стала на пути урагана… Повезло твоей малышке!

Коляска подкатила к входу. Стейн изображал из себя добропорядочного джентльмена в сером торквесе, Дедра — высокопоставленную леди. Под портиком стояли двое часовых в красных доспехах. Чопорный серебряный рыцарь вышел им навстречу, чтобы сопровождать в покои Таши Байбар.

— Что за странности? — недоумевал он. — В обход всех инструкций! Если бы не распоряжение самого лорда Дионкета…

— Мы весьма благодарны Главному Целителю, доблестный Гордон. У нас очень важное поручение от достопочтенной Мейвар Создательницы Королей.

— А-а, тогда конечно. Сюда, пожалуйста, наверх. Гвен Минивель все еще отдыхает. Леди Таша заботится о том, чтобы после операции все они как следует выспались.

— Да уж! — прорычал Стейн и слегка дернулся под воздействием болезненного импульса, который послала ему Дедра.

— Мы долго не задержимся, брат Гордон… Как у вас тут тихо! То ли дело в нашем Зале Экстрасенсов — ни днем ни ночью покоя нет. Туда-сюда, туда-сюда! Вечно у всех горящие дела, сбор данных, розыски пропавших собак, а то и более серьезные происшествия. Признаюсь, здешняя мирная атмосфера мне больше по душе.

— В больнице иначе нельзя, — откликнулся Гордон, ведя их по винтовой лестнице в башню. — Реабилитационные палаты расположены по периметру вот этой площадки. Кандидатка Гвен Минивель находится в третьем номере.

— Спасибо, можешь нас не ждать, — решительно заявила Дедра. — Мы пробудем всего несколько минут и сами найдем дорогу обратно.

Гордон заупрямился было, но после недолгих препирательств с ясновидящей леди все же откланялся, оставив их перед дверью под цифрой «3». Дедра медленно распахнула ее.

Вслед за ней Стейн ступил в кромешную тьму.

— Сью? Ты здесь?

Кто-то зашевелился на кушетке возле открытого окна, и на фоне залитой огнями Мюрии им предстала темная фигурка.

— Стейни?

Он опустился перед ней на колени, заглянул в глаза.

— Что они с тобой сделали? Что?

— Тише, милый. Ничего… — «Мне совсем не было больно; а как ты узнал? Неужели услышал меня?»

— Да, — прошептал он. — И пришел.

«Боже мой, ты не покорился Дедре и Мейвар, так велика твоя любовь, мой сумасшедший дикарь?!»

— Только убив меня, они смогли бы нас разлучить.

— О Стейни! — всхлипнула она.

Из дальнего угла комнаты донесся тихий звон колокольчиков.

— Ну что, шпионить явилась? — Голос Стей-

на был угрожающе тих. Он рывком поднялся с колен.

— Какой высокий! Какой сильный! — Колокольчики взвились и смолкли. Один на низкой ноте вновь начал раскачиваться в медленном ритме. Танцовщица, легкая, как тень, подошла и стала извиваться перед ним. — Так ты хочешь ее? Ну что за прелесть! — произнесла она певучим голосом немного не в лад с аккомпанементом колокольчиков, — Хочешь взять ее, взять ее, взять ее!

Стейн вспыхнул от гнева, обращенного против музыкальной пересмешницы. Сьюки негромко вскрикнула и поставила заслон этому шквалу; Дедра, прислонившись спиной к закрытой двери, тоже бросила свой гораздо более слабый ум на его обуздание. Но огненный вихрь первобытной мужественности снес и ту и другую плотину.

— Не надо, Стейн! — завопила Сьюки уже во весь голос. — Умоляю тебя, не надо!

— Ты хочешь взять ее, — смеялась танцовщица, извиваясь и звеня колокольчиками в такт движениям. — Но зачем, зачем, зачем? Почему ее, ее, ее?

Сверкающие колокольчики, покачиваясь на белой коже, разбрасывали по всей комнате

странные блики. Пульс учащался в предчувствии опасности, распаляя сладострастие танцовщицы. Потом музыка и танец внезапно оборвались, и она открылась ему под общий стон Дедры и Сьюки, которые все еще пытались предотвратить неизбежное.

— Возьми *меня*! — предложила Таша Байбар.

И он «взял» ее — своим бронзовым мечом.

Наступила жуткая тишина. Стейн невозмутимо вытер лезвие о портьеру, убрал меч в ножны и, подхватив Сьюки, перешагнул через валявшееся на полу тело.

— Прочь с дороги! — крикнул он Дедре.

— Нет, ты не сможешь! — выдохнула ясновидящая. «Мейвар! Мейвар!»

Дверь распахнулась, впустив ослепляющий поток света. На пороге стояла очень высокая мужская фигура, за ней — двое слуг в красно-белых ливреях.

— Я сказал Дионкету, что это недоразумение, — устало произнес Крейн.

Войдя в комнату, он жестом зажег гирлянды маленьких лампочек; заструилось холодное свечение. При виде скандинава со Сьюки на руках и поверженной танцовщицы губы Крейна искривила мрачная усмешка. Его умственный

комментарий был столь резок, что Сьюки задохнулась, а викинг от изумления разразился смехом.

— Так вы на нашей стороне! — ликовал он.

— Опусти ее на пол, дубина! — приказал Крейн. — Теперь придется прятать твою жену до Великой Битвы… и действовать быстрее, чем мы планировали.

8

Посланная Ноданном молния ударила в темные, подернутые лунной рябью воды Аквитанского залива, в которых ничего не подозревающее чудовище гналось за косяком тунцов.

Море вскипело, разметало брызги до самых облаков. Электрический разряд пронзил пятнадцать рыбин, и они быстро всплыли кверху брюхом. Однако плезиозавр был лишь контужен. Он высунул из водоворота страшную голову и взвыл.

— Ты зацепил его! — вскричала Розмар. — Ух, какой здоровый!

— Добыча! Добыча! — Охотники, конные и пешие, с безумными воплями рванулись вперед: теперь уже не было нужды скрываться в засаде.

Круг из полусотни мужчин и женщин в радужных доспехах выкатился на небо, нависая аркой над почти неподвижной тушей. Немного в стороне, бок о бок, точно две золотисто-розовые кометы, летели Ноданн и его нареченная.

Охотники, гремя щитами, победно затрубили в хрустальные рога.

— Добыча!

— Вренол! — громовым голосом распорядился Ноданн.

Один из всадников спустился пониже и снопом искр вновь оглушил чудовище, едва колыхавшееся на волнах. Плезиозавр вытянул змеиную шею, и рыцарь с трудом осадил иноходца, чтобы не попасться в сабельные клыки. Не растерявшись, он взмахнул сверкающим мечом; от острия отделился огненно-фиолетовый шар и угодил морскому чудовищу прямо промеж глаз.

Раздавшийся рев раненого зверя вызвал восторженные крики в толпе охотников.

— Кончай его, Вренол! — надрывалась какая-то женщина.

Охотник повернулся к ней и самодовольно кивнул, что было его ошибкой. Едва он ослабил бдительность, плезиозавр оттолкнулся от воды всеми четырьмя лапами, и выбитый из седла зловонной волной рыцарь беспомощно повис в воздухе.

— Какая досада! — протянул чей-то голос.

Одна из женщин с презрением трижды протрубила в хрустальный охотничий рог.

Вренола охватил ужас при мысли о погружении в воду — этого больше всего боялись тану — и о предстоящем позоре, поскольку недобитое

чудовище уж скрылось под водой.

— Вот дурак! — проговорила Розмар. — Ты можешь снова поднять левиафана, дорогой.

Черты Стратега, будто высеченные из камня, расплылись в улыбке.

— Все, что хочешь, любовь моя. Хотя Вренола не грех бы искупать за его глупость. — Ноданн прищурился, отыскивая плезиозавра в пучине. — Ну что, уползти захотел?

Голубой сноп энергии расколол воды залива, отчего халики жалобно заржали и попятились. Монстр снова показался на поверхности, и на этот раз Вренол достал его копьем.

— Ну слава Богу! — воскликнула Розмар. — Как раз под жабры! Поехали, поглядим, как он будет его добивать.

Правитель Гории и его дама понеслись к воде; радужный круг почтительно рассыпался, давая им дорогу. Охотники нетерпеливо ожидали развязки. Плезиозавр при последнем издыхании медленно смыкал и размыкал гигантские челюсти. Семиметровая туша покачивалась среди растекающихся по воде кровавых пятен, облизываемая барашками волн, освещенная лунным сиянием и блеском доспехов нависшего над нею убийцы.

Вренол обеими руками схватился за меч. В воздухе сверкнуло лезвие.

— Трофей! Трофей! — заголосила Летучая Охота.

Одна из благородных леди спешилась, ловко нацепила на копье отрубленную голову, взметнула ее высоко вверх. Затем преподнесла трофей Вренолу. Тот подхватил копье и, словно сверкающий метеор, полетел вычерчивать победные знаки среди звезд; теперь доспехи его были озарены не радужным, а неоново-красным светом.

— Молод еще! — добродушно заметил Ноданн. — Проявим на сей раз снисходительность.

Затем, перейдя на командный канал умственной речи, предупредил остальных:

«Не думайте, что всем будет позволено зря истреблять чудовищ. Слишком уж вы разохотились.»

«Мы поняли тебя, лорд Стратег!» — в один голос отозвалась свита.

«Тогда скачите в Арморику, к Гнилому Болоту. Мне угодно, чтоб нынешней ночью вы насадили на свои копья головы наших врагов фирвулагов, а то в последнее время они совсем обнаглели. И заодно, если удастся, заарканьте мне какого-нибудь панцирного ящера: он срочно нужен на

столичной арене.»

— Трубите в рога! — крикнул один из всадников.

Феерическая кавалькада, возглавляемая алой фигурой Вренола, взмыла в небо, направляясь к Бретани.

Ноданн и Розмар не спеша последовали за охотниками.

— Я только что получил телепатическое послание от матери, — сказал он невесте. — Нам с тобой надлежит доставить пойманную рептилию в столицу. Возьмем небольшой конвой — охранять чудовище.

— Ты чем-то встревожен, — откликнулась она.

— Да нет, пустяки. — Надежный умственный заслон прикрывал его глубокую озабоченность.

Розмар сняла с головы стеклянный шлем и привязала его к луке седла.

— Так-то лучше. Люблю скакать с тобой рядом, мой демон, и чувствовать, как ветер раздувает волосы. Неужели я когда-нибудь научусь летать без твоей помощи?

— Всему свое время. Ничего сложного тут нет. Сила женщин в их слабости, — улыбнулся Ноданн.

— Моя слабость дана мне, чтоб служить тебе…

Но все-таки, что же происходит в Мюрии?

— Кое-кто затронул наши династические интересы. Я должен быть там, вместе со своим кланом. Чтобы заслужить уважение, необходимо время от времени показывать власть.

— А кто посягает на твою власть? Фирвулаги?

— Есть некий Делбет, с которым мне предстоит сразиться, пока меня не опередили, к вящему позору нашего дома. Но реальная угроза исходит от людей, от вновь прибывших. Черт бы побрал эти врата времени! Когда же все поймут, что от них одни неприятности!

Розмар засмеялась.

— По-твоему, людей не следует впускать на Многоцветную Землю? Но ведь тану вымрут без нас?

Ноданн на скаку остановил халиков, и на миг оба зависли в беспредельной воздушной тишине. Лишь рокот прилива едва слышно доносился до них от прибрежных скал.

— Есть люди, неразрывно связанные с Многоцветной Землей. Такие, как ты, Розмар, моя зеленоглазая, сероглазая любовь. Ты и сама не находила себе места на Земле будущего. Но не все твои соплеменники готовы признать власть тану. Некоторые хотят отнять у нас эту землю, а

не удастся — уничтожить ее.

— Так давай вместе бороться против них! — В ее глазах загорелся дикий огонь. — Для меня нет мира, кроме твоего.

Душа Розмар открылась красавцу Аполлону, показывая правдивость ее слов. Два парящих ума слились в страстном объятии.

«О мой демон!» — восклицала она.

«О моя единственная Мерси-Розмар!» — вторил он.

9

«Прыгай, Элизабет.»

Она стояла на краю обрыва над Серебристо-Белой равниной и смотрела вниз на пустынные, залитые лунным светом солончаки и на облака, клубившиеся вдали, как призрачная Голгофа. Травянистый уступ был огорожен низким парапетом. За ним живописно искривленные сосны нависали над стометровой бездной, отвесно спускавшейся к Пустому морю.

«Прыгай, Элизабет, прыгай, и да воцарится в твоей душе мир!»

— Слышите? — спросила она Бреду.

Темная фигура на каменной скамье пошевелилась. Высокий тюрбан с бахромой согласно закивал.

— Они наблюдают за мной из дворца, — продолжала Элизабет. — Хотят посмотреть, что будет, если я подойду слишком близко к пропасти.

«Прыгай, прыгай, прыгай! Это твой единственный путь к свободе! Одинокая, всеми покинутая, Элизабеднаябет, прыгай — и ты освободишься. Беги, пока не поздно. Прыгай…»

Вцепившись в парапет, она перегнулась через

него. Ночной бриз принес с собой запах моря, смешал его с ароматом цветущих апельсиновых деревьев в саду Бреды. Здесь, на краю Авена, где нет притока свежей воды, дающей жизнь простейшим водорослями моллюскам, море совсем не пахнет йодом и рыбой — оно необитаемо и представляет собой огромную безжизненную массу горьковато-соленой воды.

— Они осаждали меня весь день, пытались создать соответствующий, по их представлениям, эмоциональный настрой для самоубийства. В основном по мотивам отчаяния, поруганного достоинства, старомодной паники. Но все их доводы фальшивы и абсолютно несовместимы с моей метафизической этикой. Пожалуй, если бы они избрали для меня что-нибудь вроде самопожертвования в альтруистических целях, то были бы ближе к истине, но, учитывая мое положение изгнанницы, и это вряд ли сработало бы.

Внутренний голос Бреды, бесстрастный, лишенный как интонационных пауз, так и слитности, как правило, свойственной умственной речи, раздельно проговорил:

«Разве высшая метафизическая наука вашего Содружества включала в себя обычные этические формулы?»

Элизабет пропустила вежливый утвердительный ответ сквозь барьер, который воздвигла меж собой и Супругой Корабля с момента их первой встречи, произошедшей два часа назад.

— Большинство из нас исповедовало философию развивающейся теосферы, — добавила она вслух. — Вы знакомы с этой концепцией? С основными религиозными течениями более поздних эпох человечества?

«Я изучаю вас с момента первого путешествия во времени. Некоторые из ваших философов вызывают у меня отвращение и неприязнь. И это естественно, потому что тану придерживаются простого, неразветвленного монотеизма и отвергают церковную иерархию. Мы готовы были предоставить людям полную свободу вероисповедания при условии, что их религия не будет носить воинствующего характера. Но среди твоих соплеменников были фанатики, упорно пытавшиеся смутить покой короля. Этих мы обрекли на мученичество, к которому они подсознательно стремились… Однако из всех, с кем мне приходилось сталкиваться, никто не мог пролить света на Единство Галактического Содружества. Что тоже естественно, поскольку в подобных тонкостях может разбираться лишь

настоящий метафизик. И я смиренно прошу тебя просветить меня.»

— Ваша просьба невыполнима, Бреда. Юных метафизиков начинают обучать еще до рождения, а в раннем детстве процесс интенсифицируется. Этой работе я посвятила свою жизнь. Человеку с высшим метапотенциалом нужно не менее тридцати лет, чтобы в полной мере постичь Единство… Просветить, говорите?.. Вы предложили мне обследовать ваш интеллект, и я готова согласиться, что духовная связь между нами не исключена. Но ваш торквес представляет собой преграду и одновременно ловушку. Поверьте, вы заблуждаетесь, считая себя активной. Это самовнушение. А существо, не обладающее врожденными метафункциями, не сможет познать Единство, ему вообще недоступна философия Галактического Содружества.

Бреда, казалось, ничуть не смутилась.

«Однажды мой народ приобщится к вашей философии — это предопределено.»

— Кем предопределено?

«Мной.»

Элизабет отошла от парапета. С первого взгляда на Супругу Корабля ей стало понятно, что Бреда вовсе не тану, она принадлежит к иной расе.

Ниже среднего роста, глаза карие с рыжеватым оттенком в отличие от голубых или зеленых у тану. Когда Элизабет подошла к ней, она тут же сняла свой фантастический респиратор. Лицо ее не поражает сверхъестественной красотой правящей расы, но довольно миловидное, хотя уже немолодое. На Бреде было платье из красной металлизированной ткани, скроенное иначе, чем свободные балахоны тану, и расшитое черным и красным бисером. Поверх платья она надела черное пальто с длинными рукавами колоколом и ярко-красной бахромой. Ее огромный тюрбан, также черно-красный, сверкал бриллиантами; к нему была прикреплена черная вуаль. В этом наряде Бреда напоминала Элизабет женское изображение со средневекового гобелена, что украшал гостиную на постоялом дворе. И вообще на всем ее облике лежал какой-то архаичный налет, совершенно несвойственный прочим гуманоидам. Она не дикарка, не вещунья, не проповедница, однако все попытки Элизабет построить более точную умственную проекцию пока что оказались тщетны.

— Можно узнать, чего вы, собственно, хотите от меня? — напрямик спросила Элизабет. — И кто вы на самом деле?

Супруга Корабля подняла склоненную голову и мягко, снисходительно улыбнулась. Впервые за все время она высказалась вслух:

— А почему вы не хотите общаться со мной на уровне мыслей, Элизабет?

— С моей стороны это было бы неосторожно. С вами сложнее, чем с другими. И мы обе это знаем.

Бреда поднялась со скамейки. Дыхание ее вновь стало затрудненным, и она надела респиратор.

— Здешний воздух, столь благоприятствующий тану и фирвулагам, для меня слишком разрежен. Пойдем в дом? Там кислородные установки, и к тому же в моей комнате ты будешь недосягаема для враждебных умов.

«Прыгай, Элизабет! Не давай двуликой Бреде себя одурачить, свернуть с единственного пути к бегству! Она хуже нас всех. Ступай опять к обрыву и прыгай, прыгай…»

— Их присутствие и впрямь становится навязчивым, — согласилась Элизабет. — Но я справлюсь.

— Значит, происки клана не опасны для тебя?

— Нет, у них не хватит сил обуздать мою волю, мое суперэго. Для этого им надо полностью расчленить личность и реинтегрировать ее на

более низком, зависимом уровне. Они осаждают меня скопом, а направляют их, надо признать, довольно умело. Но все равно никто не сможет принудить меня к самоубийству… Кто они? Вы можете их опознать?

— Четверо лидеров потомства Нантусвель. Психокинезом ведает Кугал, заместитель Ноданна. Имидол отвечает за принудительные действия… его специфика — Битвы, поэтому он не слишком обременяет себя всякими головоломками. В роли медиума выступает Риганона, дева-воительница, которая спит и видит себя на месте Мейвар — забавный случай мании величия! Четвертый, целитель, думаю, представляет наиболее серьезную опасность, хотя и не одобряет принудительных мер. Это Куллукет, королевский Дознаватель, но он скорее хранит верность своей матери Нантусвель и ее потомству, чем отцу Тагдалу. В способности глубинного проникновения и умственной диагностики он уступает разве что Дионкету, Главному Целителю. Но как собственно целитель Куллукет никуда не годится… Одним словом, советую тебе не сходиться с ним близко, пока ты не усвоишь элементарную агрессивную технику.

— Спасибо за предупреждение. Одаренный

оператор может проникнуть в мою автономную нервную систему, пока я сплю или нахожусь в эмоциональной прострации. Пожалуй, надо разработать специальный стержневой заслон, быть может, даже ловушку. По этой части у нас в Содружестве было много проблем, прежде чем Единство достигло высшей зрелости и вся человеческая метапсихика была подчинена общему моральному императиву. Но юных метаносителей все еще обучают приемам самообороны… так, на всякий случай.

Элизабет шла с Бредой по аллее среди апельсиновых деревьев, и в мозгу истерическим крещендо звучали грязные угрозы подвергнуть ее групповому изнасилованию, обречь на вечные муки будущих детей, посулы блаженства и воссоединения с Лоуренсом после смерти и даже запоздалые логические оправдания такого шага со ссылками на генетические последствия создавшейся ситуации.

«Элизабет, вернись! Для всех изгнанников будет лучше, если ты умрешь! Не слушай двуликую паучиху! Вернись назад и прыгай! Прыгай!»

Под деревьями валялись апельсины; видно, Бреда не пользовалась услугами рамапитеков. Аромат цедры смешивался с цветочным; деревья

цвели и одновременно плодоносили. Элизабет потянулась за свисающим с ветки плодом.

Умственные призывы достигли кульминационной точки:

«Стой! Не упускай свой шанс, Элизабет! Из комнаты без дверей не сбежишь! Вернись! Прыгай! Вернись!..»

«УМРИ!»

— Хлоп-плюх-щелк-бульк! Ну слава Богу, убрались!

— Теперь они поняли, что ты в курсе их происков, — объявила Бреда в полный голос.

— Рано или поздно они должны были это понять. Лучше раньше.

— Они предпримут новую атаку, с удвоенной силой. У королевы Нантусвель более двухсот отпрысков.

— Пусть попробуют. Агрессия будет безрезультатна, даже если они тысячекратно увеличат усилия. Ох уж эти ваши торквесы! Им никогда не достичь настоящей умственной синергии! Они даже не могут сплотить силы для коллективного броска. Они примитивны и рассредоточены — не в фазе, не в фокусе, вне своего собственного кольца… Надеюсь, вам понятен мой фразеологизм.

«О высокомерное равнодушие, о жестокая гор-

дыня!»

Элизабет проигнорировала невысказанный упрек. Сегодня все ее раздражало. Пока они шли к белой вилле, она очистила апельсин и стала есть его, дольку за долькой. Мякоть плода в лунном свете казалась темной, что еще больше усилило ее дурное настроение: кровавый апельсин.

— На недомолвках далеко не уедешь, Бреда, — довольно резко произнесла Элизабет. — Я никогда не была сильна в дипломатических играх. Хочу точно знать, на чьей вы стороне и чего хотите от меня. К примеру, что такое ваша комната без дверей?

— Ты зря боишься. Такую, как ты, в ней не удержать. Но она оградит от клана твое тело и душу. Мы… могли бы обучать друг друга. Времени у нас предостаточно, почти два месяца до Битвы, которая, по моим прогнозам, многое решит.

Оставшиеся дольки апельсина выпали из пальцев Элизабет. Она замедлила шаг на небольшой лужайке перед виллой. Дом Бреды не светился феерическими огнями, как остальные здания Мюрии, зато пленял античной простотой линий, подчеркнуто стройными стволами кипарисов. Жилище было под стать его таинственной хозяйке: ни одного входа.

Полузакрытое респиратором лицо Супруги Корабля обратилось к ней, как бы говоря: мы с тобой изгнанницы более, чем остальные.

— А что, если попытка союза двух умов окажется неудачной? — спросила Элизабет.

— Тогда ты сделаешь то, что тебе предназначено, — нимало не смутившись, ответила Бреда. — Пойдем!

Бок о бок они пересекли лужайку, взошли под портики, сквозь гладкую мраморную стену проникли в обитель покоя и мира.

Элизабет невольно вздохнула. Ее окутала умственная и физическая тишина, некогда вызывавшая у нее такую тревогу в Метафизическом институте на Денали, где врачи тщетно пытались восстановить контакт с ее регенерированным мозгом. А нынче… до чего же благодетельна тишина! Она действительно отгородила от визга, рева, гула, нелепого бормотания немощных умов, вознамерившихся в своей наивной наглости опрокинуть все ее заслоны. Конечно, ничего у них не выйдет, но уж слишком назойлива какофония… В Галактическом Содружестве в условиях подавляющей гармонии Единства она бы, может, и не заметила вторжения. А здесь до сего момента она знала лишь одно спасение: огненный кокон,

последнее и страшное прибежище страдающей, эгоцентрической души.

И вдруг такое…

— Нравится тебе моя комната? — спросила Бреда.

— Нравится, — улыбнулась Элизабет.

Экзотическая леди опустила свой респиратор.

— Здесь ощущаешь спокойствие, близкое к эйфории, не только от повышенного давления кислорода, но и оттого, что вход сюда заказан всем, кроме меня и моих гостей.

Если в архитектуре дома преобладала строгость геометрических линий, то внутренние перегородки изгибались причудливыми арками и сводами, уходящими в бесконечность. Стены были окрашены в темно-синий цвет с тонкими, замысловатыми вкраплениями ярко-красного и серебряного, создающими эффект морской глубины. Внимание Элизабет привлекли две картины-проекции на космические сюжеты: одна изображала закрученную спиралью галактику, покоящуюся на огромных вытянутых руках, другая — неведомую планету, где высокие хребты перемежались озерами, залитыми лунным сиянием.

Простая темная мебель почти сливалась со сте-

нами. На полках буфетов громоздились системы видеотелефонной связи местного изобретения; возле высоких и длинных диванов были рассыпаны какие-то бесформенные чурбачки — видимо, подставки для ног. Подсвеченный тремя синими лампочками, взору открывался на стене кусок лепнины — полуабстрактное изображение женской фигуры. В середине комнаты (вернее, на том месте, которое можно было бы считать серединой, если бы стены не приближались и не удалялись, по мере того как присутствующие сосредоточивали на них взгляд или рассеивали свое внимание) помещалось главное ее украшение — низкий овальный стол молочно-белого цвета. По обе стороны стола тянулись две низкие скамьи, на столе стояло серебряное изваяние. Элизабет приняла изваяние за модель какого-то одноклеточного организма типа радиолярии.

— Портрет моего Корабля, — объяснила Бреда. — Сядем. Для начала я расскажу тебе о нашем путешествии.

— Хорошо. — Элизабет села, до боли сцепив пальцы и удерживая в мозгу непроницаемые заслоны. На протяжении всей речи собеседницы она ни разу не взглянула ни на нее, ни на ее диковинную комнату, а задумчиво созерцала

небольшой бриллиант в колечке на своей правой руке.

Давным-давно, рассказывала Бреда, в нашей далекой галактике, на маленькой планете, вращающейся вокруг желтого солнца, жила некая разумная раса. Имея одну-единственную телесную форму и одну умственную модель, эта раса достигла стадии письменной истории. За тысячелетия ее наука и техника поднялись на такой уровень, что позволили сконструировать гравитационно-магнитные аппараты, развивающие скорость, близкую к скорости света. Тогда началась колонизация соседних планет и было основано федеративное государство. Но вскоре разразилась межзвездная война, на долгие годы отделившая колонии от метрополии не только пространственными, но и культурными безднами. Лишь один из дочерних миров — моя родная планета Лин — сумел наладить ограниченные пределами нашей солнечной системы связи с космосом с помощью простейших реактивных двигателей.

На центральной планете под названием Дуат великая война также вызвала прискорбные перемены. Нарушенный экологический баланс почвы и атмосферы привел к полной трансформации

климата и рельефа. На месте горных хребтов образовались огромные заснеженные пространства; над глубокими долинами с субтропическим климатом повис вечный туман. За тысячу поколений сформировалось лишь два телесных типа, в корне отличавшихся от своих предков, некогда завоевавших дочерние миры.

На территории, где проживал горный народ фирвулаги, большую часть года царила зима. Это было низкорослое, крепко сложенное племя с неразвитой, консервативной культурой и общинным укладом жизни, как часто бывает в суровых условиях. В своих заснеженных пещерах они в основном занимались ремеслами. Кроме того, фирвулаги обнаружили в себе способность к перевоплощению и психоэнергетическому иллюзионизму — подобные метафункции у вас в Галактическом Содружестве именуются творчеством.

У фирвулагов проявились также зачатки умственной речи и ясновидения, дававшие им возможность общаться с соседями, не выходя из пещеры и не подвергая себя опасности быть застигнутыми бураном. Другими словами, со временем они превратились в истинно метапсихическую, хотя и несколько ограниченную, расу

и вполне процветали.

В низинах планеты Дуат преобладал иной расовый тип — высокий, стройный, белокожий, со светочувствительными глазами, приспособленными к атмосфере сильной облачности. Это племя — тану — поставило себе целью вернуться к уровню высокой технологии. В отличие от фирвулагов тану не удалось развить у себя активные метафункции, но взамен они изобрели уморасширитель, который активизировал их латентные метафункции и явился средством достижения относительного психического единства. Вот такое слабое и все же воодушевляющее подобие «умственной семьи» ты можешь наблюдать среди золотых, серебряных и серых торквесов нашей Многоцветной Земли.

Две расы, населяющие Дуат, находились в постоянном противоборстве, но серьезного ущерба друг другу не наносили, опасаясь проникать в глубь вражеской территории. Основой их примитивной религии стали ритуальные битвы. И так сменилось шестьдесят поколений, прежде чем исследователи из возрожденной Межзвездной федерации добрались до планеты Дуат.

Да… федерация вновь отвоевывала миры. А тем временем моя планета шла своим путем. Мы

повторно изобрели гравитационно-магнитные двигатели и вступили в удивительный симбиоз с одушевленными механизмами, которые назвали Кораблями. Обладая уникальной способностью к телепортации, они были способны перекрывать скорость света и при надлежащей мотивации за несколько минут — максимум часов — доставляли тысячи и тысячи моих соплеменников в самые отдаленные уголки галактики. Не знаю, догадалась ты или нет, но такой мотивацией могла служить только любовь. Потому каждый Корабль получил в Супруги представительницу моей расы.

Диморфное население Дуата было принято в Межзвездную федерацию. Золотые торквесы оказались совместимы с многими, но далеко не со всеми умами гуманоидов, населявших бывшие колониальные планеты. Элита в торквесах пришла к власти, и всего лишь спустя четыре поколения наше сообщество достигло Золотого Века научно-экономической и культурной экспансии.

Но золотые времена не могут длиться вечно, и нашему также суждено было склониться к закату. Потомки первых тану и фирвулагов, ярых сторонников эндогамии, перенесли древнюю вражду в новые условия. После ряда разрушительных войн

мир наконец был восстановлен, но федеративные власти объявили, что остатки чистокровных фирвулагов и тану должны отказаться от своей воинствующей религии и смешать свои гены, с тем чтобы в корне пресечь былую ненависть. Большинство населения той и другой расы согласилось с таким условием. Лишь горстка не пожелала идти на компромисс и потребовала права эмигрировать в другую галактику. В ответ ей был предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции. И тогда тысяча тану и фирвулагов бежала на отдаленную планету у оконечности космической спирали и стала готовиться к последней, апокалипсической битве между собой.

Их устремлений никто не разделял; они нашли поддержку лишь у одной души, одаренной (а быть может, обреченной) способностями провидеть будущее. То была Супруга одного из Кораблей, и она предсказала кучке недовольных блестящие перспективы на ином звездном витке, на более молодой, неразвитой планете, где долгожители и мыслители изгнанники окажут благотворное воздействие на медленно формирующийся местный интеллект. Это видение было, правда, расплывчатым, однако его хватило, чтобы она предложила беглецам свои услуги и предостави-

ла в их распоряжение своего Супруга…

Так мы очутились здесь.

А потом появились путешественники во времени.

И, наконец, пришла *ты*.

— Но с тобой, — призналась Бреда, — провидческие способности меня почему-то подводят. Пришествие людей с Земли далекого будущего весьма меня встревожило и, как выяснилось, не напрасно. Равновесие сил между фирвулагами и тану, сложившееся около семидесяти лет назад, быстро нарушилось. Я все еще не могу в полной мере оценить человеческое влияние. Возможно, твой друг Брайан как-то сориентирует нас на этот счет, хотя ни король Тагдал, ни кто-либо другой до сих пор не задумывались о том, что будет в случае, если анализ окажется не в пользу человечества.

— Человечеству тоже не чужды подобные сомнения, — заметила Элизабет.

— Люди дали нам много преимуществ — и не только в области науки, экономики и евгеники. Отдельные индивидуумы среди фирвулагов и тану — особенно гибриды — начали уставать от постоянных раздоров и обращать взоры к более цивилизованной философии. Скорее всего, асси-

миляция латентного человечества с населением тану более чем желательна. Но ты…

— Никакой антропологический анализ не в силах оценить моего влияния.

— Возможно, было бы уместно, чтобы ты внесла свой драгоценный вклад в развитие нашей наследственности. В это верит Тагдал, а также Идона — Покровительница Гильдий, и лорд-творец Алутейн, и Себи Гомнол и еще целый ряд наших великих. Но для активных метаносителей твои гены с той же вероятностью могут оказаться нежизнеспособными… во всяком случае, так воспринимает тебя потомство Нантусвель. Что делать? Я в смущении и не знаю, к какой точке зрения мне склониться.

Такая участь неминуемо постигнет всех, кто берет на себя смелость манипулировать человеческой расой, решила Элизабет, задумчиво вертя бриллиантовое кольцо на пальце.

10

Длинный полуостров Авен со столицей тану был изолирован от материка и не давал большого простора для охоты. Задолго до прибытия людей на Многоцветную Землю все фирвулаги были истреблены или изгнаны с полуострова, поэтому заядлым охотникам приходилось либо отправляться в Иберию, либо довольствоваться организованными побоищами, происходившими на огромной открытой арене в Мюрии или в Долине Спорта — большом зеленом поле к северо-западу от столицы, где устраивались скачки на большой и малые призы. Помимо еженедельных турниров проводился еще один в середине месяца, не считая Великой Битвы — чемпионата Многоцветной Земли, собиравшего участников и зрителей со всех концов Южной Европы.

На одной из сентябрьских встреч Эйкен Драм и его соратник Стейн Ольсон намеревались продемонстрировать новое искусство. Победа на арене должна была обеспечить им доступ к Делбету. Правда, в результате усиленных закулисных маневров королевы и ее потомства было решено, что не только Эйкен, но и Ноданн Стратег, лорд

Гории, будет преследовать неуловимое чудовище под руководством самого Тагдала. Страстные болельщики Мюрии заранее обдумывали, как бы попасть в делегацию, что отправится к берегам Испании полюбоваться на захватывающее зрелище.

Теперь многие ставили на победу Эйкена над Огнеметателем, причем его шансы были триста к одному.

Страшный ливень пронесся над Мюрией в ночь накануне городского турнира. Отряд рыцарей психокинеза, возглавляемый братьями-близнецами Фианом Разрывателем Небес и Кугалом — Сотрясателем Земли, прилагал неимоверные психоэнергетические усилия при очистке арены от воды. Ожидалось, что сам Стратег прибудет в столицу посмотреть на выступление Эйкена и его верного викинга.

Сидя в монаршей ложе, королева Нантусвель смотрела вверх на угловатые разряды природной молнии, то и дело сверкавшей над прозрачной крышей — порождением психокинеза.

— Странная погода, не по сезону. Как бы она не задержала Ноданна с его милой Розмар! — Королева повернулась к Идоне — Покровительнице Гильдий, сидевшей рядом в строгом серебряном

облачении. — Послушать Гомнола, так это Летучая Охота разрушает озоновый слой и портит нам климат.

— Ерунда! — отозвалась Идона с высоты своего положения Покровительницы Гильдий и старшей дочери короля. — Погода — вещь капризная. Возможно, какой-то тропический циклон из Южной Атлантики случайно прорвался через Гибралтар.

— Будем надеяться, моя ученая дочь, — пробасил Тагдал. — Если потоп не прекратится, то вся охота на Делбета пойдет насмарку. Какой смысл старому Огнеметателю расставаться с трубкой да теплыми тапочками и вылезать из пещеры, когда все посевы размокнут так, что ничем их не опалишь? Поди тогда сыщи его под землей!

— А вот и Брайан! — воскликнула королева на английском — все великие тану таким образом выказывали свое почтение не носившему торквеса антропологу. — И Грегги, и Властелин Ремесел! Совсем промокли, бедные! Алутейн, дорогой, хоть бы ты что-нибудь сделал с помощью своего психокинеза!

— Я творец, высокочтимая леди, а не торговец зонтиками, — проворчал старый и толстый Властелин Ремесел. — Подумаешь, небольшой

дождичек, что мы, сахарные, что ли? Пора нам избавляться от нашей глупой водобоязни. Под дождем никто еще не утонул.

Брайан поклонился королевской чете.

— Да мы в основном промокли, пока бежали от экипажа к арене. Сегодня здесь так много народу, что рамапитеки, вместо того чтоб держать тенты над головой у публики, путаются под ногами друг у друга.

Послышалось квохчущее хихиканье. Мужчина в золотом торквесе и визитке Гильдии Творцов пробирался к королю и королеве, приветственно размахивая руками и забрызгивая по пути всех сидящих. На его обезьяньей мордочке застыло блаженно-глупое выражение; на вид ему было лет шестьдесят.

— Манипуляции Алутейна как *иллюзия* сухости! — провозгласил он, отвесив нечто вроде поклона, отчего едва не свалился через барьер на арену. — Но может ли иллюзия заменить реальность? Особенно когда навес, полный воды, переворачивается, и…

— Ох, заткнись, Грегги! — раздраженно оборвал его Властелин Ремесел.

— Да, тяжелый нынче день, августейшие мои, — сообщил он королю и королеве.

— Ты как следует принял Брайана? Все свои секреты ему раскрыл? — Предупредительность королевы согрела прибывших, мигом высушила их промокшие ноги.

— Воистину впечатляющая экскурсия! — отозвался Брайан. — Система образования в Гильдии Творцов напоминает мне университеты моей эры. И разумеется, лорд Грег-Даннет провел меня по лабораториям своего Департамента Генетики.

— Правда, чудо?! — Тот, кто некогда именовался Грегори Прентисом Брауном, взвизгнул и захлопал в ладоши. — Вы представить себе не можете, какое удовольствие беседовать с коллегой, который может просветить тебя насчет последних научных достижений Галактического Содружества! Вообразите, Ваши Величества, процент активных среди новорожденных человеческих детей с метапсихикой за последний год поднялся с двух до четырех! Теперь я просто обязан пересчитать коэффициенты латентности! Ведь мои первоначальные прогнозы основаны на равновесии обоих типов… а Гренфелл утверждает, что никакого паритета нет! Это же имеет огромное значение!

— Не сомневаюсь, Грегги, милый, — улыбнулась королева. — Садись, успокойся. Вон видишь,

уже клоуны выходят.

— И правда! — вскричал лорд Грег-Даннет. — А тот, что в прошлый раз лопнул, тоже будет? — Он плюхнулся на скамью, поставил себе на колени блюдо бананов с королевского стола и начал уплетать их прямо с кожурой.

— Грегги говорит правду? — спросила Брайана Идона.

— Да, насколько я могу судить, леди Покровительница.

Она нахмурилась.

— Но для пересчета понадобится компьютер.

— Так ведь есть же компьютер, — откликнулся Брайан. — Мы с Агмолом используем его для хранения наших данных.

— Малыш его починил, — с натянутой улыбкой произнес Алутейн.

— Клянусь пятой Таны, я недооценил Эйкена! — радостно воскликнул король.

Королева внимательно смотрела на вездесущих скачущих шутов; ее улыбка тоже была вымученной.

— Эйкен Драм преуспел во многих отношениях, — иронически прокомментировал Властелин Ремесел. — Моим рабочим на стекольном заводе он подсказал, как реконструировать большую

печь для отжига. С Гомнолом они обсуждают конструкцию нового испытательного прибора, а то старый не очень надежен. Ко всему прочему, он научил нашу невежественную аристократию запускать змея и играть в трехмерные шахматы. За последние две недели Мюрию буквально лихорадит от новых развлечений.

— Хм! — Выражение восторга исчезло с лица короля.

— Вот *звери*! — взвизгнул Грегги. — Вы только посмотрите на эту обезьяну! И он будет с ней биться?! Неужели взаправду?

— Не до смерти, дорогой, — успокоила его королева. — Он нужен для Великой Битвы… Потом будут слоны и чудовищные собаки из Каталонской пустыни. А еще… вон, посмотри, в том фургоне… Жуть какая! Похоже на помесь саблезубого тигра и огромной гиены!

— Саблезубая гиена, — подхватила Идона. — Еще один экземпляр, привезенный африканской экспедицией. Сегодня прибыл последний караван.

Одновременно с громом ударили медные литавры и барабаны. Начался парад участников: впереди шли серые со шлемами гладиаторов в руках, за ними верхом гарцевали серебряные и,

наконец, золотые — люди и тану в сверкающих стеклянных доспехах разных оттенков и фасонов. Халикотерии также были в богатых латах и вышитых золотом попонах, окрашенных в геральдические цвета Гильдий.

Когда через открытое заграждение бок о бок въехали на арену двое всадников, публика взорвалась аплодисментами. Один великан в изумрудно-зеленых доспехах, усыпанных сверкающими на солнце топазами, восседал на медно-рыжем скакуне. Забрало рогатого шлема было поднято, и он приветствовал беснующихся болельщиков, постукивая по щиту огромным топором из сверхпрочного стеклопластика — витредура. Рядом с викингом выступала миниатюрная золотая фигурка верхом на черном халике. Какая-то дама бросила ему цветы, а он привстал в седле и взмахнул копьем, с которого свисал длинный фиолетовый вымпел с золотой эмблемой.

— Какой странный символ! — пробормотал Брайан. — По-моему, даже несколько непристойный.

— Достопочтенная Мейвар, — сухо объяснила королева, — позволила ее кандидату самому выбрать облачение. Права ли я, предполагая,

что этот вытянутый вверх палец на его вымпеле — крайне дерзкий вызов?

— Да, Ваше Величество, вы совершенно правы, — не моргнув глазом, ответил Брайан.

Шествие замкнулось в огромный круг по краю арены. Лорд Маршал Спорта, лорд Меченосец вместе с секундантами, а также члены судейской коллегии подошли к огороженной лестнице, ведущей в королевскую ложу, и по традиции приветствовали высоких особ, призвав к тому же публику и участников.

— Повелеваю начать состязания! — отдал король словесную и мысленную команду.

Публика уселась, а борцы и животные удалились в загоны по разные стороны арены. Тем временем разминка и цирковые номера продолжали подогревать настроение на трибунах.

— Ну, как продвигается дело, профессор? — спросил Брайана король.

— Уже собран значительный банк данных, как вам наверняка доложил лорд Агмол.

Король кивнул.

— Агги сегодня выступает, но он успел мне сказать, что ты как следует помотал его по городу и окрестностям.

— В анализ необходимо включить сельское

хозяйство, главным образом потому, что работа по возделыванию плантаций возложена у вас исключительно на людей. Оказывается, многие работники, не имеющие торквесов, заняты не только в сфере обслуживания… Признаться, я был удивлен, обнаружив, что большинство из них трудятся с полной отдачей и весьма довольны жизнью.

— Вы были удивлены, Брайан? — переспросила королева. Затем смочила салфетку в кубке с белым вином и вытерла перемазанные банановой мякотью губы лорда Грега-Даннета. Генетик подобострастно улыбнулся ей.

— Внешне они вполне ассимилировались. Полагаю, недовольных не так уж много, во всяком случае, здесь, на Авене. Мне бы хотелось провести сравнительный анализ с другими крупными городами, скажем, с Горией и Финией. Могу я на это рассчитывать?

— Сожалею, — сказал король, — но у тебя не будет времени. Результаты анализа необходимы нам до начала Великой Битвы. Тебе придется ограничиться данными, собранными здесь, даже если в них наблюдается перегрузка положительных факторов.

— В Мюрии собраны сливки человеческого

общества, — наивно заявил Грегги. — Отсюда даже женщина не сбежит. Я имею в виду — куда ей бежать?

— Почему же? Есть куда — на Керсик, — заметила Идона и похлопала мастеру родео в оранжевых кожаных штанах, когда тот усмирил антилопу размером с лося. А Брайану пояснила: — Это остров к востоку отсюда. В вашем будущем мире он расколется на Корсику и Сардинию.

— А есть ли у вас объявленные вне закона?

— Очень мало, — отмахнулся король. — Враждующие шайки бандитов. Раз в несколько лет мы снаряжаем Охоту и устраиваем хорошую чистку. Прямо скажем, небольшое удовольствие.

— Смотрите! Смотрите! Рабочие слоны с большими бивнями!

Выдающийся генетик и часть публики вскочили и громко закричали. Укротители, вооруженные длинными палками, вывели на арену шесть слонов с загибающимися вниз бивнями. Самый крупный был высотой до четырех метров. Несколько рыцарей тану — у каждого в руке было лишь витредуровое копье со знаменем — стали участниками экзотической корриды. Один незадачливый матадор споткнулся и был затоптан. Радужное свечение его небьющихся до-

спехов вдруг померкло, словно кто-то выключил изнутри свет.

— Шею сломал! — проквохтал Грег-Даннет. — Еще один клиент для богадельни Дионкета!

— Его вылечат, дорогой мой, не бойтесь, — утешала королева потрясенного Брайана. — К счастью, мы живучая раса. Но этому бедняге уже не видать Великой Битвы: его поместят в Кожу на реабилитацию. Одно неловкое движение стоило ему карьеры.

Слоны с большими бивнями и уцелевшие рыцари удалились под аплодисменты.

— Значит, животных не убивают? — поинтересовался Брайан.

— Сегодня будут только две смертельные схватки, — ответила королева.

— Ну а теперь…

Голос ее был заглушен мощным звоном литавр. Маршал Спорта приблизился к основанию королевской лестницы и сделал объявление, которое Алутейн перевел Брайану:

— К удовольствию Их Величеств — на арене новичок Стейн Ольсон, верный слуга кандидата Эйкена Драма!

Стейн лихо подскакал к ступеням, приспустил витредуровый топор на длинном топорище и,

приветствуя высоких особ, прикоснулся к серому торквесу. В шумных ответных откликах слышалась настороженность. Король встал, поднял руку. Толпа смолкла.

Стейн развернулся, чтобы встретиться со своим противником. Укротители на другом конце арены сняли прочные запоры клетки на колесах.

На посыпанную песком площадку выскочила саблезубая гиена. У нее была шея змеи и довольно маленькая голова, как у белого медведя. Однако туловище чуть ли не вдвое больше, чем у пока еще не появившегося на свет полярного обитателя. Весила гиена не меньше тонны, но двигалась легко и стремительно, прижав к голове большие круглые уши. Пасть чудовища широко разинута, и из нее торчала пара огромных клыков, каждый из которых длиннее руки викинга.

— У-ух! — выдохнул лорд Грег-Даннет.

Следуя принятому этикету, Стейн галопом понесся навстречу врагу, но в последнюю секунду увернулся и на скаку огрел гиену плашмя топором. Та завертелась волчком, издала змеиное шипение и заскребла когтями по песку. Стейн возвращался, наносил удар за ударом, отступал и снова наступал, охаживая чудовище по бокам, по хребту, по шее и наконец, не очень сильно,

— по плоскому черепу. Саблезубый хищник, обезумев, метался за ним, норовя вгрызться в брюхо халику или ухватить своего мучителя скрежетавшими челюстями. Публика отзывалась на каждый удар одобрительным ревом. Когда зверь стал ослабевать от боли, с трибун донеслись отдельные голоса:

— Кончай его!

Скандинав натянул поводья и стал кружить около гиены, бессильно присевшей на задние лапы. Зверь издал ряд коротких высоких звуков, напоминавших дьявольский смех.

Тагдал снова поднялся и взмахнул рукой.

— Кончай саблезубую! — в один голос взвыла толпа.

Затем воцарилась тишина, нарушаемая лишь скрипом копыт иноходца и свистящим дыханием усталой жертвы, которая мерно раскачивалась в ожидании последнего удара. Отъехав к заграждению, Стейн спешился. На конце топорища был укреплен прочный шнур. Наступающий викинг принялся бешено вращать на шнуре топор вокруг своего рогатого шлема, так что его даже не было видно в воздухе. Он приближался к стоящему на задних лапах зверю, ослепительно сверкая каждой гранью своих доспехов. Наконец подпрыгнул,

в точности повторив амплитуду движения своей добычи, и на лету снес гиене голову.

Слышен был невообразимый физический и умственный гвалт, свист, хлопанье, топот. Тагдал покинул ложу и спустился по ступеням на арену. Секунданты Маршала Спорта бросились открывать заграждения, чтобы Стейн мог подойти к монарху. Викинг при виде короля снял свой изумрудный шлем.

По трибунам пронесся рокот. С противоположного конца арены выехал на черном халикотерии маленький всадник, закованный в стеклянные, сверкающие золотом латы. В то самое мгновение, как Стейн почтительно склонился перед королем, Эйкен Драм резко осадил скакуна в метре от Стейна и торжествующе ухмыльнулся.

— Все это он сам! — заявил Эйкен. — Без какой-либо помощи от меня, Могущественного!

Маршалу Спорта пришлось быстро настроить свой психокинетический аппарат, чтобы поднятые Эйкеном клубы пыли не окутали растерявшегося короля. Распорядитель состязаний выступил вперед и объявил:

— Прошу тишины для акколады — посвящения в рыцари!

Стейн покосился на Эйкена.

— Терпение, малыш, ты еще получишь все, что тебе причитается.

Тагдал вытащил цепь с большим медальоном, на котором была выгравирована королевская эмблема.

— Сланшл! — взревела толпа.

Король надел цепь на шею победителя.

Под приветственные клики королева Нантусвель послала вниз салфетку, продетую сквозь великолепный перстень (Стейн и не заметил, что салфетка немного перемазана банановой мякотью). Тануски вопили от восторга, рыцари изо всех сил сдерживались, чтобы не показать свою зависть. Служитель подвел к Стейну халика, и тот покинул арену.

«Это мой парень!» — выкрикнул Эйкен на верхнем регистре умственной речи.

Тагдал вернулся в ложу, распространяя вокруг себя атмосферу раздражения и досады.

— Ну, Тэгги, не расстраивайся! — уговаривала его королева.

— Не понравилось? — пискнул Грегги.

Раздался оглушительный удар грома.

— Вот вам в точности мои чувства! — прорычал Верховный Властитель Многоцветной Земли. — Прошу у всех прощения. Я должен совершить

монарший отлив.

— Не любит он людей. — Глуповатая мордочка лорда Грега-Даннета вдруг озарилась светом мудрой проницательности. — И вы не любите, моя королева, и весь ваш род… Король терпит нас как необходимое зло, а по вам, лучше бы «врата времени» и вовсе не открывались.

— Как тебе не стыдно, шалунишка! — возмутилась Нантусвель. — Кому-кому, а тебе-то известно, что люди — мои лучшие друзья. Что подумает Брайан? На-ка лучше, съешь яичко.

Мастер генетики взял резную серебряную тарелочку со сваренными вкрутую яйцами и озадаченно уставился на нее.

— Яйца! Вот от них-то и все раздоры! Только представьте, светлейшая леди, в человеческих яичниках их содержится двадцать пять тысяч! И угораздило же Мать Природу так щедро напичкать женщину яйцами! — Он покосился на Брайана, взял яйцо, обмакнул в вазочку с горчицей и задумчиво осмотрел со всех сторон, прежде чем откусить. — Знаете, доктор Гренфелл, как в плиоцене зовут Мать Природу? Тана!.. Или Тэ, если придерживаться верований фирвулагов.

— Грегги, дорогой, не болтай с набитым ртом, — строго сказала королева.

По гладким щекам безумца заструились слезы.

— Если б можно было заставить ее размножаться вегетативным путем!

Брайан понял, что речь идет уже не о Матери Природе.

— Вы не поверите, Гренфелл, моя старая лаборатория в университете Джона Хопкинса и то была оснащена лучше, чем здешние! — продолжал лорд Даннет.

— Не отвлекайся, Грегги, — перебила его Нантусвель. — Видишь, Агмол выезжает?

Леди Идона бросила на Брайана оценивающий взгляд.

— Вы уже сделали какие-то предварительные выводы, профессор? Помимо генетических проблем, тану очень обеспокоены растущей зависимостью от человеческой рабочей силы и технологии. За несколько недель вы наверняка заметили, что молодые тану не проявляют интереса к сельскому хозяйству и таким отраслям, как горное дело, градостроительство, обрабатывающая промышленность.

— То есть к основным видам деятельности, находящимся в моей епархии,

— раздраженно добавил лорд Алутейн. — Гильдия Творцов переполнена музыкантами,

танцовщиками, скульпторами, модельерами… А знаете, сколько студентов поступило в этом году на факультет светотехники? Пятеро! Через два столетия наши города будут освещены лампадами на оливковом масле и сальными свечками!

— Ваша тревога вполне обоснованна, — осторожно заметил Брайан.

— Уже пошли разговоры о том, чтобы отделить науки от искусств! — в негодовании воскликнул Властелин Ремесел. — Дескать, тану будут почивать на лаврах, а производством пускай занимаются люди! Как вам это нравится?

— Тут не обошлось без Гомнола! — невозмутимо заметила Идона.

— До каких же пор мне тянуть лямку! — не унимался Алутейн. — Ведь я из тех первых пришельцев, кто, заручившись поддержкой Бреды, бросил вызов федерации. Таких, как я, среди тану раз, два и обчелся: Тагдал, Дионкет, Мейвар, леди Идона, лорд Меченосец, старина Лейр, прозябающий в Пиренеях… Ну вот, и я уже пользуюсь географическими названиями, принятыми у людей! Всего-то шестьдесят с лишним лет существуют чертовы «врата времени», а тысячелетия культурного развития Дуата выброшены на свалку! Лучшие наши борцы — и те одни гибриды!

Весь наш древний мир с дерьмом смешали!

— Выбирай выражения, брат-творец! — вмешалась королева.

Грег-Даннет обнажил в ухмылке желтые зубы.

— Вы не можете загородить дорогу прогрессу.

— Даже так? — улыбнулась в ответ Нантусвель.

— Его высочество лорд Ноданн Стратег с супругой! — возвестил лакей в сером торквесе, отодвинув портьеру.

Брайан едва не ослеп от сияния розово-золотых доспехов на высоком стройном красавце.

— Сын мой! — воскликнула королева.

— Мама!

— Я так рада, что ты будешь присутствовать на этом испытании!

Губы Аполлона сложились в ироническую усмешку.

— Ну что ты, разве можно пропустить такое зрелище! Я даже привез маленький сюрприз любимцу Мейвар.

Королева расцеловалась со старшим сыном, затем взяла за руку женщину в великолепном наряде и головном уборе цвета зари и подвела ее к остолбеневшему антропологу.

— А вот и для вас сюрприз, Брайан. Мы ведь

обещали! Мой дорогой Ноданн наверняка захочет поближе посмотреть выступление Эйкена Драма, а вы пока садитесь рядышком и возобновите ваше знакомство. Ты помнишь Брайана Гренфелла, дорогая Розмар?

— Как я могу его забыть? — Мерси наклонилась и запечатлела на губах антрополога нежный поцелуй. Потом обратила кокетливый взор к своему красавцу лорду. — Ты не должен ревновать, мой демон. Мы с Брайаном старые, очень старые друзья.

— Да пожалуйста! — небрежно бросил Стратег.

Он открыл заграждение и по ступенькам сбежал к арене. Толпа на стадионе и грозовое небо разразились громом восторга.

На противоположной стороне арены Эйкен спрашивал лорда Меченосца:

— А это что за явление Христа народу?

— Скоро узнаешь! Насколько мне известно, он привез для тебя нечто особенное с болот Лаара.

Тагал вышел за перегородку и двинулся навстречу славному рыцарю тану. При появлении Ноданна игры на арене прекратились.

Стейн уже без доспехов усердно обгладывал жареную ножку какой-то довольно крупной птицы, стоя в проходе, ведущем к раздевалкам.

— Эй, малыш! — окликнул он Эйкена. — Тебя тут дожидаются. Твой старый приятель, известный кобель-производитель.

К ним подкрался Раймо Хаккинен; его белесые, в кровавых прожилках глаза лихорадочно блестели. Все взоры были прикованы к Стратегу, на Раймо никто не обращал внимания, но он тем не менее воровато озирался и говорил взволнованным шепотом:

— Я только на минутку, лорд Эйкен!..

Драм был явно огорошен.

— Ты что, рехнулся, дровосек? Какой я тебе лорд?! Я твой верный собутыльник.

Эйкен послал быстрый, испытующий импульс за набрякшие веки и обнаружил… полнейший хаос. В пучине усталости и ужаса, какую представлял собой теперь ум финна, нельзя было отыскать ни единой разумной мысли. Серебряный торквес как будто выпустил на волю бесов, осаждавших бывшего лесоруба. Все пережитое им за последние две недели в сочетании с функциональными отклонениями поставило его на грань психического срыва.

— Бабы, Эйк! Эти суки тану, пожирательницы мужиков! Они выжали меня как лимон!

Стейн хлопнул себя по мощным ляжкам и без

всякого сочувствия рассмеялся.

Раймо только голову повесил. Он сбросил килограммов пятнадцать. Его прежде пышущее здоровьем лицо покрылось морщинами и осунулось, белобрысые волосы торчали сосульками из-под легкомысленной шапочки, а на некогда могучем теле свободно болтался костюм в стиле итальянского Возрождения с буфами на узких рукавах и гульфиком на панталонах. Казалось, он вовсе не обиделся на смех викинга, а, молитвенно сложив ладони, бухнулся в ноги своему пройдошистому приятелю.

— Ради Бога, Эйк, спаси меня! Ты ведь все можешь! Я же вижу, как этот сучий город ест у тебя с ладони!

В целительстве Эйкен был не силен, однако сосредоточился, пытаясь сделать все, что в его силах, для истерзанного разума. На них начали оглядываться тану, участвующие в состязаниях, поэтому Эйкен вытащил беднягу в коридор. Стейн поплелся за ними, обсасывая косточку.

— Кидают меня друг дружке, словно мяч! — причитал Раймо. — Их тут чертова прорва, этих баб, и ни одна родить не может. Всех серебряных уже перепробовали, и серых тоже. Чуть мужик им приглянулся — сразу тянут в постель! А если

не набьешь их поганую утробу, они тебе такое устроят… Ох, Эйк, ради Бога! Ты ведь знаешь, что они могут сотворить с тем, на кого напялили этот сволочной торквес!

Эйкен знал. Он быстро пробежался по лабиринту заезженного, выхолощенного мозга, отключил цепи боли, задействовал успокоительную систему, способную принести временное облегчение. Когда дело станет совсем плохо, Раймо сможет ею защититься и немного восстановить силы. Его искаженное мукой лицо слегка порозовело.

— Не допускай их до меня, Эйк! — взмолился бывший лесоруб. — Мы ведь с тобой были не разлей вода! Не давай этим сукам затрахать меня до смерти.

В глубине коридора послышались громкие голоса и смех. Шесть высоких нимф неземной красоты с длинными белокурыми волосами, в радужных шифоновых платьях, усыпанных драгоценностями, устремились к финну с веселыми возгласами.

— Наконец-то мы тебя нашли, плутишка!

— Раймо, прелесть наша, почему ты нас покинул?

— Придется его наказать!

— А знаете, сестрички, кто вот тот, высокий?

Это Стейн! Давайте и его прихватим!

Благоуханное дуновение совместной принудительной силы, сопровождаемое смешками и непристойными жестами, подействовало на Эйкена и викинга, несмотря на воздвигнутые психологические барьеры.

Простонав напоследок: «Эйк, защити меня от них!» — Раймо исчез, увлекаемый белокурыми бестиями.

— Чертовки! — пробормотал Стейн.

Эйкена передернуло.

— Там, в нашем добром старом Содружестве, я бы над ним только посмеялся, но здесь… Ты не поверишь, что делается в его мозгу! Это хуже смерти! Где бедняге с ними справиться!

— Ему бы у тебя поучиться, — заметил Стейн.

По трибунам пронесся голос лорда Меченосца:

— Эйкен Драм приглашается продемонстрировать свое искусство перед королем и знатью Мюрии!

— Ну, я пошел! — Лицо плута вмиг посерьезнело. — Если меня пригвоздят, Мейвар покажет тебе, где спрятана Сьюки.

— Не поддавайся им, малыш! — напутствовал его викинг.

— Во славу и забаву Ваших Королевских Ве-

личеств выступает носитель золотого торквеса, кандидат от Гильдии Экстрасенсов, возглавляемой нашей достопочтенной леди Мейвар Создательницей Королей!

Вскочив на черного монстра, Эйкен поехал выполнять свой долг. Его встретили почти такой же бурной овацией, как и Стратега.

Сам Ноданн стоял у основания лестницы с непокрытой головой и выражением благосклонности на прекрасном лице. Когда приветственный гром трибун стих, он провозгласил:

— Многоуважаемая патронесса Эйкена Драма немало порассказала нам о его выдающихся метапсихических способностях. Но сейчас мы намерены испытать другие качества кандидата, отличающие всех наших товарищей по оружию: отвагу, решимость, ловкость. Покажи, на что ты годен, Эйкен, при встрече с противником, которого я для тебя выбрал… Имя его — Фобосук — упомянуто в древних сагах Гории. Большинство его сородичей вымерло почти пятьдесят миллионов лет тому назад. Но несколько особей сохранилось в болотах реки Лаар, чуть южнее моего родного города. Я усмирил его силой своего ума и доставил в столицу. Но тебя я призываю не нарушать правил нашего спорта! В схватке

с врагом у нас не разрешается использовать мозговые приемы. Твое оружие — физическая сила, мужество, врожденная хитрость. Если ты нарушишь предписания, наш благородный гнев падет на твою голову.

В публике прокатился глухой рокот. Противоречивые чувства охватили окружающих и передались маленькой фигурке в золотых доспехах; были среди них враждебность, презрение, страх, но в основном…

«Черт меня побери, — подумал Эйкен, — большинство желает мне победы!»

Ноданн закончил свои наставления, и король подал сигнал к началу. Эйкен направил иноходца к центру арены. В одной руке у него было зажато копье, другой он повторил Стратегу жест, изображенный на знамени, после чего поприветствовал сидящих в королевской ложе и всю публику.

Раздался дружный рев. Тяжелое заграждение арены растворилось во всю ширь, открыв темный зияющий проем. Последовала голосовая и мысленная команда Ноданна:

— Фобосук, выходи!

Дракон вырвался на арену, остановился посреди поля, разинул пасть и зашипел.

Зрители отозвались смешанным воплем

восторга и ужаса: такая диковинка впервые появилась на арене Мюрии. Фобосук напоминал чудовищного крокодила. Череп его достигал двух метров в длину, а зубы, оскаленные в разверстой голубовато-серой пасти, были размером с огромные бананы. Мощное туловище вытянулось по арене метров на пятнадцать; спинной хребет покрывали остроконечные костяные щитки. Безудержная фантазия Стратега добавила к бледно-зеленому с черными полосами окрасу геральдические розовые и золотистые узоры Гильдии Психокинетиков.

При виде черного скакуна Фобосук не утратил своего сардонического спокойствия: некоторое время он лишь слегка притопывал по песку кривыми лапами и глядел по-кошачьи прищуренными глазками. Но вскоре вопли толпы, яркое освещение и болезненный умственный посыл Ноданна разъярили его, и зверь стал озираться, намечая жертву. Затем он хлестнул зубчатым хвостом, выпустил ядовитые мускусные пары из своих клоачных желез и судорожным галопом устремился к ближайшей мишени.

На шотландской планете Далриаде, где родился и вырос Эйкен Драм, крокодилов никогда не видывали: экологи явно сочли данную рептилию

излишней для местной фауны. Так что Эйкен, увидев перед собой дракона, способного бегать, подобно скаковой лошади, едва не наложил в штаны. Однако порядок состязаний требовал, чтобы противники встречались лицом к лицу, потому коротышка волей-неволей сжал покрепче копье и, забыв о необходимости сообразовываться с доводами рассудка, что было силы всадил шпоры в широкие бока халикотерия.

Тот издал вопль ужаса и вмиг сбросил наездника. А сам пустился спасать свою шкуру в противоположный конец арены. Молодой человек в доспехах с золотым подбоем вскочил на ноги, подхватил копье и смазал пятки, к вящему удовольствию настигающего его Фобосука.

Мгновенное оцепенение сменилось свистом и ободряющими возгласами. Небеса сопроводили этот рев своей фанфаронадой, вдохновившей чудовище на не менее громовой ответ. Его гигантская пасть оставалась закрытой, дабы не мешать ему гоняться за Эйкеном с одного конца арены на другой. Тем временем судьи, клоуны, укротители, рамапитеки, вывозившие навоз, рыцари тану в латах с алмазной огранкой, высокопоставленные чиновники и прочие карабкались по головам друг друга, опасаясь, как бы крокодильи клыки

ненароком их не зацепили.

Добежав до лестницы перед королевской ложей, где стояли Ноданн, Тагал и другие благородные наблюдатели, напоминая высеченные из драгоценного камня шахматные фигуры, Эйкен резко повернул вспять и короткими зигзагами понесся к центру арены, а метрах в трех за ним прыгал уже слегка запыхавшийся Фобосук. Метнув на бегу копье так, что оно вонзилось острием в землю, Эйкен подпрыгнул, ухватился за него, как за шест, и золотой ракетой взмыл в воздух. Приземлился он как раз позади Фобосука.

Возя брюхом по земле, хищник в недоумении взирал на все еще дрожащее копье. Затем ужасающая пасть развернулась к человечку, крутившемуся возле хвоста. Но Эйкен не дал чудовищу возможности сосредоточить на себе взгляд. Легко, словно подхваченный ветром осенний листок, он вспорхнул на узловатую спину и побежал по ней, стараясь удержать равновесие. Противник извивался всем телом: намерения этой мелкой добычи были ему непонятны.

И вдруг дракон будто окаменел. У толпы вырвался единый вздох, когда Эйкен упал ничком на ярко размалеванную шкуру и мертвой хваткой вцепился в пару щитков. Фобосук передернулся

в попытке стряхнуть блоху, что прилипла к его спине. Клацая челюстями с шумом камнедробилки, он с гибкостью василиска подбрасывал вверх свое трехтонное тело и силился ухватить Эйкена черными ятаганами, украшавшими его лапы. Поднятые хвостом клубы пыли мгновенно окутали и самого дракона и присосавшегося к нему золотого клеща. Через минуту он остановился передохнуть, и публика увидела, что Эйкен все еще лежит между двумя рядами щитков, расположенных на уровне передних лап чудовища.

Фобосук плюхнулся на брюхо и отчаянно зашипел. Когда длинная — в рост Эйкена — пасть закрылась, плут проворно вскочил на ноги, прошмыгнул по шее позвоночного, между глаз и спрыгнул с острия морды. Как зачарованный, монстр глядел на Эйкена, выдергивающего из земли копье. Тем же путем человек вернулся на спину дракона; фиолетовое знамя реяло над пропыленным золотым шлемом.

— Кончай его! — послышался трубный голос трибун.

Фобосук взревел, пасть снова раскрылась, и кошмарный череп навис над Эйкеном, точно подъемный мост. Держа наготове копье, коротышка заглянул в перевернутые глаза дракона.

Внутреннее видение открыло ему за плотной, ярко изукрашенной оболочкой две глубокие париетальные полости. Эйкен выбрал правую полость, вонзил в нее копье, затем мгновенно спрыгнул со спины чудовища и отбежал на безопасное расстояние. Опять раздался вой, довольно продолжительный, поскольку драконы не сразу издыхают. Но наконец громадное тело рухнуло в пыль. Эйкен вырвал из кровоточащего мозга треснувшее копье с разорванным знаменем и медленным шагом направился к королевской лестнице.

Там его уже ждали король, и улыбающаяся королева, и отчужденно-надменный Стратег… А еще высокая согбенная фигура в балахоне сливового цвета. Мановение костлявой руки — и вот уже пыльные доспехи сияют, как новенькие, над головой полощется свежевыстиранное знамя, а исчерна-фиолетовый плащ на плечах сливается с цветом грозового неба.

Маршалу трижды пришлось прокричать: «Прошу тишины для акколады Его Королевского Величества!» — прежде чем публика угомонилась.

Лорд Меченосец выступил вперед и подал королю ножны, из которых Тагдал извлек амети-

стовый меч. Держа лезвие в одной руке, а золотую рукоятку в другой, король поднес оружие к лицу победителя.

— Мы посвящаем тебя в рыцари, служи нам вечно и верно. Какое имя решил ты себе избрать, вступая в ряды доблестного воинства тану?

Приглушенный внутренний голос Мейвар разнесся по арене:

«Это необязательно. В свое время я сама подберу ему имя. Но срок еще не настал.»

Король молча сжал губы, а нити его серебряной бороды сделались точно каменные.

— Подчиняюсь достопочтенной сестре, твоей леди-патронессе. Ты сохранишь человеческое имя до тех пор, пока не придет время… назначенное ею. Итак, прими меч, лорд Эйкен Драм, пусть он послужит тебе… и мне в поединке с Делбетом.

Юный наглец с ухмылкой принял сверкающее лезвие. Под восторженное «Сланшл!» лорд Меченосец надел ему перевязь и прикрепил к ней ножны.

Грег-Даннет свесился через перила королевской ложи, осыпая всех крошками яичного желтка.

— Ах, молодец! Ну и парень! Вот здорово! — Он повернулся к Властелину Ремесел, который с непроницаемым лицом наблюдал за происхо-

дящей внизу церемонией. — Ведь доказал, всем доказал, что он не только талантливый метапсихолог, но и храбрый воин! А мы-то думали, старуха Мейвар из ума выжила…

— Не будь ослом, Грегги! Драму предстоит бой с Огнеметателем. Где такому хлюпику с ним справиться?

Грег-Даннет шмыгнул носом.

— Не справится, думаешь? Букмекеры уже принимают ставки триста к одному в его пользу. То есть так было, пока он не отделал дракона. Может, и нам с тобой пари заключить, а?

У основания лестницы Мейвар обнимала своего протеже. Король и Стратег поднялись в ложу, вид у обоих был мрачный.

— Пари? — всполошился Алутейн. — Нет уж, Грегги, без меня.

— Так я и знал! — вздохнул Чокнутый и потянулся за вторым яйцом.

11

Тримаран летел на запад вдоль побережья Авена, перекрывая мелкую соленую лагуну на крыльях психокинетического ветра, взнузданного Мерси в ответ на возражение Брайана, что погода слишком тихая для плаванья под парусом.

Они долго плыли, сменяя друг друга у руля. Мерси пела странно знакомую песню тану, а красно-белый парус трепетал на ветру у них перед глазами, закрывая вид далекой земли и заснеженные вершины Бетских Кордильер на востоке.

Как странно, думал он, млея от близости Мерси, и от стремительного скольжения по воде, и от жаркого солнца, как странно сознавать, что такой некогда была Земля. Драконова гряда Авена, которая в будущем станет островом Мальорка, поросла диким лесом, а меж этих чащ раскинулись луга, где в королевских заповедниках пасутся гиппарионы, антилопы и мастодонты. Эти бронзовые холмы, маячащие в дымке по правому борту, через шесть миллионов лет станут островами под названием Ивиса и Форментера.

Но никогда уж больше не плыть ему на яхте по лазурным водам, ведь плиоценовые воды белы, как молоко, как ее дикие, отражающие море глаза… Странно!

Громада Балеарского полуострова возвышалась тяжелыми отложениями, соляными и гипсовыми, оставшимися от многочисленных обмелений и наводнений Средиземноморского бассейна. Потоки изрезали южную каменистую оконечность Авена бесчисленными бороздами, загогулинами, спиралями, излучающими волшебное пастельное сияние… И все это бесследно исчезнет в эпоху Галактического Содружества под многотонной толщей океана, которая вдавит морское дно вглубь на два километра и даже больше, прорвет бездны там, где сейчас в фарватере тримарана блестят плиоценовые мели. Как странно.

В конце концов гипсовые россыпи сомкнулись вокруг кольцом ослепительно сверкающих дюн; средь них, словно мираж, выделялись уступы Огненной скалы. Яхта плыла по таинственному фиорду, и белизна уступила наконец место фиолетовому и серо-голубому; по обе стороны вставали разъеденные, тлеющие вулканические наслоения, лишь кое-где одетые хвойным лесом. Фиорд был глубокий — видно, вода в него посту-

пала из какого-то подземного источника. Ветер, послушный воле Мерси, толкал их вперед, погоняя течение, и вскоре они вышли на открытое пространство соляных болот, зеленую живую гладь, тянувшуюся на запад без конца и края.

— Большое Гнилое болото, — прервала молчание Мерси. — Испанская река несет сюда пресную воду с Бетских Кордильер — видишь вон те высокие пики, которые в будущем мы назовем Сьерра-Невада?

Благодаря тому, что соленая болотная вода была чуть разбавлена пресной водой, природа здесь не казалась такой враждебной всему живому, как на берегах средиземноморских лагун. Осока и мангры заполнили мелководье, там и сям виднелись островки, поросшие кустарником, деревьями твердых пород, виноградниками. В воздухе кружили чайки и пестрые голуби. Стая розово-черных фламинго при виде тримарана бросила выуживать из воды ракообразных и с гортанными криками взмыла в небо.

— Вот здесь и бросим якорь, — решила Мерси.

Психокинетический ветер стих до легчайшего бриза. Они остановились в красивой бухте, холмистые берега которой были надежно защищены от солнца лаврами и тамарисками.

— На фиорде, собственно, и кончается Южная лагуна, — пояснила она. — Туда, к западу, еще километров сто пятьдесят — сплошь болото, а за ним пересохшие озера, пески, солончаковые пустоши до самого Гибралтара. Все эти земли, за исключением вулкана Альборан и еще нескольких вершин, гораздо ниже уровня моря, и обитают на них только ящерицы да насекомые.

Мерси аккуратно свернула трос. Оставив Брайана возиться с парусами, она скрылась в каюте и вынесла оттуда упакованную им корзину с провизией: бутылкой настоящего «Крюга 03» с черного рынка, местным сортом чеддера, колбасой из гусиной печенки, сливочным маслом, длинным батоном хлеба и апельсинами — сезон черешен уже прошел.

— Если бы ты дождалась меня там, в будущем, — вздохнул Брайан, — мы бы теперь ели все это в Аяччо. Я собирался увезти тебя туда. Море винного цвета, ужин под корсиканской луной…

— И любовь, да? О, милый Брайан! — В ее диких глазах появился опаловый блеск.

— Я хотел жениться на тебе, Мерси… потому что полюбил с первого взгляда и на всю жизнь. Оттого и пошел за тобой… так далеко.

Она дотронулась до его щеки. Бриз ласково

шевелил тяжелую волну золотистых волос, перехваченных на спине узкой ленточкой. Сегодня она отказалась от экзотических нарядов — надела простой пляжный костюм в зелено-белых тонах, сшитый по моде грядущей эры. Лишь торквес, сверкавший в треугольном вырезе на груди, напоминал Брайану о пропасти, отделяющей Мерси от Розмар.

Но какое это имеет значение? Что стоят все пропасти, все интриги тану, в том числе красавца любовника, цинично вручившего ему Мерси перед отъездом на свой престижный Турнир?.. Она здесь, рядом, не выдуманная, а настоящая, все остальное — вздор, о котором можно забыть, по крайней мере на время.

«Пусть летят в тартарары земля и небо, я все равно буду любить ее…»

— Ты счастлива с ними? — спросил он.

Нарезая стеклянным ножом хлеб и сыр, она спокойно проговорила:

— Сам не видишь, Брайан?

— Ты изменилась. Словно бы ожила. В нашем мире ты никогда не пела.

— Откуда тебе знать?

Он лишь улыбнулся.

— Я рад, Мерси, что здесь тебе хочется петь.

— Я всегда была чужой в том мире, где родилась. Не смейся! Нас, изгоев, там было больше, чем ты думаешь. Никакое воспитание, никакая мозговая химия или глубинная коррекция не приносили мне удовлетворения. С мужчинами — прости за откровенность — я чувствовала лишь минутное наслаждение, не больше. Никого из людей я по-настоящему не любила.

Брайан разлил шампанское в бокалы. Ее слова, как и все остальное, не имели значения и потому не задевали его. Она с ним — вот что главное.

— Я уверена, Брайан, все дело в латентности. Здесь мне помогли это понять. Меня угнетало подспудное, нереализованное метапсихическое напряжение. У активных метаносителей в Галактическом Содружестве есть их Единство, а мне на Земле будущего не было места. Я нигде не находила покоя… Временное облегчение мне давали наркотики, музыка, работа со средневековыми мистериями в Ирландии и во Франции… Но все было преходящим. Я ощущала себя неудачницей, аутсайдером. Нежизнеспособной пеной на поверхности нашего пресловутого генного водоема.

— Мерси!.. — «Я все равно буду любить тебя, независимо ни от чего».

— Теперь с этим покончено! — радостно засмеялась она и взяла у него бокал с пенящейся жидкостью. — Господи, какой же никчемной дурой я была, все суетилась, как мошка вокруг лампы! Играла в свои игры в Замке, делила постель с такими же неудачниками, задыхалась в наркотическом тумане… Старомодные пороки… Покуришь — и впадаешь в эйфорию. Я прихватила несколько порций сюда и даже не предполагала, что здесь они мне не понадобятся. Все, что здесь меня окружает — Земля, необычные существа, их образ жизни, — это то, о чем я всегда неосознанно мечтала.

— А я всегда мечтал только о тебе, — признался Брайан. — Пускай ты не можешь меня любить, я все равно буду счастлив сознанием того, что ты счастлива.

Она провела пальцами по его губам, потом поднесла к ним свой бокал с шампанским.

— Милый мой! Ты редкий человек, Брайан. В своем роде такой же уникум, как я.

— Я не стану мешать, если тебе хорошо с ним…

— Тсс! Ты ничего не знаешь, здесь все иначе. Иной мир, иные обычаи. Тебя, как и меня, ждет новая жизнь. И никто пока не может сказать, что с нами будет.

Подняв глаза от бокала, Брайан встретился с ее диким взглядом, все еще не понимая смысла ее слов.

— Знаешь, что они со мной сделали?.. Что сделал со мной этот золотой торквес? Я стала творцом!.. Но не тем, кто из иллюзий создает произведения искусства. Нет, лучшие творцы тану способны собирать энергию и направлять ее в нужное русло. И я теперь умею вызвать молнию, сконцентрировать световые лучи, накалить или охладить что-нибудь одним взглядом. А еще я умею то, чего не может ни один тану: из воздуха, из воды, из летящей пыли, из старого тряпья создавать самые немыслимые вещи. Вот, взгляни!

Она раскачала яхту, вытянула руки к небу — богиня, собирающая ветер, и грязь, и болотную тину, и клетчатку, и сахар, и кислоты, и травяные эфиры… Вспышка, взрыв, и…

Она протягивала ему полные пригоршни черешни и смеялась как безумная.

— Я прочла о ней у тебя в мозгу. Тебе было жаль, что ты не можешь угостить любимую женщину любимыми ягодами! Что ж, вот они! Неплохое завершение для пикника, который мы так долго откладывали? Мы съедим их вместе с золотыми яблоками из сада Гесперид!

Все вздор, сказал себе Брайан. Только Мерси реальна в этом мире. Оттого он не перестал улыбаться и не потерял спокойствия, когда она бросила черешни на салфетку, покрывавшую стол. Ягоды были свежие и холодные… сгущенные капли росы и пряного сока в форме сердечек.

— Я еще только учусь пользоваться своей силой. И нет никакой гарантии, что сумею ее полностью передать ребенку, так как высший дар непредсказуем. Но кто знает?.. Может быть, когда-нибудь я научусь управлять своими генами. Ноданн, в отличие от Гомнола и Грегги, считает это вполне возможным. Если же нет, я все равно буду творить чудеса! Невероятные чудеса!

— Ты сама — чудо, — откликнулся Брайан. «Только вот ребенок — чей он?»

— Глупенький! — воскликнула Мерси с притворным негодованием. — Тагдала, конечно, первенец всегда должен быть от него. Ты же слышал о здешнем праве первой ночи… Для тебя это важно?

— Для меня важно только то, что я тебя люблю. И всегда буду любить, кем бы ты ни была.

— А кто я, по-твоему? — Она заглянула в его мысли, и на этот раз гнев, сверкнувший в ее глазах, был неподдельным. — Я не наложница

Ноданна, я его жена. Из всех он выбрал меня!

«А до тебя еще шестнадцать танусок и четыре сотни латентных женщин, тоже очень талантливых…»

— Мне все равно, Мерси. Перестань читать мои мысли! Они рождаются помимо нашей воли. И ничего общего не имеют с моей любовью к тебе.

Она отвернулась и окинула взглядом заболоченное пространство.

— Он одолеет Тагдала и станет королем, когда завоюет полную поддержку воинской братии. Невзирая на Мейвар, он бросит старику вызов и одержит победу на Поединке Героев. А я буду его королевой. Его прежним любовницам со мной нечего тягаться. Все тануски пустоцветы, за исключением пяти, которые родили дочерей и умерли. Что же до прекрасных плодоносных женщин… ни одна из них не могла похвастаться такими талантами, как у меня, и всех он отверг. А меня не отвергнет. После того, как я рожу Тагдалу ребенка, у меня будут дети от Ноданна. Пускай я не смогу манипулировать генами, но обязательно научусь расщеплять зиготу и стану приносить ему не по одному, а по два, по три ребенка. С помощью Кожи я буду рожать их спокойно, без боли, одного за другим… Я рожу сотни детей! И буду

жить долго, тысячи лет. Что ты на это скажешь?

— Я уже сказал, что желаю тебе только счастья.

Когда Мерси увидела, в какую бездну отчаяния повергла Брайана перспектива ее возвышения, она словно оттаяла. Слегка расставив ноги, он стоял на раскачивающейся палубе. Мерси подошла, обвила голыми руками его шею, прижалась к нему всем теплым, душистым телом.

— Брайан, не грусти! Я же говорю: это иной мир. Я не могу обещать, что буду только твоей, но не думай, я тебя не оттолкну. Не оттолкну, если ты будешь тактичен и послушен. Если… поможешь мне.

— Мерси!

Она приникла к нему губами. Их сладкая нежность полностью захватила его, рассеяла все сомнения, все страхи и доводы разума. Он закрыл поцелуями ее дикие глаза, и его собственные тоже закрылись для реального мира, словно бы сгоревшего в огне обоюдной страсти. Их умы и тела слились воедино с такой легкостью и совершенством, точно это было соитие не мужчины и женщины, а двух ангелов. Он боготворил ее; она, принимая, возносила его ввысь, пока оба не насладились друг другом в порыве безграничного

блаженства.

— Вот так бывает у нас, — заключила она. — Только здесь телесная и духовная близость достигает столь сладостной гармонии. И ни с кем у тебя уже больше так не будет.

— Да, — согласился Брайан. — Да.

— Ты поможешь мне?

— Я сделаю все, чего бы ты ни пожелала.

— Когда проснешься, не забудь о своем обещании, милый… если действительно меня любишь. Если желаешь мне счастья. У меня есть враги, много врагов. Они постараются помешать мне достичь моего высшего предназначения. Ты должен помочь. Я научу тебя — как. Ты мне нужен.

— Только не прогоняй меня, — услышал он свой голос.

— Нет, нет, никогда!

Солнечный свет померк, дыхание зноя слабело, по мере того как Брайан погружался в неведомые глубины.

— Ты будешь со мной, будешь любить меня… Сколько сможешь.

12

Тело в прозрачном саване лежало на черном стеклянном постаменте в большом зале Гильдии Корректоров.

Рыцари Высокого Стола и благородные леди собрались вокруг, чтобы отдать последний долг. Здесь были королева Нантусвель, Идона — Покровительница Гильдий, Дионкет Главный Целитель, Мейвар — Создательница Королей, Алутейн — Властелин Ремесел, глава Гильдии Принудителей Себи Гомнол, Кугал — Сотрясатель Земли, сын королевы и заместитель Ноданна по психокинезу. Кроме них, на панихиде присутствовали Имидол, вице-президент Гильдии Принудителей, Риганона, медиум номер два, Королевский Дознаватель Куллукет и Анеар Любвеобильная — вс„ дети Нантусвель, а также Катлинель Темноглазая — дочь бывшего главы Гильдии Принудителей Лейра. Среди великих не было лишь Верховного Властителя Тагдала, Ноданна Стратега, лорда Тагала Меченосца, девы-воительницы Буноны, Фиана — Разрывателя Небес, Альборана — Пожирателя Умов и Блейна Чемпиона; все они отправились охотиться на

Делбета.

Глядя на мертвую Анастасию Астаурову, власти Многоцветной Земли в полном согласии умов пели песню. Смертная пелена подернула широко раскрытые глаза покойницы, раздутые ноздри, стиснутые зубы, видневшиеся меж тонких губ, изящную шею в золотом торквесе. Белы и холодны как снег были ее роскошные груди, и тело, опутанное маленькими колокольчиками, и сильные ноги танцовщицы, и руки искусного хирурга.

Умственная речь с быстротой электрических разрядов мелькала средь скорбного сборища, наполняя траурный зал многообразными оттенками.

Нантусвель. Прощай, Таша Байбар! Ты умерла в расцвете красоты, твои земные дары остались с нами, увы, до конца не понятые и не исчерпанные. Даже после коррекции ты жила в муках и смерть нашла в гротескном танце.

Дионкет. У танца с саблями вышла непредвиденная концовка, не правда ли?

Гомнол. Она была гениальна. Ее надо было спасти!

Дионкет. Весь штат моих целителей три недели пытался реанимировать ее в Коже, но ум Таши

оказался непроницаем. Слишком много было нежелательных факторов: проникающее ранение, затяжное безумие, отгородившее ее от нашей любви, подсознательная тяга к забвению. Даже в лучшие моменты сосуд ее жизненных сил был слишком хрупким, неприспособленным, беспомощным в своей транссексуальной конверсии.

Алутейн. Таких хирургов у нас больше нет.

Гомнол. Ни один хирург тану не сравнится с ней. А человек не сможет, да и не захочет делать то, что делала она.

Идона. Она открыла для нас женское чрево, стала гарантом выживания тану. До ее появления мы жили в постоянном страхе перед этим жестоким солнцем и приумножались медленно, ох как медленно! Она указала нам путь к преодолению наших биологических дефектов, к возрождению, к власти над планетой. Честь и слава Таше Байбар, нашей спасительнице!

Алутейн+Гомнол. Честь и слава!

Мейвар. Со временем мы бы сами себя спасли.

Идона. С помощью рам-эрзацев? Едва ли.

Алутейн. Даже сейчас, достопочтенная сестра, фирвулаги превосходят нас в четыре раза.

Мейвар. И тем не менее.

Нантусвель. Слушайте Мейвар. Она говорит

правду, хотя ее видение и отличается от взглядов нашего клана. О да… мы можем и должны выжить самостоятельно. Что до способов — я смиренно указую на плоды чрева моего, на детей Тагдала и Нантусвель, сильных тану без примеси человеческой крови, на тех, кто восседает в Высоком Столе, на лидеров наших Гильдий. В них истинное спасение расы! Мои дети и внуки — живой пример выживаемости тану на Земле, нашей расовой преемственности. Нет, я вовсе не склонна недооценивать достижения Байбар или вклад других наших благодетелей. Но да будет всем известно, что тану способны выжить и без смешения с человеческими генами! Двести сорок два сильнейших отпрыска Нантусвель доказали, что полностью адаптировались к жизни на планете.

Кугал+Имидол+Риганона+Анеар. Попомните слова августейшей королевы! Мы

— основа и надежда нашего племени!

Идона. Однако, моя королева и сестра, степень воспроизводства твоих детей пока что гораздо ниже нормы. До сих пор твоя плодовитость не знает себе равных среди чистокровных тану.

Гомнол. Вы ведь не станете отрицать, что люди спасли тану от генетического кризиса! За шесть-

десят с лишним лет межрасовых браков прирост населения увеличился в десять раз. К тому же среди гибридов ваши лучшие борцы, воины, служители творческой и принудительной сфер.

Куллукет. Но мы сомневаемся в целесообразности дальнейшего изменения нашей наследственности.

Имидол. А заодно, брат, и в твоих планах относительно этой метаактивной женщины — Элизабет.

Гомнол. Ах, вот в чем дело!

Анеар. Дорогой названый брат, наш клан только приветствует смешение человеческой крови с кровью тану. Мы безоговорочно приняли в наше лоно верных нам золотых людей, во многом обогативших жизнь тану на планете. Таких, например, как ты. Но мы озабочены тем, чтобы не растратить наше наследство порождением все большего числа гибридов.

Риганона. Нам необходимо увеличить чистокровное население. Так мы лучше послужил Тане. Или семья наша не доказала, что тану могут прекрасно воспроизводить себя на Земле? Ну разве что несколько медленнее.

Кугал. Если мы и впредь станем спариваться с людьми, нас ждет беда! Благородный брат

Стратег уже давно предупреждал нас. Но мы прельстились людскими благами и забыли его предостережения.

Куллукет. А перспектива появления потомства Тагдала и Элизабет заставила нас о них вспомнить.

Гомнол. Король полностью, всей душой разделяет мой план.

Идона. И мы с Алутейном его разделяем. Но нельзя не замечать и негативной роли человечества в нашем обществе. Тагдал тоже размышляет на эту тему, для того и попросил вашего ученого Брайана Гренфелла провести анализ взаимодействия культур. Назрела крайняя необходимость вникнуть в структуру психосоциальных течений, как благотворных, так и неблаготворных.

Кугал. Кому нужна ваша антропология?! Да мы своим расовым инстинктом чувствуем надвигающееся бедствие!

Имидол. Мы с королевой-матерью обдумали, что надо делать, чтобы сохранить наследие. Если гены Элизабет смешаются с нашими, коренные тану будут обречены. Потому мы требуем положить конец гибридизации. Вернуться к старым способам, пока еще не поздно.

Алутейн. Зачем же вместе с водой выплес-

кивать и ребенка? Единственное, чего вы с Ноданном боитесь, так это отстранения от власти вашей пресловутой династии.

Идона. Нет, не скажи, Властелин Ремесел. Имидол поднял очень серьезную проблему.

Нантусвель. Вот именно, любезная сестра!

Гомнол. Да рассудите же здраво, друзья мои! Что толку твердить о добрых старых временах? Я внимательно изучил отчеты лорда историка Сеньета. Неужто вы забыли, что творилось до появления здесь людей? Вы хотите снова жить в пустыне? Обратиться к охото-плодово-ягодной культуре фирвулагов? Ведь вы ничем не отличались от дикарей, пока мы не поделились с вами нашими генами и технологией!

Нантусвель. Нет, не совсем так, дорогой Гомнол. Жизнь была проще, это верно, не такая роскошная. Но уже тогда у нас в услужении были рамапитеки. И наша молодежь интересовалась ремеслами…

Алутейн. Да уж, не то что нынешние дилетанты! На сегодняшний день без людей и гибридов от нашей экономики остался бы пшик.

Нантусвель. Ну зачем же так, Алутейн! Не преувеличивай. Я, как и ты, из первых пришельцев, хотя на троне всего лишь восемьдесят лет. Нет,

мы жили хорошо. Охотились, занимались спортом, торговали с фирвулагами. Обменивали их меха, драгоценные камни, лекарственные травы и разные побрякушки на наши прекрасные ткани и стеклянные доспехи. А помнишь, как отважно сражались наши воины во время Великих Битв? Тогда между нами и древним врагом не стояли помехой люди. Помнишь Битву на фирвулагском Золотом Поле, как мы радовались, когда захватили Меч Шарна, с каким триумфом привезли его в столицу? Они рассчитывали через год отвоевать его, но мы сплотились, напрягли наши силы и мозги и победили в следующей Битве! О, то было прекрасное время, дорогой Властелин Ремесел! А теперь вот уже сорок лет мы одолеваем фирвулагов с помощью людей и гибридов… Но что-то мало радости от такой победы. А если враг в конце концов струсит и вовсе откажется биться?..

Мейвар. По крайней мере, это послужит доказательством их эволюции.

Дионкет. Да. Если не умственной, то хотя бы моральной.

Куллукет. Лорд Целитель, не думаешь ли ты, что я стану спокойно слушать, как ты с достопочтенной Создательницей Королей оскверняете ересью наши славные воинские идеалы?

Алутейн. Да пошел ты в задницу со своей ересью! Нам нужно поменьше таких трепачей и побольше инженеров! Дикие нравы хороши лишь до определенных пределов. Я лично за то, чтобы наши стеклянные духовки жарили и парили, а на столе всегда были хорошая еда и питье. Помню, в какой дыре мы сидели, когда на производстве были заняты только наши соплеменники. Им бы подраться, да поохотиться, да с бабой поразвлечься, а о выполнении дневной нормы и мысли нет. Доброе старое время годится лишь для воспоминаний. Признаюсь, и я когда-то купался в крови и швырял молнии налево-направо… Но нельзя же навеки отказаться от прогресса! «Врата времени» — реальность. К нам приходят люди, мы их используем. И жалеть о прошлом неконструктивно.

Нантусвель. Ну почему?.. Почему не взять то, что было раньше хорошего?

Кугал. Мы не против экономического прогресса, Властелин Ремесел. Но мы не позволим попирать идеалы тану, вытеснять их чуждыми нам человеческими ценностями. Пацифистские настроения лорда Дионкета, леди Мейвар и иже с ними всем известны — как их ни называй, ересью или моральной эволюцией! Но большинство не

разделяет их философии. Это философия убогих, гибридов и людей.

Гомнол. Брат-психокинетик извращает действительность. Все люди в торквесах, кроме нескольких случаев неадекватной реакции на умственную амплификацию, верны расе тану. Что же до попрания ваших идеалов… скажите, когда вы были сильнее — теперь или в прошлом? Вы правите миром! И мой план сделает вас еще могущественнее. Как бы то ни было, Земля — не родная для вас планета. Однако с нашей помощью вы адаптировались, и процесс продолжается в полном соответствии с волей Ганы.

Кугал. Вот спасибо ученому лорду! Не будь его, кто бы растолковал нам суть нашей собственной религии?

Гомнол. Вы совершенно напрасно не доверяете моему плану. Вашей династии ничто не грозит. Иначе разве Тагдал одобрил бы его? Или вы сомневаетесь в проницательности своего Властителя?

Идона. Перспективы, связанные с Элизабет, крайне заманчивы. Я представляю себе, насколько совмещение ее генов с нашими ускорит умственное развитие тану — от латентности к активности! Как было бы чудесно освободить-

ся от искусственного воздействия торквесов! Увидеть своих детей по-настоящему метаактивными, наделенными божественной силой, быть может, даже превышающей возможности метапсихологов из Галактического Содружества! Не будет больше «черных торквесов» — страшной трагедии для юных сознаний, неспособных выдержать умственную стимуляцию… Гены Элизабет помогут совершить эволюционный скачок во времени! Мы достигнем активности не через тысячи или даже миллионы лет, а увидим ее еще при жизни…

Алутейн. Да-а, мечты, мечты!

Гомнол. Это не мечты, а реальность! Вернее, станет реальностью, если вы из суеверного страха, или расового шовинизма, или мелких политических интриг не отвернетесь от моего плана. Антрополог докажет вам, что люди принесли на Многоцветную Землю больше хорошего, чем плохого. Или пусть мне отсекут голову!

Имидол. Последнее можно только приветствовать!

Нантусвель. Ну, ну, держите себя в руках.

Гомнол. Ваш клан талдычит о чистоте расы. Это совершенно антинаучный подход — спросите любого биолога из Галактического Содруже-

ства! Если взглянуть беспристрастно на вашу пресловутую чистую наследственность, что мы обнаружим? Черты фирвулагов с безумной навязчивостью повторяются в каждом третьем из новорожденных.

Кугал. Полегче, лорд Гомнол! Потомство нашей матери незапятнанно. Ни разу она не породила врага.

Гомнол. Пусть так, но нельзя одной рукой избавляться от аллелей, а другой стремиться их закрепить. Вы желали бы использовать потомство королевы как первичный образец породы, однако не оно, а именно фирвулаги являются носителями активных метафункций! Верно я говорю, леди Идона? Хорошо, мы с Грегги уже не настаиваем на скрещивании с врагом. Но Элизабет… Это же уникальная генетическая перспектива. Активный человеческий экземпляр не только обеспечит выживание тану, как сделали латентные люди, но позволит вам совершить огромный эволюционный скачок, о котором упоминала леди Идона. С помощью моего плана тану осуществят свое высшее предназначение!

Кугал. Опять ты берешь на себя смелость толковать волю Таны!

Нантусвель. Да, Гомнол, Богиня сама знает,

каким путем нас вести… И потом, мы опасаемся, что гены Элизабет превратят нас в людей. Или, во всяком случае, в иную расу.

Кугал+Имидол+Риганона+Куллукет+Анеар. Нам не по пути с человечеством. Мы хотим вершить свою судьбу без участия людей!

Гомнол. Тогда почему сам Ноданн взял себе жену из моего племени?

(Смущение.) Гомнол. Быть может, вам следует освежить в памяти наследного принца священную волю Таны?

Нантусвель. Не богохульствуй, лорд Себи Гомнол! По-моему, мы выразились более чем ясно: тану признают преимущества, обеспеченные им человеческими генами. Более сильные тела, улучшение воспроизводства, усиление принудительных и корректирующих метафункций. А в лице драгоценной Розмар мы приняли в наш клан редкий, невиданный ранее экземпляр творческой силы. Она уникальна! Ценность ее генов очевидна. Мы приветствуем ее как достойную супругу нашего будущего короля. Но у моего милого Ноданна было много жен — ведь ему едва исполнилось восемьсот лет — впереди еще долгие годы, если он того пожелает. Так что не будем отклоняться от темы разговора. Ты, наш прием-

ный сын, предполагаешь пойти дальше брачных обычаев, существовавших доселе между двумя расами. Элизабет — не просто талантливый образец латентности, как ты или Розмар. Она достигла высшего уровня активности, и ее гены для нас опасны. По прогнозам лорда Грега-Даннета, все ее потомство будет активным — хотя, возможно, и не столь могущественным, как мать. Грегги высказал также соображение, что для скорейшей активизации расы необходимо имплантировать ее яйцеклетки в чрева… нет, не рамапитеков, а женщин и тану! Но кто может гарантировать, что народившееся поколение останется верно нашим идеалам? По логике вещей, новая раса будет хранить прежде всего традиции своего собственного племени.

Идона. Да, это опасно.

Алутейн. Такая возможность не приходила мне в голову. И едва ли Грегги сообщил о своих планах Тагдалу. Искусственная имплантация не соответствует пониманию наслаждения нашим королем.

Гомнол. Смешно, ей-Богу! Дети Элизабет будут такими же тану, как и прочие гибриды, — ведь все дело в воспитании.

Кугал+Имидол+Риганона+Куллукет+Анеар.

Потомство Нантусвель придерживается иной точки зрения. Есть только один способ уберечь наследие тану. Активная женщина должна умереть.

Гомнол. Нет, вы не вправе разрушить ее гены! Неужели вы согласны ждать развития активности миллионы лет? Грядущие поколения назовут вас более чем недальновидными! А когда вы опомнитесь, будет слишком поздно. Возможно, такая, как Элизабет, больше никогда не пройдет через врата времени.

Нантусвель. Лучше бы и она не проходила.

Гомнол. Она уже здесь. Вы нарушите волю Таны, если пустите ее в расход… И довольно пудрить мне мозги своими религиозными проповедями! Как будто у вас есть грамота Богини с личной печатью: ОДОБРЯЮ! Мой план с той же вероятностью может совпасть с божественной волей.

Алутейн. Да к черту все разговоры об активности через миллионы лет! Мы ведь знаем, что тогда будет на Земле. Рамапитеки превратятся в людей. И вымрут! Вот она тебе, воля Таны! Может быть, Тагдал и прав насчет плана Гомнола. По крайней мере, он даст нашему народу временной разбег с метапсихическими играми перед концом света. Напряжем мозги, доведем их до активно-

сти и, может, выберемся с этой сраной планеты!

Нантусвель. Алутейн, дорогой, не забывайся, пожалуйста!

Алутейн. Ах, если б можно было хоть в чем-нибудь быть уверенным! Эти пресловутые гены Элизабет… Если б они не были такими… человеческими, черт побери!

Гомнол. Да сколько же вам повторять одно и то же?! Все мои помыслы только о благе тану!

Нантусвель. Однако досадный вопрос о возможной зависимости нашей расы от человечества остается открытым. Признаюсь, я с тревогой ожидаю результатов антропологического анализа.

Катлинель. А если он докажет, что культурное влияние было в основном неблагоприятно? Тогда ваше потомство потребует предать всех людей смерти? И гибридов, подобных мне, тоже порешите? Вы ведь именно такой план вынашиваете?

Нантусвель. О Кэти! Как ты могла подумать такое?

Катлинель. Все так думают, королева-мать.

Имидол. Чепуха!

Куллукет. Ты переутомилась, творческая сестра. Позволь дать тебе успокоительное.

Катлинель. Нет уж, спасибо, брат-творец!

Идона. До Перемирия и возвращения Тагдала

мы должны принять какое-то решение. Наверняка можно найти компромисс.

Кугал+Имидол+Риганона+Анеар. Но только не для Элизабет.

Алутейн. Есть еще один аспект, до сих пор никем не затронутый. Пока мы обсуждали только генетическую угрозу, а как насчет другой? Впишется ли он в схему Гомнола? Или Эйкен ускользнул от внимания главы Гильдии Принудителей?

Гомнол. Я заверил короля Тагдала и заверяю вас, что этот парень — просто новая звезда на умственном небосклоне. Он сгорит так же быстро, как вспыхнул, через месяц-другой превратится в полного идиота.

Имидол. А ты что, испытал его на своих психометрических устройствах, брат-принудитель?

Гомнол. Ты прекрасно знаешь, что леди Мейвар не дала согласия на мое вмешательство в ум ее любезного протеже, брат-принудитель.

Имидол. Значит, все сказанное — пустые слова. Достопочтенная сестра, ты, как Создательница Королей, можешь поручиться, что молодой Эйкен Драм — всего лишь новая звезда?

Мейвар. Нет. Но он и не представляет угрозы для нашей расы.

Гомнол. Вот-вот! Даже если Эйкен не сгорит, он вполне безобидный раздражитель, пройдоха, не лишенный обаяния, на которое так падка толпа. Просто ваш народ до сей поры не встречался с подобными типами.

Анеар. Что ж, будем надеяться.

Риганона. Ноданн явно не склонен недооценивать Эйкена. Иначе зачем он настоял, чтобы они вместе бросили вызов Делбету?

Идона. Велика важность! Нам совершенно необходимо знать, почему безобидный, обаятельный пройдоха стал избранником Создательницы Королей. Давайте расставим все точки над «і». Станет ли Эйкен Драм добиваться участия в Поединке Героев?

Мейвар. Если с Божьей помощью Таны мой золотой мальчик победит Делбета, то станет.

Идона. Эйкен Драм не бесплоден?

Мейвар. Нет.

Идона. Вызовет ли он на поединок Ноданна?

Мейвар. Спроси его самого.

Нантусвель. Что?! Человек вызовет на поединок моего Ноданна?

Кугал+Имидол+Риганона+Куллукет+Анеар. Тана упаси!

Идона. Обладает ли Эйкен Драм достаточными

метапсихическими силами, чтобы победить Стратега?

Мейвар. Одной лишь Тане известно.

Алутейн. Вы ведь знаете, братья, что будет, если парень одержит победу. Знаете, верно? Он бросит вызов Тагдалу! Так вот в какие игры ты играешь, достопочтенная сестра!

Мейвар. Опомнись, Властелин Ремесел! Я не играю ни в какие игры! Я только делаю выбор, как мне указывает Богиня, и ни вы, ни все потомство, ни вся воинская братия Многоцветной Земли не вправе указывать мне, как вершить суд… Или вы осмелитесь?

(Страх.) Алутейн. Но ты ведь однажды уже промахнулась с Пуганном, так что никаких гарантий нет.

Мейвар. Ты прав, Властелин Ремесел, гарантий нет. Только Битва покажет волю Богини. И чтобы никто здесь не смел вмешиваться в мой выбор!

Куллукет. Никто и не собирается вмешиваться. Мы только хотим убедиться, что твои мотивы соответствуют идеалам тану.

Мейвар. Вот как, молодой целитель, ты и меня хочешь обвинить в ереси?

Куллукет. Может быть, ты станешь отрицать, что долго противилась воинствующей фило-

софии? Станешь отрицать свои симпатии к Минанану Еретику, который предал нас, объявив, что тану и фирвулаги неразделимы, как солнце и тень?

Мейвар. Бедняга Минанан опередил свое время и уже пятьсот лет расплачивается за это.

Куллукет. Вы с Дионкетом совсем обнаглели и строите козни, чтобы посадить на трон человеческую марионетку.

Дионкет. Достопочтенная Создательница Королей и я верны расе тану и намерены всячески способствовать славному свершению ее судьбы. Я призываю тебя соблюдать должное умственное почтение в обращении к старшим, брат-творец.

Нантусвель. Ах, все это так огорчительно! Куллукет, сынок, ты не можешь обвинять своих собратьев в ереси только на том основании, что они предпочитают спокойную жизнь охоте и турнирам. Среди нас всегда были мирно настроенные умы.

Имидол. А теперь число их растет. Особенно среди гибридов.

Катлинель. Гибриды тоже верны своей расе! Тану — наша раса! Но если убеждать Тагдала пересмотреть свои взгляды на древние насильственные обычаи забытой планеты из недоступной

галактики — ересь, то, возможно, мы виновны.

Нантусвель. Ни в чем вы не виновны, Кэти. Кулл совсем не то имел в виду. У многих моих детей мирный нрав, и если фирвулаги нас не спровоцируют…

Мейвар. Даже если спровоцируют, все равно некоторые предпочитают отсидеться в столице, пока другие рискуют жизнью, сражаясь с Дел-бетом.

Алутейн. Это в твой огород, Кулл. Ты как раз из тех, кто любит перекладывать свою грязную работу на чужие плечи.

Нантусвель. Не будем ссориться. Больше ни слова о ереси. Я запрещаю.

Идона. Внемлите! Мудрость нашей великой королевы безгранична.

Нантусвель. Пожалуй, в связи с Эйкеном Драмом и планом лорда Гомнола следовало бы рассмотреть еще одну возможность. Что, если в неопределенном будущем активные яйцеклетки этой женщины соединятся не с семенем нашего возлюбленного Тагдала, а с хромосомами чистокровного мужчины Эйкена?

Идона. Тана, помилуй нас! Вот где истинная угроза судьбе нашей расы!

Алутейн. Но, по нашим законам, зачатие чело-

веческого ребенка грозит смертным приговором как родителям, так и потомству.

Нантусвель. А кто вынесет этот приговор, если Эйкен Драм станет Верховным Властителем?

Имидол. Человеческая клика активных готовит против нас заговор!

Риганона. Они хотят сокрушить нас!

Куллукет. Вот и послушаем, что скажет наша верная Создательница Королей.

Мейвар. Я только выполняю волю Богини.

Имидол. Ага, и Гомнол тоже! Для нашего брата все мы — объекты его эксперимента, который он замыслил с тех пор, как вошел во врата времени.

Гомнол. Уж не хочешь ли ты инкриминировать мне превышение власти, брат-принудитель?

Нантусвель. Прекратите спор! Есть только один способ развязать этот узел.

Идона. Так назови нам его, сестра и мать.

Нантусвель. Мы должны узнать мнение Бреды.

Идона+Алутейн. Прекрасно! Тагдал наверняка согласится.

Риганона. Да что она там рассудит, эта двуликая старуха? Она никогда не вмешивается в дела королевства. И вообще Бреда не настоящая тану… а нечто другое.

Анеар. Нечто ужасное.

Идона. Слушайте, вы, трусихи! Бреда старше и мудрее всех нас, она — наша наставница и благодетельница еще с тех пор, как на нас ополчилась вся галактика. Именно ей было предназначено переправить в изгнание первых пришельцев.

Кугал. Святая правда, леди Идона. Но не будем забывать, что Бреда переправила сюда как тану, так и фирвулагов. Какими-то тайными судьбоносными нитями она связана с обеими расами. Так что нельзя быть уверенным…

Нантусвель. Мы можем только молиться, чтобы она нашла наилучший выход для обеих… нет, для всех трех рас!.. А теперь, дорогие мои, повелеваю вам соединить со мною ваши умы. На сей раз мы споем не плач по нашей бедной сестре Байбар, а гимн всем нам — изгнанникам, живущим на этой планете и блуждающим во мраке.

13

После двух недель противоборства все завершилось огромным черным отверстием в скале и необходимостью сделать нелегкий выбор.

— А что страшного, если мы устроим на него облаву под землей? — спросил Эйкен Драм.

Ноданн смерил своего ничтожного соперника насмешливым взглядом.

— На своих двоих? Без ищеек, которые взяли бы след и потом отвлекли его на себя?

Они сидели в седлах стреноженных халикотериев, ожидая, когда остальные участники Летучей Охоты присоединятся к ним у входа в пещеру. Свора охотничьих собак крутилась поблизости, что усиливало их растерянность. Ни одна из них не отважилась вступить далее чем на два-три метра в темную яму, откуда веяло сыростью и холодом.

— Давай все-таки разведаем, — предложил Эйкен.

Он послал в черноту светящийся шар своей умственной энергии, подобный падающей звезде. Оба охотника внутренним видением внимательно следили за его полетом. Шар до-

стиг огромной пещеры, заросшей сталактитами и сталагмитами, посредине которой блестело Большое озеро. На противоположном конце его низкий сводчатый коридор вел вглубь, и Эйкен направил светящийся шар туда, по извилистой подземной реке. Метров через пятьсот высота тоннеля уменьшилась, и наконец поток сорвался в пустоту, такую чернущую, что его энергия была не в силах осветить ее. Какое-то мгновение оба мысленным взором созерцали клубы водопада, низвергающегося в провал. Сияние погасло.

Из глубины донесся слабый смех.

— Ах ты, сукин сын! — выругал Эйкен далекого Огнеметателя.

Халикотерий Тагдала карабкался по каменистому склону, бок о бок с иноходцем Стейна; в последнее время король очень привязался к викингу. За ними на небольшом расстоянии следовали лорд Селадейр Афалийский, дева-воительница Бунона и десятка полтора психокинетиков, чьи способности помогали подниматься спотыкающимся животным. Из-за привычки Делбета бомбить своих преследователей шаровыми молниями Охота не могла подняться в воздух.

— Ну? — взревел Тагдал, взобравшись на вершину.

— Скрылся под землей, — сообщил Стратег.

Король снял свой алмазный шлем, поерзал в седле, пожевал серебряные усы.

— Чтоб ему провалиться! Две недели погони псу под хвост!

— Обычные его штучки, — заметил Селадейр, пожимая плечами под аквамариновыми доспехами. — Водит тебя, водит по плантациям, иной раз думаешь, что ты его уже загнал в тупик. Потом вдруг он собьет со следа, испепелит двух-трех серых, кого застигнет врасплох, — и опять поскакал. На-ка, мол, достань меня! Таков Делбет. И всегда дело кончается одним и тем же: юркнет в какую-нибудь пещеру и посмеивается над тобой.

— Для фирвулага он чертовски умен.

Лорд Афалии, разгоняя собак, подъехал к пещере.

— Неужели я стал бы просить вашей помощи против какого-нибудь слабака? Наше счастье, что Делбет — бродяга и не участвует в Битве!.. Ну вот, еще одно подземное убежище. Сегодня нам удалось загнать его дальше, чем когда-либо. Из этой части Кордильер можно попасть через ад прямо к Гибралтару.

Король сплюнул.

— Не знаю, куда нас, к черту, занесло — воздуш-

ную разведку не проведешь. Эй, Стейни, у тебя пивка не осталось?

Викинг протянул ему большую банку.

— Теперь, Ваше Величество, когда Огнеметатель скрылся под землей, вы можете летать сколько угодно, — заметил Селадейр. — Его несколько дней оттуда не выманишь. Так что можно спокойно возвращаться в Афалию.

— Как?! — вскричал Стейн. — Все бросить? Да ведь у нас осталось три дня до проклятого Перемирия! Еще есть шанс его заарканить.

Компания всадников разразилась смехом. Грозная воительница Бунона в серебряном шлеме, придававшем ей сходство с хищной птицей, проронила:

— Интересно, какой? Делбет носу из пещеры не покажет. Может, вы вместе с храбрым хозяином последуете за ним?

— Почему бы и нет? — заявил Стейн, снова вызвав дружный смех.

— Я обещал его прикончить, — обратился к королю Эйкен. — Если я не сдержу обещания, меня отстранят от Великой Битвы, так?

— Странно ты выражаешься, — усмехнулся король. — Но вывод правильный. За две недели у тебя было предостаточно возможностей дока-

зать, что ты не просто хвастун. Если мы вернемся в Мюрию с пустыми руками, то я аннулирую твою заявку на Стейна. Надо бы и тебя как следует наказать, но, учитывая то, что ты починил компьютер и сделал целый ряд других полезных дел, я склонен проявить великодушие. Тебе будет предоставлено право участия в Главном Турнире, но на Поединок Героев не рассчитывай.

— Справедливое решение, — заметил Ноданн, вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

Из пещеры на вечернюю добычу вылетели стаи летучих мышей.

— Ну что ж, — заключил Селадейр, — давайте спускаться, пока у остальных, кто взбирается на эту верхотуру, халики не поломали своих ног.

— Да погодите же, черт бы вас побрал! — запротестовал Эйкен. — Я еще не сказал, что сдаюсь. До Перемирия три дня… Я иду за Делбетом. В пещеру.

— И я, — подхватил Стейн. — Не желаю, чтоб меня опять выставляли на торгах, как жеребца-производителя!

Под прикрытием голосового и умственного гомона, приветствующего их заявление, Эйкен приподнял завесу над невысказанной мыслью Стейна: а что, если меня убьют… или я попаду

в рабство к тану?.. Тогда не видать мне больше Сьюки!

— От глупости лекарства нет, — заметил Ноданн. — Валяйте! А мы поглядим, как вы возьмете Делбета у него на квартире.

На этот раз всадники шумно одобрили высказывание Стратега.

— Пожалуй, нам следует немного отдохнуть в замке лорда Селадейра и вернуться в столицу. А после Великой Битвы займемся Делбетом. Если в его логове мы обнаружим ваши кости, то похороним их со всеми почестями и споем над прахом погребальную песнь тану.

Среди общего смеха послышались отдельные возгласы протеста.

— Блейн и Альборан, вы что, не согласны? — прищурился Стратег.

Двое всадников выступили вперед. Блейн Чемпион был гибридом, обладающим в равной мере функциями психокинеза и принуждения; Альборан — Пожиратель Умов, тоже гибрид, считался лучшим воином-иллюзионистом. Оба были приверженцами Мейвар и готовили Эйкена со Стейном к боевой инициации.

— Недостойно нашему воинству в такой момент бросать лорда Эйкена на произвол судьбы, — за-

явил Блейн. — Позор тем, кто насмехается над рыцарем, идущим на подвиг!

Ноданн лишь улыбнулся.

— Мы вдвоем дождемся возвращения Эйкена и Стейна, — добавил Альборан.

— Станем перед пещерой и помолимся об их победе. Будем ожидать ровно трое суток, иначе время, отведенное для поединка, не будет исчерпано с честью.

— И я останусь, — решила Бунона, — а со мной три мои оруженосицы. Эйкен Драм — незаурядный человек. Мы тоже будем молиться, чтобы он выжил.

Верховный Властитель покорно развел руками.

— Ладно! Что такое трое суток? Вообще-то мы заслужили отдых, лазая по горам за этим поганцем и ни разу не поднявшись в воздух из страха перед его молниями. Но раз уж мы остаемся здесь, так ты, Селадейр, будь добр, слетай за хорошей провизией и вином.

— Можно разбить лагерь на лугу у реки, где наши оруженосцы ожидают нас с поклажей, — отозвался Селадейр. — Мой сын Уриет самолично поведет летучий эскадрон за продуктами.

— Решено, — заключил король и покосился на

Эйкена. — Но только три дня! Слышите?

Золотой человечек соскочил с седла, опустился на одно колено перед королевским рысаком и усмехнулся под своим золотым забралом.

— Спасибо за проявленное терпение, король-отец! На этот раз мы непременно расправимся с Делбетом и доставим вам трофей для доказательства.

Под недоверчивыми взглядами рыцарей тану Эйкен Драм и Стейн сняли с себя доспехи и сложили их у входа в пещеру. Оружие они тоже оставили, за исключением бронзового меча Стейна. Отвязав от седла котомку викинга с продуктами, они взяли ее с собой. Прихватили еще банку пива и тоненький золотой футляр, как для авторучки, который Эйкен сунул себе за пазуху.

— Не подсматривай за нами, солнцеликий! И не пускай нам вслед огненные шары, — погрозил Ноданну на прощание плут.

— Не буду, — пообещал Стратег с немеркнущей улыбкой.

— Тогда общий привет! — провозгласил Эйкен.

Через секунду в воздухе едва слышно захлопали крылья. Две летучие мыши, в отличие от прочих, устремились поверх голов охотников в пещеру. Покружив немного у входа, чтобы привыкнуть

к новому обличью, отважная пара залетела в провал и исчезла во мраке.

— Эй, малыш!

— Тсс! Я должен убедиться, что в наши умы никто не заглядывает. С этим сукиным котом надо держать ухо востро.

— И все же что там насчет чудища поганого?

— Заткнись, говорят тебе! Думаешь, легко одновременно на разных волнах работать?

— Извини.

Зацепившись крохотными коготками, они свесились с края обрыва. Мир был погружен в кромешную тьму. Водопад с шипением спускался в недра горы. Отдаленный рокот говорил о том, что где-то глубоко внизу он проникает в подземное болото.

Летучие мыши могли «видеть» только слуховым зрением.

— Все путем, — объявил наконец Эйкен. — Никто за нами не следит. Оставим последний маленький экранчик на всякий пожарный… Беда в том, Стейн, что я не знаю точно, насколько сильные медиумы эти громилы. Я уверен, что большинство гуманоидов не могут заглядывать под землю. Оттого фирвулаги и живут в пещерах и норах. Но король, Ноданн и чертов психокине-

тик Фиан, возможно, сумеют засечь нас сквозь толщу скалы…

— Господи, да брось ты бахвалиться, установи наконец, где укрылась эта огненная задница! Или ты предпочитаешь, чтобы прах наш развеяли по ветру?

— Никто ничего не развеет, успокойся! Ты что думаешь, Делбет подстерегает нас в засаде? Нет, он пошел преспокойно к себе домой. Откуда ему знать, что в изгнании нашлось двое дураков, надумавших разыскивать его в пещере?

— Ха-ха! Я понял, Эйк. Но где же мы все-таки находимся, черт побери?

— Теперь мне удобнее вести слежку, чем раньше, среди оравы гуманоидов. Как раз такого случая я и дожидался с тех пор, как началась эта дурацкая облава. Мне надо достать Делбета, не показывая им всем, как я его убью.

— Небось хочешь свалить его своими сверхчеловеческими мозгами?

— Как же, разбежался! Да в поединке умов с Делбетом у меня шансов не больше, чем у всех дубарей тану. Если только не захватить фирвулага врасплох. А разве захватишь его при полном параде из трехсот рыцарей, улюлюкающих ему вслед! Нет, приятель. Есть только один способ

сразить Огнеметателя. Моя старенькая милашка Мейвар все мне рассказала.

— И что за способ?

— Да уж есть такой. Пошли. Выберемся на сухое место, и я тебе покажу.

Летучие мыши бросились вниз с обрыва, обернулись бледными безглазыми рыбами и заскользили по заполненному тоннелю, определяя изгибы и повороты каменной трубы по перепадам давления, а не с помощью эхолокации, служивший им, когда они превращались в летучих мышей. Они проплыли, наверное, с километр, прежде чем поток вырвался на открытое пространство. Одна рыба выпрыгнула из воды и снова нырнула. Затем выпрыгнули обе и превратились в летучих мышей. Минуту спустя Эйкен и Стейн обрели человеческий облик и уселись на каменном бережку подземной реки, в то время как маленький световой шарик завис над их головами, освещая пространство. Своды пещеры высотой метра три были покрыты хрупкими кристаллическими наростами; с каждой сосульки свисала капля воды.

Не тратя времени на созерцание красот фантастического царства, Эйкен вытащил из-за пазухи золотой футляр, посредством психокинеза

открыл крышку и показал Стейну то, что было внутри: какой-то серый предмет длиной около двадцати сантиметров, отдаленно напоминающий серебристый трут на проволочной основе.

Стейн нахмурился.

— Знаешь, на что похоже? Когда я пацаном был, так мы в Иллинойсе…

— Оно самое и есть. Этой штукой мы намертво пригвоздим дерьмометателя-фирвулага. Много лет назад какой-то бродяга занес ее в изгнание, надеясь немного оживить мрачную атмосферу плиоцена. Поскольку игрушка совершенно безвредная, там, на постоялом дворе, не возражали. Но когда парень явился сюда, его манатки отобрали и уничтожили все, кроме вот этой палочки. Уж не знаю, как она досталась Мейвар… Понял теперь, в чем секрет? Здесь такие штуки смертельны! Не для людей, даже с торквесами, а для гуманоидов.

— Железо! — осенило Стейна. — Я не видел здесь ни одного железного инструмента, вообще ни одной железяки! Все из стекла, бронзы, серебра, золота… Черт, а почему раньше-то никто не догадался?

— Да много ль железа у нас в Содружестве? Железный век миновал. А знаешь, как его называют

тану и фирвулаги? Кровавый металл! Чирик — и нету!

— Ну и ну! — Лицо Стейна прояснилось. — Теперь я за тебя спокоен, малыш! Как только покончим с Делбетом, ты поможешь мне и Сьюки сбежать. И если кто-нибудь из этих болванов тану попробует нас остановить…

— Сам ты болван! Забыл про свой серый торквес? И про серебряный — Сьюки? Да они тебя повсюду разыщут. Остынь! У меня другие планы. И мы их провернем, если, конечно, ты не выкинешь очередной фортель вроде того, с Ташей.

Эйкен закрыл золотой футляр и спрятал его на груди.

— Сиди тихо. Мне надо отследить Делбета, а эта рентгеновская разведка потрудней, чем ты думаешь. Хорошо хоть горы не гранитные.

— Да. Здесь известняк, песчаник, кристаллические сланцы. Не забывай, я ведь в этих местах работал, когда бурильщиком был.

— Заткнешься ты или нет?

Оба сидели на камне в одном нижнем белье. Психоэнергетический поток вырвался из ума Эйкена, настроенного на поиск. Слышно было только, как падают капли с известковых сосулек.

«Может, мне тоже попробовать? — подумал

Стейн. — Сьюки сказала, что, когда он прорывался сквозь принуждение Дедры, ему помогала любовь. Неужели любовь так сильна, что может преодолеть тысячи километров, отделяющих его от Сьюки, которая спрятана в катакомбах под штабом Гильдии Корректоров? Сперва спроецируй ее образ в мозгу (это несложно, главное, соответствующим образом настроить оптические рецепторы). Вот она! Теперь скажи ей, что ты ее любишь, что все будет в порядке, что ты цел и невредим, что вернешься с победой…»

— Я нашел его, Стейни! Нашел паразита!

Астральный свет погас. Стейн провел огромной ручищей по глазам, вытер ее о бедро. Попытка телепатического общения потерпела крах. Только голова разболелась.

Рыжеватые волосы Эйкена встали дыбом, глаза едва не вылезли из орбит от возбуждения, он вскочил на ноги, указывая на мощную каменную стену.

— Туда! Восемь-девять километров и сотни две метров вниз. Вижу пушистый шарик — не иначе умственная аура. Больше ничего живого здесь нет. Должно быть, он.

Стейн вздохнул.

— И всего-то делов пройти сквозь стену?

В глазах у Эйкена появилось виноватое выражение.

— Тут я не мастак, Стейни. Как ты, наверное, заметил, я не умею проникать сквозь стены, сдвигать горы и все такое прочее. Придется идти, лететь или плыть. Ведь как-то же Делбет туда пробирается. Скала вся напичкана пещерами. Придется немного попотеть, пока не отыщем дорогу. — Он помрачнел. — Да и время поджимает, можем вляпаться в Перемирие, когда у гуманоидов не сезон… И прости-прощай, Великая Битва!

Стейн взглянул на часы.

— Восемнадцать тридцать, двадцать седьмое сентября, шесть миллионов лет до нашей эры.

— Вперед!

— Скажи мне только одно, малыш, прежде чем займешься Дракулой. Мы правда превращаемся в летучих мышей и рыб, когда ты произносишь свои заклинания, или это нам только кажется?

— А кто его знает, — отозвался Эйкен Драм. — Бери котомку, приятель. Пора трогаться.

Они искали в сухих и заводненных тоннелях, в больших галереях, где сталактиты и кружевные складки истончившихся скал напоминали горы персикового и ванильного мороженого; в узких извилистых коридорах, ощерившихся

сверкающими известковыми зубьями; среди нагромождения валунов, каждый величиной с дом; в грязных пересохших руслах; в тупиках, откуда выход был только назад; в переходах, то и дело увлекавших их в неверном направлении.

Останавливались перекусить и немного поспать. Проснувшись, снова шагали, летели, плыли, ползли. На второй день кончились еда и пиво. Воды вокруг было полно, но в подземных горных потоках не обнаруживалось никакой живности для рыб, а в воздухе — ни одной мошки, которую летучие мыши могли бы проглотить, чтобы хоть чуть-чуть унять слишком реальные судороги их, возможно, иллюзорных желудков.

Умственный экран Эйкена был настроен теперь только на скопление психической энергии — предположительное местонахождение Делбета. Пушистая аура не меняла своего положения: то ли Огнеметатель отсыпался после своей вылазки, то ли она означала что-нибудь совсем другое…

Летучие мыши устремились по длинному, спускающемуся вниз тоннелю. Впервые, с тех пор как спустились под землю, они ощутили на перепонках крыльев воздушные потоки. Внутренний голос Эйкена обратился к Стейну на волне, зарезервированной специально для людей:

«Только попробуй о чем-нибудь подумать! Заставь ум замолчать, если дорожишь свое задницей. Вряд ли он меня услышит на этом канале, но малейший твой писк эхом достигнет его ушей.»

Защищенные плотнейшим барьером, какой только мог воздвигнуть Эйкен Драм, они добрались до места, где коридор сворачивал под прямым углом. За поворотом они увидели свет — слабое оранжево-желтое мерцание. В коридоре было сухо. На толстом слое пыли отпечатались огромные следы.

Дрейфуя меж скальных образований, летучие мыши приближались к источнику света. Над ними нависали монолиты песчаника, напоминавшие скопище человеческих фигур или гигантских грибов. Они взлетели под потолок и, усевшись на широкий карниз, вновь стали Эйкеном и Стейном.

«Тихо. Не двигайся. Не бряцай своим чертовым мечом. Вообще ничего не делай.»

Эйкен прополз несколько метров на животе и глянул вниз. В круглом, на совесть сработанном очаге пылал яркий огонь. Штабеля оструганных бревен были аккуратно сложены в алькове. Обстановку в пещере дополняли стол, стулья,

кровать в рост Гаргантюа с пологом из великолепной танусской парчи и много резных деревянных шкафчиков и полок. Кожаные мешки с загадочным содержимым были свалены возле одного столбика кровати. С другого свисала рыболовная сеть. Пол устилали роскошные шкуры, темные и пятнистые. На столе стояла грязная посуда, сделанная в основном из морских раковин.

У кровати на стуле с мягким сиденьем, покрытым серой шкурой, богатырским сном спал гуманоид, ростом и телосложением намного превосходивший самого высокого и крепкого тану. Голова и лицо его заросли густыми волосами кирпичного цвета. Он был в кожаной куртке, раскрытой на груди, которая тоже пламенела рыжей шерстью, и панталонах алого цвета. Ботинки он снял и протянул огромные ноги к огню. Большие пальцы то и дело шевелились. Ритмичный шум, напоминающий работу плохо отлаженного отбойного молотка, убедил Эйкена Драма в том, что Делбет Огнеметатель, самый грозный и дикий фирвулаг южных районов Многоцветной Земли, храпит.

Эйкен открыл золотой футлярчик и вытащил серый предмет, не толще карандаша. Нацелив его, он некоторое время рассчитывал траекторию

и заряжал острие секретного оружия своими творческими метафункциями.

Когда оно разогрелось до белого каления, Эйкен поднял свой бенгальский огонь высоко над головой.

Делбет с воем подскочил на стуле. Его трехметровое тело превратилось в огненный столп, тянущий языки пламени к потолочному карнизу и формирующий шаровую молнию.

Эйкен бросил огонь, направив его всей своей психокинетической способностью сквозь плотный психический заслон, воздвигнутый им вокруг себя и Стейна. Шаровая молния по дуге отлетела от светящихся лап Делбета, но прошла мимо цели.

Раздался еще один громкий крик чудовища. Хрупкий фейерверк поразил его пылающую громаду и упал на пол пещеры, все еще разбрасывая искры. Огонь Делбета погас. Он медленно скорчился, будто пытаясь вжаться в землю, и остался недвижим.

— Готов! — крикнул Эйкен.

Летучие мыши спланировали вниз и вновь превратились в людей. Они стояли над внушающими ужас останками.

— Видишь, куда ему попало? — произнес

Стейн. — Прямо в лоб, когда он башку задрал. Всего-то один маленький ожог раскаленным железом.

У стола стояло кожаное ведро с водой. Эйкен вылил его на смертоносное устройство, все еще мечущее искры. Оно зашипело, задымилось. Одна из шкур была испорчена: в ней зияла дыра.

— Ты победил его! — Стейн подхватил маленького человечка и стиснул своей медвежьей хваткой. — Победил! — Отшвырнув Эйкена, он заорал сталактитам: — Сьюки, малышка, мы его победили!

Эйкен нахмурился было, потом засмеялся во все горло.

— Чертов викинг, она тебя услышала! Тебе и невдомек, а вот я улавливаю слабенький писк… Ни за что не догадаешься, о чем ее послание! Она любит тебя!

Стейн схватил ведро и вылил остатки воды на Эйкена.

— Спасибо, — растроганно поблагодарил плут. — Теперь отсеки ему голову и давай выбираться отсюда. Постараемся найти кратчайший путь наружу и полетим порадуем власть имущих. Представляю, что с ними будет. На целые сутки раньше!

Стейн потянул свой огромный бронзовый меч из оправленных в янтарь ножен. Но вытащил его только до половины и застыл на месте, вскинув голову.

— Слышишь?.. Я думал, там, на потолке, мне чудилось под храп этого ублюдка…

Эйкен напряг слух. Медленный, ровный гул заставлял скалы вибрировать. Прошло несколько секунд. Бум! Удар огромного колокола повторился. Бум! Громкий, неумолимый.

— Знаешь, что это, малыш? — спросил Стейн. — Прибой. Там, за скалами, Атлантический океан.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НАПАДЕНИЕ

1

Фелиция бродила среди руин Финии.

Уже три дня длилось Перемирие, к тому же и извержение Кайзерштульского вулкана подходило к концу. Потоки огненной лавы застыли и превратились в спекшуюся массу, похожую на сплетение уродливых корней и расползающуюся от кратера по улицам вымершего города. Лил дождь. Белые, золотистые, розовые, голубовато-зеленые здания бывшей цитадели лорда Велтейна покрылись сажей и грязью. Толстый слой золы лежал на листьях декоративных и фруктовых деревьев. Центральная площадь явила девушке зрелище сгоревших магазинов, искромсанных тентов, сломанных повозок и обугленных тел, торчавших из потухших костров.

Гигантские вороны слетались на раздувшиеся останки иноходцев, элладотериев, рамапитеков и людей. Появление маленькой женщины в черных блестящих одеждах нисколько не встревожило стервятников: видимо, они приняли ее за свою.

Кругом раздавался страшный грохот. Вороны громко каркали. Из лопнувших водопроводных

труб хлестала вода, омывая трупы серых и первобытных десантников. Перед дворцом лорда Велтейна сбилась в кучу дюжина растерянных, но совершенно невредимых рамапитеков в разодранных аквамариновых плащах. Из привратницкой доносились человеческие стоны. Не обращая на них внимания, Фелиция направилась к главному входу дворца. Предварительно она взяла стрелу с железным острием и натянула тетиву лука. В заплечном колчане у нее было много стрел, и все наконечники запачканы кровью после схватки с отрядом неподдающихся серых на берегу реки. Их хозяева давно сбежали, но они все еще хранили верность тану. В квартале ремесленников из полуобгоревшей мастерской стеклодува вылетела, размахивая стеклянным мачете, женщина без торквеса. Она продолжала выкрикивать угрозы в адрес разорителей Финии, даже когда стрела Фелиции вонзилась ей в горло.

Как ни странно, самое ожесточенное сопротивление первобытным оказали их же собратья. Фирвулаги и тану покинули разрушенный город, а люди, слишком плохо усвоившие новую религию, чтобы поддерживать Перемирие, яростно сражались за каждый дом, отстаивая интересы

поработителей-гуманоидов. Захваченные в плен серые и серебряные предстали перед военным трибуналом, и командир первобытных с железным зубилом в руках предложил им выбирать: свобода или смерть. К его удивлению, большинство предпочло умереть, нежели расстаться со стимулятором мозговой деятельности.

Фелиция вошла во дворец. Здесь не было птиц-стервятников, зато царили мухи, грызуны и жуткое зловоние. За наскоро выстроенными баррикадами из мебели и сорванных с петель дверей громоздились трупы стражников и слуг. Едва ли их можно будет опознать, подумала девушка, настолько лица и тела обезображены телепатическими взрывами фирвулагов.

Кроме жужжания насекомых, шороха и писка крыс да ветра, со свистом врывавшегося сквозь разбитые стекла, во дворце лорда Велтейна не наблюдалось никаких признаков жизни. Маленькая фигурка в черном направилась в главные апартаменты, без колебаний перепрыгивая через сваленные в кучу трупы людей, которые вели здесь отчаянные оборонительные бои в твердой решимости не допустить врага до своих хозяев-тану.

Фелиция подошла к распахнутой настежь тя-

желой бронзовой двери, усыпанной изумрудами. Гора трупов и здесь преградила ей путь; первобытные в домотканой одежде и оленьих шкурах валялись вперемежку с ливрейными из дворца и даже фирвулагами, причем среди низкорослых представителей племени попадались поистине сказочные великаны, гораздо выше людей и тану. Все они были одеты в обсидиановые доспехи с золотым подбоем, что указывало на их принадлежность к гвардейскому корпусу Пейлола Одноглазого, и все пали от оружия с железными наконечниками; видимо, человеческая стража Велтейна захватила его у первобытных.

Ничтоже сумняшеся, Фелиция выдернула копье из трупа и, пользуясь им как альпенштоком, вскарабкалась на тошнотворную баррикаду. На полу господской спальни — ее роскошная отделка почти не сохранилась после происшедшей здесь бойни — лежали трупы в доспехах из цветного стекла: четверо мужчин окровавленные, пронзенные железными стрелами, и тануска. Под сапфирово-голубыми доспехами женщины в золотом торквесе ран было не видно; вероятно, она пала жертвой психической атаки.

Фелиция сняла тяжелый шлем и положила его на прикроватную тумбу. На нижней полке

сияли кувшин и чаша из чистого золота. Девушка достала чашу, наполнила ее водой и некоторое время разглядывала погибшую женщину. На ее бледном как мел лице выделялись расширенные зрачки глаз цвета небесной лазури. Длинные каштановые волосы рассыпались по ковру, образовав что-то вроде нимба вокруг головы; шлем валялся рядом. Тонкие пальцы в сверкающих латных рукавицах застыли возле золотого торквеса.

Словно совершая некий ритуал, Фелиция опустилась на колени, легко ослабила хватку окостеневших пальцев, щелкнула передней застежкой, повернула обруч разрезом назад и стянула его с мертвенно-бледной шеи. Поднявшись, она подошла к чаше, несколько раз окунула в воду торквес и тщательно вытерла мягким полотенцем.

Фелиция надела золотое ожерелье на свою шею, застегнула его и вдруг пронзительно вскрикнула, словно у нее открылись глаза.

Так вот оно что… Тайная сила всегда была в ней — скрытая, загнанная в глубь мозга и все равно пугающая всех, кто ее окружал. А теперь она вышла наружу, обрела свободу и готова к действию.

Фелиция бросилась из комнаты на балкон. Ее охватила дрожь, слезы радости туманили глаза.

Перед ней раскинулись руины Финии, полноводный Рейн, величавые вершины Вогезов, Верхняя Цитадель на западном горизонте, где король Йочи, Шарн-Мес и другие фирвулаги наверняка еще празднуют победу над древним врагом. Она видела глубокие ущелья, через которые совсем недавно пробиралась в одиночестве, понимая, что уже не поспеет к сражению. Где-то там вождь Бурке, Халид-хан и остатки первобытных отрядов теперь конвоируют освобожденных людей Финии к лагерю в речной пойме — на суд мадам Гудериан.

Торквес приятно согревал горло; Фелиция рассмеялась. Подхваченный ветром смех эхом пронесся над опустошенным городом. Напуганные этими звуками вороны тучей поднялись в небо.

2

Чемпион Шарн-Мес младший наблюдал за оргией, разыгравшейся в тронном зале горного короля, и, ухмыляясь, качал головой.

— Ты погляди на эту пьяную банду! Да после такой попойки три дня надо отсыпаться. Боюсь, как бы теперь все наши планы не сорвались. Ведь еще доспехи и оружие надо заново отполировать, а то явимся на Битву, как стадо оборванцев.

— Ну, времени у нас много. — Айфа, предводительница дев-воительниц, залпом осушила кубок меда и снова наполнила его до краев. — За такое дело грех не выпить. Сорок лет нам не представлялось случая как следует напиться… А не поспеем на Отборочный — что с того? Высокие задницы все равно Главного Турнира без нас не начнут.

— Вообще-то конечно, — согласно кивнул Шарн, — маленькую вечеринку мы заслужили.

Супруги-воители уединились в уютной мансарде, где во время официальных приемов обычно располагался оркестр. Но то, что сейчас творилось внизу, едва ли можно было назвать официальным приемом. Казалось, не только участники

молниеносной финийской кампании, но и все жители Верхней Цитадели набились в тронный зал пещеры отпраздновать нежданную победу.

Темный эль и мед, сидр и ежевичная настойка рекой лились из полных сталагмитов. Кто еще держался на ногах, то и дело подставляли к ним кружки. Дубовые столы ломились от мяса, сластей и другого праздничного угощения. Перед пустым троном короля Йочи подвыпившая компания играла в жмурки. Другая группа обступила двоих героев битвы, Нукалави Освежеванного и Блеса Четыре Клыка, которые теперь состязались друг с другом в изобретении самого смешного и похабного миража. Зрители выставляли очки одобрительными возгласами, свистом, а иногда и более непристойными звуками.

Сентиментально настроенные пьянчуги собрались вокруг барда-гоблина, исполнявшего довольно заунывную балладу о двух обрученных фирвулагах; он уже добрался до сто шестьдесят пятого стиха. А рядом любители более жизнерадостной поэзии придумывали новые куплеты к популярной солдатской песне «Принцессе блох кормить не должно», обсасывая подробности недуга, обуявшего королевскую дочь, и довольно эксцентричные способы избавления от напа-

сти. Раненые воины, осаждаемые пухленькими шлюшками, едва ворочая языком, хвастались недавней удалью. Тем временем ветераны былых сражений, уткнувшись носами в кружки с элем, ворчали, что нынешнюю победу у Финии не сравнишь с их вылазками в старые добрые времена.

Королева Кланино оберегала сон усталых героев, растащенных по альковам. Король Йочи бродил босой, в перепачканной золотой мантии, в сползшей на одно ухо короне и целовал всех без исключения дам, а заодно и многих кавалеров. Пейлол Стратег, чтобы сбросить напряжение, насосался сайдкара из партии, поставленной коварными первобытными, и теперь храпел в хрустальном гроте короля, положив голову на колени получившей отставку королевской фаворитки Луло.

— Да-а, — повторил Шарп, — пировать, конечно, не грех, коль заслужили… А вот что на уме у первобытных, хотел бы я знать.

— Сейчас посмотрим, — откликнулась Айфа; таким внутренним видением, как у нее, не обладал, пожалуй, больше никто из племени. Да и вообще она была весьма привлекательным существом, если не принимать во внимание слишком развитую плечевую мускулатуру — свидетельство

ежедневных упражнений с двуручным мечом. Волосы у Айфы были абрикосового цвета, скуластое лицо усыпано веснушками, глаза темные, мерцающие, как у всех фирвулагов. Она уже сняла доспехи и осталась в мятой юбке и ярко-оранжевой блузке под стать волосам.

— Ага, вот они. Человеческие пленники, или беженцы — называй как хочешь, — расположились на отведенной для них стоянке. А Бурке и его дружки пробираются через Глухую Ложбину в Скрытые Ручьи. Вымокли до нитки…

— Так им и надо, — отозвался Шарн. — Может, хоть их смертоносное железо заржавеет. — Он глотнул из кружки и вытер губы мохнатой лапой. — Черт побери, Айфи, это никуда не годится — кровавым оружием бряцать! Такого у нас еще не бывало! Помнишь, какими проклятьями сыпал один из инженеров-тану перед смертью… До сих пор у меня в ушах стоят: «Богиня отомстит за нас! Будьте прокляты на веки вечные все, кто дерется кровавым металлом! Да смоет их кровавая река…»

— Так это же людям проклятья, а не нам. Как только первобытные помогут нам осуществить наши планы, мы тут же с ними распростимся.

— Конечно, Айфи, а пока хорошо ли исполь-

зовать первобытных и их железо? Непорядочно как-то!.. Наша древняя воинская религия не тому учит. Старый Пейлол все бухтит, что мы изменили нашей родовой чести, сражаясь бок о бок с людьми, а пакостное железо всю нашу философию превратило в фарс. И знаешь, в душе я согласен. Как можно вести славную войну бесславным оружием? Оно ставит на одну доску могущественных фирвулагов и тану с полуголодными человеческими крысами. Несправедливо!

— Ну да, а тану, по-твоему, сражались честно! — проворчала Айфа. — С их-то иноходцами да псами, что превращают Охоту в побоище! А их людская кавалерия?.. Из-за нее мы последние сорок лет в штаны кладем!

— Где вам, бабам, понять все тонкости рыцарства!

— Это уж точно. Мы стремимся победить всеми правдами и неправдами. — Дева-воительница вновь наполнила свою кружку медом. — Кстати, ты видал, как пехота первобытных расправилась с вражеским эскадроном в Финии?

Шарн угрюмо кивнул.

— Что я могу сказать? Неспортивное поведение! У нас так не принято.

— Да пошел ты! Принято — не принято! У тану

тоже было не принято гарцевать верхом, пока не явился этот человек… дрессировщик. Послушай меня, малыш! На нынешней Великой Битве у нас хоть и не будет железного оружия, но можешь башку свою прозакладывать, что новую тактику первобытных мы возьмем на вооружение. То-то будет сюрприз для серых! Я уже отдала приказ оружейникам изготовить необходимые приспособления. Это проще простого.

— Ну, если воины согласятся, тогда… — неуверенно произнес Шарн.

— Твое дело их убедить, — улыбнулась она. Потом выражение ее лица изменилось. — Посиди-ка тихонько, я погляжу, как первобытные возвращаются из Финии… Около трехсот человек из нерегулярных войск ползут по ущельям, а с ними вдвое больше пленников и раненых. У большинства беженцев торквесов нет… Но что-то они уж слишком хорошо одеты. Черт побери, это наверняка или бывшие серые, или серебряные, только торквесы им спилили. Дезертиры! Думаю, среди них есть и ученые, и искусные мастера. Старуха Гудериан найдет им применение, можешь быть уверен!

— Но будут ли они хранить ей верность, эти освобожденные граждане, вот в чем вопрос? —

недоверчиво усмехнулся Шарн. — Кто здесь может хотеть свободы? Либо только что прибывшие, либо психопаты. Потому что все прожившие некоторое время на Многоцветной Земле охотно приняли власть тану, даже если не удостоились торквеса. Свободная жизнь в лесах им так же по душе, как крапивница.

— Тес! Я ищу Фелицию.

— А-а, эту тебе надо бы взять в свою команду, если…

— …если она раздобудет золотой торквес и станет метаактивной. Удушила бы Йочи за то, что валит на меня всю грязную работу! Как будто нам, слабому полу, мало одной Битвы… О-о!

— Что, нашла?

— Ага. Она в замке Велтейна. На ней торквес… Обыскивает тело в голубых доспехах. Вот так-то, зря Йочи губы распустил! Малышка его обошла, она готовит собственную Битву.

— Не вешай нос! — Шарн встал, потянулся, зевнул, широко разевая рот, и почесал волосатую грудь под открытой туникой. — Все к лучшему, по крайней мере от нее ты избавилась. Пока она привыкнет к торквесу… К тому же нет никакой гарантии, что активные метафункции сочетаются с ее нервной системой. Допустим,

она расправилась с Эпоной и помогла вернуть Копье, но все равно она же еще совсем девчонка. Может, она ничего больше и не умеет, кроме как приручать животных.

Айфа снова сосредоточила на нем взгляд.

— Одной Тэ ведомо. Наверное, я слишком устала, чтобы переживать по такому поводу.

Шарн протянул ей руку и помог встать.

— Битва была короткая, зато пирушка длинная. А что, если поклониться королю с королевой да и поплыть себе домой потихоньку? — Он подхватил за тесемки их обсидиановые доспехи и взвалил себе на спину.

— Неплохо бы, — согласилась Айфа, похлопала своего спутника по плечу и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала его в кончик шершавого носа. — Терпеть не могу платить няньке сверхурочные.

3

Стражники в белых туниках стояли наготове по периметру площади, огороженной круглыми камнями. Повсюду были выставлены войска в честь прибытия высоких особ: Тагдала, Идоны, Гомнола и братьев Ноданна и Велтейна, которые старались держаться подальше от врат времени и ожидали манифестации со стоическим видом, свойственным всем представителями власти, когда им приходится присутствовать на важной, но неприятной церемонии, да еще происходящей в неурочное время.

— Уже светает, вельможные. Вот они! — провозгласил смотритель замка Питкин.

Столб воздуха над гранитной плитой начал колебаться, как при нагревании. И вот из него материализовались четыре фигуры, повиснув сантиметрах в тридцати над каменной площадкой.

— Синдбад Мореход, Джон Простак, доходяга наркоман и типично английский орнитолог, — мгновенно распределил всех по категориям Питкин. — Наркомана, боюсь, придется отбраковать: организм весь износился. Но остальные

подойдут.

Стражники выступили вперед и протянули руки к путешественникам, чтобы помочь им выбраться из провала, отделявшего невидимое устройство профессора Гудериана от твердой плиоценовой почвы.

— Если бы не огромные геологические пертурбации, то пришельцы материализовались бы внутри скального основания, не так ли? — заметил Питкин.

Синдбада тут же избавили от его ятагана; других ошарашенных путешественников прощупывали с помощью детектора металлов на наличие железа.

— Этот новый нюхач — великое изобретение Властелина Ремесел, — комментировал Питкин. — Теперь о контрабанде можно не беспокоиться… Э-э! Еще одно тау-поле, значит, будет и вторая партия.

При повторном цикле врата времени выдали молодого человека в рабочем комбинезоне и с арбалетом, типа с козлиной бородкой, одетого в платье королевы Елизаветы I и своими фижмами доставлявшего массу неудобств попутчикам, загорелую дочерна женщину в пеплосе Аталанты и высоких ботинках на шнуровке и явно омолодив-

шегося негра в пиджаке из дакота, увешанного дюжиной дорогих магнитофонов.

— Все годны, — заключил Питкин. — Пусть вас не смущает наряд королевы Бесе. Под этим усыпанным жемчугами рыжим париком скрывается голова способного инженера… Так, поглядим, что у них за багаж.

Детектор был снова включен, и стражи торопливо извлекли три больших контейнера с наклейкой «Медикаменты», чемодан Канадского клуба, маленькую истеричную собачонку в плетеной корзинке, двадцатилитровую бутыль «Радости» в оплетке, 15-томный «Большой универсальный словарь XIX в.» П.Ларусса и контрабас.

— После освидетельствования пришельцы отправятся в накопитель, — объяснял Питкин. — В связи с чрезвычайной обстановкой мы сделали временную тюрьму — разгородили на секции двор, а на прогулки выводим наружу с собаками. Таким образом, большинство беженцев из Финии с относительным комфортом разместилось прямо в замке, пока мы не переправили их в Мюрию. Счастье еще, что катастрофа случилась во время Перемирия, когда у нас есть дополнительные поставки продовольствия и транспорт для тех,

кто едет на состязания. Разумеется, безопасность в это время тоже легче обеспечить.

— Похоже, теперь вы держите ситуацию под контролем, — проворчал Тагдал.

— Для предупреждения катастроф на первоначальном этапе у нас есть схема лорда Гомнола. Надвратный Замок — безусловно, самый удобный перевалочный пункт, отсюда мы вовремя направили помощь на север и перехватили беглецов из Финии на озере Брес спустя всего пять дней после нападения. А теперь, вельможные, соблаговолите пройти в мой кабинет. Я вкратце ознакомлю вас с пересмотренной системой размещения путешественников на период временного выхода из строя Финии, а также с предварительной оценкой роли Надвратного Замка в обеспечении рабочей силы для восстановительных и усмирительных операций.

— Спасибо, Питкин, — поблагодарил Гомнол. — Мы не станем тебя сейчас обременять. Встретимся позже, чтобы обсудить маршруты отправки путешественников во время Перемирия.

Питкин поклонился, принес свои извинения и поспешил по тропе к крепости. В зоне врат времени осталось пять высочайших особ и небольшой отряд солдат, отошедший на почтительное

расстояние. Солнце поднялось уже высоко над восточными горами.

— Иногда, — задумчиво произнес король, глядя вслед Питкину, — человеческая добросовестность меня поистине удручает. Никакого тебе справедливого негодования, никакой мстительности или верности присяге. Сплошные пересмотры систем размещения и предварительные оценки!

Глава Гильдии Принудителей от души рассмеялся.

— Ну, мщение — занятие по части Стратега. Мой же департамент призван как можно скорее локализовать и нейтрализовать финийскую катастрофу, чтобы свести к минимуму ущерб, понесенный национальной экономикой. Если бы не чрезвычайная важность бариевых шахт, я вообще был бы склонен списать Финию со счетов.

— Ах ты, мышь белая! — Лицо Велтейна вспыхнуло от ярости. — Между прочим, Финия — моя родина, мой дом! Колыбель культуры тану на этой планете! Столица света!

— Свет погас, — невозмутимо ответил Гомнол. — Враг провел блестящую стратегическую операцию. От города остались одни развалины, он расположен очень неудобно — на противоположном берегу Рейна, вдали от других густона-

селенных центров. Справа — фирвулаги, слева — ревуны, а промеж них развлекается мадам Гудериан со своими чокнутыми первобытными. Из всех наших городов Финия наиболее уязвима при внезапном нападении.

— Да она пятьсот лет стояла незыблемо! — бушевал Велтейн. — Достаточно лишь восстановить крепостные стены и усилить наши Летучие Охоты, и она будет в прежней безопасности. Мы прочешем Вогезы и сотрем гудериановский сброд с лица земли. А фирвулаги, как только гнезда первобытных будут разрушены, опять уползут в свои норы. Они бы ни за что не рискнули напасть на нас, если бы не старая карга с ее проклятым железом.

— Вряд ли ты сумеешь так легко подавить ненавидящих нас людей, брат-творец, — заметила Велтейну Идона. — Боюсь, говоря об изолированном положении Финии, лорд Гомнол затронул больной вопрос. В прежние времена, когда и нас и фирвулагов было меньше, твой маленький укрепленный город занимал стратегически выгодную позицию — на возвышении. Нынче же Финия запуталась в паутине враждебных сил. Теперь люди осознали смертоносную силу железа и не преминут ею воспользоваться. Какая-нибудь

жалкая горстка первобытных сможет преградить путь нашему каравану, окружить Летучую Охоту, совершить набег на твою плантацию или даже перекрыть подступы к реке и тем самым обречь твоих сограждан на голод. Пути для подвоза продовольствия по суше нет. Массив Шварцвальда — непреодолимая преграда. А как ты хочешь, чтоб мы усилили твои вооруженные силы? Войскам из северных крепостей — Гории, Бураска, Ронии — так или иначе придется переправляться через Рейн. То же самое можно сказать и о восстановительных работах.

— Мы обязаны восстановить Финию! — вскричал лорд Велтейн, побагровев.

— Разрушение не полное — отнюдь! Почти все мирное население уцелело. Мы — я, леди Дектар и наш золотой человеческий брат Салливан Танн — перенесли сюда по воздуху шестьсот восемьдесят девять жителей.

— Но ты потерял почти всех рыцарей, — возразил король. — Плюс к тому четыре тысячи людей и всех рамапитеков! А тех, кто не погиб, возьмет в плен эта старая сука, да падет на нее проклятие Таны, либо прикончат ревуны и дикие звери в лесах.

— Зато плантации не тронуты! И военные

посты на дальних подступах тоже. Мы можем отстроить город заново, великий отец, сделать его неприступным! Привлечем новые принудительные и психокинетические силы, дабы упрочить наши метафункции.

— Шахта должна так или иначе работать, пока не открыто другое месторождение бария, — впервые подал голос Ноданн Стратег. — Но о былой славе Финии нечего и мечтать. Да, она была столицей изящных искусств, но время ее прошло. В будущем она должна обратить к врагу суровый и твердый лик. Мы восстановим ее как укрепленный шахтерский поселок… не более того.

Велтейн вздрогнул, словно от физической боли. Ум его вопил:

«О брат мой, вольно тебе так ранить мою душу, так унижать случайно поверженного чемпиона перед его народом, бросая на произвол судьбы, подставляя насмешкам людей, фирвулагов и сочувственному презрению тану?..»

Ноданн отвернулся. Подошел и встал на опустевшей гранитной площадке временного люка; его доспехи сверкали в лучах восходящего солнца; трубный голос звенел в умах и ушах присутствующих:

— Будь проклято это место! От него вся твоя

боль, брат! От гнилого и смертельно опасного источника, что совратил нас с нашего древнего пути! Будь проклята женщина, впервые открывшая «врата времени» человеческому нашествию! Всем нам еще не раз придется оплакивать безвозвратно ушедший мир, если мы не найдем в себе смелости, пока не поздно, закрыть людям дорогу сюда. Если будем упорствовать в своей роковой зависимости от них, то очень скоро гибель Финии покажется нам пустяком по сравнению с той катастрофой, которая охватит всю Многоцветную Землю!

— Теперь и я почти убеждена в этом, — заявила Идона. — И все же…

— Нет, Ноданн, — вмешался король. — Ты кликушествуешь с тех пор, как они начали прибывать сюда. Но посмотри, что стало с нами! Никогда еще не были мы так сильны. Финия — наш позор, верно. Город был хранилищем нашего древнего наследия. Но надо же когда-нибудь взглянуть правде в глаза! Действительно, его расположение, при всей живописности, при всех очаровательных огнях, очень неудобно. Вот что я тебе скажу, Велтейн, сынок! Мы построим для тебя новый город в более перспективном месте. Что ты об этом думаешь?

— Да, скажем, на берегу озера Брес, — подхватил Гомнол. — Туда можно проложить дорогу из Гории, и таким образом будет освоен целый регион. Сразу после Великой Битвы начнем разрабатывать проект. Каждый город внесет свой вклад в строительство, а чтобы увеличить население, в течение двух лет будем направлять всех путешественников во времени только туда. Мы выстроим новую Финию, лучше прежней. С широкими проспектами, красивой и удобной планировкой, усовершенствованной системой водоснабжения и канализации, надежными подъездными путями и неприступными оборонительными сооружениями. Ну как, согласны?

Ноданн. «Так здесь будет человеческий город?»

Гомнол. «Тебя, разумеется, больше прельщают глинобитные лачуги?»

Идона. «Утешься, скорбящий брат! Мы позаботимся о тебе. Возвращайся к жене, к своему многострадальному народу и всели в них надежду.»

— Ладно. — Велтейн вскинул голову, но свет души его погас. — Идея хорошая, и я от всего сердца благодарен тебе за такое великодушие, отец. — Затем он повернулся к Ноданну. — Ты, наверное, думаешь, брат Стратег, что мужество

изменило мне, так я докажу тебе обратные во время Великой Битвы. Признаюсь, мой боевой азарт несколько померк после постигшего меня несчастья… но к началу Турнира я снова буду в форме. Фирвулаги сторицей заплатят за свой подлый сговор с первобытными. Что до людей-предателей, то все они к исходу Битвы будут вариться в адовом котле, умоляя Богиню принять их грешные души!

— Отлично сказано! — одобрил Верховный Властитель. — А теперь, когда будущее наше определено, пожалуй, можно и позавтракать.

4

В низине Рейна, на подступах к Финии, первобытные разбили лагерь беженцев и полевой госпиталь. С уходом тану и верных им людей в Надвратный Замок и наступлением Перемирия на реке воцарилось спокойствие. Следуя мудрому совету старого Каваи, дезертиров и деморализованных не стали переправлять в Скрытые Ручьи.

— Это было бы неразумно с психологической точки зрения, — объяснял японец Луговому Жаворонку. — Ведь если мы приведем их в наш каньон, они потом не захотят отказываться от комфорта. Но мы не можем до скончания века кормить пять-шесть сотен людей, наши жилища и сантехника не рассчитаны на такой наплыв. А фирвулаги каждый день будут поставлять нам новых беженцев!.. Нет, их надо настроить на то, чтобы они основывали собственные поселения. Поэтому пусть поживут в спартанских условиях, а мы позаботимся о раненых, снабдим их на первое время продуктами, оборудованием, инструкциями и как можно быстрее рассеем по всей Многоцветной Земле. Теперь, когда на носу Битва, тану не станут принимать контрмеры,

но после…

Халид-хан внес предложение построить железную дорогу, чтобы облегчить людям освоение заболоченной местности. Самое крупное поселение, считал кузнец, должно остаться на Рейне. Остальные, более мелкие, следует расположить по берегу Мозеля, чтобы обеспечить связь железных рудников со Скрытыми Ручьями.

— Если сразу по окончании Перемирия тану не сумеют нанести ответный удар, — говорил Халид, — то весь этот район останется за нами. С помощью беженцев мы наладим массовую добычу железа, а у них таким образом появятся средства к существованию. Конечно, на первых порах необходимо помочь им встать на ноги. Думаю, ревунов можно не опасаться: они очистят территорию при одном только слове «железо». А вот если тану устроят массовую облаву, тогда дело будет посложней.

— Надеюсь, следующие этапы моего плана пройдут так же успешно, — заявила мадам Гудериан. — И тогда никакой облавы не будет.

Спустя неделю после победы над Финией она с вождем Бурке и Каваи отправилась верхом на иноходце инспектировать лагерь беженцев перед своим отъездом на юг. Все трое спеши-

лись, привязали халикотериев у ручья в кустах и углубились туда, где выстроились в ряд навесы из пальмовых листьев и другие столь же убогие укрытия. Лагерь был сильно замусорен, и вокруг него стоял невообразимый запах.

— Мы пытались заставить их навести здесь порядок, — вполголоса сообщил Каваи, — но многие все еще в таком шоке, что им не до личной гигиены и норм поведения. Вчера вот опять возник неприятный инцидент, как вам, наверное, докладывал вождь Бурке. Группа из сорока человек под предводительством пяти бывших серых потребовала, чтобы ей разрешили перебазироваться в форт Аньон-Ривер на озере. Ну, вызвали эскорт фирвулагов и отправили. А что было делать?

— Но медиков, надеюсь, вы не отпустили? — встревожилась мадам. — Или стеклодувов?

— Медицинский персонал весь с нами, — сообщил Каваи. — Врачи в Финии как раз были недовольны своим статусом. А вот стеклодув один ушел. Еще мы потеряли печатника, нескольких классных каменщиков, ткачей и ювелиров.

Старуха поцокала языком.

— Ладно, без ювелиров как-нибудь проживем.

Голос ее звучал хрипло, она все время подкашливала. Все это были следы тех ядовитых

паров, которых она наглоталась во время воздушной бомбардировки Финии. В отличие от Клода, мадам обгорела несильно, но состояние ее легких вызывало у Амери серьезное беспокойство, усугубляющееся отсутствием необходимых медикаментов и оборудования. К тому же старуха отказывалась даже от кратковременного отдыха, поскольку торопилась осуществить свой план. Она постепенно утрачивала свежий вид, обретенный после омолаживающих процедур: на лбу и по обе стороны рта пролегли глубокие морщины; на осунувшемся лице подчеркнуто выступали скулы и нос, напоминающий клюв хищной птицы; золотой торквес свободно болтался на исхудавшей старческой шее.

— В лагере осталось примерно полтораста душ, — докладывал Каваи, — большинство практически здоровы, несмотря на угнетенное моральное состояние. Я считаю — и трое освобожденных врачей поддерживают мое мнение,

— что эти люди полностью оправятся, как только вернутся к созидательной деятельности. Через три дня самые крепкие отправятся с Хоми, Акселем и Филимоном на железный рудник в Нанси. Еще кое-кто из наших и несколько финийских волонтеров из остающихся будут сопровождать

караван с продовольствием. Если ничто не нарушит наших замыслов, то недели за две будет выстроена укрепленная деревня. Такая же деревня вырастет и в Нанси, как только Филимон и Аксель доставят туда рабочую силу.

— Bien entendu [note 2], — кивнула мадам. — Но помните

— прежде всего железо! Для беженцев, готовых работать на рудниках, ничего не жалеть. Мы должны как можно скорее вооружить наше войско железным оружием.

Они шли мимо импровизированных хижин по направлению к реке, где на берегу был натянут тент госпиталя. Беженцы молча провожали мадам Гудериан глазами. Она кивала им, многих называла по имени, поскольку почти все эти люди прошли через ее пансионат, и даже те, с кем ей не доводилось встречаться, отлично знали, кто она такая.

Многие улыбались старухе. Отдельные лица выражали открытую неприязнь, а один сплюнул и демонстративно повернулся к ней спиной. Большинство же смотрело тупо, безучастно, отчего сердце Анжелики болезненно сжималось.

---

note notes: Note2
договорились (франц.)

— И все-таки мы были правы! — заявила она, заставляя Бурке и Каваи, державших ее под руки, шагать быстрее. — Их необходимо было освободить. В конце концов они привыкнут и снова станут радоваться жизни.

— Конечно, — мягко откликнулся Луговой Жаворонок.

— Пока они все в шоке, — заметил Каваи, — на что надо сделать скидку. Но со временем они будут благодарны нам за избавление от рабского ига.

— Ну, мне-то вряд ли, — уныло возразила мадам Гудериан. — Им есть за что меня ненавидеть. Сперва послала их в рабство, потом швырнула в пучину неопределенности, освободив от него. Их страдания тяжелым грузом лежат на моей совести. Если бы я не впустила их во «врата времени», трагедии не случилось бы.

— Человек всегда найдет повод для страданий, — заметил Бурке. — Взять хоть меня! Последний томагавк, с вашего позволения! После того как Великий Вождь перейдет в райские кущи, на свете не останется ни одного уаллауалла. Я собираю пресс-конференцию, распинаясь перед бледнолицыми свиньями: «Я больше не ступлю на тропу войны!» Янки со всей Галактики льют

слезы у своих стереотелевизоров, умиляясь благородному жесту коренного индейца, юриста по образованию. А через несколько дней я получаю послание от совета вождей в Якимасе, в котором мне рекомендуют заседать у себя в суде и не разевать пасть!

— Все мы в жизни совершили немало ошибок, — поддержал его старик Каваи. — Но тебе, Анжелика, не в чем себя упрекнуть. Не будь этого почетного исхода — врат времени — мне бы осталось только проститься с жизнью. И то же самое можно сказать о большинстве изгнанников. Правда, на первых порах и здесь нелегко пришлось. Зато после побега я познал великую радость. Лишь на склоне лет понял, что счастье не в том, чтобы заботиться о своем благе, а в том, чтобы служить другим. Я не говорю, что поумнел, но благодаря тебе обрел настоящих друзей и покой души.

Мадам повесила голову.

— А моей душе не будет покоя до тех пор, пока я не пройду свой путь до конца. Рабство серых и серебряных должно быть уничтожено, необходимо раз и навсегда закрыть врата времени. Здесь, в Финии, мы положили начало всему, и пусть я умру, но дело будет завершено!

Она зашлась судорожным кашлем, лицо ее посинело.

— Черт! — сквозь зубы процедил Бурке и, подхватив ее на руки, быстро зашагал к полевому госпиталю.

— Отпусти меня, Жаворонок! Со мной все в порядке, — попыталась вырваться мадам.

Каваи, войдя под навес из пленки, отражающей солнечные лучи, указал им на смуглого человека с усталыми глазами; в руке у него был зажат стетоскоп.

— На стол! — приказал тот. Прослушав легкие мадам, он заключил: — Если вы и дальше будете к себе так относиться, то захлебнетесь собственной мокротой, слышите? Вы делали отхаркивающие упражнения, которые прописала вам Амери?

— Еще чего!

— О Аллах! Вы только послушайте эту женщину! — Он раздраженно почесал кожаный обруч, прикрывавший его кадык в том месте, где прежде был серый торквес. — Хоть бы вы ей втолковали, друзья! — Он приклеил ей на шею какой-то аппликатор. — Ну вот, аппликатор немного снимет спазмы. Но вашим легким требуется полный покой, вы поняли меня?

— Helas, Джафар, cheri! note 3 Я не могу бросить дело.

Невзирая на протесты врача, она слезла со стола и двинулась в обход больничных коек. Большинство пациентов госпиталя встречали ее приветливо. Одна беременная придворная дама схватила ее руку и поцеловала.

— Благослови вас Бог! — Женщина сотрясалась от рыданий. — Двенадцать лет… Двенадцать лет сплошного кошмара! Наконец-то все позади!

Мадам улыбнулась и мягко высвободила руку.

— Да, дитя мое, все позади. Ты свободна.

— Мадам… — беременная женщина замялась, — а что мне делать с ним, когда он родится? Среди нас есть и другие женщины, зачавшие *их детей*. Я-то уже на сносях, а остальные…

— Каждая сама должна решить. Согласно моей вере, следует доносить ребенка — в конце концов он ни в чем не виноват. А потом… быть может, разумнее всего было бы последовать примеру самих тану.

— Отдать? — прошептала несчастная.

— Обратитесь к фирвулагам. — Мадам взглянула на доктора. — Вы устроите все как надо, если

---

note notes: Note3
Увы… милый! (франц.)

она примет такое решение?

— Разумеется.

Старуха наклонилась и поцеловала будущую мать в лоб.

— Нам предстоит долгий путь. Помолись за нас, чтобы мы благополучно добрались до места.

— О да, мадам! И другим накажу.

Махнув на прощанье рукой, старуха в сопровождении доктора проследовала к выходу из-под навеса, где их поджидали вождь Бурке и Каваи.

— Вверяю их тебе, Джафар, cheri. Теперь с тобой останутся только Люси и Лубуту — Амери едет с нами на юг.

Доктор в отчаянии замотал головой.

— Так вы все-таки решились? — Он беспомощно оглянулся на Бурке. — Это безумие!

— Я не могу не ехать, — твердо заявила она. — Отправляемся завтра на рассвете. До конца Перемирия три недели, нам нельзя терять ни минуты.

— Если вы о себе не думаете, подумайте хотя бы о нас, — продолжал уговаривать ее Бурке. — А вдруг в дороге что случится? Тогда все мы будем себя винить!

Анжелика Гудериан с нежностью поглядела на могучего индейца.

— Не трать своего красноречия, mon petit sauvage note 4. Теперь, когда Фелиция вернулась из Финии со стадом укрощенных халикотериев, мы поедем с комфортом. Все мы добровольно принимаем участие в операции, хотя у каждого свои причины. В путь, друзья мои!.. Aurevoir note 5, Джафар! Поспешим в деревню, пора заняться последними приготовлениями. — Она решительно вышла из-под навеса.

— Не делайте этого, мадам! — прокричал ей вслед доктор, но она только засмеялась в ответ.

Старик Каваи пожал плечами.

— Ты же видишь, Джафар, с ней бесполезно спорить. Будь тебе столько же лет, сколько нам с Луговым Жаворонком, ты бы понял, почему она так упорствует.

— Да я и теперь понимаю, — отозвался доктор. — Слишком хорошо понимаю.

Заслышав стоны беременной, он вернулся в палату.

---

note notes: Note4
мой маленький дикарь (франц.)

note notes: Note5
до свидания (франц.)

5

Мериалена приготовила прощальный ужин в доме мадам и накрыла стол на одиннадцать человек, отбывающих на юг, плюс Каваи, который оставался за главного в лагере свободных людей.

— Достопочтенная сестра испросит для нас благословения, — объявила француженка, когда вся компания уселась.

— Боже, благослови трапезу сию! — тихо произнесла Амери. — Благослови сидящих за столом! Благослови наше безумное предприятие!

— Аминь! — откликнулся Халид.

Все, за исключением Фелиции, повторили: «Аминь», затем положили себе еды на тарелки и наполнили кружки охлажденным вином.

— А что Деревянная Нога? — полюбопытствовал Халид.

— Ему я назначила встречу на завтра, — с виноватым видом призналась мадам. — Вы, вероятно, считаете меня слишком мнительной, mes enfants note 6, но я решила, что последний вечер лучше провести в своем кругу. Не спорю, Фитхарн нам

---

note notes: Note6
дети мои (франц.)

очень помог, но прежде всего он должен хранить верность своей расе. А мы не знаем, что на уме у короля Йочи и Пейлола Одноглазого. Не исключено, что они предадут нас, как только мы разрушим фабрику торквесов и прикроем врата времени.

Ванда Йо, довольно прямолинейная дама из сферы общественных отношений, презрительно фыркнула.

— Надо быть последними идиотами, чтобы выложить перед ними все наши козыри. Если мы взорвем Гильдию Принудителей, кто от этого выиграет прежде всего? Фирвулаги! Поэтому ни в коем случае нельзя их посвящать в детали нашего плана. Их задача — обеспечить нам надежную маскировку во время путешествия.

— На тех, кто объявлен вне закона, Перемирие не распространяется, — вставила монахиня, после чего бросила кусочек мяса маленькой дикой кошке, тершейся под столом у ее ног.

— Вот-вот, — кивнул Бурке. — Передайте, пожалуйста, бургундское, или как они там называют это пойло… А то мои старые раны что-то разнылись.

— Кстати о ранах, — продолжала Амери. — Если с мадам нет никакого сладу, так давайте хотя бы

оставим Клода и Халида. Ожоги у Клода только начали подсыхать, а для Халида с сотрясением мозга и множеством ран на руках и ногах неделя — слишком малый срок.

— Без меня вы не обойдетесь, — возразил пакистанец. — Ведь никто из вас не бывал в Мюрии.

— Подумаешь! Ты тоже был там лет десять назад, — уточнила монахиня. — И добирался по Большой Южной Дороге, а не по Роне.

— За прошедшее время столица совсем не изменилась… К тому же я давно мечтаю поплавать по реке. Там, в будущем, мы с Гертом и Ханси часто ходили на каяке.

— Да уж, большое удовольствие путешествовать на инвалидной флотилии!

— невесело произнес Ханси. — Но то, что нам нужен человек, знающий город,

— факт. У нас и так будет проблем под самую завязку, не хватает еще заблудиться!

— Что верно, то верно, — кивнула мадам. — Я понимаю, Халид, лучше бы тебя оставить в покое после всего, что ты вынес, но от твоего участия зависит успех нашего предприятия… А вот без Клода мы вполне можем обойтись, пускай не упрямится.

— Да? А кто протолкнет янтарную письмоно-

сицу через сдвиг временных пластов? Может, ты? — огрызнулся палеонтолог. — Меня, между прочим, кашель не мучит, а право участвовать в экспедиции я заслужил наравне с тобой.

— Mulet polonais! note 7 Сиди себе дома и поправляйся!

Фелиция брякнула ложкой по столу.

— Хватит собачиться, старые развалины! Вам самое место отдыхать в кресле-качалке. Будь у нас хоть капля мозгов, заперли бы обоих дома — и кончен разговор.

— К счастью, — заметил Уве Гульденцопф, спокойно попыхивая трубкой, — у нас этой капли нет.

Анжелика гневно обратилась к Клоду:

— Я должна ехать! Врата времени — это мой грех, мне их и закрывать.

— Ну да, только завещание оставить не забудь! — съязвил палеонтолог.

Мадам в раздражении отшвырнула нож.

— Господи, ну почему никто меня не понимает?! А вы, мсье профессор, лучше о своем завещании позаботьтесь!

Клод приосанился и отхлебнул вина из круж-

---

note notes: Note7
Польский мул! (франц.)

ки.

— Honi soit qui merde y pense [note 8], дорогая!

— Да уймитесь же, черт бы вас… — Вождь Бурке шарахнул по столу кулачищем. — Как капитан вашей паршивой команды приказываю раз и навсегда прекратить обсуждение личных мотивов! Все мы добровольцы. Каждый доказал, что так или иначе может принести пользу — либо в Надвратном Замке, либо в Мюрии, на фабрике торквесов… Прежде чем мы ляжем спать, давайте обсудим более насущные вопросы.

— Я вот о чем подумал… — неуверенно произнес Бэзил. — Поскольку я здесь человек новый, мне как-то неловко предлагать поправки к первоначальному плану мадам Гудериан. В любом случае, до вчерашнего дня, когда Фелиция вернулась с золотым торквесом и стадом халикотериев, это было бессмысленно. Так вот… как насчет Копья?

Все недоуменно уставились на бывшего профессора и альпиниста. Бэзил после поимки беглецов на озере провел месяц в узилище в Финии. Как только мадам его освободила, он ей сразу же заявил, что готов применить навыки скалолазанья при захвате Надвратного Замка, Гильдии При-

---

note notes: Note8

позор тому, у кого дерьмо в голове (франц.); парафраз девиза английского ордена Подвязки

нудителей в Мюрии и любой другой крепости, которую компания намерена штурмовать: ему, мол, не терпится проучить тану за испорченные плиоценовые каникулы… За такую решимость его и взяли в экспедицию.

— К сожалению, Бэзил, энергия Копья полностью израсходована, — сокрушенно покачал головой старик Каваи. — Теперь из него ни одной искры не высечешь. Я сам пытался вскрыть батарею, но не нашел подходящего инструмента. Тут нужен специалист.

— И все-таки, — настаивал Бэзил, — если мы сможем ее вскрыть, у нас появится шанс перезарядить Копье?

Японец, долгое время проработавший на производстве электронных приборов, пожал худыми плечами.

— Ну, если летательные аппараты работают на водяном топливе, то почему Копье не может на нем работать?

— Я бы попробовала, — сказала Фелиция, — да боюсь сломать. У меня пока мало опыта с психокинезом.

— Я не имел тебя в виду, — возразил альпинист. — Ты только понесешь Копье, больше никому из нас это не под силу. Ведь лучшего ору-

жия для нападения на фабрику торквесов трудно придумать.

— Тут он прав, — согласился Халид. — Фабрика находится в самом сердце Гильдии Принудителей, и подобраться к ней не проще, чем к лилмикам note 9.

— А зачем его нести? — удивилась Амери. — Копье-то погибло.

— Есть человек, способный его возродить, — заявил Бэзил. — Клод рассказывал мне о нем в душной камере Надвратного Замка. Ваш маленький талантливый друг в золотом костюме!

— Эйкен Драм! — воскликнула Фелиция. — Коротышка-карманник!

Зеленоватые глаза Клода загорелись.

— Он сможет! Если кто и в состоянии расшифровать код древнего фотонного оружия, так только Эйкен… Но согласится ли он? На него надели серебряный торквес, и, скорее всего, он теперь с ними заодно. Эйкен всю жизнь ждал своего шанса.

— Эйкен — наш друг, — отрезала Амери. — В торквесе или без него, но он человек и должен

---

note notes: Note9

лилмики — старейшая и самая малочисленная раса Галактического Содружества, загадочная как по своему происхождению, так и по образу жизни

помочь нам в борьбе с монстрами.

— В крайнем случае Фелиция скрутит ему руки, — усмехнулся Клод. — Или ты этим больше не балуешься, малышка?

Спортсменка и бровью не повела.

— Бэзил, ты гений! Копье надо взять, даже если мне тысячу с лишним километров придется волочь его на своем горбу. Не мытьем, так катаньем мы заставим Эйкена Драма вскрыть эту консервную банку.

— Ладно, будем уповать на лучшее, — заключил вождь Бурке. — Что-нибудь еще?

Все молчали. Уве вытряхнул пепел из трубки в пустую тарелку.

— Как бы Мериалена не заметила. Она приходит в бешенство, когда видит меня с трубкой. Но уж напоследок…

— Простого, я думаю, — рассмеялся Герт.

Послышался скрип отодвигаемых стульев. Все вставали, потягивались. Каваи собрался назад в деревню, остальные устраивались на ночь в спальных мешках на полу.

Японец уже подошел к двери, но тут рука Амери легла ему на плечо.

— Одна просьба, друг мой!

— Все исполню, Амери-сан!

Монахиня взяла на руки свою любимицу-дикарку.

— Пристрой ее в хорошие руки, а?

Японец торжественно кивнул и спрятал животное за пазухой.

— Не сомневайся, она будет в целости и сохранности до твоего возвращения в Скрытые Ручьи. А ты непременно вернешься. Я дал обет мученикам Нагасаки.

— Чокнутый буддист! — проворчала монахиня, выталкивая его за дверь.

6

— Они требуют высказать мое мнение о тебе, — начала Бреда.

— И что же? — как всегда, вслух откликнулась Элизабет.

— Хочешь не хочешь, твоя судьба пересекается с их будущностью на Земле. Давным-давно я напророчила, что два дорогих моему сердцу народа-тану и фирвулаги — будут едины и активны. Было мне такое видение еще до того, как мы явились в эту галактику, на планету Многоцветная Земля. И предначертание свершится, хотя не знаю, как и когда… Хотелось бы надеяться, что мы станем с тобой друзьями, Элизабет. Я понимаю твое нежелание вмешиваться в наши дела, но не могу считать тебя инородным телом. Ты — часть структуры! Равно как и все остальные — твои спутники по Зеленой Группе, которые столь сильно повлияли на тану и фирвулагов, и даже те несчастные, что затерялись в северных пустынях. Я четко вижу, как линии ваших судеб сталкиваются во время Великой Битвы. А тебе во всем этом отведена главная роль… Но если не в качестве прародительницы новой расы

— то кого?..

— Бреда, я не позволю себя использовать. — В голосе Элизабет звучала стальная решимость, хотя мозг ее был защищен прочными барьерами.

— Тогда сама выбирай, каким образом ты нам поможешь. Только знай, что этого не избежать ни тебе, ни твоим близким друзьям из племени людей.

— Какое бы суждение ты ни вынесла, оно не удовлетворит полностью ни одну из группировок. Верховный Властитель тану грезит новой династией, а потомство Нантусвель не успокоится, пока не сживет меня со свету. Что до моих друзей… кажется, они, в отличие от меня, уже нашли свою судьбу… По справедливости, я тоже имею право распорядиться своей и вовсе не обязана быть пешкой в твоих играх! Дай мне свободу, помоги уйти отсюда невредимой, если таким будет мой выбор. — «А он будет именно таким. Хочу парить над миром в блаженном одиночестве и покое».

— Но как же наши планы?! Судьба — я ее вижу! Коль скоро не твои гены повлияют на нас, значит, должен быть какой-то иной фактор. О сестра по уму, помоги мне сфокусировать мое расплывчатое видение!

— Ясновидение в мое время не считалось метафункцией. Это просто стихийный дар. Непредсказуемый, опасный… И всякая попытка управлять будущими событиями, явившимися как знак судьбы, более чем тщетна. Уйду я или останусь, твои видения все равно преходящи. Так что отпусти меня, Бреда.

Казалось, Бреда не слышала Элизабет. Они сидели вместе в комнате без стен и дверей, в атмосфере, призванной удовлетворить повышенные потребности гуманоидных легких в кислороде. Тем не менее Бреда вдруг стала задыхаться, черты ее исказились, а в распахнутом настежь мозгу вибрировали и вращались лица — человеческие, тану, фирвулагов, ревунов. Их непоследовательный, беспорядочный, бездумный калейдоскоп группировался вокруг образа Элизабет.

— Духовный союз! — вскричала Бреда. — Не гены, а умственное единство.

Во взгляде Супруги Корабля засветилась такая радужная надежда, что Элизабет не могла не улыбнуться.

— Что?.. Что ты сказала, Бреда?

— Да! Вот она, твоя роль! Я не знаю, когда мой народ воссоединится с местным разумом, но это произойдет! И кто-то должен упорядочить

этот процесс, с тем чтобы мы вышли на уровень метафизического Единства Галактического Содружества — Единства, способного сплотить разъединенные интеллектуальные энергии в органически активное целое. Ты научишь меня — вот твое предназначение! Там, в Содружестве, ты приобщала к Единству детей. Это был труд всей твоей жизни — ты сама так говорила. У вас незрелым метафизическим умам не позволялось блуждать, где им вздумается, по собственному выбору. Их учили, просвещали. Покажи мне — как. Подготовь меня. А потом… если пожелаешь, я помогу тебе… покинуть нас.

— Бреда, ты сама не знаешь о чем просишь!

— Знаю! Наконец-то я нашла изящное, логичное решение! Теперь я знаю, чего не хватает моим ненаглядным питомцам. Взгляни на них во всей их разобщенности!.. Бедные фирвулаги — активные, но слабые, ограниченные, растрачивающие свою психическую энергию на недоступные, ничтожные цели. Их сородичи ревуны — неприкаянные, уродливые, отчаявшиеся… Да и тану едва ли будут сильно отличаться от них, когда в свою очередь достигнут настоящей метаактивности и освободятся от своих торквесов! Человеческая раса третьего тысячелетия

тоже могла бы погибнуть, если б мудрые умы не направляли ее, не удерживали от крайностей. Помоги же и нам — мне и моему народу. Когда они будут едины, я сочту свою миссию выполненной.

— Ты предвидишь… такой исход? — с сомнением спросила Элизабет.

Бреда тоже заколебалась. У нее из груди снова вырывалось натужное, болезненное дыхание.

— Я всегда была для них наставницей… Даже в те времена, когда они не сознавали этого. Откуда к ним придет Единство, как не от меня? И у кого мне учиться, как не у тебя?

— А ты представляешь, какие трудности тебя ожидают? Мало того, что ум твой чужд моему пониманию, ты к тому же психически зрелая личность, на протяжении тысячелетий не расстававшаяся с торквесом. Я работала только с человеческими умами, причем с неразвитыми, подвижными, гибкими. Обучение происходило для них почти безболезненно. Данный процесс я бы сравнила с восприятием языка детским сознанием. От ребенка он не требует больших усилий. Когда же взрослый начинает учить новый язык, для него это порой мучительно. А выведение латентных метафункций на уровень оптимальной активности — задача гораздо более

трудоемкая. Сперва надо приобрести активность, затем соответствующим образом ее направить, и только тогда можно будет перейти к усвоению навыков высшего класса. Пойми, ты обречешь себя на неизбежные страдания.

— Я выдержу.

— Даже если выдержишь без ущерба для своего здоровья, то ведь нет никакой гарантии, что ты достигнешь настоящей, направленной активности. Если на каком-либо из трех этапов силы тебе изменят, ты почти наверняка умрешь. И что тогда будет с твоим народом?

— Не умру.

— Допустим. Но есть и чисто технические сложности. К примеру, страдания, о которых я упомянула. В твоей комнате без дверей трудно найти достаточно интенсивный источник боли.

— Боли? Значит, духовное обогащение дается не иначе как через боль?

— Ну, есть и другие способы, но болевой — самый надежный. В моем мире латентные достигали активности, преодолевая психические барьеры путем сублимации, стремления к космическому Единству. Но мне подобные подходы неизвестны. Мои знания уходят корнями в дописьменную культуру человеческой эры.

Первобытные люди более поздних периодов эволюции на Земле отдавали себе отчет в том, что боль, перенесенная стойко, с достоинством, играет роль психического катализатора, сообщающего разуму ранее недоступную мудрость. То же самое можно сказать и об индивидуальном спектре метафункций.

Перед мысленным взором Бреды открылась целая панорама первобытных метаносителей. Элизабет показала ей монахов и монахинь, пророков, йогов, шаманов, воинов, святых и вождей, целителей-аборигенов и ясновидящих из самых диких уголков Земли и самых разных эпох, до Вторжения и Галактического Содружества. Все они обрекли себя на муки во имя веры в стремлении выйти из них очищенными, обновленными.

— На соответствующем уровне развития технологий, — продолжала Элизабет, — творческое использование страданий было в основном утрачено. Высокоразвитые цивилизации упорно искореняют боль, как физическую, так и нравственную. После Вторжения наша интеллигенция вообще перестала придавать ей какую-либо ценность, полностью отринув учение ранних философов, данные антропологических исследований, саму эволюцию психологии.

— Тут наши расы сходятся, — заметила Бреда. — Я говорю о моей родной планете, а не о тану и фирвулагах, чьи миры были несколько иными. Но лучшие представители диморфного племени до сих пор отмечают важнейшие жизненные этапы муками. Сами Великие Битвы уходят корнями в эту традицию.

— Да нет же, все не то! У вас извращенные, незрелые представления! Среди передовых человеческих культур, существовавших до Галактического Содружества, тоже наблюдались подобные аномалии. Единственной формой физических страданий, имевших право на существование, были спортивные ритуалы. Здесь действительно есть какое-то сходство. Но в целом человеческая раса не приемлет никакой психической боли. Боль, что сопутствовала нормальному процессу обучения, воспринимали как необходимое зло, однако постоянно стремились облегчить ее или вовсе устранить. Нашим примитивным педагогам и в голову не приходило, что страдание как таковое может оказать положительное воздействие на формирующуюся психику. Лишь немногие религиозные секты утверждали, что боль является инструментом духовного обогащения. Моя же церковь проповедовала весьма

расплывчатую концепцию болевой терапии, приводящей к смирению, послушанию, дисциплине. Но истинно верующие воспринимали боль только под духовным углом зрения. Когда в прошлом практикующие метапсихологи вторгались в чужие мысли или выполняли другие подобные операции, всем становилось не по себе.

— Да… да, — закивал усыпанный бриллиантами тюрбан. Экзотические воспоминания охватили Бреду. — У нас на Лине тоже придерживались той точки зрения, что страдание есть зло. А несогласных объявляли садомазохистами, ненормальными. Возьмем, к примеру, моих дорогих наивных изгнанников… До сих пор я не понимаю, что заставило меня взять их под свое крыло, помочь им бежать из нашей галактики. А теперь мне стало ясно, что мой провидческий ум отметил именно это крохотное зернышко их психической самоценности. Особенно фирвулаги, которые терпели ужасные лишения в своих суровых естественных условиях… Именно они знали цену страданию, и тем не менее остановились в своем развитии, как и тану, поддавшиеся соблазну торквесов, и большинство других обитателей нашей федерации… Кажется, я тебе уже говорила: по завершении последней войны все,

кроме нескольких несовместимых, с восторгом приняли уморасширитель. — Бреда помедлила, прикоснулась к золотому торквесу, почти невидимому под опущенным респиратором. — Прибор, некогда казавшийся высшим благом, завел нас в умственный тупик по всей галактике. И если здесь не продолжится эволюция… Она не должна прерваться, Элизабет! Но почему, почему видение мое столь расплывчато?

— Временное измерение может оказаться гораздо шире, чем вы предполагали, — сказала Элизабет. — У нас в Галактическом Содружестве настоящее воспринимают как преемственность прошлого, будущее как преемственность настоящего…

— О всемогущая Тана! — воскликнула Бреда. — Шесть миллионов лет!.. Не может быть!

— Может. Сохранились легенды… И сравнительные исследования.

— И Корабль! — прошептала Бреда. — Я велела моему возлюбленному избрать наилучший выход.

Она чуть приподняла сверкающую маску. Слезинки закапали на красную металлизированную ткань, теряясь в тончайших узорах. Молчание длилось долго. На столе между ними

поблескивала изящная модель межзвездного организма — покойного Супруга Бреды. Вот с такими организмами давным-давно несколько инопланетянок вступили в духовный союз, являвший собой при всей видимой нелепости подлинное единение душ, которое Элизабет знала по собственному опыту. А ныне обе они остались в одиночестве, без своих Кораблей…

— Как бы ни был велик риск, — донесся голос из-под маски, — ты должна меня научить. Я знаю, что судьбы тану, фирвулагов и людей переплетены. Рано или поздно ум моего народа созреет для Единства. Но без наставника его не достичь… Может быть, все-таки ты…

Элизабет вспыхнула от гнева.

— Да нет же, черт побери! Пойми, я из другого теста и не желаю жертвовать собой ни ради твоего, ни ради своего собственного народа! Можешь ты наконец усвоить, что метаактивность не имеет ничего общего со святостью?

— Но среди вас были святые.

Лицо под маской изменилось, словно бы оттаяло. Элизабет стиснула зубы с досады на эту целеустремленность, которую она инстинктивно отвергала.

— Нет! Тебе меня не облапошить. Мы обе не

святые. Я обычная женщина, со всеми женскими недостатками. И если я занималась необычной работой, то лишь потому, что меня этому обучили, взяв на вооружение мой природный дар. Но никакого… посвящения не было, понятно? Когда я на время утратила метаактивность, то не только не переживала, но даже находила в том свои преимущества. Я избрала для себя изгнание и не раскаиваюсь. То, что здесь, в плиоцене, меня поймали, оторвали от Единства, восстановили мои метафункции и теперь чудовища травят мой мозг, кажется мне какой-то космической нелепостью!.. А ты тоже… лишь то, что ты есть!.. И я снова требую вернуть мне мой воздушный шар!

«Значит, тебе не нужна ничья любовь и сама ты не хочешь любить, о высоко летающая беглянка Элизабет?»

— Когда-то я любила и в полной мере испытала горечь утраты. Одного раза с меня хватит. За любовь надо расплачиваться слишком дорогой ценой… И не надейся, я не буду ни физической, ни духовной матерью твоему народу.

Теперь в зеркальной поверхности маски и в мозгу Бреды отражалось только одно лицо — Элизабет.

Горько усмехаясь, женщина продолжала:

— Да, в уме тебе не откажешь, двуликая! Но твой крик не сработал. Я не хуже тебя знаю про свой грех олимпийского эгоизма. Но никогда тебе меня не убедить в том, что мой долг — служить твоему народу, или изгнанному человечеству, или какому-либо гипотетическому симбиозу рас.

Бреда с мольбой подняла руки. Маска свалилась; на ее месте осталась грустная, всепрощающая улыбка.

— Тогда помоги мне выполнить мой долг, который состоит в служении моему народу. Научи меня.

— Но я же сказала… у нас нет достаточно сильного источника боли.

— Есть, — с непоколебимой решимостью ответила Бреда. — Есть гиперкосмическая трансляция. При необходимости мое тело можно вывести на звездную орбиту. Мне не нужен никакой механизм для преодоления галактических просторов. Достаточно полномочий, переданных мне моим Супругом. До сих пор мне не приходило в голову ими воспользоваться — просто не было нужды покидать мой народ. Разумеется, я и теперь его не покину. Я вернусь.

— Да, если попытка духовного обогащения не убьет тебя.

— Я готова рискнуть.

— За что ты так любишь этих безмозглых дикарей?! — воскликнула Элизабет. — Ведь они никогда не оценят того, на что ты идешь ради них!

Ответом ей были все та же всепрощающая улыбка и приглашение проникнуть в мозг.

— Еще одно, — устало проговорила Элизабет. — Учитель… разделяет муки.

«О Элизабет, я не поняла! Прости мне мою самонадеянность! Конечно, я не имею права…»

Элизабет резко прервала поток покаянных мыслей.

— Мне все равно суждено умереть. Даже если я вырвусь отсюда, столь нежно любимый тобой народ рано или поздно выследит меня и прикончит. А коли так… почему бы и нет? Если у нас что-нибудь получится, пусть это будет моей эпитафией, моим оправданием в случае осуществления твоего пророчества совместной расовой судьбы. Раз ты обрекаешь себя на муки, то и я готова. Ты будешь моей последней ученицей.

— Я не хотела причинить тебе лишнюю боль и очень сочувствую, поверь…

— Не трудись, — сухо откликнулась Элизабет. — Каждая капля страданий драгоценна!.. Ты

уверена, что сумеешь наладить трансляцию?

Мозг Бреды наглядно продемонстрировал ей такую возможность. Физически Элизабет, безусловно, не станет сопровождать отстраненную путешественницу, но умы их будут неразрывны, с тем чтобы Элизабет могла направлять нервные волокна Бреды.

— Начнем по твоей команде, — заявила Супруга Корабля.

Потолок комнаты без дверей разверзся. В вышине Галактическую равнину пересекала Млечная река. Среди клубящихся над ней облаков вставал центр мироздания. А за ним был скрыт другой виток спирали на отдалении в сто тысяч световых лет.

— Ты должна проделать весь этот путь! — сказала Элизабет. — Немедленно!

В одно мгновение их втянуло в звездный круговорот; они повисли над черным преддверием ада, посреди искореженного, взбаламученного пространства. Атомы физического тела Бреды стали еще менее связанными, чем разреженный атомный туман, что плывет в звездной пустоте и вибрирует, всякий раз криком боли возвещая о рождении Вселенной. Ум Супруги Корабля вопил на тех же частотах, что и агонизирующие

телесные частицы. Так началось духовное обогащение.

Оно произойдет тяжелее, чем обычно, из-за высокой латентности Бреды. Все изношенные психоэнергетические цепи, ведущие от торквеса, должны быть переориентированы в лабиринтах коры правого полушария; их возродит для активности очистительный огонь самой страшной боли, какую только мироздание способно вселить в мыслящее, чувствующее существо. Но зато в своей стойкости Бреда в короткое время минует этап, обычно занимающий многие годы. Сама по себе боль не имеет цены, если не соблюдать дисциплину, не держать разветвленную умственную деятельность под строгим контролем. И тут все решает руководство опытного наставника. Огромная корректирующая сила Элизабет обволакивала трепещущую душу, предохраняя ее от распада, направляла пламенные устремления Бреды, точно бесчисленные метапсихические факелы, готовые сжечь накопленный в подкорке опыт жизни длиной в четырнадцать тысяч лет.

Активный ум заботливо поддерживал «аспирантку». Слившись, они парили над бездной ада, имеющей единственное измерение — центростремительную силу, воспринимаемую разумны-

ми существами всех рас только как боль…

Процесс развивался в синхронном вечном движении раздвоенных субъективных сознаний. В агонии Бреда сознавала глубинные изменения в своей душе, но не могла побороть дьявольского жжения и взглянуть на себя со стороны. Она могла только страдать и терпеть в надежде, что, когда ее муки кончатся, ум по-прежнему будет жить в физической Вселенной.

Наконец боль уменьшилась. Бреда почувствовала, как ослепляющая энергия Элизабет сменилась слабым свечением. А еще она ощутила другие жизненные силы, помимо своих и Элизабет: казалось, они поют в затухающем пламени. Как странно! Что это? Так далеко, за серым и черным дымом, за массой невидимого затухающего огня… мурлыкающая мегатональная мелодия, подобная яркой вспышке, будто приближалась. Чем четче Бреда ощущала ее, тем заманчивее становился напев. Она позабыла о дисциплине, о своем «я» во внезапном стремлении достичь, увидеть, соединиться с нею — теперь, когда познала Единство…

«Вернись».

«О нет, Элизабет, не теперь, позволь мне…»

«Мы достигли предела. Возвращайся ко мне».

«Нет, нет, мы, изгнанники, последуем за ним до конца и соединимся за гранью боли, там, где он ждет нас с любовью…»

«Пора возвращаться. Ты пойдешь со мной. Не упорствуй».

«Нет, нет, нет, нет…»

Оставь. Не смотри туда. Ты не можешь овладеть им и продолжать жить. Вернись сейчас же, подчинись моей воле, летим обратно сквозь пространство, не сопротивляйся, Sancta Illusio Persona Adamantis note 10, где бы ты ни была, подчинись, Бреда, подчинись приказу, оставайся во мне, мы уже почти там… там…»

Супруга Корабля без маски сидела за столом напротив Элизабет.

«Ушел. Он ушел. Ты увела меня от него».

— Это было необходимо для нас обеих. Ты достигла кульминации боли. Опыт прошел успешно.

По щекам Бреды текли слезы. Почти потухший огонь души медленно возгорался вместе с сожалением, которое теперь будет жить в ней всегда, до самой смерти. В тишине комнаты без дверей Бреда с трудом приходила в себя.

---

note notes: Note10
святая иллюзия стойкой личности (лат.)

Затем последовало открытие и приглашение. Бреда осмелилась войти и громко вскрикнула, впервые познав настоящее единение с земным умом.

«Так вот как… это бывает».

— Да. Обнимаю тебя, сестра.

Супруга Корабля приложила пальцы к безжизненному куску золота у себя на шее и расстегнула замок. Мгновение она подержала его на вытянутой руке, прежде чем положить рядом с изваянием Супруга.

«Я живу. Я активна, хотя и понимаю, что похожа на беспомощного ребенка, впервые вставшего на подгибающиеся ножки. Но метафункции высвободились; какое богатство — единение двух в одной, уже теперь, а что будет потом, когда я познаю любящий ум?..»

— Будет стихийный рост, и радость взамен боли, и ощущение своей силы. Последняя, правда, ограничена твоим физическим телом и развитием местного ума. Но поскольку ты уже любишь разум, то способна делиться им без ущерба для себя. Вот у меня никогда так не получалось.

«А то, что я видела…»

— Ты видела то, что большинство из нас, независимо от активности, увидит и завоюет только

в конце пути. Немногим «аспирантам» удается заметить это с первого раза. К счастью.

Они снова умолкли.

— Память о тоске исчезла, — наконец произнесла вслух Бреда. — Она не вернется, я знаю. Теперь я поняла: лишь неукоснительное подчинение наставнику положит грань между непродуктивным отчаянием и творческим очищением, после которого приходит радость. Этого надо было ожидать. Не просто отсутствия боли, а экстаза.

— Почти все зрелые умы чувствуют тончайшую грань, разделяющую то и другое, хотя и не знают, что с ней делать. Если хочешь, для углубления программы я поделюсь с тобой несколькими концепциями сути Галактического Содружества, столь упорно оспариваемыми нашей философией и теологией.

— Да. Ты должна поделиться со мной всем, что знаешь. Прежде чем… покинешь нас.

Элизабет не клюнула на эту приманку.

— Каждая разумная раса воспринимает теосферу своим индивидуальным психологическим путем. Мы можем обследовать нишу, которую в перспективе займет твое племя. Теперь, когда мы вместе, мы в состоянии совершить то, на что одинокий активный ум неспособен — познать суть

до определенного предела. Она будет разжижена, поскольку ум плиоцена еще очень инфантилен, но тебе она покажется восхитительной.

— Она уже восхитительна, — заметила Бреда. — И вот что мне хотелось бы сделать с вновь обретенным богатством — пересмотреть все вероятности в поиске наиболее приемлемой модели, до сих пор неясной мне. Ты присоединишься?

Наставница и сестра отшатнулась. Умственные дверцы захлопнулись.

— Я должна была это предвидеть! Бреда, ты беспросветная дура!

Ум Супруги Корабля был раскрыт настежь, но Элизабет не вошла в него и даже не взглянула.

— Я ухожу из твоей комнаты без дверей, — заявила она. — Пойду к вашему королю и выскажу ему твое суждение касательно моей судьбы. Твое новое суждение. А потом разыщу свой шар и, улучив момент, навсегда покину вашу страну.

Бреда наклонила голову.

— Я отдам тебе твой шар. И сама займусь потомством Нантусвель. Только, пожалуйста, позволь мне пойти с тобой к королю.

— Ладно.

Обе вышли и немного постояли на утесе над Серебристо-Белой равниной. Соляные россыпи

были покрыты сетью крошечных огней. Близилась Великая Битва, и в долине разрастался палаточный город фирвулагов. Даже в полночь можно было обнаружить на дальнем расстоянии, как караваны с продовольствием, сопровождаемые рамапитеками, ползут по южному склону горы. Баржи, стоящие на причале у побережья лагуны, были освещены, поэтому водная гладь тоже вся была в огнях.

Из-под своей маски Бреда невозмутимо глядела на великолепное зрелище.

— Только три недели до Великой Битвы — и все решится.

— Три недели, — повторила женщина. — И шесть миллионов лет.

7

Во время Перемирия все дороги с севера Многоцветной Земли вели к Ронии. Через этот город тану и фирвулаги следовали на игры: знать обеих рас путешествовала по реке, а простая масса двигалась по Большой Южной дороге, параллельно западному берегу Роны, к Провансальскому озеру и Великолепной Глиссаде.

Большинство северян прерывали свое путешествие на ярмарке Ронии. Древние враги свободно общались во время ежегодной торговой оргии, которая продолжалась две недели Перемирия, день и ночь напролет. Прилавки и палатки стояли вдоль всей столбовой дороги и в окружающих открытых садах прибрежного города. Одним словом, округа превращалась в огромную рыночную площадь, где предприимчивые люди и фирвулаги устраивали постоялые дворы и закусочные для обслуживания туристов.

В нынешнем году самыми рьяными покупателями на ярмарке были беженцы из Финии, лишившиеся всего имущества. Чтобы хоть както морально поддержать себя, они не жалели денег на изделия искусных ремесленников-

фирвулагов: украшения из бриллиантов, янтаря, слоновой кости, золотые и серебряные безделушки, дорогие головные уборы, кружево и тесьму, красивую сбрую для халикотериев, пояса, ножны и прочую военную амуницию, духи и кремы, мыло, напоенное ароматами полевых цветов и трав, терпкие ликеры, волшебные крылатые чепчики, такие деликатесы, как дикий мед, конфеты с ликерной начинкой, трюфели, чеснок, специи, изысканные соусы и самое экзотическое лакомство — земляничное варенье. Более насущные товары поставляли торговцы Ронии и других поселений тану: ткани тончайшей выделки, готовое платье, красители и прочую бытовую химию, стеклянный инвентарь разнообразного назначения, посуду и утварь, доспехи и оружие. Из огромных бочек текли рекой вина, пиво и крепкие напитки, разлитые в деревянные фляги и кожаные бутылки; в изобилии было копченое и консервированное мясо, сушеные и маринованные овощи и фрукты, а также непортящиеся злаковые продукты: мука, дрожжи, простые и ароматизированные сухари. Пища продавалась не только в розницу, но и оптом, для обеспечения Великой Битвы.

К вечеру четырнадцатого октября в толпе

беженцев, заполонивших Южную дорогу, на ярмарку прибыл отряд всадников. Группа, не теряя времени, направилась к частным стоянкам, где мелкой аристократии тану и фирвулагов разрешалось возводить собственные павильоны, отдельно от общественных. Отряд возглавляли две дамы в золотых торквесах — по возрасту мать и дочь. На старшей было кисейное платье изумрудного цвета и экстравагантная, усыпанная драгоценными камнями шляпа. Младшая, выступавшая в полном облачении рыцарей Гильдии Принудителей, держала в руке копье, украшенное золотым знаменем с траурной каймой. Свиту дам составляли пятеро солдат в бронзовых доспехах под предводительством гиганта капитана, старый дворецкий, две служанки и низкорослый одноногий угрюмец, чей вид почему-то очень нервировал коней.

— Мы всего лишились в бедствии, постигшем Финию, — рассказывала гранд-дама сочувственно кивавшему хозяину постоялого двора. — Буквально всего, кроме кое-каких драгоценностей и своих верных серых. Так что мы с дочерью теперь совсем нищие. Но… быть может, нам удастся вернуть наше состояние в ходе Битвы: леди Филлис Моригель усердно тренировалась и подает

большие надежды в воинском искусстве. Если Тана будет к нам благосклонна, то на Серебристо-Белой равнине мы не только отвоюем наши богатства, но и отомстим за поруганную честь.

Человек почтительно поклонился. Миловидная леди Филлис Моригель улыбнулась ему из-под приподнятого забрала.

— Уверен, что вас ждет удача, юная леди. Я чувствую вашу могучую силу, как бы вы ее ни скрывали.

— Филлис, дорогая, — упрекнула ее старшая, — ну как тебе не стыдно?

Девушка виновато заморгала, и насильственная волна схлынула.

— Простите великодушно, господин! Я и не думала на вас давить. Просто это моя первая Битва, и я, наверное, слишком взволнована.

— Неудивительно, — отозвался хозяин. — Но не тревожьтесь, юная леди. Главное — сохранять хладнокровие, и вы, без сомнения, отличитесь на Отборочном. Я буду за вас болеть.

— Как мило с вашей стороны. Мне кажется, я всю жизнь мечтала принять участие в играх.

— Милостивые дамы, уже поздно, — вмешался престарелый дворецкий, нетерпеливо ерзавший в седле во время обмена любезностями. — Вам

необходимо отдохнуть.

— Почтенный Клавдий прав, — подхватил капитан эскорта. — Прошу вас, хозяин, выделите место, где мы могли бы дать отдых нашим старым костям. Мы уже шесть дней в дороге и валимся с ног.

— Шесть дней?! — удивился хозяин постоялого двора. — Так вы, стало быть, не укрылись в Надвратном Замке?

— Нет-нет, — разуверил его дюжий капитан, — мы не успели примкнуть к каравану лорда Велтейна. На севере все еще царит полнейшая неразбериха.

Хозяин постоялого двора уткнулся в карту размещения.

— Большинство ваших сограждан поселилось в прибрежной зоне — это самые удобные места. За небольшую доплату я мог бы и вас туда поместить.

Но пожилая леди решительно замотала головой.

— Как бы ни хотелось быть поближе к землякам, мы должны экономить, не то нам может не хватить денег до Битвы. И потом, боюсь, мы будем чувствовать себя неловко, так как не сможем разделить их увеселений. Поэтому, добрый хозя-

ин, дайте нам что-нибудь поскромнее, место, где мы могли бы поставить две палатки и привязать халиков. Ну, например, вон там, на холме.

Слегка разочарованный, хозяин опять принялся изучать карту.

— Что ж, извольте. Квадрат номер четыреста семьдесят восемь, сектор Е

— высоко, прохладно; правда, вам придется самим носить воду.

— Прекрасно! Моя талантливая дочь будет доставлять нам воду силой своего психокинеза. И сколько?.. А-а… sa y est [note] [11]. Желаю вам доброй ночи.

Хозяин опустил в карман протянутые ему монеты и лукаво взглянул на деву-воительницу.

— Так вы и психокинезом балуетесь, леди Филлис? Ну, тогда ваше дело в шляпе! Я даже, пожалуй, поставлю на вас что-нибудь в тотализаторе. Чтоб у новобранца были такие высокие шансы…

Компания пустилась вскачь по освещенной фонарями дороге, а он долго махал ей вслед.

— Ну ты, дурища! — напустился на Фелицию вождь Бурке. — Чего мозги распустила?! Теперь

---

note notes: Note11
подойдет (франц.)

этот болван тебя запомнит.

— Конечно, запомнит, и не только меня, Жаворонок, — усмехнулась девушка. — Меня он, по крайней мере, принял за настоящую золотую. А вот видел бы ты свою рожу, когда он предложил нам разместиться вместе с финийской сворой!

— Да, здесь нас и подстерегают главные опасности, — заметила мадам. — Ну, положим, Фелиция и я в случае чего притворимся, что мы не в тонусе из-за перенесенных невзгод. Но вас с вашими липовыми торквесами наверняка заметут, как только кто-нибудь из тану или людей в торквесах попытается выйти с вами на умственный контакт. Поэтому держитесь поближе ко мне и Фелиции, чтобы мы могли вовремя отразить телепатическую атаку. Закупками продовольствия и фуража займется Фитхарн. Он вне подозрений, если, конечно, не попадется на глаза опытному метапсихологу.

— По-моему, мы все же рискуем, оставаясь здесь, — вставила Ванда Йо.

— Это мы уже обсуждали, — возразил Бурке. — В других местах на юге остановиться еще опаснее.

— Фирвулагских землянок тут почти нет, мадам, — сообщил Фитхарн. — Маленький народ не рискует селиться на южных землях большими

группами. А отдельные семьи по большей части скрываются в чащобах, вдали от проезжих дорог. Тут не доверяют пришлым, даже тем, у кого есть рекомендации короля Йочи.

— Да я уж поняла, что королевскую власть здесь не больно-то почитают,

— сдержанно проговорила мадам.

Фитхарн усмехнулся.

— Наш Йочи — неформал, в отличие от старика Тагдала. Мы ведь избираем своих монархов, хотя у нас тоже есть понятия чести и верности, но мы — не тану и никогда не обрекаем низложенных королей на заклание.

Всадники стали взбираться на холм, где палатки и факельные огни были несколько рассредоточены. Дорога круто поднималась вверх по каменистой почве среди все более скудной растительности. Возле жилья почти не было халиков и элладотериев, почему можно судить, что они попали в бедняцкий квартал. В основное здесь стояли черные палатки фирвулагов и разноцветные времянки престарелых холостяков тану. По контрасту с веселым гомоном ярмарки тут, если не считать жужжания насекомых, храпа и негромкого ворчания домашних животных, царила благопристойная тишина.

— Вот он, четыреста семьдесят восьмой, — объявил Фитхарн. — Тихо, прохладно и на отшибе. — Глаза фирвулага видели в темноте лучше, чем человеческие при свете дня. На удивление проворно он доковылял на своей деревянной ноге до камней, огораживающих отведенное им пространство, и убедился, что соседние участки пусты. — Наши ближайшие соседи, мадам, сплошь фирвулаги, так что лучше места не найти. Я возьму с собой на ярмарку двух халикотериев, чтобы провизию нагрузить.

Фелиция спрыгнула с седла.

— А я поставлю палатки. — Она подошла к халику Амери и улыбнулась монахине, которая, как и Ванда Йо, была одета в желто-голубой балахон прислуги. — Ну что, трещат кости-то? Давай-ка помогу.

Амери словно пушинка вылетела из седла и спланировала на землю.

— Смотри-ка, и этому научилась, — одобрительно заметила Фелиция.

— А ты думала! Пока до Мюрии доберемся, мне во всем королевстве равных не будет!

— Между прочим, мы с мадам тоже устали, — раздраженно проговорила Ванда Йо. — И Клоду с Халидом неплохо бы помочь.

Спортсменка направила свой психокинез и на других инвалидов. Едва Жаворонок, Бэзил, Герт и Ханси разгрузили вьючных животных, она, и пальцем не пошевелив, одной лишь силой ума поставила две палатки, какими обычно пользовались тану, с раздвижными стойками и растяжками. Еще несколько умственных усилий — и вода из Роны наполнила три надувные бочки, а перед палатками растянулось выдернутое с корнем сухое дерево.

— Осталось самое сложное, — заявила Фелиция, нахмурив брови. — Пока еще мне трудно контролировать творческую энергию, потому отойдите-ка от греха подальше. И молитесь, чтоб я не переусердствовала, а то вместо дров у нас получатся головешки.

Хрясь!

— Здорово! — восхитился Бэзил. — В самый аккурат. Теперь займись ветками, моя прелесть.

Вжик-вжик-вжик!

— Это ж надо, словно сосиску кромсает! — воскликнул Уве.

И действительно, часто сверкавшая небольшая молния, источником которой был ум девушки, в мгновение ока разделала дерево на маленькие аккуратные чурбачки. Когда перед ними, чуть

дымясь, выросла тщательно сложенная поленница, вся компания разразилась аплодисментами.

— Да, твои первичные метафункции явно набирают силу, ma petite note 12, — похвалила ее мадам. — Только не забывай упражняться и в осторожности, хорошо?

— А что, разве я за всю дорогу дала вам хоть малейший повод для беспокойства? — обиженно отозвалась девушка. — Пора бы усвоить: я ничего не делаю ради показухи. Между прочим, я не меньше вашего заинтересована довести наш план до конца и прижать к ногтю всех ублюдков тану.

— C'est bien note 13, — устало кивнула старуха. — Давайте-ка, пока наш друг отсутствует, устроим небольшой военный совет. Настало время важных решений.

— Сядем у костра, — предложила Фелиция.

Одиннадцать скальных обломков, каждый размером с табурет, слетели с гор и образовали круг. Деревянные чурбачки сами сложились в пирамиду и начали загораться, как только под ними материализовался огненный шар психи-

---

note notes: Note12
моя крошка (франц.)

note notes: Note13
хорошо (франц.)

ческой энергии. Через десять секунд костер уже полыхал вовсю. Заговорщики уселись на каменные сиденья, освободились от доспехов и другой излишней амуниции.

— Наше предприятие достигло критического момента, — начала мадам Гудериан. — Фитхарн и остальные фирвулаги нам, собственно, больше не нужны, коль скоро им нельзя нарушить Перемирие. Нам же подобная щепетильность чужда. Первобытные с самого начала были вне закона, поэтому Перемирие на нас не распространяется. Они нас тоже не помилуют, если схватят. Однако враг едва ли ожидает, что мы нанесем удар так скоро после Финии. Разведка тану, без сомнения, уже доложила, что наша нерегулярная армия распущена. Они рассчитывают, что мы станем вновь собирать силы на севере — и нам, разумеется, так и следует поступить, — но им и в голову не придет, что у нас хватит наглости нанести удар по их главной цитадели на юге.

— Скопление беженцев нам на руку, — добавил вождь Бурке. — Они все такие оборванцы, что в шмотках, подобранных Фелицией, мы легко смешаемся с толпой.

— Пока все идет гладко, — снова кивнула мадам Анжелика. — Но теперь операция вступает

в самую опасную стадию. Через шесть дней — двадцатого — наступит новолуние. В тот же день закроется ярмарка, здешние стоянки опустеют, и народ устремится на Серебристо-Белую равнину. Я считаю, что отряд, который должен атаковать фабрику торквесов, надо отправить в Мюрию по реке. Если нам удастся найти опытного лоцмана и обеспечить себе попутный ветер, то путешествие займет не больше четырех дней.

— Лоцмана найдем, — пообещала Фелиция, снимая через голову сапфировые доспехи. — И он сделает все, что нам надо, как только Халид снимет его серый торквес.

— А может, лучше принуждение? — спросил кузнец.

— Понимаешь, я еще не наловчилась работать с торквесами. Если он вздумает на меня броситься, то я могу ненароком его убить. Не волнуйся, уж без торквеса-то я его стреножу.

— Итак, вы прибудете в Мюрию безлунной ночью, если повезет, свяжетесь с Эйкеном и наметите удобное время для нападения. Скажем, на рассвете двадцать второго. В это время я буду находиться поблизости от Надвратного Замка и тоже, едва рассветет, переправлю послание через врата времени.

Воцарилось неловкое молчание.

— Так ты еще не отказалась от своей безумной затеи! — напустился на нее Клод. — Прославиться хочешь!

В отблесках костра все увидели на лице мадам Гудериан выражение упорной решимости.

— Что проку толковать, сто раз говорено-переговорено! Кроме меня и Фелиции, никто не сможет незамеченным подойти к вратам времени. Однако использовать Фелицию на операции в Замке значило бы впустую растратить ее незаурядные способности. Они сослужат гораздо большую службу на юге, в то время как в Замке вполне хватит моих слабых сил.

— Но тебе придется просидеть здесь не меньше недели, — не унимался Клод. — Что, если ты опять свалишься с воспалением легких?

— Амери дала мне лекарства, — успокоила его Фелиция.

— Стало быть, ты просто подойдешь к вратам и кинешь туда янтарь?

— Au juste [note 14].

— Но Велтейн все еще возится с беженцами в Замке, — предостерег вождь Бурке. — А вдруг он

---

note notes: Note14
так точно (франц.)

задержится там до последней минуты? Ему не составит большого труда разоблачить все твои иллюзии. Может, тебе и удастся подобраться к вратам незамеченной, но я сомневаюсь, что твои творческие метафункции способны пересилить энергию тау-поля. Как только ты бросишь послание, стражники и солдаты наверняка поднимут тревогу.

— А Велтейн или еще кто-нибудь из великих тану примчится и растопит твой маскировочный экран как воск.

— Да, но задача уже будет выполнена, — возразила старуха.

— Какой ценой?! — взорвался Клод. — Это бессмысленная жертва, пойми, Анжелика! Я знаю другой способ!

И он поведал свой план.

— А что, неплохо придумано, — согласился с ним Уве. — Ведь надо как-то обеспечить прикрытие для мадам. К тому же ты сможешь за ней поухаживать в том случае, если…

— На юге я вам ни к чему, ребята, — перебил его Клод. — Только обуза. А здесь могу принести пользу. Мною движут…

— Да знаем мы, что тобой движет, старый волокита! — усмехнулась Фелиция.

Мадам обрела взглядом все лица по очереди и сдалась.

— Что ж, решено. Предложение Клода принимается. На рассвете двадцать второго обе группы одновременно совершат вылазку к вратам времени и нападение на фабрику торквесов.

— Sit deus nobis note 15, — пробормотала монахиня.

— Железо послужит нам секретным оружием на случай рукопашной схватки с тану, — заявил вождь Бурке. — Однако в противоборстве с людьми это небольшое преимущество, особенно с теми, кто носит золотые торквесы. Чтобы сокрушить оплот Гильдии Принудителей, мы имеем только два действенных средства: метапсихическую энергию Фелиции — хотя ее может оказаться недостаточно — и Копье…

— Которое в настоящий момент — просто красивая булавка, — напомнил Халид, — если Эйкен Драм не поможет нам перезарядить его… Скажи, Фелиция, ты уверена, что твои энергетические снаряды пробьют толстую каменную кладку и бронзовые двери?

— Не знаю, — ответила девушка. — Я станов-

---

note notes: Note15
да поможет нам Бог (лат.)

люсь сильнее с каждым днем, но пока вряд ли можно целиком полагаться только на меня. Хотя, собственно говоря, наша первоочередная цель — не все здание Гильдии, а только фабричная часть. Ведь модули для торквесов — очень хрупкие устройства. Может, ничего и делать-то не придется — достаточно будет обрушить на них крышу. Ванда Йо с одного взгляда на здание подскажет, куда мне бить, верно?

— Попытаюсь, — не слишком уверенно отозвалась Ванда.

— Я видел здание, — вмешался Халид. — Оно совсем не похоже на феерические дворцы Финии. Это огромный куб из мрамора и бронзы, его сокрушить так же легко, как государственный банк в Цюрихе! Если Фелиция до будущей недели не научится сдвигать горы, то, пожалуй, Гильдия Принудителей окажется для нее крепким орешком.

Маленькая спортсменка сняла стеклянные латы и осталась в одной белой нательной рубахе и рыцарских солеретах с золотыми шпорами. Она задумчиво покачивала ногой в голубом ботинке, и сапфировые блики ложились на ее нежное лицо.

— Не знаю, чем я смогу похвастаться на буду-

щей неделе, но сколько б ни было у меня сил, все их брошу на паскудных тану!

— Ты будешь повиноваться приказам Жаворонка, девочка! — резко одернула ее мадам Гудериан.

— О да! — Фелиция в изумлении раскрыла глаза.

— Несмотря на потенциальную силу Фелиции, все же самый беспроигрышный вариант — фотонное оружие, — заметил Бэзил. — Если мы его перезарядим, то нам даже не понадобится приближаться к Гильдии Принудителей и рисковать жизнью. Мы сможем разрушить здание прямо из лагуны, правда, Халид?

— Здание Гильдии находится на северной окраине города, чуть западнее того места, где дорога идет вверх от пристани. Одна укрепленная стена выходит на отвесный уступ метров сто высотой. Под ним на километры тянутся дюны и соляные отложения вплоть до побережья Каталонского залива… Ну что, Клод? Ведь ты, кажется, вдоль и поперек обследовал этот чертов рельеф.

— Если найдется твердый плацдарм для ведения прицельной стрельбы, то вы камня на камне от здания не оставите, — заявил палеонтолог. — А то и взорвете скалу, на которой оно построено.

— Главное — захватить их врасплох на рассвете, — тихо проронила Амери. — Тогда потери могут оказаться минимальными.

— Боишься? — обратился к ней американский абориген. — Мы, к сожалению, на войне. Коли тебе это не по плечу, оставайся с мадам и Клодом.

— Может, тебе и впрямь лучше остаться, ma soeur? note 16 — встревожилась мадам Гудериан.

— Нет! — отрезала Фелиция. — Амери добровольно пошла с нами, и надо использовать ее там, где она нужнее. Мы не должны подвергать себя глупому риску. Вспомните, как дикий кабан чуть не провалил нападение на Финию! На сей раз пусть с нами будет врач.

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверила монахиня. — И во всем буду следовать вашему плану.

— Позвольте внести предложение, — вмешался Бэзил. — Я вот все думаю об Эйкене Драме. Нельзя ли выйти с ним на связь еще до прибытия в Мюрию?

Все в недоумении уставились на него.

— Давайте попытаемся установить телепатический контакт отсюда, — объяснил Бэзил. — По-

---

note notes: Note16
сестра моя (франц.)

ставим парня в известность, пускай поджидает нас. Может, даже стоит рассказать ему про Копье, чтоб он заранее все обмозговал.

Мадам попыталась возразить, но Бэзил перебил ее:

— Знаю, мадам, вы сомневаетесь в своих способностях передавать мысли на большие расстояния и общаться на скрытом канале. Но что, если в качестве посредника такого общения мы задействуем еще одного вашего друга

— Элизабет?

— Гениально! — воскликнул Клод.

— Мадам рассказывала, как перехватила послание Элизабет сразу после прибытия Зеленой Группы в плиоцен. Наверняка теперь эта женщина полностью восстановила свои метафункции и сможет работать… э-э… на сфокусированном пучке, если можно так выразиться. Пусть даже будут помехи…

— Сомневаюсь, — сказала Анжелика. — Мысль Элизабет лишь на мгновение сверкнула в моем мозгу. Все послание я уловить не смогла…

— А я на что, мадам?! — вскинулась Фелиция. — Чтобы привлечь внимание Элизабет, вовсе не надо обращаться к ней на скрытом канале. Достаточно одного крика на верхнем

регистре командного канала. Элизабет должна лишь понять, что мы ее вызываем. А там она сама запеленгует и сфокусирует писк мадам до предельной четкости.

Старуха нахмурилась, глядя на юную энтузиастку.

— Но есть и другие достаточно сильные умы, чтобы локализовать телепатический призыв.

— Не выйдет! Об этом я позабочусь! — ликовала Фелиция. — Завтра с утра мы составим график вещания, и я удалюсь на десять-двадцать километров вверх по Северной дороге. Затем мы будем синхронно вещать через заданные интервалы. Умственная речь будет отдаваться эхом, и тану не смогут точно зафиксировать местонахождение этого раздвоенного крика. А метаактивный ум Элизабет, без сомнения, способен вычленить послание мадам на интимном канале.

— А что, может, и получится! — улыбнулась Амери.

— Бедный краснокожий невежда ни черта в ваших речах не понял, — заявил вождь Бурке. — И все же давайте попробуем.

— Ловко закручено, — похвалил Халид. — Учитывая, что мадам с Фелицией

— обе медиумы и могут слиться своими умами…

Только бы Эйкену Драму можно было доверить нашу драгоценную петарду.

— Вы с ума сошли! — ужаснулся палеонтолог. — Посвятить его в наш план?

— Ты известный циник, Клод! — посетовала Амери.

— Может, потому, что я слишком долго прожил на этом свете, — вздохнул старик, — а может, именно поэтому так долго и прожил.

— Ну хорошо, Клод, — проговорила мадам, — а Элизабет ты доверяешь?

— Безоговорочно.

— Тогда все просто. Пошли спать, а завтра попытаемся выйти на связь. Если удастся, спросим мнения Элизабет об Эйкене Драме и поступим так, как она нам посоветует. D'accord? note 17 Ее темные глаза вновь обвели круг спутников — все десять членов экспедиции согласно кивнули.

— Решено! — заключил вождь Бурке. — На рассвете составим график вещания и отправим Фелицию. Наденешь доспехи и возьмешь с собой эскорт серых торквесов — Бэзила, Уве и Халида. Если тану станут интересоваться — ты разыскиваешь своего дядюшку Макса среди беженцев. На

---

note notes: Note17
согласны? (франц.)

связь выйдем в полдень. А пока ты удаляешься от лагеря, мадам и мы, грешные, присмотрим на берегу подходящее судно. Герт и Ханси примерно знают, что нам нужно.

— Только не опоздайте, — предупредила их Фелиция. — Да прикупите на ярмарке голубой эмали, а то краска, которой старик Каваи покрыл Копье, уже облезает.

Когда полночная луна поднялась высоко над Роной, вернулся Фитхарн с припасами. Мадам отвела карлика в сторонку и в общих чертах изложила ему план дальнейших действий.

— Завтра к вечеру, — сообщила она, — экспедиция сядет на корабль и поплывет в столицу, а мы с Клодом спрячемся в окрестностях Надвратного Замка и будем ожидать часа, когда намечено нанести двойной удар поработителям-тану. Ты же можешь уходить, друг мой. Выражаю тебе глубокую признательность от имени всех нас и всего освобожденного человечества. Сообщи королю Йочи… о том, что мы собираемся предпринять. И передай ему от меня привет.

Карлик морщился от ее прощального умственного жеста и комкал в руках свою островерхую красную шляпу. Его сознание, столь трудно поддающееся дешифровке даже без умственных

экранов, было теперь полностью открыто. Образы, мелькавшие в этой туманной облачности, выражали самые противоречивые чувства.

— Тебя что-то тревожит, — ласково произнесла мадам, видя, как перемешались слова, мысли и чувства Фитхарна — страх, любовь, верность, подозрение, надежда, сомнения, боль. — Что с тобой, мой друг?

— Предупреди своих людей! — выпалил Фитхарн. — Накажи им никому не доверять на чужой стороне! Даже если вам повезет, помните мое предостережение!

Он в последний раз заглянул ей в глаза и растворился во тьме.

8

Леди в золотом торквесе и ее дворецкий склонились над прилавком ювелира, в то время как свита серых и служанок сдерживала напор ярмарочной толпы.

— Вот, кажется, то, что надо, Клавдий, — проговорила дама. — Не великовато оно для меня? Не слишком вульгарно, как, на твой вкус?

Старик в сером торквесе окинул брезгливым взглядом янтарную брошку, которую подмастерье ювелира поднес им на бархатной подушечке.

— В нем жуки! — скривился он.

— Так ведь в том и ценность! — воскликнул ювелир. — Попались прямо во время спаривания сотни миллионов лет назад! Два насекомых, самец и самка, навечно слились в брачном объятии внутри этой геммы! Ну разве не трогательно, миледи?

Та покосилась на дворецкого.

— До слез… Ты не находишь, mon vieux? note 18

— Этот янтарь дошел до нас из глубины веков, его подобрали на диком берегу Черного

---

note notes: Note18
старина (франц.)

озера! — рассыпался в похвалах своему изделию ювелир. — Мы, фирвулаги, не смеем собирать янтарь. Мы покупаем его… — он выдержал эффектную паузу, — у ревунов!

— Тана, помилуй нас! — в ужасе прошептала золотая леди. — Так вы и впрямь торгуете с дикарями? Скажи мне, добрый ювелир… что, на ревунов в самом деле так страшно смотреть, как гласит молва?

— Довольно лицезреть одного… — торжественно заверил ее ремесленник,

— чтобы навек лишиться ума!

— Так я и думала! — леди насмешливо посмотрела на своего седовласого слугу.

— Говорят, в этом году ревуны осмелились явиться на юг! — рискнул вставить свое слово подмастерье. — Чувствуете, как кругом неспокойно?

Леди в тревоге замахала руками.

Предводитель ее свиты, детина с лицом цвета дубленой кожи, угрожающе схватился за рукоять меча.

— Эй ты, чучело, не смей пугать мою благородную хозяйку!

— Но Галучол правду говорит, мой храбрый капитан, — поспешно заметил ювелир. — Вы не

думайте, настоящие фирвулаги сами не меньше озабочены. Одной Тэ ведомо, что на уме у лесных бесов. Но уж мы будем начеку, чтобы они не затесались в наши ряды во время Великой Битвы.

Женщина вздрогнула.

— Мы берем ваш янтарь, мастер. Меня тронула участь любовников-букашек. Заплати ему, Клавдий.

Дворецкий, ворча, достал из висящей на поясе мошны монету. Затем взгляд его упал на поднос с кольцами, и на лице его появилась загадочная улыбка.

— Пожалуй, мы возьмем и вот эти два кольца. Заверните, пожалуйста.

— Но сэр! — воскликнул фирвулаг. — Известно ли вам, что резные кольца имеют символическое значение?

Из-под белоснежных бровей старика сверкнули холодные зеленые глаза.

— Я сказал, мы берем их! И блудливых букашек тоже заворачивай, да поживей! Мы опаздываем на важную встречу.

— Да-да, я мигом, достойный господин! Ну ты, лоботряс, чего рот разинул, пошевеливайся! — Ювелир низко поклонился мадам Гудериан и подал дворецкому завернутые в мягкую бумагу

покупки. — Да сопутствует вам удача, миледи, надеюсь, мои изделия принесут вам счастье.

Старик в сером торквесе рассмеялся. Затем, пожалуй, с излишней для своего статуса фамильярностью взял женщину под руку и сделал знак эскорту сомкнуть строй.

Когда покупатели растворились в толпе, Галучол озадаченно почесал в затылке.

— Может, он для кого другого кольца-то купил?

Ремесленник многозначительно ухмыльнулся.

— Эх ты, святая простота!

Герт просунул рыжую голову в палатку.

— Пожалуйте, мадам. Аккурат на две половинки распилено. И букашек не задели.

— Спасибо, сынок. Об остальном мы с Клодом сами позаботимся. Скоро полдень, так что займите наблюдательные посты на окрестных скалах. При первом же сигнале тревоги я прерву связь.

— Слушаюсь, мадам! — Голова исчезла.

— Вот послание. — Клод подал ей глиняную пластину. — Все слово в слово, только написано моей рукой. Цемент у тебя есть?

Мадам Гудериан склонилась над лежащими на столе кусками янтаря.

— Voila! note 19 — произнесла она наконец. — Один возьмешь ты, другой я, par mesure de securite note 20. Я оставлю себе трогательных влюбленных букашек. Женщине как-то пристойнее быть сентиментальной.

Они внимательно разглядывали послания. Под красновато-золотой прозрачной смолой светились слова, выбитые на глиняных пластинах:

ПЛИОЦЕНОВАЯ ЕВРОПА — ПОД ВЛАСТЬЮ РАСЫ ЗЛОБНЫХ ГУМАНОИДОВ.

РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО, ЗАКРОЙТЕ ВРАТА ВРЕМЕНИ.

ВСЕ ПОСЛЕДУЮЩИЕ ОПРОВЕРЖЕНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ.

Анжелика Гудериан, Клод Маевский

— Как думаешь, поверят они нам? — спросила Анжелика.

— Ну, подписи-то сличить проще простого. К тому же, как ты сказала, два свидетельства надежнее одного. Слава Богу, я уже слишком стар, чтобы подозревать меня в мошенничестве.

Они долго молчали, сидя рядышком. В закрытой палатке было очень жарко. Мадам откинула

---

note notes: Note19
готово! (франц.)

note notes: Note20
для большей надежности (франц.)

со лба прядь седеющих волос. На виске блеснули капельки пота.

— Все-таки ты дурак, — наконец произнесла она.

— Поляки всегда были падки на властных женщин, ты разве не знала, Анж? Прославленные полководцы, как побитые собачонки, поджимали хвост перед благородным гневом дамы. К тому же я слишком старомоден, чтобы компрометировать себя, спрятавшись на неделю с такой особой, как ты, в паучьей норе, и все это время мысленно распевать «Марсельезу», пока остальная моя амуниция стоит по стойке «смирно!».

— Quel homme! C'est incroyable! note 21

— Только не для поляка! — Клод взглянул на часы. — До полудня пятнадцать секунд. Будь готова, старушка!

Элизабет и Главный Целитель Дионкет склонились над колыбелью черного «торквеса». Чистокровный маленький тану выглядел старше своих трех лет не только из-за длинных конечностей, но и из-за печати страдания на все еще красивом личике.

Малыш был голенький, только чресла при-

---

note notes: Note21
Ну и тип! Невероятно! (франц.)

крыты салфеткой. Водяной матрац поддерживал опухшее тельце с таким удобством, какое только позволяла медицинская технология. Кожа ребенка была темно-красного цвета; пальцы, уши, нос и губы почернели от гиперемии. Шея под маленьким золотым торквесом покрылась волдырями — видимо, ее сожгли какой-то мазью, наложенной в тщетной попытке облегчить страдания. Элизабет проскользнула в разрушающийся детский мозг. Свинцовые веки приподнялись, открыв невероятно расширенные зрачки.

— Если мы снимем торквес, станет только хуже, — сказал Дионкет. — Появятся судороги. Обрати внимание на отмирание нервных связей между мозгом и конечностями, на аномальные цепи, протянувшиеся от торквеса в подкорку, и непонятное воспаление миндалин, сорвавшее все наши попытки снять болевые ощущения. Развитие болевого синдрома типично своей стремительностью — в данном случае воспаление началось пять дней назад. Смерть наступит недели через три.

Элизабет провела рукой по влажным белокурым кудряшкам.

«Лежи смирно, ангелочек мой, дай я погляжу, дай попробую помочь тебе там, где между

золотом и твоей обреченной плотью завязался неумолимый узел, где боль скачет по ступенькам туда-сюда, туда-сюда, мой бедненький… Ага! Вижу! Я оборву их, оборву эти связующие нити между высшими и низшими отделами мозга и дам тебе покой и сон, пока они не явятся за тобой, мой маленький страдалец, не в добрый час появившийся на свет.»

Глазенки закрылись. Тельце безвольно обмякло.

«Благодарение Тане, Элизабет, ты сняла боль!»

Упорно отказываясь встречаться с мыслями Дионкета, она отвернулась от кроватки.

— Он все равно умрет. Я не могу его исцелить, в моих силах только принести облегчение перед смертью.

«Но если бы ты осталась, если б захотела попробовать…»

— Нет, мне надо уходить.

«Ты давно могла уйти, но не сделала этого. Сказать, почему ты осталась с нами, несмотря на то, что твой шар ждет тебя в комнате без дверей?»

— Я осталась, чтобы выполнить данное Бреде обещание.

Ни единого проблеска сочувствия, сопереживания не появилось за ее умственным экраном.

Но Главный Целитель был стар и знал другие способы читать в душах.

«Ты осталась вопреки изощренному презрению к нам, вопреки своему эгоизму — потому что тебя тронули страдания этих несчастных.»

— Конечно, тронули! Хотя все, что здесь происходит, мне глубоко омерзительно. И я непременно уйду от вас… Ну что, будем тратить время на бессмысленную перепалку или я все же попытаюсь помочь больным детишкам?

«Элизабет, Бреда уже близка к пониманию своего видения, если бы ты помогла ей истолковать…»

— Бреда — паучиха! Потомство Нантусвель предупреждало меня об этом. Те по крайней мере — честные варвары и не скрывают своей враждебности. А Бреда плетет паутину… К дьяволу вашу Бреду! — Оттенок горечи лишь на мгновение прорвался в ее голосе. — Так мы будем продолжать или нет? И, пожалуйста, говорите со мной вслух, Главный Целитель!

Лорд Дионкет вздохнул.

— Жаль. Бреда, как и все мы, пыталась тебя удержать, потому что ты нам очень, очень нужна. Но, видимо, мы не уделили должного внимания твоим нуждам. Прости нас, Элизабет.

— Ладно, — улыбнулась она. — Теперь скажите, какой процент ваших детей подвержен столь страшному недугу.

— Семь процентов. Так называемый синдром «черного торквеса» может проявиться в любом возрасте вплоть до полового созревания, после чего адаптация предположительно находится в гомеостазе. Большинство случаев заболевания падает на возраст до четырех лет. Гибриды вообще не подвержены такому страшному недугу, у них наблюдаются лишь небольшие дисфункции, свойственные чистокровным людям. Но даже если отклонения принимают серьезный характер, их можно всегда устранить путем коррекции. А вот «черным торквесам» мы помочь пока бессильны… или, по крайней мере, были бессильны до настоящего момента. Ты совершила чудо! В глубинной коррекции Галактическое Содружество далеко обогнало нас. Коль скоро ты не согласна остаться, могу я хотя бы надеяться, что до ухода ты облегчишь муки остальных малышей?

«Вот как? Наблюдать за агонией невинных младенцев, с болью в сердце созерцать бессмысленное, неуправляемое, бесполезное зло — за что мне это все, за что им, бедным детям, зачем, кому

они нужны, ваши проклятые торквесы?»

«Такова наша судьба, Элизабет, иного пути мы не знаем. А ты, однажды познав активность, смогла бы отвернуться хотя бы от ее подобия?»

Два могущественных «эго», две обнаженные силы столкнулись на миг, прежде чем снова поставить заслоны. Элизабет в своем могуществе продолжала смотреть на него сверху вниз, он же покорно склонился перед ней, готовый уступить во всем и предложить… Что он мог ей предложить? Не больше, чем все остальные, ему подобные.

Элизабет наверняка взорвалась бы, не будь она уверена, что целитель-гуманоид и не думает ею манипулировать. От его щемящей искренности к глазам Элизабет подступили слезы, и она мягко ответила:

— Я не могу принять ваше предложение, Дионкет. Мотивы мои сложны и носят глубоко личный характер, но кое-какие практические соображения я все же выскажу. Потомство Нантусвель не оставляет мысли разделаться со мной даже теперь, когда Бреда наложила вето на план Гомнола скрестить меня с королем. Ныне они озабочены тем, что я могу родить детей от Эйкена Драма или как-то скооперироваться с ним

в ходе Великой Битвы. Вы достаточно изучили мою личность, чтобы понять: ни то ни другое для меня неприемлемо. Но потомство думает лишь о своих династических интересах. Сейчас они слишком заняты приготовлениями к Битве, поэтому допекают меня изредка, мимоходом, и все же я нигде не могу спать спокойно, кроме как в комнате без дверей. Вы и ваша группировка не в силах защитить меня от массированных атак, которыми руководит Ноданн. Они настроены очень решительно. А во сне я уязвима. Не могу же я на всю оставшуюся жизнь запереть себя в доме Бреды или отбиваться от этой шайки дикарей!

— Но мы пытаемся изменить прежнее законодательство! — вскричал Дионкет. — Ты могла бы помочь нам в борьбе против потомства Нантусвель!

— Как вам известно, мой ум абсолютно неагрессивен. Сначала добейтесь своих великих перемен, а потом обращайтесь ко мне.

— Да поможет нам Тана, — смиренно ответил лорд Дионкет. — Когда ты намерена нас покинуть?

— Скоро, — ответила Элизабет, снова взглянув на спящее дитя. — Я проведу курс терапии с несчастными малютками, чтобы вы и ваши

самые талантливые ассистенты могли понаблюдать за ходом лечения. Возможно, вам удастся усвоить программу.

— Мы очень благодарны тебе за руководство… А теперь, если не возражаешь, давай ненадолго оставим эту скорбную обитель. Хотя ты искусно прячешь свои чувства, я знаю, контакт с «черными торквесами» угнетает тебя. Пойдем на террасу, подальше от патологической ауры больного.

Высокая фигура в красно-белых одеждах выплыла из палаты в прохладный мраморный коридор, а затем на обширную, выходящую в сад террасу. Отсюда, с Горы Героев, открывался великолепный вид на город, на весь полуостров, солончаковые пустоши и лагуны, раскинувшиеся под ярким полуденным солнцем. Казалось, солнечные лучи зажигают засевший в мозгу крик боли и отчаяния маленьких умишек. Дневное сияние так ослепило Элизабет, что она споткнулась и… услышала зов:

«Ясновидящая Элизабет Орм, ответь!»

Дионкет взял ее за руку и, произнося слова ободрения, отвел в тенистый уголок, где стояли плетеные стулья.

«Элизабет, Элизабет!»

Слабый, искаженный, но такой отчетливый

человеческий голос. Чей он?

— На тебя повлияло общение с этими бедняжками, неудивительно. Посиди здесь, я принесу что-нибудь тонизирующее.

Мог ли Дионкет расслышать? Нет. Способ общения был исключительно человеческий, она сама его едва уловила.

— Просто попить чего-нибудь холодненького, — попросила она.

— Да-да, я мигом.

«Элизабет!»

«Кто ты, где? Я — Элизабет.»

«Это я (мы, Фелиция) Анжелика Гудериан! О, слава тебе, Господи! Сработало! Ах, черт, нить уходит, она слишком слаба, Анжели…»

«Я слышу вас, мадам Гудериан.»

«Grace a Dieu [note 22], мы так боялись, так долго вызывали — и никакого ответа, послушай, мы… собираемся устроить налет на фабрику торквесов, нам нужна помощь Эйкена Драма, можно ли ему доверять, ты за него ручаешься?»

«Эйкен?»

«Да, да, le petit farceur! [note 23] Но только в том

---

note notes: Note22
слава Богу (франц.)

note notes: Note23
маленький шут (франц.)

случае, если на него можно положиться…»

Элизабет с удивлением воспринимала это кудахтанье, полубредовый набор смазанных умственных образов, облеченных в нелепые интонации, — далекий и нечеткий телепатический призыв был так насыщен тревогой, что лишь Великий Магистр мог извлечь из него смысл. Какая дерзость! Впрочем, дерзости бунтарям не занимать. Финия — наглядное тому свидетельство. Значит, и здесь у них может выгореть. Но… Эйкен Драм? Теперь ум его неподвластен даже ей. В нем, несомненно, был заложен потенциал высшего класса, быстро приобщившийся к полной активности. Что же она может им сказать о маленьком лукавом избраннике Мейвар — Создательницы Королей? Избраннике не по праву рождения?..

«Бреда?»

«Элизабет, я тебя слышу.»

«Данные. Прогноз.»

«Помоги им.»

«Безопасно?»

«То, что бесчеловечно, не может быть безопасно.»

«Я имею в виду — для моих друзей и человечества в целом?»

«О дальновидная, рациональная, фальшивая,

равнодушная Элизабет!» (Ирония.) «Черт бы тебя побрал!»

«Мадам Гудериан?»

«Да, Элизабет.»

«Я все передам Эйкену Драму и постараюсь, по возможности, не посвящать его в детали вашего плана. Думаю, в конечном итоге его причастность принесет пользу человечеству. Однако ближайшее будущее чревато опасностями. Будьте готовы. Я сделаю для вас все, что в моих силах… пока жива.»

«О, спасибо, мы понимаем, ты сильно рискуешь, Элизабет, мы не можем, не должны потерпеть поражение!» (Страх, вина, надежда.) «Спокойно, Анжелика Гудериан! И все остальные, мои друзья…»

— Ну вот! — Дионкет появился на террасе с подносом. — Холодный апельсиновый сок как раз то, что нужно. Великолепный плод Земли вобрал в себя массу полезных компонентов: витамин С, калий и другие.

Элизабет с улыбкой взяла хрустальный бокал. Отдаленный голос потонул в хаосе мыслительных волн.

Давясь от смеха, Стейн своей геракловой ла-

пищей огрел друга по спине. Но миниатюрная фигурка в золотом костюме не шелохнулась, будто отлитая из бронзы.

— Эйкен, малыш! Да это же чертовски здорово! Они идут! Наша старая Зеленая Группа движется сюда с железом и этой фотонной хреновиной! Ну, теперь мы всех тану вытолкнем на орбиту вместе с их вонючими торквесами! Сьюки будет свободна! Все люди, которые не хотят носить эту дрянь, будут свободны! Даже не верится!

Эйкен Драм плутовато ухмыльнулся.

— Н-да. Так говорит Элизабет.

Они сидели вдвоем на личной террасе Мейвар в Зале Экстрасенсов. Забытый обед остывал на столе. Яркое солнце поднялось высоко над празднично украшенной столицей, переполненной людьми и тану. По краю Серебристо-Белой равнины вытянулись вереницы маленьких черных палаток фирвулагов; среди них попадались более внушительные павильоны цвета охры, ржавчины и других оттенков земли, где нашла себе прибежище знать маленького народа. Огромные трибуны, выкрашенные в алый и голубой, фиолетовый и золотисто-розовый цвета, сооружались по обе стороны арены, где должны были происходить спортивные состязания, предваряющие

кровавую Битву.

Стейн с непокрытой головой, в одной легкой тунике, так крепко схватил кубок охлажденного меда, что серебряная ножка едва не треснула.

— Эй, малыш! Думаешь, тебе удастся перезарядить их фотонную пушку?

— Что я могу сказать заранее, Стейни? Надо посмотреть. Но если речь взаправду идет только о том, чтобы вскрыть вшивенькую батарею, то для такого гения, как я — раз плюнуть!

— Э-эх!. — Великан шарахнул кубком по столу, расплескав напиток. — Дали бы мне эту пукалку! Лучше меня с ней никто не сумеет обращаться… Или ты сам хочешь ею заняться, а?

Эйкен задумался. Вытащил из вазы цветок, похожий на ромашку, и начал обрывать лепестки.

— Кто, я? Я должен одним ударом освободить человечество и разрушить королевство тану? Копьем Луганна? Да ты в своем уме?! Я, поди, и не подниму его. — Он бросал лепестки в остывшую подливку у себя на тарелке. — Видишь ли, Стейни, Копье для гуманоидов — что-то вроде священной реликвии. Тысячу лет назад они впервые явились на Землю и привезли с собой из родной галактики два фотонных орудия для ритуальных поединков между героями. Вторая

штуковина, поменьше, называется Меч Шарна, древнего воина фирвулагов. Теперь он служит трофеем в Великой Битве и хранится у Ноданна.

— То-то мы покажем этому ублюдку! — ликовал Стейн. — Всей их кодле покажем! Довольно им на нашем горбу ездить! Ишь, нашли себе подопытных кроликов для улучшения породы! Без поточного производства торквесов все их общество рассыплется, как карточный домик.

Эйкен с притворным отчаянием изучал ощипанный цветок.

— Да уж! Мы их пощиплем вроде вот этого цветочка.

Стейн откинулся на стуле.

— Пошли, скажем Сьюки! Она небось места себе не находит.

— Я бы повременил, — небрежно отозвался Эйкен. — Знаешь, чем меньше народу посвящено в тайну…

— Да Сьюки нипочем не выдаст.

— Кабы все от нее зависело! — Эйкен не глядел на Стейна. — За Дионкета и Крейна я спокоен, но есть и другие операторы, наши враги, они вполне могут взять ее в оборот. Если Сьюки хоть на секунду потеряет над собой контроль, то классный умокоп типа красавчика Куллукета мигом пу-

стит по ветру всю нашу конспирацию. Стоит ей, скажем, представить, как ты стреляешь из Копья, а им поймать этот образ — все, дальше они ее живо раскрутят.

— Да? — озадаченно проговорил Стейн. — А нельзя ее сюда переправить?

— Мне труднее ее прикрывать, чем Крейну с Дионкетом. Нет, пусть остается в катакомбах, пока северяне с их железным долотом не нагрянут. Вот спилю ваши торквесы — тогда летите, куда вам вздумается. Я свои обещания выполняю. Хотя, признаюсь тебе, приятель, до того, как мы получили эту сумасшедшую умственную депешу от Элизабет и мадам Гудериан, я и понятия не имел, как выполнять то, что обещал тебе. Но теперь долой торквесы! Как только вы будете выключены из мозговой сети тану, все станет гораздо проще.

— Ох, дождаться бы! — Стейн потянул себя за серый торквес. — Понимаешь, в последнее время со мной какая-то чертовщина творится. Вроде сидишь, ходишь — все нормально, и вдруг подпрыгнешь, как на булавке, при виде своей собственной тени… А то кажется мне, будто гонится за мной по пятам чудище и тянет, тянет свои мохнатые лапы. Я держусь, не оборачива-

юсь, иначе вмиг сцапает… Знаю: все от него, от торквеса поганого!

— Ладно, не дрейфь, — Эйкен хлопнул его по плечу. — Уже недолго осталось — четыре-пять дней, и ты будешь ходить с голой шеей, свободный как птица, и полетишь со своей милашкой на острова Спагетти.

Стейн схватил маленького человечка в золотом костюме за руки.

— И ты с нами, правда, Эйкен?

— М-м-м… — Плут отвел взгляд. — Вообще-то я немало позабавился при дворе короля Артура. Да и Великая Битва близка. Жаль упускать такой случай. А вдруг себе даму сердца или бесхозное королевство, а то и пожирней кусок отхвачу.

Стейн раскатисто захохотал.

— И перестанешь поджаривать на медленном огне свои мозги? Ну давай, завоевывай свое королевство, красавчик! Только что от него останется, после того как мы выступим на арену с шайкой мадам? — Он направился к выходу. — Я все же загляну к Сьюки. Про пушку молчок! Только в общих чертах изложу ей, как обстоит дело, о'кей?

Эйкен упорно смотрел на поникший стебелек ромашки. Под его взглядом тот понемногу распрямился. Поврежденная сердцевинка вновь

стала свежей и выпуклой. Из нее потянулись блестящие и упругие лучи лепестков.

— А мы-то думали, хана бедной ромашишке! — хмыкнул Эйкен. — Во, видал? Так что не говори «гоп»!

Оторвавшись от пола, он заткнул цветок за ухо Стейну. Затем вернулся к нормальному способу передвижения и вышел, насвистывая «Между небом и землей...».

Они собрались вокруг костра. На совете было решено, что старики той же ночью покинут Ронию и до времени спрячутся в лесах, а остальная часть экспедиции с первыми лучами солнца двинется на юг.

— Пусть напутствием всем нам и Клоду с Анжеликой станет псалом Давида, — сказала Амери.

Да услышит тебя Господь в день печали,

Да защитит тебя имя Бога Иаковлева.

Да пошлет тебе помощь из Святилища и с Сиона да подкрепит тебя...

Да даст тебе [note 24] по сердцу твоему и все намерения твои да исполнит.[note 25]

А теперь повторяйте за мной: «Я, Анжелика,

---

note notes: Note24
Господь

note notes: Note25
Библия. Пс. 19; 2, 3, 5.

беру тебя, Клода…»

9

Лорд Грег-Даннет ворвался в компьютерный зал Гильдии Творцов, как раз когда Брайан и Агмол вводили в машину последние данные. На Чокнутом был тщательно отутюженный бирюзовый фрак с огромной белой розой в петлице.

— Я все утро вас ищу, чтоб сообщить новости! Катлинель сказала, что вы здесь, и я поспешил на всех парах… — Он осекся, заметив, как Брайан складывает в плетеную папку книги с загнутыми уголками страниц. — Обзор! Неужели закончили?

— Да, Грегги, — улыбнулся ученый. — Я бы поработал еще месяц-другой, но король Тагдал твердо заявил, что обзор ему нужен до Битвы. У короля будет две недели на изучение, а перед тем как доложить о результатах Высокому Столу, он пригласит нас на беседу.

— Боже, как интересно! — воскликнул генетик. — Брайан, можно, я сам выведу на принтер?!

— Пожалуйста. Сейчас Агмол закончит…

Грег-Даннет, подпрыгивая на одной ноге, щипал себя за бока.

— Обожаю делать распечатки! Словно блины печешь!

— Сегодня ты можешь испечь только три блина, — возразил антрополог. — Его Величество приказал соблюдать строгую секретность, пока он лично не подпишет обзор в печать.

Грег-Даннет обиженно выпятил губу.

— Фу-у, какая досада! Ради трех экземпляров машину гонять!

— Свой новый анализ коэффициентов метапсихической латентности Грегги выпустил пятитысячным тиражом! — пояснил Агмол. — Поторопись заказать себе экземплярчик, Брай, а то их осталось всего четыре тысячи девятьсот девяносто один… Ну вот, все готово.

Брайан кивнул генетику.

— Прошу, Грегги. Но помни, только три копии: для короля, для Агмола и для меня.

Чокнутый уселся за дисплей. Его сморщенное детское личико просияло.

— А ну, расступись!

Машина загудела, перекрывая вопли Чокнутого, и через шесть секунд выдала три прямоугольные страницы в одну шестнадцатую листа под заголовком:

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР МОДЕЛЕЙ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЛЕМЕНИ ТАНУ С ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ

БРАЙАН Д.ГРЕНФЕЛЛ АГМОЛ, Центр антропологических сын покойной ДЖОАННЫ БЕРНС исследований И ТАГДАЛА Лондон Гильдия Творцов, Мюрия

— Выглядит весьма авторитетно, — пискнул Грегги, хватая одну из распечаток. — Точь-в-точь как у нас дома. Брай, ну позволь хоть начало прочесть, а?

Брайан вырвал у генетика и запихнул в карман зеленую перфокарту, прежде чем тот успел ее расшифровать.

— Обещаю: после одобрения короля ты первым это прочтешь. Наберись терпения.

Агмол спрятал две оставшиеся копии.

— Все, успокойся, Грегги. Материал пока не подлежит обсуждению.

— Ах, так! — надулся взрослый ребенок. — А я-то спешил к вам с новостями! Боялся, как бы вы не пропустили сногсшибательное зрелище. Но теперь — дудки, ничего не скажу, раз вы такие вредные!

— Как только Его Величество даст свое высочайшее разрешение, я сам пошлю тебе копию

в красном кожаном переплете с золотым тиснением и дарственной надписью, — пообещал Брайан.

Грегги снова просиял.

— Ну так и быть. Шутка! Не могу же я лишить лучших друзей удовольствия присутствовать при легализации вызова леди Мерси-Розмар Алутейну — Властелину Ремесел!

— Всемогущая Тана! — всплеснул руками Агмол. — Девчонка все-таки набралась нахальства потягаться с Алутейном на Битве?

— Чтоб я сдох! — заявил Грег-Даннет. — Король, королева и все остальные уже прибыли.

Брайан остолбенел. Словно в тумане он слышал удивленные восклицания Агмола:

— Значит, слухи не были ложными?! Я так увлекся обзором, что совсем отошел от дворцовых интриг. За этим вызовом, разумеется, стоит Ноданн! Помяните мое слово, потомство не успокоится, пока не приберет к рукам все Гильдии! Риганона уже подбирается к Мейвар, а Куллукет давно бы вызвал на поединок Главного Целителя, если бы его целительные способности были так же велики, как жажда власти.

— Мерси явилась с котлом, — сообщил Грег-Даннет. — Будет нам демонстрировать свое

мастерство. Ну и потеха! И все-таки жаль беднягу Алутейна. Представьте, как обидно много лет в поте лица выполнять самую неблагодарную работу и вдруг в одночасье быть поверженным талантливой чаровницей!

Агмол рассмеялся.

— Ну, про ее чары можешь моему коллеге не рассказывать! Выключи машину, Брай, и пошли.

Антрополог с трудом освободился от тревожных мыслей, ввел в электронное устройство блокировочный код для защиты от несанкционированного доступа и, схватив папку, поспешил за Агмолом.

А Грег-Даннет задержался в компьютерном зале.

— Ступайте, друзья мои. Я вас догоню. Мне надо представить на заседании свои отчеты. Ведь нынче тут полный сбор — отличная возможность пригвоздить кое-кого, ха-ха!

Едва за гибридом и человеком закрылась дверь, Грег-Даннет уронил на пол стопку дискет и бросился к машине. Открыв сзади крохотную дверцу из матового стекла, он нащупал миниатюрный ручной терминал, оставшийся от старой машины, которую в разобранном виде провез в плиоцен некий владеющий даром внушения

электронщик, прибывший сюда с одной из первых групп «Приюта у врат». Штифт крохотного пишущего устройства давно затерялся, но Грегги, некогда водивший дружбу с электронщиком, вставил вместо него огрызок карандаша и преспокойно стер блокировочный код.

Компьютер глухо загудел и выдал содержащийся в нем диск памяти со всеми данными, собранными Брайаном и Агмолом.

Грег-Даннет дружески похлопал по машине и спрятал свою драгоценную добычу за фалды фрака.

— Прекрасно вычерченные графики и научный жаргон! Экстраполяция носителей зла! Что ж, этого и следовало ожидать. Чтобы предсказать Всемирный Потоп, не нужен антрополог! Ах, проказники! А бедняга Тагдал считает, что мы благотворно влияем на его племя! То-то он будет потрясен, когда обнаружит, что Ноданн прав в своих пророчествах! Вот тут все разжевано умником Брайаном и простаком Агги — судьба человечества и гибридов записана черным по белому, так что даже тупоголовое потомство все поймет. Ах, Брайан! Агги вертит тобой, как хочет, а ты готов покорно передать свои честные выводы в руки короля в полной уверенности, что

он не заметит очевидных вещей. Да и видишь ли ты сам столь очевидные вещи? А еще обзывают меня чокнутым!

Даннет подобрал с пола рассыпанные дискеты, сложил их аккуратно стопкой и выскользнул из помещения. Авось пропустит только самое начало…

Потайными ходами Агмол провел Брайана в нишу огромного круглого зала Гильдии Творцов. Она была задрапирована портьерами с незамысловатым рисунком, так что отсюда можно было видеть всю ротонду, оставаясь незамеченным.

— Такие укромные местечки и потайные ходы есть во всех Гильдиях, — шепотом объяснил Агмол. — Но о них никто не помнит, кроме Гомнола и его держиморд, просто помешавшихся на всяких заговорах да изменах.

Брайан рассеянно слушал своего спутника и оглядывал высоких особ, собиравшихся в ложах вокруг серебряного трона, инкрустированного разновидностями берилла, где по обыкновению восседал Алутейн — Властелин Ремесел. Среди публики уже попадались знакомые антропологу лица: престарелый музыкант Муктал, Реньян Стеклодув, дочь королевы Клана — Прядильщица Иллюзий, единоутробная сестра ее Анеар, лорд

историк Сеньет, лорд Селадейр Афалийский, Ариет Мудрый и два талантливых гибрида, члены Высшего Совета — Катлинель Темноглазая и Альборан — Пожиратель Умов.

Не только ложи, но и ротонда была битком набита членами Гильдии Творцов, одетыми в различные сочетания геральдического голубовато-зеленого с белым и серебряным. Много было и высокопоставленных аутсайдеров, по предположению Агмола, раздобывших себе гостевые пропуска либо просто вломившихся на заседание, которое должно было проходить при закрытых дверях.

— Видишь? — указал Агмол на центральную ложу. — Те двое в белых плащах с низко надвинутыми капюшонами — Тагдал и Нантусвель! Они здесь тайно, потому их приветствовать необязательно.

Тем не менее монаршие инкогнито были встречены общим вставанием.

— А вот и леди Идона, — возвестил гибрид. — Сейчас начнут.

Высокая дама в серебряных одеждах вышла и встала у правой кулисы; за ней следовали два оруженосца. Раздался звон цепи, и наступила полная тишина. Брайан уже без труда понимал

речь Покровительницы Гильдий.

— Братья и сестры! Многоуважаемые творцы! Сегодня у нас внеочередное заседание. Позвольте огласить причину, по которой мы собрались здесь, и проследить за тем, чтобы церемония проходила в полном соответствии с древнейшими законами нашего братства.

— Да будет так! — раздался общий возглас.

— Прошу главу Гильдии Творцов, лорда Алутейна — Властелина Ремесел, выйти и занять свое место! — объявила Идона.

Под приглушенный ропот толпы из складок занавеса выплыла упитанная фигура в богатом кафтане и проследовала к трону; серебряные волосы и усы Алутейна стояли торчком. Он произнес громко и отрывисто:

— Приветствую вас, братья и сестры, и вверяю судьбу свою нашей многоуважаемой Покровительнице пяти Гильдий! — Старик плюхнулся в кресло, выставил ноги и обхватил руками колени, точно ему было трудно усидеть на месте.

— Лорд Алутейн и братья-творцы! — провозгласила Идона. — Нам выпала честь определить правомочность брошенного вызова. — Опять в публике прокатился шум, будто от морской волны, набежавшей на гальку. — Пусть заинте-

ресованное лицо предстанет перед нами!

Сбоку от центральной ложи шевельнулась портьера. Народ, столпившийся в проходе, расступился. Аристократы Мюрии изо всех сил вытягивали шеи. Некоторые, забыв о приличиях, даже поднялись над полом, чтобы получше разглядеть происходящее.

— Дорогу! — крикнул герольд. — Дорогу благородной леди Мерси-Розмар, сестре нашей и супруге лорда Стратега!

У Брайана защемило сердце. Мерси нынче оделась не в золотисто-розовую гамму своего властительного супруга, а в цвета своей собственной Гильдии. Подол длинного платья из серебристой парчи был вырезан углами наподобие крыльев бабочки. Напоминали крылья и зеленовато-голубые узоры, колыхавшиеся в такт движениям. Золотистые волосы Мерси распустила по плечам. За ней выступали четверо смуглолицых слуг в серых торквесах и ливреях дома Ноданна. Они толкали перед собой деревянную полированную тележку с огромным котлом из чистого золота.

— Крааль, — шепнул Агмол, — священная чаша нашей Гильдии. Обычно ее вывозят на публику только во время Великой Битвы. По традиции творец должен наполнить котел съестным и

накормить всех участников.

— А Мерси… что она будет делать?

Но Агмол только рукой махнул: смотри, мол, сам.

Женщина встала на площадке перед троном. По ее знаку лакеи сняли котел с тележки и, кланяясь, отступили.

— Тебе слово, леди Розмар! — распорядилась Идона.

Мерси чуть побледнела, и глаза ее, светлые, как море, полыхнули диким огнем.

— Призываю Властелина Ремесел отстоять свой пост главы Гильдии Творцов! В ходе Великой Битвы я желаю помериться с ним творческими силами. Пусть совместным решением короля, Покровительницы Гильдий и всего почтенного братства одного из нас объявят победителем и главой Дома Творцов. Побежденному же да будет предоставлено право выбирать между добровольной ссылкой и закланием во славу Богини, чья священная воля распростерта над всеми нами!

Публика взревела. Брайан повернулся к Агмолу.

— Господи, о чем она? Какое заклание? Это что, ваша безумная оргия ритуальных казней по завершении Битвы? Неужто и впрямь проиграв-

ший обязан пожертвовать жизнью?

— Это самый почетный исход. Но некоторые из нас, к примеру, Минанан Еретик, низложенный Ноданном, и Лейр, бывший глава Гильдии Принудителей, предпочли позор изгнания.

— Мерси! — крикнул Брайан, но голос его был поглощен плотными портьерами и общей сумятицей.

— Знал бы ты, что творится в мыслях у Властелина Ремесел! — Агмол потрогал свой золотой торквес. — Негоже ветерану так громко заявлять о своей неприязни. Гляди, гляди, Брай! Эту процедуру мы называем легализацией. Нельзя же позволить каждому, кто здесь без году неделя, бросать вызов власть имущим!

Алутейн поднялся с трона, подошел к краю сцены.

— Я принимаю твой вызов, сестра! Покажи нам, на что ты способна! Наполни священный котел, предварительно очистив его от моей стряпни.

Раздался оглушительный взрыв, и ноздри всех присутствующих защекотал едкий аммиачный запах. Женщина инстинктивно отскочила. Из котла поднималось жуткое, скользкое тело беспозвоночного: голову его обрамляли длинные извивающиеся щупальца. То была огромная

минога восьмиметровой длины и около метра в обхвате. Она с шипением тянула из котла к Мерси свою пасть, вернее, даже не пасть, а что-то вроде воронки с мясистыми краями, утыканными частоколом острых треугольных зубов. Из глотки чудовища высовывался шершавый языкоподобный орган толщиной, наверное, в человеческую голень. Собрание застыло в ужасе. Алутейн стоял, скрестив руки на груди и язвительно усмехался.

— Боже, что это?! — вскричал Брайан.

— Минога. Творческая реконструкция, если, конечно, он не раздобыл где-нибудь настоящую и не увеличил ее в размерах… Но это было бы не совсем благородно с его стороны… Алутейн явно рассчитывал взять твою леди на испуг, но, кажется, он ошибся. Ха-ха!

И действительно, когда чудовище нависло над ней, причмокивая в предвкушении лакомой добычи, Мерси даже не шелохнулась.

— Властелин Ремесел приготовил вам рыбу! — воскликнула она. — У меня же есть к ней гарнир!

Последовал еще один взрыв, и облако пара накрыло Мерси вместе с котлом и огромной миногой. Зловонный запах, распространявшийся из котла, мгновенно исчез, и в воздухе разлился

аромат, от которого у истинного англичанина Брайана потекли слюнки. Пар рассеялся, зрители вновь увидели золотоволосую искательницу приключений и котел, до краев наполненный дымящимся жареным картофелем.

Мерси принялась горстями бросать содержимое котла в публику.

Брайан, сотрясаясь от смеха, прислонился к стене.

— Ну, любовь моя, ты его и умыла! Браво!

— Судя по всему, это типично человеческая шутка, — предположил Агмол.

Собравшиеся творцы на лету ловили хрустящий картофель и с превеликим удовольствием поглощали его.

Идона вышла на середину помоста.

— Как видите, леди Мерси-Розмар доказала свое право встретиться в единоборстве с лордом Алутейном — Властелином Ремесел. До той поры да воцарятся в стенах вашей Гильдии мир и согласие. Чрезвычайное заседание объявляю закрытым.

— Леди Мерси-Розмар просит меня передать тебе ее умственное послание,

— сказал Брайану Агмол. — Она почувствовала наше присутствие за портьерами благодаря…

м-м-м… крику души, коего ты не сумел сдержать, когда почувствовал грозящую ей опасность. Она хочет тебя успокоить и назначает свидание во дворе Гильдии сегодня в двадцать один ноль-ноль. Говорит, вам надо обсудить нечто важное.

— Передай, что я приду.

Гибрид поклонился, напустив на себя необычную чопорность.

— Прости, я вынужден тебя покинуть. Мой всемогущий отец ждет меня с докладом о результатах обзора.

— Да-да, конечно. Я пойду к себе, вздремну часок. Может, ближе к вечеру поплаваем вместе в бассейне?

— Боюсь, что нет, Брайан. Беседа с королем может затянуться.

— Тогда передай ему мои комплименты в твой адрес. — Антрополог был явно на седьмом небе. — Позже я сам доложу ему, какую огромную работу ты проделал. Еще никто из моих ассистентов так быстро не схватывал глубинные аспекты культурной теории. Хорошо бы, если король позволил бы нам продолжить исследование. Мне очень понравилось с тобой работать.

Агмол вдруг утратил всегдашние дружелюбие и раскованность. В пожатии его мохнатой рыжей

ручищи чувствовалось стремление установить между ними дистанцию.

— Мне наше сотрудничество тоже доставило большое удовольствие. — Он открыл потайную дверцу, выпуская антрополога. — Желаю удачи, Брайан! И спасибо за пилюли.

Прежде чем сбитый с толку ученый успел ответить, скользящая панель задвинулась у него перед носом. Он остался один в темном коридоре.

— Хм! Что это с ним? — Брайан вытащил из кармана зеленоватый прямоугольник и в растерянности уставился на него. — Да, за такой короткий срок мы провернули нечеловеческую работу. И получилось в целом любопытно. Старику Тагдалу должно понравиться. Но почему у Агмола такой встревоженный вид? — недоумевал он. — Наверное, я слишком увлекся исследованием и не подумал о том, что у гибрида могут быть собственные соображения.

Пожалуй, надо немного расслабиться, дать отдых утомленному мозгу. Что может быть лучше заплыва в личном бассейне Агги для освежения мышц перед встречей с Мерси?

Он про себя посмеивался, думая о ней и о миноге с хрустящим картофелем. Странное поведение

Агмола и засунутая в карман перфокарта полностью выветрились из головы.

На темном склоне Горы Героев, намного выше Гильдии Корректоров, не говоря уже о городе и серых лагунах, они набрели на небольшой луг около скал-двойников. Старому вознице было ведено обождать их на приличном расстоянии; оставшись вдвоем, любовники долго прислушивались к благословенному безмолвию ночи. Казалось, они находятся где-то меж двух небес: одно — над ними, далекое, холодное, другое — внизу, жаркое, мерцающее трехцветными праздничными огнями, символами разных племен: оливковыми светильниками, возжженными людьми, алмазными факелами тану и кострами фирвулагов.

— Знаешь, что я больше всего люблю на Многоцветной Земле? — спросила Мерси. — Волшебные огни… особенно когда смотришь на них с горы, как сейчас, или в полете с моим демоном… — Она сделала шаг назад, угодив прямо в его объятия. Он зарылся лицом в ее волосы. — Прости, Брай, мой бедный приземленный человек! Скоро я сама научусь летать и смогу поднять тебя в воздух. А пока… будем любить друг друга здесь, на земле.

Мерси повернулась к нему лицом. И то невероятное, захватывающее дух повторилось вновь.

Тела и умы сливались в экстазе, который так же отличался от обычного секса, как музыка от шума. Они открывали в себе новые запасы жизненной энергии, будто светомузыкальные шары лопались где-то внутри. При каждом таком взрыве оба вскрикивали: Мерси торжествующе, с вызовом, Брайан удивленно, точно у него обрывалось сердце и любовь граничила со смертью, — ведь это был единственный способ продлить ее до бесконечности. Впрочем, бесконечность все равно оставалась недостижимой: огни удалялись и гасли, он медленно погружался в темноту и не мог сдержать последнего стона, возносившего его к вершинам наслаждения, предшествующего блаженному покою и удовлетворению.

— Почему в этих водах не отражаются звезды? — снова и снова спрашивал Брайан.

— Тихо, любимый, какая разница?

Они лежали на ее мягком плаще. Когда головокружение немного прошло, Брайан взглянул на ее освещенное звездами лицо и стал припоминать, как все было.

— Я видел рай, Мерси! — прошептал он. — Когда-нибудь с такой же легкостью ты меня убьешь, верно, моя колдунья?

— Может быть, — засмеялась она и, положив

его голову к себе на колени, наклонилась поцеловать сомкнувшиеся веки.

— Такое не может длиться вечно, — продолжал Брайан. — После Битвы он опять увезет тебя в Горию… А если ты победишь на Турнире и тебя назначат главой Гильдии, тогда останешься? Скажи, Мерси, есть у меня хоть какой-нибудь шанс?

— Тес!

— Ты любишь его? — спросил он немного погодя.

— Конечно. — Голос был мягкий, теплый.

— А меня? — Он уткнулся губами в обтянутые платьем колени.

— Если б не любила, то не пришла бы к тебе. Ах, милый, ну зачем ты все время твердишь о любви и постоянстве, неужели нельзя просто радоваться жизни? Разве ты не был счастлив? Разве я не отдала тебе все, что могла, все, что ты смог вынести?

— Я не могу без тебя, Мерси!

Она чуть приподняла уголки губ.

— И сделаешь все, чего бы я ни попросила?

Завороженный ее улыбкой, он не мог произнести ни слова. Она принялась напевать знакомую старинную балладу; нехитрые слова с удивительной силой отпечатывались в его мозгу:

Амур летит стрелою в далекие края, Где нынче не со мною любимая моя.

Но на земле, иль в море, иль в звездной вышине Любовь — всей жизни горе — останется при мне.

— Прежде чем мы вернемся в город, Брайан, я хочу снова заняться с тобой любовью, а после подаришь мне свой доклад, который сулит ужасные беды моим тану, если они не перестанут якшаться с людьми. Когда писал его, ты ведь не имел в виду меня, правда, Брайан?

— Нет. Тебя — нет.

— Я — одна из них. Так было всегда, и он это знает не хуже, чем ты.

— Да… Мы оба знаем.

— Однако все, что ты написал, очень огорчительно, любимый, особенно если такие типы, как Имидол или Куллукет, прочтут и неверно истолкуют твои выводы. Даже Ноданну не под силу держать в повиновении свой клан. Они считают все человечество вредоносным. Даже меня. Даже верных милых гибридов. Но ты, разумеется, не предвидел, что твой доклад окажется гибелен для всех нас. Ты такой честный, цивилизованный, такой мудрый!..

Брайан внезапно спустился с небес на землю. Обзор? Но это же просто его работа…

— К нам это не имеет отношения, Мерси. На тебя, моя чародейка, никакие научные выводы не распространяются.

— Тогда подари мне экземпляр. И не говори никому, что он у меня.

Он без звука повиновался ей. А она склонилась над ним, стала целовать, повела его за собой. Когда они вновь спустились с горных высей, Мерси кликнула экипаж. На подъездной аллее Гильдии Корректоров, как и было условлено, ее поджидали Ноданн и Куллукет, Королевский Дознаватель.

— Он спит, — прошептала Мерси. — Остальные копии находятся у Агмола и Тагдала… ну и конечно, в компьютере.

— Агмол не станет высовываться, — сказал Ноданн младшему брату. — А у короля свои резоны держать язык за зубами. Более того — он наверняка будет охотиться за жизнью этого невольного свидетеля обвинения. Тебе надлежит обеспечить его безопасность до исхода Битвы, брат Дознаватель. Он нам еще пригодится. Пусть себе пребывает до срока в блаженном неведении.

Куллукет кивнул.

— Я тебя понял, брат Стратег. Потомство не может равнодушно взирать на распространение

человеческой чумы. — Он ласково улыбнулся Мерси.

Двое слуг в красно-белых ливреях вытащили бесчувственного антрополога из экипажа. Его место занял Ноданн.

— До встречи, брат. Позже мы с тобой проникнем в Гильдию Творцов и займемся компьютером.

Куллукет наклонил голову.

— До встречи.

Он направился к прорытому в горе тоннелю, указывая лакеям дорогу. Те последовали за ним со своей ношей.

10

Обнаженная девушка в серебряном торквесе вся в слезах выбежала из королевской спальни.

— Ах! — Нантусвель бросила многозначительный взгляд на смотрителя королевского ложа. — Неужели опять?

— Клянусь, Ваше Величество, я не виновата! — рыдала девушка. — Я сделала все, что могла! Все! — Она упала на колени.

Смотритель сделал знак лакею в сером торквесе, тот подошел и накинул на незадачливую наложницу белый атласный пеньюар.

— Уведите ее, — приказала королева. — Сегодня я сама войду в спальню Властителя.

Придворные поклонились и поспешно вывели всхлипывающую девушку. Нантусвель погасила все канделябры, кроме одного, из розового драгоценного камня. Освещая себе дорогу, она направилась к двери с гербом в виде бородатой маски. Дверь перед ней широко распахнулась.

— Приветствую тебя, мой король, — сказала она.

Слабые золотисто-рубиновые блики освещали спальню Тагдала. Из темноты донесся странный

звук, что-то вроде всхлипа или сморкания.

— Н-Нанни?

— Я, дорогой.

Король сел на краю постели; могучие плечи его поникли, голова бессильно свесилась.

— Еще одно поражение. Меч затупился, лук ослабел, главный чемпион повержен и унижен. Со мной все, Нанни, конец. Чертова кукла со всеми ее ухищрениями не смогла вызвать во мне и проблеска жизни.

— Ты сам себе это внушил, возлюбленный властелин мой. Все от чрезмерных переживаний.

Она поставила лампу на столик у кровати и встала перед мужем — величавая, прекрасная, в свободно ниспадающем пеньюаре персикового цвета с золотой тесьмой. Огненные волосы разметались по плечам, а материнский ум ласково приглашал: отдохни во мне!

Королева протянула ему руки, и, обнявшись, они вышли на балкон. Стояла глубокая ночь. Охряный диск у самого горизонта окрашивал лагуну в блеклый желтый цвет.

— Не отчаивайся, — продолжала королева. — Ну что, собственно, произошло? Мы сильны, как прежде, и вновь сокрушим нашего древнего врага.

— Дело не в этом.

— А в чем? В ничтожном Эйкене Драме? Мейвар совсем из ума выжила, пора ей уступить место главы Гильдии Экстрасенсов и Создательницы Королей Риганоне. Парень и сам отлично понимает, что в борьбе против Стратега у него нет ни малейшего шанса. Иначе он давно бы вызвал Ноданна на поединок. И в Битве он не осмелится нарушить правила турниров. Так что успокойся: твоим наследником останется терпеливый и верный Ноданн. Взбодрись, и силы вернутся к тебе.

Король покачал головой.

— Да нет, Эйкен Драм ни при чем. Есть еще кое-что… ты… ты не знаешь.

— Ну так скажи.

— Бреда вышла из своей комнаты из дверей. Скорее всего, мне никогда не заполучить эту активную женщину… Элизабет.

Чтобы скрыть свою радость, королева предусмотрительно поставила умственные заслоны.

— Ты хочешь сказать, что план Гомнола…

— Супруга Корабля наложила на гены Элизабет строжайшее табу. Она утверждает, что ей было видение о судьбе этой женщины, и оно не имеет ничего общего с нашими генетическими планами. Гомнол пока тоже ничего не знает. Я

боюсь ему говорить, Нанни! Представляешь, под руководством Гомнола мы с Элизабет должны были породить новую сверхчеловеческую расу. А теперь она табу, а я… я…

— Подумаешь — Гомнол! — отрезала королева. — Он всего лишь человек. К тому же стареет. Не пройдет и двух лет, как он будет низложен.

Мысль короля отчетливо засветилась сквозь экраны: «Еще одним твоим терпеливым и верным сыном?»

— Ну, Тэгги!

Она обвила рукой его широкую талию. Мышцы королевского живота напряглись. Тагдал невольно расправил плечи. Статические искры заплясали в его волосах и бороде.

— Выброси из головы Элизабет! Она прекрасна, талантлива, и я понимаю твое разочарование. Но эта женщина тебе не подходит, душа моя! Уж больно она ученая! Великий Магистр! Надо думать, Бреда не сказала тебе, какая судьба ее ожидает.

— Нет, не сказала. Дескать, все выявится в ходе Великой Битвы. Проклятая двуликая таинственность! Чего и ожидать от бабы, которая спала с межгалактической машиной?

Королева захихикала и поплотнее прижалась к

его обнаженному торсу.

— А сегодня еще один сюрприз…

— Ты о Розмар?

— Да нет, что ты! Невежа Агмол мне подарочек преподнес! Пойдем, я тебе покажу.

Они вернулись в спальню. Король ногой отшвырнул коврик, затем посредством психокинеза отомкнул подпольный тайник. Маленькая зеленоватая перфокарта приплыла прямо в протянутые руки королевы. Она стала внимательно расшифровывать содержание, задерживаясь на каждой диаграмме.

— Да не теряй ты времени, — проворчал Тагдал. — Переходи сразу к выводам.

Мысль королевы заработала быстрее.

— О-о!

— Вот тебе и «о-о»! Приговор в голом виде! Идиот антрополог, разумеется, ничего не понял в хмельном угаре. Агги же чуть штаны не обмочил — клялся и божился, что ничего подобного не произойдет, что гибриды и люди в торквесах останутся нам верны.

— А ты пойди в своей экстраполяции чуть дальше Брайана, — посоветовала королева.

— То есть добавить еще один решающий фактор — железо?! Ставлю свои мозги, что у гибридов к

нему иммунитет, как и у людей. Ну что, нравится тебе такая экстраполяция?

— Всемилостивая Тана! Неужели никак нельзя спасти наш прекрасный мир изгнания! Да-да, *наш*!

Она бросилась в объятия мужа и зарыдала. Король крепко прижал ее к себе. Глаза его засияли в темноте. Серебряные нити роскошной бороды встали дыбом — и не только они!

— Мы пресечем в зародыше союз между гибридами и людьми. Брайан всего лишь ученый, а не оракул. Но я даже не подозревал, что его обзор высветит такую опасную сторону наших отношений. Черт возьми, Нанни, а я-то убеждал Ноданна, что все его страхи напрасны! Для чего, думаешь, мне понадобился этот обзор — чтобы доказать всем: человечество вовсе не представляет собой угрозу нашей расе! Ведь если взглянуть на вещи здраво, мы совершили невероятный скачок после открытия временного портала. Как в техническом, так и в генетическом развитии! Антрополог должен был лишь подтвердить то, что проповедовали мы с Гомнолом. А вместо этого…

— Но, дорогой мой, Ноданн желает только процветания нашей Многоцветной Земли. Он и не думал угрожать тебе.

— Угу, — буркнул король, — обзор оправдывает все его пророчества и явно идет вразрез с моей политикой. Ты сочтешь меня прожектером, но в его выводах заключен смертный приговор всем тану и гибридам нашего королевства, а также полнейший крах нашей экономики! Мы снова окажемся в пустыне, моя радость!

Нантусвель подняла на него влажные от слез глаза.

— Ты сам сказал, что ученый — не оракул. Зачем непременно предполагать худшее? Ты этого не допустишь.

— Не допущу! — взревел он. — Не отдам свою Многоцветную Землю на откуп первобытным! Ноданн призывает к драконовским мерам, а я достигну своей цели без них, слышишь? Должен быть способ сосуществования тану и людей — И Я НАЙДУ ЕГО!

— Тэгги! — У королевы перехватило дыхание.

— Иди ко мне! — прорычал король.

Когда занялся рассвет, у обоих слипались глаза, а в душе было необычайное умиротворение.

— Видишь? — проворковала Нантусвель. — Все в порядке. Я же говорила, что это самовнушение.

— М-м-м… — Король взял ее руку и по очереди перецеловал пальцы.

— Просто ты устал от безмозглых серебряных шлюшек и хочешь чего-нибудь новенького. Когда ум занят делами государственной важности, ему для отдыха нужны не дешевые трюки, а материнская ласка и поддержка.

— Помнишь ту пухленькую брюнетку, что пела валлийскую колыбельную на приеме? — сонно пробормотал король. — Она мне понравилась. Но почему-то ее так и не прислали.

— Правильно, — согласилась королева. — Она как раз подойдет. Я сама выясню, что с ней сталось. Если Дионкет полагает, что может безнаказанно присваивать серебряных, придется Ноданну и Куллукету вернуть его к действительности. — Она улыбнулась своему засыпающему повелителю.

— Ах ты, моя добрая старушка!.. — Тагдал выпустил ее руку и закрыл глаза. — Соберу все копии обзора и велю их уничтожить, а Гомнол возьмет на себя антрополога. Агги, конечно, жаль… Он был неплохой…

— Спи, мой король! — Нантусвель натянула шелковую простыню на их разгоряченные тела. — Пока спи…

Эусебио Гомес Нолан сидел в своем викторианском кресле, откинувшись на его спинку и

медленно выпуская кольца дыма. Они плыли через стол по направлению к собеседнику, но, минуя его, затвердевали и с глухим стуком падали на псевдовосточный ковер.

— Надеюсь, вы не возражаете, лорд Гамбол? — произнес Эйкен Драм. — Я не переношу табачного дыма.

Глава Гильдии Принудителей сделал великодушный жест — сигара потухла сама собой, и он бросил ее в ониксовую пепельницу.

— Мальчик мой, события на нашей Многосуетной Земле за последнее время приняли неопределенный оборот. Думаю, пришло время нам с тобой потолковать.

— А я решил, что вы окончательно сбросили меня со счетов.

— Признаю свою ошибку. Я в значительной мере пересмотрел первоначальное мнение о тебе. Уж больно Мейвар тебя превозносит. А заодно и Бунона Воительница — на нее ты произвел неизгладимое впечатление во время облавы на Делбета. Обе леди уверены, что для кое-кого ты будешь грозным противником на предстоящих Турнирах. А еще они поют дифирамбы твоим… гм… невоинским талантам.

Эйкен нахально осклабился, покачался в крес-

ле, перекинул одну ногу через подлокотник и принялся рассматривать свои ногти.

— Так, что еще новенького?

— Ну, до тебя, наверное, уже дошли слухи о несостоятельности нашего Властителя, вызванной, как утверждают, предчувствием близкой смерти и провалом моего последнего генетического плана.

— Бреда показала вам двуликую задницу, да? — хмыкнул плут. — Ясное дело. Древний синдром тонущего корабля. Команда бедняги Тагдала в качестве экипажа «Титаника», а вы в роли главной крысы.

Лорд Принудитель добродушно улыбнулся.

— Тебе понадобится мощная поддержка, малыш, и я готов ее оказать. Обдумай как следует мое предложение — больше я ни о чем не прошу. — Он достал из шкатулки новую сигару и начал вертеть ее меж пальцев. — На мой взгляд, мы приближаемся к поворотному моменту в истории изгнания. Разгром Финии был только увертюрой. В преддверии грядущих бурь людям следует держаться друг друга, ты не находишь?

Он взял со стола щипчики, аккуратно отхватил кончик сигары, затем, все так же улыбаясь, через стол бросил маленькую блестящую вещицу

Эйкену.

Пройдоха на лету поймал щипчики и невысказанную мысль Гомнола. Внимательно разглядел изящное приспособление и прочел выгравированные на металле буквы:

ЗОЛИНГЕН — НЕРЖАВЕЮЩАЯ СТАЛЬ.

11

Герт с угрюмым видом вошел в кают-компанию.

— Ханси говорит, скоро опять начнутся пороги. Быстрей приводите лоцмана в чувство.

Амери опустилась на колени перед лежащей навзничь фигурой.

— Да-да, еще пять минут.

Вождь Бурке взял человека за одну руку, Фелиция — за другую. Уве и Бэзил схватили его за ноги.

— Три-четыре! — скомандовала монахиня и приготовила шприц.

Монитор, закрепленный на лбу лоцмана, начал менять цвет на всех четырех экранах. Свинцово-серые с красными прожилками глаза приоткрылись.

— О Господи! — простонал лоцман, еле шевеля опухшими губами. Затем он пронзительно вскрикнул, как от физической боли, и начал так бешено извиваться на полу, что все четверо его еле удерживали.

— О-ох! Паскуды, сукины дети, окаянные, что ж вы со мной сотворили? Где ж он, мать вашу так,

сняли, спилили?! Да чтоб вам, сволочам, пусто было! Ох, бедный я, бедный!

Слезы градом катились по грубому лицу лоцмана. Он выл, словно раненый зверь, а Амери сокрушенно наблюдала за тем, как монитор снова меняет цвет, белея под действием гнева. Простая, опрятная зеленая туника худого седовласого человека была заляпана кровью и рвотной массой, после всех мук, что он претерпел от похитителей. На загорелой шее, там, где был серый торквес, выделялась полоска светлой кожи.

Они два дня плыли по реке, и уже в шестой раз им приходилось прибегать к помощи лоцмана. На гладких участках Роны Герт и Ханси и сами справлялись, но пороги и мели мог преодолеть только опытный кормчий. Всякий раз, как они будили своего пленника, крики его становились все отчаяннее. Среди жителей Финии лишь у единиц наблюдались такие тяжелые симптомы при потере торквеса, причем всех их на самой болезненной начальной стадии тщательно усыпляли.

Но лоцман не мог все время оставаться спящим.

— Ради всего святого, — молил вождь Бурке, — дайте ему чем-нибудь по башке!

— Нет, — возразила Амери, — он должен как

следует усвоить первый укол. Не видишь, он уже на грани помешательства! Взгляни на монитор — какие низкие параметры жизненно важных функций… Фелиция! Проникни в его мозг!

Вопли человека перешли в клекот. Монахиня повернула его голову так, чтобы он мог отхаркнуть сгустки желчи. Глаза Фелиции затуманились, на лбу выступил пот. Ярость лоцмана под действием наркотика и принудительной силы девушки стала снижаться. Цвет монитора опять изменился.

— Хорошо, — отметила Амери.

Она помассировала место укола, и лоцман совсем обмяк.

— Как только увидишь, что лекарство подействовало, оставь его в покое, — велела Фелиции монахиня.

— Черт, ну и бешеный! — Спортсменка выпустила его руку, и та безвольно повисла.

Бурке и Бэзил подняли одурманенного моряка на ноги.

— Он выживет? — тихо спросил Уве. — Что у него там, а, малышка?

— Я могу только применить к нему принуждение, — отозвалась Фелиция. — Целитель из меня аховый. Бедняге необходим основательный

ремонт верхних участков мозга, а я этого не умею. Если он еще не полностью свихнулся, то очень близок к этому.

— Пороги! — крикнула Ванда Йо, висевшая на мачте, точно обезьяна.

Халид, хромая, подошел и помог ей спуститься.

— Не стойте там! — предупредил их Бурке. — Всем пристегнуться и проверить надежность ремней. Давай, Фелиция!

Вдвоем они втащили еле живого лоцмана в рубку и усадили за штурвал. Себя девушка прикрутила к соседнему креслу альпинистской обвязкой Бэзила.

— Все по местам, живо! — скомандовала она. — Я сама займусь этой птицей. Надеюсь, по крайней мере на прямых участках моего психокинеза хватит, чтобы удержать шхуну.

Остальные бросились на корму. Едва судно вошло в ущелье, страшный рев наполнил пространство, отражаясь от отвесных стенок, тянувшихся вверх метров на шестьсот. Хотя до вечера было еще далеко, но скальный коридор, где кипела Рона, все ускоряя свой бег, обволакивали сумерки. Из скважин в черных громадах фонтаном вылетали брызги, замутняя видимость.

«Слушай меня, Гарри, ты должен провести суд-

но через пороги, это твое дело, Гарри, ты понял, только ты можешь с ним справиться, ведь ты хороший лоцман, Гарри, лучший в мире лоцман, для такого морского волка какие-то пороги — пустяк, так что давай, выводи свою посудину, Гарри, вперед...»

Налитые кровью глаза сузились. Лоцман резко вывернул штурвал вправо, и судно, обогнув очередное препятствие, понеслось прямо на стену ущелья. Но в последний момент Гарри выровнял ход и точно послал шхуну меж двух колоссальных желтых валов, вздыбившихся над водой подобно китовым хребтам. Потом они зигзагом прошли еще одну гряду скал и пенистых волн; сразу за поворотом ущелье расширилось и поверхность воды казалась необычно гладкой. Лишь в последний момент Фелиция разглядела, что река обрывается водопадом в молочную муть. На мгновение паника охватила девушку, пока она не отыскала взглядом среди клубящейся пены относительно безопасный боковой коридор.

Однако было уже слишком поздно — лоцман вырвался из ее умственных тисков. Шхуна скользнула на гребень водопада, завертелась и полетела вверх тормашками с огромного трамплина в желтую бурлящую бездну. Гарри истерически

захохотал, но всем было уже не до него.

Фелиция бросила все свои психокинетические силы, чтобы развернуть судно, застрявшее в расщелине подводных скал у подножия водопада. Когда наконец ей удалось освободить судно и они полетели вперед по быстрине, девушка попыталась снова обуздать Гарри…

Но — Боже! — прямо у них перед носом выросла каменная преграда, и обойти ее не было уже никакой возможности. Судно со всего размаху врезалось в неровный монолит, через пробоину в борту хлынула вода, но тем не менее они както вырулили и даже успешно прошли банку в том месте, где Рона поворачивала на пятьдесят градусов.

Наконец течение стало плавным и спокойным; впереди река расстилалась двухкилометровой лентой меж пологих берегов.

Лоцман продолжал хохотать. Фелиция оборвала привязные ремни, подскочила к нему и отвесила такую оплеуху, что он снова едва не отдал Богу душу.

— Ну ты, бестолочь!

Меркнущее сознание кормчего бросило ей дерзкий вызов сквозь пелену боли и маниакального триумфа: что, струсила, змея подколодная,

показал я тебе, где раки зимуют?

Вслух он завыл и сплюнул кровь с прикушенного языка. Ханси и Герт, шатаясь, подошли к штурвалу.

— Черт, пробоина! — воскликнул Ханси, заметив треснувший борт.

— Ничего, заделаем, — успокоил его приятель. — Инструменты есть, доски тоже.

Герт сел к штурвалу; Фелиция и Ханси поддерживали обмякшее тело кормчего.

— А как все вышло, детка? — спросил Ханси. — Он что, сознание потерял?

— Это ваша покорная слуга потеряла сознание! — огрызнулась Фелиция. — Я слишком поздно заметила водопад и ослабила контроль. А он только того и ждал, чертов ублюдок!

— Не казнись, могло быть хуже. От таких порогов самого Чингисхана в дрожь бросило бы.

Вождь краснокожих с посеревшим лицом прислонился к двери рубки.

— Н-да, считай, дешево отделались.

— В борту пробоина, — сообщила ему Фелиция. — На ходу ее не заделаешь, придется бросить где-нибудь якорь. И вплотную заняться морским волком, а то, чего доброго, утащит нас на дно.

— Не говори!

Вдвоем они поволокли лоцмана в каюту, без лишних церемоний швырнули на койку. Девушка в изнеможении опустилась на скамью и закрыла глаза. Гарри ругался и нес околесицу, пока Бурке и Бэзил не скрутили его и не вставили в рот кляп.

Шхуна причалила к поросшему ивняком левому берегу. Под шатром пронизанных солнцем ветвей оказался маленький песчаный пляж.

— Ничего себе приключеньице, — заметил Уве. — Я уж думал, из нас получится омлет.

— Фелиция отвлеклась, — объяснил Бурке.

Девушка рывком вскочила; карие глаза ее дико сверкали.

— Да, отвлеклась! А еще струсила! У неустрашимой Фелиции поджилки затряслись! Ну, суди меня теперь по законам своего племени!

Амери, подойдя, обняла ее за плечи.

— Жаворонок и не думал тебя винить. Лоцман все время вел себя послушно, не могла же ты предвидеть, какой фортель он выкинет под конец. У тебя нервы на пределе, поди-ка поборись весь день с таким бурным течением! Просто чудо, что с нами ничего не случилось.

— По крайней мере, психокинез меня не подвел, — смягчилась Фелиция. — Но проклятые

принудительные функции требуют чересчур большого эмоционального напряжения. Наверное, мы просчитались, спилив ему торквес. Не зря же тану выдумали эти цепочки наслаждения — боли. Серый наверняка бы не доставил нам стольких хлопот.

— Но ты сама говорила, что еще не умеешь работать с носителями торквесов, — напомнил Халид. — А если бы он предупредил своих по телепатической связи? Вдоль берега идет Большая Южная дорога, на реке тоже полно тану, а с окрестных полей его могли бы услышать серебряные.

Ванда Йо окинула взглядом прибрежные заросли.

— По-вашему, здесь безопасно?

— Будем надеяться, — произнес Ханси, выглядывая из рубки. — Нельзя продолжать путь, пока мы не обшарим посудину вдоль и поперек. Могут быть и другие повреждения. — Он принялся внимательно рассматривать пробоину.

Из кустов с шумом вспорхнула стая уток.

— Пожалуй, надо подстрелить парочку на ужин, — сказал Бэзил. — Обед-то мы весь уже растрясли.

— Вот именно, — согласилась Амери, — давайте

подкрепимся и отдохнем, чтобы во всеоружии встретить завтрашний день… Кстати, что он нам сулит?

— Мы уже прошли шесть порожистых участков, — доложил Халид. — Осталось только одно опасное место непосредственно перед Прованскальским озером. Сам я там не был, но, говорят, быстрина под названием Донзер-Мондрагон стоит всех остальных.

— Час от часу не легче! — простонала Фелиция.

— После озера уже начинается Глиссада — спуск в Средиземноморский бассейн. Он довольно крутой, но нетрудный. Думаю, Герт и Ханси его одолеют. А вот завтра придется в последний раз положиться на лоцмана.

Все обернулись к связанному Гарри. Волосы его поднимались дыбом и закручивались в бесовские спиральки. Глаза вылезли из орбит, видно, он силился выплюнуть кляп.

Амери вздохнула и потянулась за своим чемоданчиком.

— Бедняга!

— Это мы бедняги, — возразила Фелиция.

Примерно в полукилометре вниз по течению от заводи, где стала на причал шхуна, находился большой скалистый выступ, поросший кустами

тамариска и акации. На нем-то и было решено выставить дозор до темноты, на случай если какое-нибудь судно вздумает пристать к этому берегу.

Солнце село, и воздух становился прохладным, когда пришел черед Амери дежурить. Она радовалась возможности хоть ненадолго уединиться и отдохнуть от всех, особенно от проклятого лоцмана, чей жизненный тонус под влиянием введенных внутривенно седативных препаратов несколько стабилизировался. Под загорающимися в небе звездами монахиня творила вечерние молитвы. Тишина нарушалась только жужжанием ночных насекомых, бульканьем воды у подножия скал да писком цапель, выискивающих себе ужин на мелководье.

На противоположной стороне залива темнели холмы. За ними, похоже, раскинулись плантации, но огней отсюда не было видно. За время дозора Амери по реке не прошло ни одного судна — ночью Рона считалась несудоходной. Однако неявку Гарри к месту обычной стоянки могли заметить, потому им следовало быть начеку. Даже самые легкомысленные из их группы признавали, что чем ближе к столице, тем больше подозрений может вызвать у других навигаторов

непонятное отсутствие старого лоцмана. Все суда на Роне имели опознавательные знаки. Шхуна Гарри была стандартной формы, но отличалась тем, что по всему серебристому корпусу шла ярко-зеленая полоса, а на носу и на корме выделялись крупные буквы названия — «Гремучая Завеса». Наверное, следовало как-то замаскироваться. Вначале они надеялись, что лоцман согласится с ними и с комфортом доставит в Мюрию, а теперь было уже поздно. Встречаясь с другими судами, они подавали приветственные сигналы, надеясь, что отсутствие телепатической связи, принятой между лоцманами, останется незамеченным в горячий сезон Перемирия.

Снизу донесся шорох.

— Это я, — негромко произнесла Фелиция и вскарабкалась на большой валун. — Опять надоедать тебе пришла.

— На реке ни души — одни птицы. А что в лагере?

— Если ты о своем пациенте, то он чувствует себя прекрасно. Шхуна полностью отреставрирована. Герт и Ханси с сознанием выполненного долга удалились в кусты. Ванда Йо тоже блаженствует, хотя на нее польстился только Уве. По-моему, это акт огромного милосердия со сто-

роны бородатого ворчуна.

Фелиция, скрестив ноги, уселась рядом с монахиней. Амери никак не отреагировала на ее скабрезные остроты.

— Дивная ночь, правда? Ночи в плиоцене просто чудо пиротехники. Должно быть, зимой у них сезон дождей, зато сейчас такая благодать — самое время для войны.

Амери промолчала.

— Представляешь, как запрыгают гуманоиды, когда мы разрушим фабрику и закроем врата времени? — продолжала Фелиция. — Наконец-то нам удалось нащупать их ахиллесову пяту и досыта накормить угнетателей железом. А на будущее у меня появилась еще одна идейка, я пока держу ее в секрете… С помощью Элизабет мы склоним на свою сторону как можно больше серебряных, наденем захваченные на фабрике золотые торквесы и создадим человеческую гвардию, которая будет противостоять их Летучей Охоте. Металюди против метагуманоидов! Со временем мы завоюем все королевство!

И опять Амери не проронила ни слова.

Фелиция придвинулась к ней ближе.

— Не одобряешь! Наши действия противоречат твоей христианской этике, да? По-твоему, мы

должны добиваться свободы путем переговоров. Благословенный разум! Братская любовь!.. Скажи, отчего ты избегаешь меня, Амери? По-твоему, я такое же чудовище, как все остальные?

Монахиня повернулась к ней. В ее добрых глазах отражался свет звезд.

— Я знаю, что у тебя на уме, Фелиция. Выброси из головы эти мысли, ради Бога! Я ведь уже объясняла, почему не могу тебе помочь. Конечно, ты расстроена и нуждаешься в утешении: сперва не поспела к драке в Финии, теперь еще один прокол с беднягой лоцманом… Но не пытайся использовать меня для удовлетворения своих низменных страстей. У меня свои убеждения, в которых нет места насилию и сексу. Я не призываю тебя их разделять, но уважать меня ты обязана.

У Фелиции вырвался нервный смешок. Она сидела неподвижно, ее загорелое лицо доставляло странный контраст с ореолом светлых волос.

— Только не заводи опять свою песню о братской любви! Я сыта по горло твоими душеспасительными речами. Одно время мне казалось, что я тебе небезразлична…

Монахиня обхватила рукой худенькие голые плечи.

— Ты дерзкая девчонка! Ну конечно, я люблю

тебя, иначе не пошла бы с вами!

— Тогда почему? Почему? — Фелиция на миг повысила голос и принудительное давление. Монахиня с криком отшатнулась. — О, прости, Амери! Прости! Я больше не буду, честное слово! Не смотри на меня и *не думай обо мне так*! — Светлая головка поникла. — Ну почему?.. Разве грех мечтать о крупице счастья и тепла? Может, завтра мы умрем, и все будет кончено.

— Я в это не верю, Фелиция. Умрем мы или останемся живы, я не верю, что все будет кончено. Вот еще одна причина моего отказа.

— Опять религиозная чушь! Да кто докажет, что он там есть, твой Бог? А если и есть, кто докажет, что ему не все равно, что он не играет с нами в кошки-мышки? Ты образованная женщина, врач и прекрасно понимаешь, что доказательств нет!

— Есть. Только они в душе нашей, в желаниях, потребностях, инстинктах. В непонятном, нелогичном стремлении к любви, дающей и не требующей ничего взамен.

— Я нуждаюсь в твоей любви, но ты же не даешь ее мне! По-твоему, честно любить на словах?

— Я и перед собой хочу быть честной. И себя любить, как выражается Клод. Я отправилась в изгнание, чтобы доказать самой себе, что до-

стойна любви. А ты, милая Фелиция, вообще не умеешь любить. По-человечески, во всяком случае. И не в любви ты нуждаешься, а в чем-то ином… ужасном. Моя любовь тебя удовлетворить не может, а то, что ты называешь любовью, жестоко и несправедливо по отношению ко мне. Я искренне желаю тебе помочь, но не знаю как, и мне остается лишь молиться за тебя.

— Превосходно! — В смехе Фелиции звучало презрение. — Ну что ж, валяй! Послушаем, как ты молишься за жестокую, бесчеловечную, заблудшую душу!

Амери снова притянула к себе упирающуюся девушку. В темноте прозвучали тихие, напевные слова:

— Помилуй меня, Боже, помилуй меня, ибо на Тебя уповает душа моя, и в тени крыл Твоих я укроюсь, доколе не пройдут беды. Воззову к Богу Всевышнему, Богу, благодетельствующему мне; Он пошлет с небес и спасет меня; посрамит ищущего поглотить меня; пошлет Бог милость Свою и истину Свою note 26.

— О черт! — выкрикнула Фелиция и разрыдалась.

---

note notes: Note26
Библия. Пс. 56; 2-4

Амери крепко обняла ее и стала покачивать, как ребенка. Наконец девушка высвободилась из ее объятий и утерла слезы.

— Завтра… будет трудно. Сегодня я испугалась до безумия, а завтра будет еще страшней. Если ублюдок Гарри опять вырвется, то шхуну разнесет в щепки и все мы потонем. Я боюсь, что не смогу его удержать. Уверенность изменила мне. А для метапсихических игр это смертельно. Если заранее боишься провала, все распадается… Что же мне *делать*?!

— Я помолюсь за тебя.

— Да чтоб он провалился, твой несуществующий Бог! Если он все видит, то должен помочь без того, чтоб его умоляли! Или он хочет, чтоб я ползала перед ним на коленях? Что ему надо?

— Не ему, а тебе. Взывать к Господу, *просить* его помощи в осуществлении твоих нужд всегда благо.

— Так он, выходит, психолог? А молитва — просто умственный настрой: с верой горы сдвинешь! Кому тогда нужен Бог, если мы сами совершаем то, о чем просим в молитвах? Значит, я должна молиться самой себе? Но в себя я тоже не верю!

— Фелиция, я не собираюсь читать здесь проповеди. Если само слово «молитва» кажется тебе

смешным, забудь его, назови как хочешь. Попытайся завтра попросить сил у Вселенского Разума, у источника жизни. И неважно, знает он о тебе или нет, ты имеешь право приобщиться к его силе — не только ради себя самой, но ради всех, чьи жизни от тебя зависят.

— Почему бы и нет? — задумчиво произнесла девушка. — В Разум я верю. По крайней мере, это нечто реальное. Хорошо, Амери, я попробую.

Монахиня поднялась на ноги, увлекая за собою Фелицию. Поцеловала в лоб, затем через ее плечо окинула взглядом черные холмы на фоне багряного вечернего неба.

— Фелиция! Что там такое?

Девушка обернулась. На противоположном берегу меж деревьев вытянулась сверкающая вереница.

— Охота, — прошептала Фелиция.

Обе молча смотрели, как светящаяся лавина стремительно катится вдоль Роны по Большой Южной дороге.

— Я настроилась на их волну, — произнесла спортсменка. — Они из приозерного городка Сейзораска. Ищут нас.

— Ты имеешь в виду пропавшего лоцмана?

– *Нас*! К счастью, они не могут летать и среди

них нет сильных медиумов, поэтому они не знают, что я подслушиваю их умственный ропот. Недалекие провинциалы! Но южнее за нами будут охотиться асы.

— Откуда они узнали? — в ужасе спросила Амери.

— Кто-то сказал, — ответила Фелиция. — Кажется, я знаю, кто.

Они снялись с якоря, едва рассвело; желтые воды были еще покрыты хлопьями плотного тумана. Приблизившись к глубокой быстрине, они обнаружили, что не одни на реке: еще три судна остановились перед стремниной, видимо, не решаясь выходить на двадцатикилометровый участок неспокойной воды, пока совсем не развиднелось.

— Вот радость-то! — воскликнул Герт.

— Обходи их! — распорядилась Фелиция. — Что толку в прятки играть! На порогах они все равно ничего нам не смогут сделать. Бурке, Бэзил, тащите сюда этого зомби!

За шумом бурлящей воды они почти не слышали друг друга. Когда лоцмана, сыпавшего проклятия с посиневших губ, прикрутили к креслу около штурвала, Фелиция отослала всех на корму.

— Если опять сорвемся с кручи, сбрасывайте ремни и спасайтесь, кто как может.

Застывшие в неподвижности суда были от них метрах в двадцати пяти. Фелиция заставила Гарри помахать рукой и дернула за сигнальный шнур: туу-туу-туу! Затем они вышли на быстрину…

«Делай свое дело, Гарри, выводи нас, и я достану тебе новый серый торквес, слышишь, новый, ничуть не хуже прежнего, только помоги нам, Гарри, проведи свою посудину через подводные рифы! Ну давай, милый, балансируй на острие ножа среди чудовищных воронок и пенных волн, не подкачай, Гарри, жми на педали, как органист, верти свой штурвал, виртуоз Гарри, вспомни о новом торквесе и былых наслаждениях, постарайся, чтобы валы и скалы не зацапали нас в свою пасть, обуздай неистовую Рону, я с тобой, Гарри, видишь, я держу тебя и нисколечко не боюсь! О нет, Гарри, надо полегоньку, ну еще чуть-чуть, с Божьей помощью, там, впереди, то ли справа, то ли слева, наша общая мать, наша земля, ты ведь знаешь, как к ней пройти, Гарри, Гарри, Гарри? Ну же, старина, выбирайся из водоворота, не то я так тебя скручу, своих не узнаешь! Гарри, нас затягивает, Господи, Господи, сейчас опять вре-

жемся, не смей, свинья поганая, убью, не дам нас погубить, ты не смеешь, я тебе не позволю…»

— Чтоб ты сдохла!

Фелиция закричала. Ум, стиснутый ее волевой хваткой, дернулся в последней вспышке яростного сопротивления. А затем с неожиданной легкостью выскользнул и пошел своим путем туда, куда она не решилась за ним последовать. Уже в одиночестве возвратилась к управлению шхуной, предательски застигнутой огромной волной, что делила Рону на два грохочущих потока. Судно все набирало скорость, подпрыгивая на рифах и вибрируя, словно на нем выбивали барабанную дробь.

Гарри повис на ремнях и уставился на нее остекленевшими глазами. Монитор жизненных сил у него на лбу был непроницаемо черен.

Фелиция распустила ремни, и бездыханное тело упало на пол. Она заступила на его место, ухватилась за штурвал, стала жать на педали и направила всю свою психокинетическую энергию под корпус, поднимая судно.

«Как тяжело, ох, как тяжело вырываться из омута! Но я сильная, слышишь? Если можешь, сделай меня еще сильнее! Выше… выше… помоги мне! Ради всего, чем ты жив, что любишь, помоги!

Выше! Еще выше! Я чувствую, ты во мне, и все они во мне, все слышат меня и помогают, ведь я не только для себя стараюсь, барабанная дробь прекращается, свист и рокот мутной воды смолкают, воронки и скалы выпустили нас, отступили.»

«Мы летим.»

«Я держу ее, могу даже поднять еще выше — спасибо тебе! Вода в бессильной злобе буйствует внизу, и стены ущелья удивленно жмутся друг к другу: не каждый день им приходится лицезреть чудо.»

«Скоро стены падут. Вода выплеснется в огромную круглую заводь, белую, как молоко или сливки. Рона, изгибаясь, спускается, исчезает в дыму, окутавшем озеро. Заключительный всплеск растаял без следа, поглощенный подземными силами.»

«Мы безмятежно парим над туманной страной на солнечных крыльях. Наши враги внизу застыли, ослепленные, счастье так переполняет меня, что я сейчас сгорю… сгорю.»

«Амери и Жаворонок входят в рубку и греются возле моего огня. Потом обнимают, пытаясь унять мою дрожь.»

— Опускайся, дитя мое, — послышался голос Амери.

«И я плавно-плавно опускаюсь.»

12

— Ты уверена, мама? — спросил Ноданн.

— Проверь сам, — отозвалась королева. — Тагдал отправил ее назад в Гильдию Корректоров, где Куллукет все у нее выведал. Я говорила с ним по дальней связи. Скоро он опять привезет ее во дворец на дознание.

Они сидели в будуаре королевы. Нантусвель была еще в пеньюаре, а Стратег явился с арены в легкой тренировочной тунике, наручнике и оплечье.

— Еще один человеческий заговор! — размышлял он вслух. — Наглость первобытных переходит всякие границы. И за всем, разумеется, стоит эта женщина — Гудериан. Союз людей и фирвулагов, кража священного Копья… а теперь новая подлость!

— Я прочла мстительную мысль Гвен Минивель, — объяснила королева, — после того, как твой отец наполнил ее чрево монаршей милостью. Знаешь, что она подумала?.. «Ты не сможешь бесчестить женщин, когда мы разрушим твою фабрику торквесов, закроем врата времени и освободим всех людей из рабства».

— Какое счастье, что ты была рядом и сумела перехватить мысль!

— Она поставила плотные барьеры. Но недаром же я дала жизнь потомству!

— Да, но кто она такая, чтоб знать о заговоре?

— Увы, весьма многообещающая молодая целительница. Сам Дионкет освободил ее от традиционных торгов. Ее уже давно следовало ввести в королевскую опочивальню. Но Мейвар и Главный Целитель по причинам, которые мне до сих пор неясны… думаю, ты сам до них докопаешься… спрятали ее в катакомбах Гильдии Корректоров. Поскольку наш король пребывал в дурном расположении духа из-за последних печальных новостей, я решила, что девушка могла бы его утешить. Своим пением она очаровала всех гостей на банкете по случаю их прибытия. Признаюсь, я вспомнила себя в молодости, когда укачивала своих кукол и думала о будущих детях… Но довольно об этом… Мой долг обеспечивать спокойствие Верховного Властителя, вот я и поручила твоему брату Куллукету выяснить, что сталось с Гвен Минивель. Главный Целитель не посмел ослушаться королевского приказа, и девушку надлежащим образом представили ко двору. Куллукет не смог бы ее

подготовить, он слишком прямолинеен, а короля в его депрессивном состоянии нельзя подвергать неоправданному риску, поэтому я взяла на себя принуждение и коррекцию девицы. Вчера весь день с ней работала, и она впорхнула в спальню, как нимфа. Тагдалу и в голову не пришло, что она его ненавидит. Он был так захвачен страстью, что не услышал глубоко спрятанного призыва к отмщению. Я заставила Минивель петь для него и обеспечила самые что ни на есть материнские формы утешения. Так что она имела успех.

— И не только у короля, — добавил Ноданн. — Сама того не сознавая, она может дать ключ к нашему успеху.

Дверь в будуар отворилась. Королевский Дознаватель, красивый и суровый, в плаще цвета бургундского вина с низко надвинутым капюшоном, втолкнул Сьюки в комнату и знаком приказал страже в рубиновых доспехах оставаться снаружи. Затем почтительно поприветствовал мать и брата.

— Королева-мать! Брат Стратег! Я допросил женщину Гвен Минивель и выпытал у нее все, что ей известно.

На лице Сьюки застыла твердая решимость, хотя глаза и нос распухли и покраснели от слез, а

волосы повисли сосульками. Она все еще была в прозрачном пеньюаре наложницы, в который ее обрядили прошлой ночью.

Нантусвель и Ноданн внимательно изучили сведения, содержащиеся в мозгу Куллукета.

— Ах, дитя мое! — воскликнула королева. — Не только государственная измена, но и связь с человеком! С низким серым Стейном Ольсоном, оруженосцем Эйкена Драма! И ты осмелилась зачать его ребенка!

— Стейн — мой муж, — отрезала Сьюки.

Куллукет, столь похожий и непохожий на свою добрую мать, откинул капюшон с лица.

— За одно это положен смертный приговор, Гвен Минивель! Смерть тебе, твоему нерожденному ребенку и его отцу, виновнику порочного зачатия. Ты презрела свой серебряный торквес, лишила себя всех прав на объединение с тану. Ты больше не Гвен Минивель, а просто Сью Гвен Девис, женщина вне закона. Вместе с тобой все соучастники по данному и по другим, более тяжким, преступлениям ответят перед законом независимо от их высокого положения.

Распухшие губы Сьюки растянулись в слабой улыбке. Мысль ее была предельно ясна: «Мы лишимся жизни, зато вы, оставшись в живых,

лишитесь всего своего мира.»

— Отошли ее, — сказал Ноданн. — Это надо обсудить.

Куллукет препоручил Сьюки стражникам.

— Пройдемся к фонтану, там попрохладней, — предложила королева. — Мне что-то нехорошо.

Второй целитель королевства взял мать под руку, и все трое вышли в маленький внутренний дворик, где цвели осенние розы. Королева и Куллукет уселись на мраморную чашу фонтана. Стратег принялся расхаживать взад-вперед; грани алмазного оплечья прорезали тенистый уголок призматическими бликами.

— Что ты с ним сделал? — спросила Нантусвель.

— Пришлось применить силу, — сухо отозвался Куллукет. — Стейн и Эйкен Драм завтракали у Гомнола — как вам это нравится? Само собой, юный выскочка и глава Гильдии Принудителей заявили, что ничего не знают о тайной связи Стейна со Сьюки. Викинг оказал упорное сопротивление, несмотря на свой торквес. Но, поскольку предлог для взятия под стражу был достаточно веский, Гомнолу ничего не оставалось, как усмирить его и передать мне. На допросе сведения просочились из его ума, как из сита.

До Великой Битвы он будет заключен в тюрьму, а потом выставлен на гладиаторские бои. А его любовница, естественно, пойдет в Великую Реторту.

— А Эйкен Драм?

Куллукет не смог сдержать восхищения.

— О, этот проявил потрясающее хладнокровие! Никакой телепатии не надо, чтобы понять, что хозяин и слуга были в сговоре. Но Драм разыгрывает из себя невинного агнца. Он потребовал, чтобы мы с Гомнолом, не сходя с места, без всякой щадящей терапии обследовали его мозг. Такое грубое вмешательств не каждый выдержит, но маленький пройдоха оказался достойным противником. Ни крупицы предательства, полное неведение в отношении Стейна и Минивель, а также фабрики торквесов и «врат времени».

Стратег перестал расхаживать, присел рядом с братом и шумно перевел дух.

— Значит, вы производили обследование… вместе с Гомнолом?

Королева перевела взгляд с Ноданна на Куллукета и обратно.

— Уж не хочешь ли ты сказать…

Куллукет медленно наклонил голову.

— Вполне может быть. Гомнол и не на такое

способен! Я ничего, правда, не заподозрил… Слухи о бессилии короля уже распространились среди рыцарей Высокого Стола, а мы знаем, что Главе Гильдии Принудителей на все начхать, кроме карьеры. Он наверняка понял, что его первоначальная оценка Эйкена Драма как новой звезды на умственном небосклоне ошибочна. К тому же вето, наложенное на его генетический план, касающийся Элизабет и Тагдала… Одним словом, Гомнол, скорее всего, пересмотрел свой династический сценарий.

— О неблагодарный! — вскричала королева. — Снюхаться с Эйкеном Драмом! Вот, посади свинью за Высокий Стол! Мы должны принять меры — немедленно! Пускай Имидол на этой же Битве бросит ему вызов.

— Он проиграет, — без обиняков заявил Куллукет.

— Тогда придумайте что-нибудь! — взмолилась королева. — Ведь Гомнол теперь сделает ставку на клику первобытных! Тут двух мнений быть не может!

Куллукет озадаченно сдвинул брови.

— Не станет же Гомнол помогать им в разрушении оплота собственной власти — он не так глуп! Видимо, Эйкен Драм не посвятил его во все

подробности.

— Так давайте просветим его, настроим против звереныша в золотых одеждах! — предложила Нантусвель.

— Спокойно, мама. — Лик Ноданна вновь засиял и окутал королеву солнечным теплом. — Слишком много швали путается у нас под ногами, слишком много интриг, заговоров, козней… Они сталкиваются, переплетаются, мешают нам разобраться. Северная свора с ее железом и, возможно, с Копьем, маленькая разбойница Фелиция, прикончившая нашу сестру Эпону, а теперь щеголяющая в украденном золотом торквесе, мятежница Гудериан с ее подрывной когортой, Эйкен Драм, чьи помыслы известны лишь богине Тане, планы короля, антрополог со своим проклятым обзором, а в довершение всего глава Гильдии Принудителей, стремящийся манипулировать всеми нами! Поистине дьявольский узел!

— Неужели даже тебе не по силам его распутать, брат Стратег? — подколол его Куллукет.

— У меня есть Меч, — заявил Ноданн.

— Как?! Неужели ты решишься?.. — задохнулась королева.

— Люди сами поставили себя вне закона. С

Гомнолом мы справимся без особого труда. Эйкен Драм — орешек покрепче, он уже успел завоевать популярность среди наших сограждан. Понадобятся веские доказательства его измены, но, думаю, мы их раздобудем… Все наши неприятности можно повернуть так, чтобы они работали на нас.

— Не слишком ли ты самоуверен? — усомнился Куллукет. — Одно только железо — смертельная опасность для общества тану… Смотри не ошибись в расчетах, иначе наше королевство полетит ко всем чертям.

— Мы же решили всем миром вернуться к простым обычаям, к старым традициям, которым следовали тысячу лет, — сообщил Стратег спокойным голосом. — Поверхностный блеск ущербной человеческой цивилизации ослепил слишком многих наших собратьев, включая Тагдала, и поставил тану на грань краха. Но Тана благосклонна к нам. Еще не поздно повернуть вспять. Когда я разоблачу козни первобытных, даже самые легкомысленные, самые недальновидные из нас уже не смогут игнорировать исходящую от человечества угрозу… А у меня к тому же есть еще кое-что.

Ноданн вытащил зеленую перфокарту.

— Антропологический обзор! — вскричал Куллукет. — Дай посмотреть!

— Антрополог столь бесхитростен, что написал всю правду, — продолжал Ноданн, пропустив его просьбу мимо ушей. — Он говорит о неизбежном приросте населения за счет людей и гибридов. Если тану будут продолжать генетическую эксплуатацию человечества и допускать людей на правящие посты, Многоцветная Земля вскоре окажется под их властью. Король изучил обзор, но все еще не принял окончательного решения. Вместе с другими недоумками в составе Высокого Стола он надеется сохранить статус-кво, попросту уничтожив все копии анализа, компьютерный файл и Брайана Гренфелла с Агмолом. Но стараниями моей любезной Розмар мы заполучили не только копию обзора, но и самого антрополога: он теперь спрятан в надежном месте. В кульминационный момент Великой Битвы он расскажет тану всю правду о своей расе. Я выпущу его перед самым Поединком Героев, и конспираторы из пацифистской фракции не смогут заранее подготовить оппозицию. Перед лицом неизбежной опасности общий гнев нашего воинского братства падет на головы изменников. На Гомнола! На Эйкена Драма! На всех наших соотечествен-

ников, которые столь низко пали, что связывают свое выживание с человечеством.

Королева прикрыла рукой дрожащие губы.

— Но в таком случае Тагдал…

— Если он будет упорствовать в своем безумии, ему придется расстаться с троном, — безапелляционно заявил Ноданн. — Я проявлю сыновнее милосердие. В конечном итоге выбор останется за ним.

— Ты, как мать потомства, естественно, не обязана разделить его судьбу, — поспешил заверить ее Куллукет.

Избегая встречаться взглядом с сыновьями, Нантусвель поставила умственные экраны.

— Мы порой бываем слишком жестоки… Я все же надеюсь, что можно найти иной путь.

— Теперь о подрывных планах, прочитанных нами в мозгу Сью Гвен Денис,

— перебил ее Ноданн. — Тут мы тоже в состоянии повернуть дело к нашей выгоде. Главное — не упустить время. Нам известны подробности предполагаемого нападения. Северяне явно не слишком доверяют Эйкену Драму и его невежественному слуге. Однако мы знаем дату — двадцать второе, через два дня. Скорее всего, они нападут ночью, когда активность в стенах

Гильдии Принудителей минимальна. Вторая акция первобытных — попытка переправить послание через «врата времени» — без сомнения, развернется на рассвете того же дня.

— Если Гомнолу станет известно о нападении, он наверняка попытается его предотвратить, — заметил Куллукет. — Но мы можем его устранить и сами заняться этим!

Стратег откинул свою овеянную славой голову и захохотал.

— Ох и простак же ты, брат Дознаватель! Ну да ладно, организацию контрудара я беру на себя. Вот увидите, как ловко я с ними справлюсь! А вы тем временем созовете всех воинов потомства, прибывших в Мюрию. Сегодня же после полудня мать проведет священное собрание, чтобы благословить своих богатырей накануне игр. Затем я изложу стратегический план, благодаря которому все враги окажутся в наших руках.

— Убийцу дорогой Эпоны отдайте мне! — попросил Дознаватель.

— Выудишь из нее всю полезную информацию, но только не переусердствуй, — согласился с ним Ноданн. — У девчонки должно хватить сил на выступление в боях гладиаторов — это неотъемлемая часть моего плана. Остальных сбросим в

Великую Реторту. Казнь первобытных должна быть публичной, в назидание другим. Лишь для одного лица я сделаю исключение. На Гудериан у меня свои виды.

— Не забывай, на ней, как и на Фелиции, золотой торквес! — предупредил Куллукет.

— Фелицию сразит ее собственное железо, — возразил Стратег. — Проливать кровь на Серебристо-Белой равнине она будет в сером торквесе. А золотой торквес Гудериан не имеет никакого значения — вы скоро сами убедитесь.

Слезы на глазах Нантусвель просохли. Она поднялась с края фонтана и весело проговорила:

— Так как сегодня у нас много гостей, я должна немедленно дать указания поварам. Простите меня. — Сыновья поцеловали ей руки, и она удалилась, волоча за собой шлейф мыслей, касающихся меню торжественного обеда.

Куллукет, прищурясь, поглядел на Стратега.

— Остается непроясненной позиция еще одной человеческой особи. Я настаиваю, чтобы ты проявил должную серьезность в столь важном вопросе.

Образ Мерси замелькал перед мысленным взором обоих братьев.

Прекрасное лицо Ноданна оставалось непрони-

цаемо, как и его ум.

— Другие представители клана были слишком деликатны… или слишком осторожны, чтобы оспаривать мой выбор супруги. Но раз уж ты берешь на себя смелость быть откровенным, то я изложу тебе свои соображения. С первой же нашей встречи я был потрясен невероятной близостью, родством душ, возникшим между мною и Розмар, чего никогда не было в отношениях с другими женщинами и даже с моими соплеменницами. Поэтому, прежде чем избрать ее в жены, я приказал Грегу-Даннету подготовить генетический анализ моей несравненной невесты.

— Ну и…

— Плазма Мерси-Розмар почти идентична нашей собственной. В ней больше генов тану, нежели человеческих. Лишь богине Тане ведомо, чем это объясняется, — я ведь не специалист.

Куллукета, как ученого, ошарашило подобное заявление. За мозговыми заслонами бушевал вихрь гипотез, пронизанных недоверием.

Безразличие Стратега в один миг сменилось дикой яростью. Куллукет, к своему ужасу, был точно окутан второй кожей, утыканной иглами; с острия каждой иглы сорвался электрический разряд, раскаливший болевые рецепторы его

эпидермиса почти до смертельной перегрузки. Если б не хватка Ноданнова ума, он не устоял бы на ногах.

Агония прекратилась так же быстро, как началась, вытесненная ощущением небывалого блаженства.

А Ноданн про себя подумал: пусть твой ржавый котелок варит что хочет, брат Дознаватель, ты ведь у нас мастер на всякие гнусности, но впредь ты никогда не усомнишься в моем выборе, не позволишь себе ни единого намека на неверность Розмар.

— Опять ты ведешь себя как деревенский простак! — зазвенел голос Аполлона. — Не забывай, кто из нас будет королем. И не тебе меня учить болевому принуждению!..

13

Катлинель Темноглазая оседлала своего халика и в толпе зевак отправилась по вечернему холодку на Серебристо-Белую равнину, снедаемая жгучим любопытством: как-то проводит свое время древний враг, разместившийся во всем великолепии по краю поля битвы.

Она проехала широкий мост через канал. Русло потока было вымощено известняком; чистые, отражавшие сияние звезд воды покрывали их метра на три. Поток брал начало из огромного подземного источника — Морского Колодца — и поил всю долину еще с тех пор, как тану впервые явились на землю Авена. Маленький народ то и дело наполнял из него бурдюки и ведра. Чуть дальше по течению фирвулажанки полоскали белье, а еще дальше, где канал мелел, сворачивая к востоку, чтобы влиться в Большую лагуну, виднелись нехитрые постройки купален.

Катлинель спустилась к воде напоить иноходца. Затем направила его по центральной улице палаточного городка, где в обложенных камнями кострах пылал огонь. Большие земляные павильоны фирвулагской знати были украшены

золотом и серебром, а тенты и палатки оторочены затейливой вышивкой. Над богатыми жилищами вздымались высокие флагштоки с дорогими штандартами, перьями и позолоченными черепами поверженных врагов. На всех штандартах красовались чудовищные иллюзионные символы воинов-фирвулагов.

Весь маленький народ высыпал на улицу. Некоторые выступали в роскошных обсидиановых доспехах, но большинство ходило в штанах, куртках, усыпанных драгоценными камнями, и отороченных мехом плащах, хотя последние явно излишни в таком теплом климате. На мужчинах и на женщинах были островерхие шляпы. Леди побогаче прикалывали к шляпкам развевающиеся вуали, золотую бахрому, декоративные рога или длинные ленты, свисавшие перед ушами и позади них. У высокомерных тану вошло в привычку именовать своих теневых побратимов «маленьким народом». Но Катлинель все больше попадались на глаза фирвулаги, по росту не уступающие людям. Время от времени весь свет застила огромная фигура чемпиона, намного превосходящего тану ростом. В столице болтали, что фирвулагов в этом году понаехало на Великую Битву видимо-невидимо — должно быть, их

ободрила победа над Финией. По слухам, войско древнего врага ныне может похвастаться гордыми богатырями, которые прежде отказывались от участия, считая для себя недостойным биться с людьми, пополнявшими армию тану. Так, покинули свои убежища Медор и коварный Накалави, выступавший в обличье освежеванного кентавра с обнаженными мышцами, жилами, кровеносными сосудами, специально выставленными напоказ, чтобы вселить ужас в противника. И даже Пейлол Одноглазый — Стратег фирвулагов — нарушив двадцатилетнее воздержание, решил принять участие в нынешней Битве.

По предварительным подсчетам, на Серебристо-Белую равнину уже прибыли пятьдесят тысяч фирвулагов, то есть почти две трети всего их населения. Половину составляли борцы, вдвое превышавшие числом корпус рыцарей тану и их человеческих союзников.

Торговцы осаждали Катлинель, пока она ехала среди костров, глядя на буйное веселье фирвулагов. К ней отовсюду тянулись руки с драгоценностями и безделушками — маленький народ прежде всего славился искусными ювелирных дел мастерами, но были тут и продавцы сластей, и соленых орешков, и крепкого сидра, и

экзотических вин. Однако Темноглазая не поддавалась на их уговоры. Лишь добравшись до конца длинной улицы и свернув к неказистым палаткам черни, Катлинель поддалась соблазну: карлица с толстыми русыми косицами и в ярко-красном платье продавала флаконы из резного миртового дерева, наполненные духами с головокружительным ароматом лесных цветов.

— Спасибо, леди, — маленькая торговка с поклоном взяла деньги. — У нас говорят, что перед запахом «Сада Гесперид» не устоит ни один парень.

Катлинель рассмеялась.

— Тогда с этими духами надо быть поосторожнее.

— Я слыхала, — последовала угодливо-язвительная реплика, — с вашими кавалерами не так-то просто сладить.

— Ну, это мы скоро на Битве проверим, — улыбнулась Катлинель и тронула поводья.

Когда она проезжала мимо выставленных под тентами пиршественных столов, где-то совсем рядом послышался цокот копыт другого иноходца. Откуда ни возьмись, выскочил пьяный нахал, схватил ее коня под уздцы, но, прежде чем она успела применить защитный прием, другой всад-

ник пришел ей на помощь. Один умственный выпад швырнул наглеца в объятия подвыпивших дружков, а те, заплетающимися языками принеся извинения Катлинель, увели его прочь.

— Я ваша должница, милорд. — Она поклонилась своему спасителю.

Он был высок, строен, широкоплеч; под забралом шлема, украшенного золотым венцом, виднелась плотно прилегающая к голове шапочка. Она скрывала его волосы, шею и переходила в короткий плащ, расшитый по краям драгоценными камнями. На всаднике был костюм темно-фиолетового цвета.

— Для меня это большая честь, миледи. Боюсь, мои земляки слишком увлекаются пирушками и радуются раньше времени.

Он шагом поехал рядом с ней; Катлинель разглядывала его с неприкрытым удивлением.

— Простите мою оплошность… Поскольку шея у вас закрыта, я приняла вас за соплеменника.

— А кого вы считаете своими соплеменниками? — поинтересовался он с едва уловимой иронией в бархатном голосе.

Вспыхнув, Катлинель натянула поводья и готова уже была поворотить коня и умчаться прочь от наглеца. Но тот поднял руку, и конь застыл как

вкопанный.

— Виноват, миледи. Непростительная бесцеремонность с моей стороны. Просто всякому видно, что ваша красота — результат слияния человеческой и танусской крови. А по вашим изумрудно-серебряным одеждам я понял, что вы, подобно мне, из числа иллюзионистов, причем высшего класса. Если вы благосклонно смените свой справедливый гнев на милость и сохраните в памяти не мою грубую шутку, а оказанную вам прежде незначительную услугу, то мы могли бы совершить небольшую прогулку верхом и дружески поболтать. Не скрою, ваш народ очень меня интересует.

— А вы, я вижу, за словом в карман не лезете, лорд фирвулаг… Ну что ж, принимаю ваше предложение. Я — Катлинель, по прозванию Темноглазая, и в Высоком Столе мне как низшей из высших тану отведено последнее место.

— Уверен, это ненадолго! — Он снял шлем и венец; фиолетовая шапочка закрывала всю его голову. — Меня называют Властелином Луговой Горы. Мои владения лежат далеко на севере, на окраинах королевства фирвулагов. Никогда прежде я не бывал на Великой Битве. Мой народ так озабочен повседневными проблемами выжи-

вания, что ему не до ритуальных игр.

— У нас такое заявление сочли бы ересью, но я вас понимаю.

— Значит, среди тану тоже есть не слишком рьяные воители?

— И довольно много, — призналась Катлинель, — особенно среди гибридов, как я. Но сила традиции непреодолима.

— А-а, традиции… Но, говорят, в последнее время древние обычаи не находят в народе особого понимания. Некогда столь послушное и полезное вам человечество, кажется, взбунтовалось против вашего Верховного Властителя.

— Да, в союзе с вами, фирвулагами!

— Тану первыми вступили в союз с людьми, почему бы и нам не последовать их примеру? Надо признать, что мы, фирвулаги, народ более узколобый и прямолинейный. Так, большинство моих собратьев ни за что не сядут верхом вот на такое животное — предпочитают топать на своих крепких ногах.

— А вы как будто не слишком щепетильны?

— Поневоле приходится быть реалистом, благородная леди. Скажите, правда ли, что человеческим ученым у вас, тану, почет и уважение? Что вы используете их специальные знания,

чтобы развивать свою экономику и технологии?

— Я вхожу в руководство Гильдии Творцов. Все науки, кроме медицины и психобиологии — наша епархия. И у нас в Гильдии работает очень много ученых людей. Готовят молодые кадры, занимаются практическим применением своих знаний… Агрономы, геологи, инженеры всех отраслей и даже специалисты по общественным наукам — все поставили свои способности на службу Многоцветной Земле.

— А генетики? — вполголоса спросил Властелин Луговой Горы.

— Ну разумеется.

— Ах, если б мы не были врагами! — посетовал он. — Если бы могли свободно сотрудничать, свободно обмениваться идеями и ресурсами. Фирвулагам воистину есть что вам предложить… А вы так много могли бы сделать для нас.

— До сих пор это было не принято, — отозвалась она.

— До сих пор… Пока старая несгибаемая воинская братия управляет вашим королевством.

— Мне пора, — прервала разговор Катлинель.

— Но вы приедете снова? Ведь до того момента, как мы официально станем врагами, еще целая неделя.

Она протянула руку, и он попрощался как истинный рыцарь. Губы его были холодны. Во внезапной вспышке метапсихической проницательности Катлинель поняла, что они столь же иллюзорны, как и все остальное. Но ум, открывшийся ей, был далеко не холоден и весь светился надеждой.

— Завтра вечером я опять приеду, — пообещала она. — Как мне справиться о вас у ваших друзей?

— Боюсь, здесь немногие назовут меня другом. — Он улыбнулся невесело и предостерегающе. — Я найду вас на этом самом месте. Лучше, если и среди ваших друзей никто не будет знать, что вы снизошли до беседы с неким Суголлом, Властелином Луговой Горы, которую люди будущего назовут Фельдбергом.

— Рыцарям Высокого Стола позволено общаться, с кем они пожелают, — заявила Катлинель и, пришпорив коня, поскакала по дороге, ведущей от солончаков к Авену.

14

Гомнол медленно водил инфракрасным лучом по черной глади Каталонского залива.

— Ни следа, — сообщил он. — А ведь через час Летучая Охота появится в нашем квадрате, если, конечно, не собьется с пути. Ты уверен, что они высадились на сушу именно сегодня ночью?

— Еще бы, черт возьми! — прорычал Эйкен Драм.

Сквозь окуляры с простыми линзами он заглянул в бойницу меж двух зубцов крепостной стены. Вместе с лордом Принудителем они поднялись на самую высокую башню здания Гильдии.

— Прибываем сегодня ночью, сообщите телепатической связью безопасное место встречи, необходимо скоординировать план нападения на рассвете в понедельник после дня отдыха и разведки. Если твои агенты оказались не в состоянии их обнаружить, так нечего на меня валить!

— Где же они могут быть? — рассуждал Гомнол. — Путей-то много. Скажем, они замешались в поток паломников из Каламоска, Тарасии, Геронии и других испанских городов. Или поплыли на северо-запад Каталонского залива, после того

как прошли Глиссаду, а потом просто обогнули мыс Авена. Если они уже высадились, мы их не отловим ни с воздуха, ни с земли — как и Ноданн с потомством. В северной части полуострова примерно полсотни небольших бухт и расщелин и тысячи гротов, где ни один ясновидящий их не углядит. Придется ждать, когда они выйдут с тобой на связь, хотя это и увеличивает шансы потомства обнаружить их первыми. Жаль, что они не доверили тебе вылететь им навстречу, как только достигли бассейна.

— Помолчи! — оборвал его Эйкен. — Я пытаюсь настроиться на волну Фелиции. Наверняка она еще не научилась ставить экраны.

— Кто знает! С ней всегда надо быть начеку… И с дубиной Стейном тоже. Если наша блокировка в его уме удержится или Куллукет ее почувствует и пригласит других корректоров из потомства присоединиться к нему в многофазовом тестировании, то Стейн расколется, наведет их на нас. Может, лучше убрать викинга с дороги?

— Гамбол, отцепись от меня! — Глазки-бусинки злобно блеснули. — Блокировка вполне надежна. Только тронь его или Сьюки, и между нами все будет кончено, понял?

— Да понял, понял! Но должен же я тебя преду-

предить, чем мы рискуем. Если потомство добудет неопровержимые доказательства нашей измены, то и меня, и тебя объявят вне закона. И никакое Перемирие, никакие догматы воинствующей религии не защитят. Зная твою нынешнюю силу, я решил довериться тебе, но сводный оркестр потомства под управлением Ноданна способен сокрушить нас обоих. Я уже сорок лет якшаюсь с тану, а ты здесь всего три месяца! Не будешь слушаться старших — твою башку насадят на кол со всеми ее метафункциями!

Плут примирительно улыбнулся, его белоснежные зубы сверкнули в темноте.

— Гамбол, пупсик! Мы с тобой друзья до гроба! Что, я не понимаю, как ты мне нужен? Не будь ты даже главой Гильдии Принудителей и первым интриганом в королевстве — все равно, смогу ли я обойтись без тебя — специалиста по торквесам?! Какой же король без подданных! Нет, родимый, нам надо во что бы то ни стало эти обручи сохранить! У меня чуть мозги наружу не выскочили, когда Элизабет сообщила мне «радостную» новость: шайка дубарей хочет разрушить твой дом! Мало того — они еще собрались закрыть «врата времени»! Не только поставки рабочей силы будут прекращены, но и поток товаров из будущего!

Представляешь, лишить нас с тобой настоящего виски! Недопустимо!

— Руки коротки! — рассмеялся Гомнол. — Между мной, тобой и тану могут быть разногласия, но в одном мы сходимся — в оценке роли врат времени и фабрики. Даже Ноданн не посмеет пойти против короля и общественного мнения.

— Но он может принять волевое решение вразрез с нашими действиями, как уже пытался сделать в охоте на Делбета, — продолжал Эйкен. — Скажем, представит дело так, будто именно *он пронюхал о предстоящем заговоре и раскрыл его*, и все лавры достанутся ему! Вот почему наша задача — поймать диверсантов с поличным во время их вылазки и тем самым показать, какие мы верноподданные граждане.

— Безопаснее было бы захватить их до нападения. Хотя, конечно, у твоего плана немалые преимущества. Я пригласил нейтральных наблюдателей — лорда Бормола из Ронии и Тагала Меченосца, — они будут свидетелями нашей блестящей защиты. Оба входят в состав Гильдии Принудителей и всегда готовы поручиться за мою лояльность, в случае если этот пакостник Имидол станет возводить на меня поклеп.

— Эх, надо бы мне тут остаться! — произнес Эй-

кен с хорошо разыгранной искренностью. — Но ты не умеешь летать, а один из нас должен лично присутствовать на операции возле врат времени. Питкину это доверить нельзя. Мадам Гудериан не такая уж простушка, судя по тому, как ловко она расправилась с Финией. Наверняка у нее разработан какой-нибудь хитроумный план. К примеру, дикие отвлекающие маневры, пока она невидимкой будет подползать к вратам времени. Если же я окажусь поблизости — никаких тебе иллюзий! А ты, Гамбол, займешься Фелицией.

Глава Гильдии Принудителей накрыл кожухом инфракрасный сканер.

— Против нее я пущу свою гвардию — людей в золотых торквесах. К ним с железом не очень-то подступишься. — Чуть помедлив, он как бы невзначай спросил: — А ты не в курсе, что сталось с Копьем и летательным аппаратом после Финии?

Эйкен передернул золотыми плечами.

— Понятия не имею! Если б они были на ходу, мятежники наверняка провернули бы еще не одну операцию. Кажется, Велтейн хвастался, что сбил машину.

— Он говорит, что попал в нее своей шаровой молнией, — уточнил Гомнол. — Но никто не

видел, как самолет падал, да и останков его не нашли. Обязательно надо выяснить, что случилось. Если машина и оружие все еще действуют, нам с тобой туго придется, мой мальчик.

— Хм! Да будь у них фотонная пушка и машина, зачем бы они поплыли по реке? — возразил Эйкен. — И на штурм идти не надо было бы, верно? Зря беспокоишься, Гамбол! Мы вытянем все сведения из Фелиции и ее подонков, ты только подготовь приемную комиссию и наблюдательную группу… Надо приберечь хотя бы нескольких пленников для последующего допроса. Если птица и пушка работают, неплохо бы выяснить, кто их починил. С ними еще кто-то может быть в сговоре…

Наверное, с минуту союзники испытующе глядели друг на друга. И ни один не смог обнаружить в уме другого задних мыслей. Оба были мастерами своего дела.

— Что ж, пожалуй, пора произвести небольшое сканирование глазного дна, — предложил наконец Эйкен. — Спущусь-ка я на берег и буду ждать сигнала Фелиции. — Он помахал на прощание главе Гильдии Принудителей.

Длиннохвостое насекомое желто-зеленого цвета с коричневыми глазками полетело с высокий

башни к северным отвесным скалам, а затем через дюны и пустоши на побережье Каталонского залива.

«Эй-ке-ен!»

«О-о! Это ты, малютка? Сколько лет, сколько зим! Я уж думал, ты давно улетела!»

«Как ты мог отдать Стейна и Сьюки на растерзание Куллукету?»

«Элизабет, ты что, разучилась читать мысли? По-твоему, я веду двойную игру? Сьюки сама заложила Стейна королеве, вот Кулл и выступил на сцену. Мои варианты: 1) отдать Стейна Куллу; 2) вступить в борьбу и отдать им себя и тебя. Так? Так! Я наладил хорошую умственную блокировку, чтобы Стейн не выдал других и меня. Он и Сьюки пока в безопасности, ведь Кулл полагает, что ему известно все. Перед Битвой я их лишу торквесов и переправлю обоих голубков плюс нерожденного Стейнова отпрыска в укромное гнездышко.»

«А Гомнол?»

«Сама знаешь, Элизаплутнябет.»

«Эйкен Драм + Гомнол = ты король + он премьер.»

«У тебя есть возражения?»

«Позволишь мне испытать твой ум?»

«На расстоянии ты не сумеешь, а я сейчас слиш-

ком занят, чтобы подскочить к тебе. С чего бы моя прелесть перестала доверять маленькому хитрозадому янки?»

«С того, что он в союзе с этим мордоворотом.»

«С кем? С Гамболом? А что ты имеешь против великого мастера?»

«Эйкен, не предавай друзей! Подумай не только о них, но и о себе, ошельмованный шельмец, не надо, милый, слышишь?»

«Расслабься, Элизабэбишар! Когда я стану королем, все будет хорошо, только не мешай, не выставляй своих божественно-сверхчеловеческих амбиций, иначе неумолимая сила подомнет тебя!»

«Эйкен, на силу всегда найдется сила, и горе тебе, если не сделаешь того, что должен!»

«Ох уж эти мне вещуньи! Точно шило в заднице! Почему бы тебе не парить над всеми, как раньше, а? У тебя есть твой шар, чего ж ты медлишь? Отвалите все, вам меня не остановить — ни тебе, ни Бреде, ни архангелу Ноданну, ни Зеленой Группе, ни даже фотонной берданке!»

…

«Элизабет!»

…

«Ты ушла?»

...
(Смех.)

Длиннохвостое насекомое полетело на зов, доносившийся из глубокой пещеры в одной из северных бухт Авена. Диверсанты, как и фирвулаги, отлично знали: лучший способ спастись от поисковых групп тану — спрятаться под землей. Фелиция повела насекомое по тоненькой, как паутинка, умственной нити, четко настроенной на скрытый канал в мозгу, недоступный ни одному гуманоиду. И когда маленькая, одетая в золото фигурка с легким щелчком материализовалась по ту сторону их костра, девушка вышла навстречу в сверкающих голубых доспехах, которые старик Каваи подогнал ей по размеру; в руке у нее блестело Копье, в глазах сверкала неутолимая жажда крови.

— Ты нас заложил! — Принудительная сила заграбастала Эйкена в медвежьи объятия.

– *Я*? *Я*?

Эйкен поморщился от боли в ее умственных тисках. Она оказалась сильнее, чем он ожидал. Гораздо сильнее. Конечно, он мог освободиться, но разумно ли сразу показывать им свою силу? Господи, что это? Огромная глыба забаррикадировала вход в пещеру! Откуда она взялась — так

быстро, так бесшумно?! Неужели девчонка и творить умеет? Или это просто мастерский психокинетический прием?

— Фелиция, детка, ты чего? Да убери ты свои жернова, Христа ради! Никого я не закладывал! Дай же мне объяснить.

Она чуть ослабила хватку, зато теперь его объяла огромная сеть бледно-голубого пламени. Значит, она может творить! Эйкен наконец-то обратил внимание на остальных, стоявших позади Фелиции и выряженных в одежды оруженосцев и служанок. Но узнал он только монахиню.

— Амери! — просиял юнец. — Ну скажи хоть ты ей, пусть даст мне объяснить!

— Говори живо, чертов карманник! — приказала Фелиция.

Он подставил свою ангельскую чистоту всепоглощающей ярости золотого торквеса. Стейн и Сьюки, сами того не желая, выдали тайну, а не он! Поскольку пройдоха умел ловко прятать в правде крупицы полуправды и *лжи*, его объяснения были в основном правдивы. Корректирующая способность девушки — самая слабая из пяти ее метафункций — не нашла в его декларации ни сучка ни задоринки. Неохотно признав себя побежденной, она освободила его из сети аст-

рального огня.

Эйкен выудил из кармашка белоснежный платочек и вытер вспотевшее лицо.

— Боже всемогущий, ну ты и зверюга, Фелиция! Когда ты успела так овладеть своим торквесом?

Девушка не ответила.

Эйкен напустил на себя молодцеватую небрежность.

— Все готово, братва! — возвестил он, обращаясь к остальным. — В Гильдии у меня свой человек — золотой торквес, много лет жил здесь, притворяясь лояльным и ожидая возможности постоять за человечество. Он откроет вам дверь маленького подсобного помещения, им уже давно никто не пользуется. Они выбрасывают мусор прямо из башни, что на краю утеса, ясно? К двери ведет узенькая тропка, но пройти по ней можно, я проверял. Вы должны спуститься на нее сверху, через город. А уносить ноги придется уже с утеса, выходящего на пустошь. Чуть-чуть везения — и вы растворитесь без следа, никто охнуть не успеет. — Жестом фокусника он извлек из кармана большой кусок фотопленки. — Взгляните! Я принес вам подробную схему. Город, комплекс Гильдии, внутренние помещения с отмеченным красными стрелками путем из подсобки в

фабричные отсеки. Вы просто-напросто разгуливаете по городу в своих маскарадных костюмах — кстати, выглядите потрясно! — и скрываетесь в кустах к западу от Гильдии Принудителей.

Он разложил карту на полу, и воинство почти в полном составе склонилось над ней, желая получше разглядеть.

— А как же Копье? — спросила Фелиция.

— Копье? — опешил Эйкен. — Ах да. Копье… Это оно? Здоровущая хреновина!

— Если мы сможем его зарядить, то нанесем удар с большого расстояния, и вовсе не надо будет туда проникать, — пояснила девушка.

— Усек! Признаться, я за хлопотами совсем забыл о вашей пушке, пока сговаривался с человеком, который может впустить вас внутрь.

— Кто он такой? — спросил могучий головорез в синем плаще поверх бронзовых доспехов капитана провинциальной стражи.

— Я не могу назвать его имени, — ответил встревоженный Эйкен. — Если кого-нибудь из вас схватят, то мой человек погорит, чего никак нельзя допустить. Парень не только классный метапсихолог, но и занимает очень высокий пост. Он послужит нам отличным прикрытием на будущее, понимаете? Погодите-ка, дайте поду-

мать. Надо же, я совсем забыл про Копье! Если оно действительно дальнобойное… Только бы мне наладить его и предупредить человека внутри, чтоб выбрался оттуда…

Фелиция молча подала ему стеклянное Копье. Вождь Бурке достал батарею с проводом, которую они притащили из Скрытых Ручьев в кожаном чехле. Эйкен недрогнувшей рукой погладил голубую лакированную поверхность, взял Копье наперевес и прицелился в воздвигнутую Фелицией скалу, преграждающую выход из пещеры.

— Ба-бах!

Маленькая мерцающая искорка, не больше, чем от костра, вылетела из рабочей части и прорезала воздух. Наткнувшись на камень, она упала в красноватую пыль и потухла.

— Увы, на большее мой ум не способен. — Он лукаво подмигнул честной компании. — Теперь поглядим батарею.

Он достал рассованные по карманам инструменты и попробовал поддеть им глубоко утопленные запоры.

— Нет, так не откроешь, а ничего другого у меня с собой нет. Знаете что? Превращу-ка я его в соломинку, сам обернусь птичкой и заберу с собой в мастерскую. Если сумею отомкнуть и приду-

маю, как перезарядить вашу пушку, то завтра до полуночи доставлю ее сюда и предупрежу своего приятеля, а уж ваше дело взорвать весь комплекс к чертовой матери и спокойненько уйти из лагуны. Но если в полночь я подам вам сигнал, что ничего не вышло, тогда вы будете действовать по моему плану, идет?

Глаза Эйкена выжидательно перебегали с одного лица на другое.

— Мы не станем принимать решений, пока ты не вернешься с Копьем, — заявила Фелиция. — Не сумеешь зарядить — пойдешь с нами на штурм.

— Да я бы рад! — Он ударил себя в грудь. — Но завтра мне надлежит быть на приеме в честь участников Битвы. Во дворце в полночь только за стол садятся. А не пойти нельзя, я ведь выступаю в легчайшем человеческом.

— Не нравится мне все это, — с подозрением произнесла Фелиция.

— Не доверяешь! — Печаль затуманила плутовские глаза Эйкена. Он кивнул на карту. — Ну скажи, мог ли я сделать больше?

— Ты все продумал, верно? — усмехнулась она. — Нам остается только следовать твоим небольшим красным линиям. Время и маршрут рассчитаны, отступление подготовлено. А ес-

ли мы решим изменить день и час нападения? Просто чтоб убедиться, что никаких подвохов не ожидает нас за дверью твоего сортира?

— Как знаешь, детка, — проговорил Эйкен, разведя руками. — Но без пушки и моего человека вам понадобится хорошая открывалка, чтобы вломиться в крепость. Не говоря уже о том, что тогда у вас с мадам не получится синхронного удара.

— Может, мне с ним пойти, а, Фелиция? — предложил вождь Бурке.

— И как ты дашь нам знать, что там дело нечисто? — саркастически осведомилась она. — Выйдешь со мной на связь с помощью своего разбитого торквеса?

— Хочешь, тебя с собой возьму? — предложил ей Эйкен.

Остальные разразились протестующими возгласами.

— Видимо, придется все же принять твой вариант с Копьем, — заключила Фелиция. — Но если ты, Эйкен Драм, надумал сыграть с нами одну из твоих паскудных шуток, тогда заранее моли Бога спасти и сохранить твою задницу!

— Фи! — отозвался золотой человек. Подняв Копье и тяжелую батарею, точно детские игрушки,

он кивнул на каменную баррикаду. — Не будешь ли ты столь любезна отворить дверь джентльмену, у которого руки заняты?

Фелиция скрестила на груди руки в сапфировых латных рукавицах и засмеялась серебристым смехом.

— А почему бы тебе не показать нам свое искусство?

Эйкен вздохнул с видом мученика. Затем повернулся ко входу в пещеру и высунул язык. Каменная глыба вся вдруг покрылась мельчайшими дырочками. Они все росли и росли, пока весь монолит не превратился в кружевную паутину и не рухнул под тяжестью собственного веса со звоном разбитого стекла.

— Дрянная работа! — заметил шут, потом превратился в козодоя и взмахнул серповидными крыльями. — Квик-квик! — послышалось насмешливое чириканье, и птичка скользнула в ночь, зажав в клювике соломинку и кусочек мха.

Никто из людей в пещере не видел, что полетела она прямо на север, в направлении Европейского материка.

«Гамбол?»

«Да, Эйкен?»

«Дом они купили со всей обстановкой, а вокруг

дома белый штакетник. Аккурат, как мы рассчитали. Они, конечно, немного поволнуются, когда я не выйду с ними на связь будущей ночью. Но потом решат, что я попался в лапы какому-нибудь чудовищу, и приступят к выполнению нашего плана. Что им еще остается? Будь наготове, они подойдут к задней двери. На Фелиции голубые доспехи, и вся она напичкана метафункциями. Гляди, чтобы у твоих ребят были поставлены надежные экраны. Кроме нее, там шесть мужиков, одетых как серая стража, и две бабы в платьях прислуги — знаешь, такие, в полосочку? Ума ни у кого, кроме Фелиции, нет. Их легко будет остановить, кольчугу только надень.»

«А Фелиция?»

«С ней сам знаешь, как обойтись. И береги свои волшебные петарды.»

«Понял. Ты в Надвратный Замок?»

«На легких крылышках. Времени вагон. Желаю тебе приятно провести день. Позаботься, чтобы к ночи на ковровой дорожке для почетных гостей не было ни пылинки. Бай-бай!»

«Приятного полета, Эйкен Драм!»

— Я так и знала! Так и знала! — раздраженно вскричала Фелиция.

— Уже половина первого, — заявил Уве. — Нам

пора. Не меньше трех часов придется добираться до города, даже если раздобудем иноходцев… и еще больше потребуется времени, чтобы залезть на утес. Мы не можем ждать.

— Это ловушка! — настаивала девушка.

— Попытайся еще раз выйти на контакт, — уговаривала ее Амери. — Вызови его, потом Элизабет.

Бешеные карие глаза Фелиции сосредоточились на каком-то дальнем предмете, ее пальцы непроизвольно легли на золотой торквес. Все напряженно ждали.

Хрупкая на вид спортсменка еще больше съежилась под своими сверкающими доспехами.

— Никого. Ни Эйкена, ни Элизабет. Нельзя нам идти. Говорю вам, это ловушка!

Вождь Бурке неуклюже навис над ней своим мощным торсом.

— Конечно, он мог нас и подставить, золоченая мелюзга. Хотя вовсе необязательно именно так объяснять его молчание. Вдруг он находится в таком месте, откуда не решается нас вызвать? К примеру, гуманоиды пришли за ним и утащили на свою пирушку, прежде чем он слово успел вымолвить. Ведь может такое быть?

— Может, может! — огрызнулась Фелиция. —

Ох, Жаворонок, все зависит от его телепатического мастерства! А у меня пока совсем мало опыта, чтобы точно установить, на что он способен, а на что нет.

— Тогда придется рискнуть, — заявил краснокожий.

— Но неужели нельзя подождать? Самим разведать обстановку вокруг Гильдии, при дневном свете? Составить свой план проникновения?.. Уверяю вас, ребята, я уже поднакопила силенок! Задурить мозги охранникам и пройти перед самой дверью мне ничего не стоит! Черт побери, в этих голубых доспехах и с вами, моим верным эскортом, я для всех вышибал, какие там наставлены, просто одна из Гильдии. А вам со мной бояться нечего. Клянусь Богом, я сотру в порошок проклятую фабрику, едва лишь подойду к ней на достаточно близкое расстояние. Причем не молниями, не взрывами, а мягко — силой психокинеза, разжижающей стены! Уходить же будем не через дверь Эйкена, а через окно в северо-восточном крыле, как можно дальше от подсобки. Думаю, с моим психокинезом и альпинистским снаряжением Бэзила нам без труда удастся уйти.

Вождь Бурке колебался.

— Если Фелиция так уверена в своих мета-

функциях, — рассудил Уве, — то почему бы нам нынешней ночью не ввести в действие измененный план? Халид знает город. Мы можем пойти другой дорогой, а не той, какую указал Эйкен Драм. Комплекс-то огромный. Если они устроили засаду у задней двери, то в других местах едва ли строго охраняют.

Фелиция радостно вскрикнула, обняла его за шею и чмокнула в седую бороду.

— Молодчина! Я готова — лишь бы не идти по указке золоченого паршивца!

— Остальные тоже согласны? — спросил Бурке.

Послышался утвердительный ропот.

— Тогда запасайтесь железными бивнями и приводите в порядок доспехи. Сперва надо достать где-нибудь коней… я имею в виду халикотериев. Ох, видели бы меня сейчас мои будущие предки!

15

— Дорогу! Дорогу благородной леди Филлис Моригель! — провозгласил капитан.

Толпа голошеих, серых и по-праздничному одетых фирвулагов, наводнившая главную площадь Мюрии, расступилась, давая проход группе всадников. Даже после полуночи в городе шла бойкая торговля, не говоря уже о празднествах и карнавалах. Фирвулаги издревле были совами, а здесь, на берегах Средиземноморского бассейна, где дневную температуру с трудом переносили даже местные жители, не только что народ, привыкший к холодному климату высокогорья, они проявляли активность лишь в промежуток между закатом и восходом. Те же, кто хотел на них нажиться, были вынуждены придерживаться такого же расписания.

Тану и людей в золотых торквесах на площади тоже было полным-полно. В основном они, подобно леди Филлис Моригель и ее свите, только что прибыли в столицу и искали пристанища. Лишь самые знатные размещались во дворце, прочие устраивались у родственников и знакомых. Славные борцы прямиком направлялись к

павильонам, воздвигнутым на торфяных болотах в северо-западной части города, где каждый имел возможность совершенствовать свои боевые качества. А у кого не было забронированных мест, поступали так же, как леди Филлис Моригель, — требовали приюта в стенах своих Гильдий.

Потому она, шестеро ее оруженосцев и две горничные беспрепятственно проникли в просторный двор комплекса Гильдии Принудителей. Лакеи взяли под свою опеку иноходцев. Серебряный мажордом, сохранявший безупречное спокойствие посреди царившей вокруг сумятицы, выделил леди и ее служанкам номер в одном из гостиничных корпусов, а оруженосцев направил в казарму.

Принудительная сила Фелиции незаметно утвердилась в мозгу мажордома.

— Перед сном мы хотели бы засвидетельствовать свое почтение тем из руководства Гильдии, кто пока еще на ногах. Мы прибыли из многострадальной Финии и нуждаемся в поддержке и братском участии. Вы будете иметь честь лично проводить нас в штаб.

— Я буду иметь честь лично проводить вас в штаб, — механически повторил мажордом.

Он повел их через двор, сад и площадь, рас-

кинувшуюся перед ярко освещенной башней. Цитадель, иллюминированная дополнительными огнями, сверкала голубым и янтарным цветом. Никто из тану и людей, находившихся вне здания, не обратил внимания на вновь прибывших. Ум Фелиции был затуманен скорбью. С древка черного штандарта, который нес за ней вождь Бурке, свисали длинные серебряные и черные траурные ленты, как было принято у тану.

Они подошли к главному входу.

— Леди желает переговорить с кем-нибудь из руководства Гильдии.

Сержант пикета поднял в официальном приветствии большой обнаженный меч из голубого витредурового стекла.

— Леди желает переговорить с кем-нибудь из руководства Гильдии, — повторил сержант.

— Мы последуем за вами, — добавила Фелиция.

— Вы последуете за мной, — эхом откликнулся он.

Мажордом с поклоном ретировался, Фелиция и ее спутники прошествовали мимо серых в золотисто-голубых доспехах, стоявших, точно манекены, по обе стороны вестибюля. Кроме них, вокруг не было ни души. Слегка позвякивала

бронзовая амуниция диверсантов. Алмазные солереты Фелиции чеканно звенели на мраморном полу. Она опустила забрало своего сапфирового шлема. Остальные, заметив условный знак, ослабили перевязи с болтавшимся на них железным оружием в золотых ножнах. Кланяясь направо и налево, двое из свиты незаметно переместились по бокам от горничных, а те сбросили плащи, обнажив кирасы.

Они взошли по широкой лестнице, опять не встретив никого из членов Гильдии. Фелиция, припомнив карту, принесенную Эйкеном, стала дальним зрением определять их местонахождение. Но такое было ей пока не под силу, и только благодаря прекрасной ориентации Халида они до сих пор не затерялись в лабиринте коридоров. Ясновидение и поисковые способности, подобно творчеству, были тонким даром и требовали опыта и отточенности, тогда как принуждение и психокинез с приобретением торквеса расцвели в уме спортсменки, будто тропическая растительность в сезон дождей. Фелиция с легкостью контролировала сопровождающего и одновременно оболванила еще десятка три серых, попавшихся на пути. Но вот…

Бронзовая дверь отворилась. Леди в голубом

балахоне вышла в коридор и, завидев процессию, направила ей телепатическое послание.

«Привет тебе, сестра, от Нинельвы! Позвольте вам помочь в ваших поисках.»

— Бурке! — закричала Фелиция. — Я могу лишь на секунду задержать ее.

Огромный индеец выступил вперед; его лицо под бронзовым ободком украшенного плюмажем котелка-шлема было бесстрастно. Он извлек из ножен короткий железный меч, одной рукой притянул к себе женщину, как бы желая обнять, и вонзил его прямо в сердце.

Их сопровождающий стоял как вкопанный — золотисто-голубой робот, ожидающий приказов.

— Ее предупредили? — спросил Бурке.

— Нет, — ответила Фелиция. — Оттащи тело за дверь и прочь отсюда. Нам еще долго идти.

Они двинулись по коридору дальше, поворачивая то направо, то налево, проходя под разукрашенными арками, и никто из них, кроме Халида, уже не знал, где находится. Освещение становилось все более слабым. Изредка им попадались невнимательные охранники, на которых они не обращали ни малейшего внимания. Наконец они очутились перед массивной двустворчатой дверью более десяти метров высотой; на ней сияло

золотом геральдическое изображение мужского лица.

— Видимо, здесь, — пробормотала Фелиция и послала одурманенному сопровождающему принудительную команду: «Ты откроешь нам вход на фабрику торквесов.»

«Я не могу. Ни один серый этого не может.»

— Черт! — прошипела девушка. — Всем отойти! Будем надеяться на лучшее.

Шестеро серых охранников при полном вооружении расступились и удалились, подобно механическим куклам; за ними последовал сопровождающий. Фелиция застыла перед створками огромных бронзовых дверей, откинув назад голову в шлеме, опустив по швам руки и крепко сжав кулаки. Желтый отшлифованный металл позеленел по стыку, потом стал синим, фиолетовым, засветился, когда ее психокинетическая сила привела в колебательное движение молекулы металла, плавившегося в течение тридцати долгих секунд.

Диверсанты стояли, словно в трансе, держа наготове железное оружие. Жар от расплавленной бронзы и едкий запах ударили в ноздри, и все медленно отступили от миниатюрной фигурки, которая теперь подняла сверкающие сапфиро-

вые руки и повелела взломанной двери широко распахнуться.

За дверью царила темнота. Фелиция отважно перешагнула дымящуюся лужу расплавленной бронзы.

В кромешной тьме вдруг взорвалась яркая вспышка голубого огня. За ней мелькнула вторая, точно от красного стронция, и еще одна — фиолетовая. То были светящиеся силуэты фигур, похожих на человеческие, но каждая почти вдвое выше Фелиции. Зеленые, золотисто-розовые, зловеще-алые огни вспыхивали и повисали во мраке. Целая толпа. Пятьдесят или шестьдесят гуманоидов надвигались с поднятыми щитами, мечами и забралами, так что спутники Фелиции отчетливо видели презрительное торжество в глазах потомства Нантусвель.

— Я — Имидол, — прогремел голос предводителя в голубых доспехах. — Ваша смерть.

Фелиция послала в него трехметровый огненный шар.

— Железо! — пронзительно крикнула она. — Бейте их железом! Я обвалю крышу!

Один за другим в коридоре громыхнули четыре взрыва. Тану в драгоценных доспехах вылетели из-за внутренней двери, словно стая ангелов-

мстителей. Нападающие натянули тетивы своих луков. Слышались душераздирающие крики, свист метеоритов, глухой рокот обрушивающейся каменной кладки; помещение наполнили запахи озона, пыли, отбросов, паленого мяса.

Амери прислонилась к стене коридора и, почти ослепленная дымом, лихорадочно выпускала стрелы по высоким сверкающим фигурам. Волны психической энергии били по ее незащищенному уму. Параллельно физической схватке разворачивалась метапсихическая, но, к счастью, абсолютно нормальная монахиня улавливала лишь ее обертоны. Когда колчан опустел, она сжала обеими руками копье с коротким древком и, вверив свою душу Иисусу, приготовилась умереть.

Эхом разнесся по Гильдии грохот рухнувшей стены — благо, на фабричное помещение, а не на коридор. Все до единого алмазные метасветильники погасли, и освещением теперь были только сверкающие доспехи тану, вспышки астрального пламени и редкие искры окалины. Комнату заволокло дымом. Амери упала на колени, чтобы хоть немного отдышаться. Но пол был завален обломками известняка, металлическими канделябрами, кусками алмазных и бронзовых

доспехов и мягкими темными глыбами, из которых летели искры и сочилась кровь.

Амери медленно поползла через задымленный зал. В мгновенной вспышке перед ней мелькнуло бородатое лицо Уве Гульденцопфа. Голова его лежала на полу. Тела не было.

Содрогаясь от рыданий, машинально сжимая копье с железным наконечником, она продвигалась вдоль стены. За спиной гремели новые взрывы, и слышался шум накатывающей лавины. Где-то поблизости, точно сирена, вопил женский голос. Что-то огромное, розовое нависло над ней, вынырнув из гущи схватки, затем такая же глыба, только сияющая зеленым и белым светом. Умственная бомбардировка усилилась. Амери распласталась на полу, не в силах даже молиться. Одна нога полностью онемела. Мозг был наполнен все раздирающей пульсирующей болью, отдававшейся в зубах и глазах. Дым и огонь немного отступили, и вся сцена вдруг отодвинулась куда-то вдаль. Бедняжка парила над собственным телом и видела, как один кожаный ботинок обуглился, а в прокопченной бронзовой кирасе зияла огромная вмятина на уровне почек. Из правой руки от локтя до запястья торчала голая кость.

— Чего ты ждешь, ангел? — испытующе спросила монахиня.

Но не умерла. Вселившись обратно в истерзанное, распластанное на полу тело, она с трудом раскрыла веки и поглядела на склонившегося над ней невысокого человека в сверкающих голубых доспехах.

— Это ты! — вскричала она с радостным облегчением. — Так мы все же победили!

Алмазная рукавица приподняла голубое забрало. Человек с огромным носом и смешливыми глазами взирал на нее сверху вниз, обнажив в улыбке мелкие, безупречно ровные зубы. Она никогда прежде его не видела.

— Нет, — ответил Гомнол, — вы не победили.

Амери почувствовала, как ее искалеченное тело оторвала от пола и удерживает на весу психокинетическая сила главы Гильдии Принудителей. Он устремился в ад, и она поплыла следом, будто нелепая надувная кукла. Клубы дыма рассеивались перед ним, маленькие язычки пламени гасли. Лицо его лучилось, освещая руины. На пути громоздились гигантские неподвижные формы в стеклянных доспехах и тела поменьше. Монахиня разглядела Ванду Йо: рот ее был разинут в последнем беззвучном крике;

Герта и Ханси, неразлучных в смерти, как и в жизни, придавило каменной балкой. Халид сидел у стены, являя собой пародию на Богоматерь скорбящую: на мертвых его руках возлежал воитель тану, пронзенный железным копьем.

— Салям алейкум, бай! — прошептала она, и Халид растворился в темноте.

— Фабрике нанесен лишь поверхностный ущерб, — удовлетворенно сообщил Гомнол. — Надо признать, я свалял дурака. Довольно неприятно теперь рассыпаться в благодарностях перед потомством за спасение моей обители, особенно если учесть, что вы многих из них положили. Впрочем, пустяки.

Вспышка радужного света озарила подступавшую к ним темноту, и оглушительный голос отчеканил:

— Добро пожаловать, лорд Гильдии Принудителей! Лучше поздно, чем никогда.

Гомнол подошел к проему, где прежде были бронзовые двери. Остатки дыма и метапсихических паров рассеивались перед когортой рыцарей, небрежно опиравшихся на широкие мечи и стеклянные копья. Вождь Бурке и Бэзил, обгоревшие, окровавленные, от лодыжек до шеи опутанные стеклянной цепью, стояли на коленях

перед полубогом в рубиновых доспехах. Рядом на полу распростерлась Фелиция без шлема, глаза закрыты, в лице и шее ни кровинки, если не считать мягкого сияния торквеса, сливавшегося с золотом волос.

Гомнол умственным посылом направил Амери к другим пленникам и, осторожно опустив ее на пол, ответствовал обратившемуся к нему голубому тану:

— От имени Гильдии выражаю благодарность тебе, брат Имидол, лорду Куллукету и всему потомству. Вы и впрямь подоспели как раз вовремя. Фабрика торквесов, кажется, не понесла серьезного ущерба.

— Да, она цела.

— Превосходно!

Маленький золотой футляр, прикрепленный к поясу Гомнола, открылся, оттуда вылетела сигара. Лорд откусил кончик, запалил табак с помощью психической энергии и с наслаждением выпустил в потолок дрожащее кольцо дыма.

— Из моих личных источников информации я узнал, что сегодня ночью готовится диверсия, — произнес он. — Правда, нас ввели в заблуждение, сообщив, что они попытаются проникнуть со стороны основного бастиона. Я устроил засаду

там. Лорд Бормол и лорд Меченосец любезно вызвались быть нашими наблюдателями. Они будут здесь с минуты на минуту. — Гомнол уверенным взглядом окинул сгрудившееся перед ним потомство. — Если позволите, я избавлю вас от труда по очистке помещения. Целители спешат сюда, чтобы оказать помощь нашим пострадавшим братьям. Легкораненые наверняка к началу Битвы уже освободятся от целительной Кожи.

Пылающее лицо Имидола казалось высеченным из горного хрусталя.

— Мы потеряли пятнадцать рыцарей нашего священного ордена. Их сразило железо. Они уже в объятиях Таны, и никакая Кожа не в силах им помочь.

Гомнол нахмурился, уставившись на кончик своей сигары.

— Какой ужас! Чудовищно! — Он махнул рукой на Фелицию. — Но я вижу, вы отомстили первобытной женщине.

— Она не умерла, — ответил рубиновый Куллукет. — Я просто связал ее умственными нитями. Наше возмездие еще впереди.

— Так точно! — откликнулись остальные. — Возмездие *всем* изменникам!

Гомнол застыл на месте. Дым от его сигары иг-

риво поднимался кверху и вытягивался в брешь пробитого потолка.

— Эта женщина выказала недюжинный запас психической энергии, — заметил Имидол.

— Гораздо более мощный, чем мы ожидали, — подтвердил Куллукет. — Троих из нас она уложила одной лишь силой своего ума.

— Мы с большим трудом совместными усилиями усмирили ее, — хором откликнулись золотисто-розовые братья-близнецы Кугал и Фиан.

— Но не раньше, чем она совершила свое *последнее преступление*, — заключил Имидол. — Ты понимаешь, о чем речь.

Доспехи и лица потомства разгорались все ярче. Совершенно четкая мысль второго принудителя отразилась в скопище умов.

— Стойте! — крикнул Гомнол.

Вся его метапсихическая мощь взревела, чтобы помешать им и заслонить свою душу от массированного мозгового удара сорока семи гуманоидов, сплотившихся вокруг ненависти Имидола, сына Нантусвель и Тагдала, будущего главы Гильдии Принудителей.

— Вы не смеете… — задохнулся Эусебио Гомес Нолан, — не смеете… посягнуть на жизнь своего

брата. Тана этого не допустит!

«Ты не брат нам, ты ЧЕЛОВЕК, изменник, состоящий в сговоре с чудовищем Эйкеном Драмам, мы знаем, мы уверены, и потому ты умрешь… умрешь…»

— У вас нет доказательств! Нет… доказательств! — Гомнол скорчился, затем позвоночник его неестественно изогнулся назад. В своих тяжелых доспехах он камнем рухнул на пол.

— У потомства есть доказательства! — вскричал Имидол. — А доказательства для остальных мы получим потом. Сейчас ты умрешь как герой, как последняя жертва преступницы Фелиции — и такова будет официальная версия до тех пор, пока нас это устраивает, пока мы не сочтем нужным разоблачить всю гнусную подоплеку твоей измены! Умри, узурпатор! Умри!

Последний крик вырвался из уст Гомнола. Скрюченные конечности распрямились. Лицо внутри шаровидного сапфирового шлема посерело, затем побелело. И вот перед потомством Нантусвель уже лежит скелет и скалит белоснежные зубы. Упавшая на пол сигара еще долго распространяла вокруг свой аромат.

Куллукет Дознаватель надел серые торквесы на шеи Амери, вождя Бурке и Бэзила. Затем ска-

лолаза — единственного из троих, кто мог еще держаться на ногах, — заставили взять железное лезвие и спилить золотой торквес Фелиции.

— Ей тоже серый? — полюбопытствовал Имидол.

— Потом, — отозвался Дознаватель. — Не хочу портить удовольствия, облегчая себе задачу.

16

На славу угостившись ранними букашками, козодой привольно кружил по предрассветному небу. За вершинами Юры оно уже розовело. Зашевелились стаи травоядных на плато. Замок тоже понемногу просыпался, но, к сожалению, нигде не было и следа людей-невидимок.

Козодой долго и безрезультатно парил над землей. Какая досада, ему до сих пор не удалось установить местонахождение Клода и мадам Гудериан! Значит, прячутся под землей. Без сомнения, мадам решила усилить свой творческий иллюзионизм естественным щитом из твердого гранита и плотно утрамбованной земли. Ну да ничего, рано или поздно они выйдут к вратам времени, и тогда он их зацапает.

Никто из обитателей Замка пока ничего не знал о прибытии Эйкена. Он прилетел сюда прямо из долины Роны, спрятал Копье в вершине росшего на берегу платана и устремился сюда на разведку. Кого волнует, что птаха порхает над окрестностями при дневном свете? Хорошо бы, конечно, отыскать их укрытие, вернуть себе человеческий облик и самому привести на место

отряд из Замка!

Однако это чертовы перечницы, эти воркующие голубки его одурачили. Ну и ладно.

Вообще-то вся история прелестна, как подумаешь. Фатальна, но прелестна. Разумеется, ничего у них не выйдет. Откуда? У стотридцатитрехлетних развалин! Какая дикость, им бы довольствоваться стариковским воркованием в Герсиньянском лесу и жевать свою жвачку — так нет, впутываются в серьезные игры!

Но раз уж впутались — поделом. Теперь он ничем не может им помочь. Впрочем, он ликвидирует их из фотонной пушки быстро и милосердно, по крайней мере старичков не поволокут на Великую Битву и не сварят заживо в стеклянной реторте, которую тану изобрели для изменников. Гомнол пытался убедить Эйкена, что ритуальная смерть стратегически необходима. Но к дьяволу Гомнола! Пускай потешит свои садистские наклонности, увидев две седые головы насаженными на пики.

Ага! Снова зашевелились. Главные ворота Замка отворяются. Выходит множество солдат вместе с хранителями врат времени в белых одеяниях. Да, уже светает.

Он расправил крылья и спустился пониже,

чтобы лучше разглядеть происходящее.

Над ним нависло странное холмистое облако-серое на серовато-розовом фоне, с малиновыми краями. Снизу оно напоминало вымя. Один из воздушных мешков удлинялся, как грудь тануски, а внутри облака шло какое-то копошение. Мешок наконец превратился в висячий рукав, затем в мини-торнадо с крыльями, наворачивающими несколько сот километров в час. Изгибаясь, облако стремительно двигалось по небу и громко жужжало. Но с утра на плато поднялся ветер, и существа, собравшиеся, как обычно, в зоне голой скалы, не различили постороннего звука.

Козодой тоже не углядел небесного вихря, пока тот не всосал его в себя, не завертел с огромной центробежной силой и не шлепнул в пересохшую лужу километрах в трех от врат времени… Ошарашенный плут пришел в себя лишь через несколько минут и уселся в луже, проклиная любопытных маленьких гиппарионов, подошедших обнюхать его грязную физиономию.

И вдруг ум его вздрогнул от далекого, но странно знакомого призыва: он узнал про Гомнола. К тому времени, как Эйкен взял себя в руки и полетел назад к вратам времени, там тоже все было кончено.

— Cheri! — сказала она. — Пора.

Он зевнул, откинул со лба серебряные волосы, затем потянулся и схватил ее за тонкие запястья.

— Fou [note 27], — прошептала она, когда вновь обрела дар речи.

— Мы с тобой два сапога пара.

Она тихонько засмеялась, что привело к новому приступу мучительно сдерживаемого кашля. Он заметил кровь на платке.

— Давно это у тебя? Анжелика, почему ты молчала?

— Не хотела тебя беспокоить. Я принимаю лекарства Амери. Что еще тут можно сделать? Все, хватит разговоров! Труба зовет. Скоро это уже не будет иметь значения.

— Мы выкрутимся, черт возьми! — прохрипел он.

Она отошла в сторонку, а он вытащил из гранитной стены несколько верхних камней, чтобы можно было протиснуться в отверстие. Раскидистый куст акации служил завесой их убежищу. За ним пролегало русло пересохшего потока; здесь она скрывалась четыре с лишним года назад, как только прибыла в плиоцен.

---

note notes: Note27
безумец (франц.)

Идею спрятаться именно в этом месте, на расстоянии менее километра от зоны люка, подал Клод. За шесть суток до намеченного времени, безлунной ночью, невидимки явились сюда, расширили яму, прорытую корнями старого куста, и юркнули в подземный грот, изнутри заложив отверстие камнями. Изредка в ночные часы под прикрытием ее метафункций они осмеливались выбираться наружу. Пещера была почти в человеческий рост и метра три в длину — жить можно.

Когда они покидали свое пристанище в последний раз, Клод расслышал ее полушутливое прощание:

— Adieu, petite grotte d'amour note 28.

— Словно два паука в банке, — усмехнулся он. — Однако тебе не удалось меня сожрать, ma vieille note 29. Жаль, что время пролетело так быстро.

— Хорошенького понемножку, — ответила она, улыбаясь. — Думаю, мы достигли отметки plus qu'il n'en faut — больше чем достаточно.

Она подала ему янтарь с подписанным ее рукой посланием, затем накрыла их обоих плащом своих иллюзий. Они выкарабкались по отвесной

---

note notes: Note28
прощай, маленький грот любви (франц.)

note notes: Note29
моя старушка (франц.)

стенке из убежища, расположенного на четырехметровой глубине. Обнаружить их мог бы разве что очень опытный метапсихолог, специально настроившийся на ее волну. Теперь оставалось преодолеть пешком короткое расстояние и выполнить поставленную задачу. А потом — снова в укрытие, и уж там как судьба распорядится…

Прошлой ночью — вернее, уже утром — они попытались выяснить судьбу диверсантов. Мадам долго вслушивалась в отдаленный гомон, доносившийся до ее мозговых локаторов с Балеарского полуострова… Но толком ничего не разобрала, а вызывать не решилась. В конце концов они просто помолились за своих друзей, опять занялись любовью и заснули. Накрывшись одеялом, она задыхалась от кашля. Ее внутренний будильник разбудил их в назначенное время.

Подгоняемые свежим утренним ветром, они приблизились к вратам времени и к группе столпившихся возле них людей. Небо на востоке отливало желтизной, день обещал быть жарким. Это особенно чувствовалось после холода пещеры, где было вдоволь еды, питья и мягкие надувные постели, благодаря чему время прошло легко и приятно. Он рассказывал ей о Жен, она ему о Тео, но в основном любовники изучали друг

друга, как изучают старые мудрые счастливцы, у которых в крови еще достаточно адреналина, потому они так опасно смелы и живучи.

Они были уже у портала…

…как вдруг мир почернел.

Оба вскрикнули, но звук утонул в черноте, точно в вате. Казалось, они все еще стоят на твердой почве, хотя их окутала кромешная тьма… до тех пор, пока ее не прорезал луч света, расширившийся до размеров солнца — сверкающего лица Аполлона.

— Я — Ноданн.

Это конец, сказал себе палеонтолог, теперь она не вынесет бремени вины.

Стратег говорил вслух, но они знали, что, кроме них, никто его не слышит.

— Я знаю, кто вы такие и каковы ваши намерения. Пора положить конец вам и вашему вмешательству.

Мысль Анжелики была почти смиренной: «На сей раз вы победили, вы можете убить нас, но придут другие и закроют дьявольские врата.»

— Не закроют, — ответил Ноданн. — Потому что для этого я выбрал вас.

— Огромная маска сияла ослепительным ментальным светом. — Мой народ никогда не

понимал того огромного вреда, что вы нанесли нам, открыв путь сквозь тысячелетия. До сих пор к нему никого не подпускали. Даже я не решался закрыть его своей властью. Но наконец нашелся способ. Вы исполните мою волю, совпадающую с вашими целями, к коим вы стремились с момента своего прибытия в изгнание. Полагаю, вы меня поняли.

Клод: «Да, вполне».

— Мои соплеменники возложат на вас двоих ответственность за преступление. Им будет легче смириться с постигшим их бедствием, если они узнают, что атаманша мятежников и человек, разбомбивший Финию, изгнаны из Многоцветной Земли… Но я не могу принудить вас к такому поступку: охранники врат обнаружат мое соучастие. Поэтому вам придется действовать самостоятельно… и в открытую.

Анжелика: «Тем лучше. Еще одно доказательство для них… на постоялом дворе.»

Клод: «Я доволен, что взорвал ваш рабский город! Вы, очевидно, думаете, что закрытие врат времени спасет тану от новых человеческих мятежей. Но вас ждет разочарование. Никогда больше уже не будет как прежде.»

Солнечный лик потемнел. Голос Ноданна про-

катился в их умах:

«Убирайтесь туда, откуда пришли, проклятые!»

Клод: «Дурак ты. Мы пришли отсюда.»

Их человеческий слух вновь различил пение птицы. Настоящий солнечный диск выплывал из-за горных хребтов, нависавших над Роной. Не выброшенный камень, а сияющий метеор повис над скалистой площадкой, над хранителями портала и солдатами.

Пока иллюзии не рассеялись, старики что было сил бросились по сухому дерну к вратам. Четверо путешественников материализовались внутри тау-поля и получили поддержку в сошествии на землю плиоцена.

Анжелика споткнулась. Клод схватил ее за руку, расталкивая солдат и ошарашенных людей из будущего.

— Прыгай, не то начнется повторный цикл!

Один из вооруженных солдат вскрикнул и рванулся вперед, размахивая бронзовым мечом. Обретя видимость, старик со старухой об руку повисли в воздухе. Временное поле повернулось вспять, и они исчезли.

Высоко в небе козодой прокричал яростное «квик-квик-квик» и улетел.

Лишь один из постояльцев, путешествие которых столь неожиданно сорвалось, не впал в истерику. Все еще держа в руках сплетенную из водорослей сеть и сложенные в мешок пузырьки с образцами лекарств, он раздраженно отвечал на вопросы управляющего Мишимы.

— Говорю же, они стояли там. Мы видели их какую-то долю секунды, прежде чем зеркала сомкнулись… И оба превратились в скелеты! Потом в пыль… Я требую объяснений, господин управляющий! Инструкция гласит, что путешествие во времени не предусматривает никаких случайностей…

Второй управляющий, стоявший на дозорной вышке, опустившись на колени, позвал:

— Эй, Алан, взгляни-ка!

— Прошу вас, доктор Биллингс, поднимитесь наверх и подождите вместе с остальными. Я скоро приду.

Когда доктор удалился, управляющие склонились над кучкой пепла. В ней просматривался причудливый орнамент, утопленный внутри какого-то варварского ожерелья. Мишима взял его в руки: сверкающие хлопья — все, что осталось от внутренних компонентов, — выпали из крохотных отверстий и смешались с пылью.

— А здесь… о Боже! — Другой чиновник обнаружил два плоских кусочка янтаря со светящимися внутри буквами. — Надо срочно доложить директору, Алан.

— Да, — вздохнул Мишима. — И сказать Биллингсу и компании, чтоб не ждали.

Два резных кольца были обнаружены позже, когда пыль с крышки люка аккуратно смели в пакет из фотопленки и отправили на хранение в личный сейф смотрителя постоялого двора для дальнейшего исследования.

А шесть миллионов лет назад в комнате без дверей рыдали Бреда и Элизабет. Ясновидение, как и предполагала последняя, лишь ухудшило дело.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВЕЛИКАЯ БИТВА

1

В эпоху Галактического Содружества от горы осталось одно воспоминание. На месте ее находится небольшой средиземноморский остров Менорка, восточный в группе островов, некогда именовавшихся Гесперидами. Пик Монте-дель-Торо, достигающий 400 метров над уровнем моря, — самая высокая точка этого клочка земли. Большинство древних горных лабиринтов разрушено в результате водной и ветровой эрозии.

Но шесть миллионов лет назад гора являла собой поистине внушительное зрелище. Первые пришельцы с Дуата, впервые увидев посреди Балеарского полуострова каменную громаду с вершинами-близнецами, меж коих раскинулся альпийский луг (место тайных свиданий Брайана и Мерси), нарекли ее Горой Луганна и Шарна — в честь первого ритуального поединка тану и фирвулагов над Могилой Корабля. Позже она получила название Горы Героев. По личному распоряжению Бреды (одному из немногих) гора была передана в собственность Гильдии Корректоров. На юго-восточном склоне, нависшем над Мюрией и Серебристо-Белой равниной, выросло

лечебное и исследовательское учреждение. А после смутных времен, окончившихся изгнанием Минанана, было найдено применение и пещерам в недрах горы: поначалу они служили гробницами великих умерших, затем стали использоваться для менее священных целей.

Фелиция поклялась не проронить ни звука.

Ум вопил сколько влезет, на радость Королевскому Дознавателю, но каким бы пыткам ни подвергал ее Куллукет в течение целой недели, в этом она осталась тверда: сквозь удерживаемые распоркой челюсти не просочилось ни единого стона или крика. Силой воли она парализовала свои голосовые связки: кроме них, ничто в собственном теле ей не подчинялось.

Куллукет медленно, шаг за шагом, изучал ее организм, сочетая экстрасенсорные приемы с принудительными. Он то настраивал Фелицию, словно музыкальный инструмент, а то обрушивался на нее во всей своей дикой, животной злобе. Когда сознание ее не выдерживало сенсорных перегрузок, он приводил ее в чувство болезненными уколами в мозг и демонстрировал новую изощренную пытку.

К немалому своему удивлению, Куллукет обнаружил, что подавление ума не дает того эффекта,

как чисто физическое надругательство над ее женским достоинством. При всей своей испорченности она совсем еще ребенок. Он без труда вытянул из нее всю секретную информацию (Копье Луганна, Эйкен Драм, Могила Корабля, кладбище летательных аппаратов, планы производства железного оружия, укрепленные форты на севере и прочее); все данные были представлены Стратегу, дабы тот принял необходимые меры сразу после Битвы.

Удовлетворив таким образом аппетиты потомства, Куллукет позволил себе поразвлечься.

Медленно очисти от кожуры этот ядовитый плод и высоси из него все соки: скрытые комплексы, обширную, но — против ожиданий — не приведшую к полной деградации душевную травму, связанную с потерей золотого торквеса, фантастические метафункции принуждения, психокинеза, творчества, ясновидения, вновь запертые в клетке латентности, чтобы никогда больше не выйти на свободу.

Почувствуй вкус ее бешенства, ее углубляющейся агонии, спровоцированной насильственным вторжением.

Сорви покров с детской обездоленности, с неудовлетворенной страсти к насилию и чув-

ственным наслаждениям. Вот они, тропинки, ведущие в ее мозг! Какие великолепные возможности открываются перед тобой! Осознай, реализуй их! Покажи ей все ее пороки под разным углом зрения, пока это жалкое первобытное существо не постигнет глубину собственной бесчеловечной жестокости, отразившейся в чуждом человечности мозгу великолепного самца.

Он долго над ней работал; шок следовал за шоком, боль наслаивалась на боль, растление тела выливалось в распад личности, ненависть к ближнему, страх перед ним оборачивались ненавистью и страхом, направленным против самой себя.

Лиши ее всякой ценности, оставь в ожидании полного уничтожения. (Причем физически она должна быть в форме — нельзя нарушать данное Стратегу обещание, — чтобы сражаться на Битве как маленький, не знающий жалости автомат).

Однако Фелиция не потеряла рассудок.

Потрясенный, он блуждал по развалинам ее мозга, пытаясь отыскать тому объяснение. И чуть было не пропустил его. Да, вот она, крупица! Замкнулась, забаррикадировалась в неприступной крепости и упрямо отражает все попытки проникнуть туда. Уменьшенное до микроскопи-

ческих размеров, герметично закрытое существо Фелиции продолжало сопротивляться.

Если бы удалось принудить ее заговорить, закричать! Он сознавал, что это ключ. Один-единственный звук — и последняя оборона будет разбита.

Но она не издала его. С течением дней, в преддверии грядущей Битвы Куллукет все осторожнее продвигался вперед, опасаясь, что искра жизни погаснет в ней вместе с раздавленным осколком целостности.

— Ну как знаешь, — сказал он наконец. — Тебе же хуже.

И, насладившись ею в последний раз, защелкнул на ее шее рабский серый торквес, вынул распорку изо рта и приказал слугам оттащить Фелицию в камеру, скрытую в глубоких катакомбах.

«…Стейни?»

«О, ты очнулась, любовь моя?»

— Очень больно, Сьюки?

Он встал на колени на сырой пол каменной ниши, застланный лишь тюфяками из слежавшейся соломы, и взял Сьюки за руку. Лицо ее было почти неразличимо в тусклом свете алмазной лампочки, мерцавшей, словно одинокая звезда,

на высоком потолке среди сталактитов.

— Да нет, совсем чуть-чуть. Скоро все заживет. Лорд Дионкет говорит, ничего непоправимого не произошло. У нас будут еще дети.

— Но не этот, Сьюки, не мой нерожденный первенец! Это я виноват. Мы не должны были… после того, как убедились, что ты беременна. Идиот, сукин сын, подонок, детоубийца!

— Нет! — Она с трудом приподнялась, взяла его лицо в ладони и поцеловала. — Не казнись, милый. Тебе не в чем себя винить, слышишь?

«Всели ему в душу уверенность — для чего ж тебе твой серебряный торквес?.. Спрячь истинную причину, пусть он никогда не узнает.»

— Не думай больше об этом, любимый мой. Давай готовиться к побегу. Завтра Великая Битва. Я уверена, Эйкен специально тянет до последней минуты, чтоб отвести от нас подозрения тану.

Стейн глухо зарычал. Тряхнул головой, как медведь, отбивающийся от надоедливых пчел. Сьюки с тревогой заметила у него в мозгу блуждающее нервное волокно — сигнал к началу спазма, вызванного плохой адаптацией к серому торквесу.

— Черт бы побрал Эйкена Драма! — взревел викинг. — Он сказал… он обещал… а вот… сперва ты, теперь я… Бог мой, Сьюки, башка сейчас

треснет…

Она прижала к груди его голову и углубилась в мозг — это стало для нее привычным делом во время пребывания в Мюрии. И снова ей удалось временно приостановить большой пожар. Но если не снять торквес, он не выживет.

— Все, Стейни, все, любимый, успокойся, я его зафиксировала. — С потолка падали капли — ритмичный, музыкальный звук. Дикое сердцебиение прекратилось, дыхание стало ровнее. Он поднял голову, взгляды их встретились.

— Ты точно знаешь, что это не моя вина?

— Нет, поверь мне. Такое иногда случается.

Все еще стоя на коленях рядом с ней, он сел на пятки, беспомощно свесил руки — живое воплощение поверженного великана. Но Сьюки не обманешь: она видит его насквозь.

Если он не сможет винить себя — он станет искать виновного.

Эйкен Драм легко подбросил вверх Копье Луганна, рискуя разбить драгоценные канделябры в приемном зале Гильдии Экстрасенсов. Теперь, когда со стеклянного оружия слезли остатки маскировочной голубой эмали, оно вновь отливало золотом. Батарею Эйкен перезарядил.

— Вот возьму и воткну его тебе в задницу! — Он

принял непристойную позу.

Мейвар снисходительно усмехнулась.

— Завтра, Сиятельный, завтра всем воткнешь… Хотя нет, еще не завтра. Битва будет продолжаться пять дней, но Копье ты сможешь пустить в ход только в самом конце, после пятой полуночи, когда начнется Поединок Героев. И то лишь в том случае, если Ноданн решит взять Меч. Еще поглядим, дотянешь ли ты до этого.

— Вот как?.. — взвизгнул он, притворяясь рассерженным. — Ты что, старая грымза, вздумала изменить свое решение? Может, тебе вновь доказать, что я достоин твоего выбора?

Отброшенное Копье звякнуло об пол, а Эйкен вдруг стал голым, как угорь, и устремился к пугалу, сидящему на аметистовом троне. В приемном зале никого больше не было, а на просторном троне они вдвоем вполне уместились.

— Ну хватит… хватит! — задохнулась она. От смеха слезы покатились по ее морщинистым щекам. — Дай мне дожить хотя бы до твоего триумфа, иначе кто наречет тебя новым именем!

Все еще раздраженный столь явным недоверием, он выпустил ее из объятий, разлегся на фиолетовых бархатных подушках, подсунул два пальца под свой золотой торквес и натянул ме-

таллический обруч. Затем надел образовавшуюся петлю на мыски босых ног и начал плести косички из тонкой эластичной нити.

— Стало быть, ты сомневаешься во мне, проклятая ведьма? Что ж, я верну тебе твой дурацкий подарок и пойду своей дорогой. Кому ты нужна? Теперь я обрел полную силу и готов потягаться с любым из них! Подавай сюда невидимых фирвулагов! Подавай мне Тагдала и Ноданна!

— Став королем, тебе придется играть по их правилам, — возразила она.

— Если они заподозрят, что ты активен даже без торквеса, то с тобой запросто расправятся. Как бы силен ты ни был, мой Сиятельный, сплоченный ум их воинства свалит тебя, только дай повод.

— Воины от меня без ума. А ихние леди и подавно.

— Но потомство ропщет. Обвиняет тебя в сговоре с Гомнолом и с Фелицией, в том, что твоя нерадивость привела к закрытию врат времени. Более того — они утверждают, что ты можешь спариться с активной женщиной Элизабет и породить на Многоцветной Земле расу полностью активных людей.

— Я — и эта Снежная Королева? Они что, охренели?

С обычной плутоватой ухмылкой он вновь надвинул себе на шею золотой обод и стал натягивать свой роскошный костюм с кармашками.

— Впрочем, и верно, лучше не дразнить гусей. Хорошо, что Элизабет уже намылилась отсюда. Не пойму, чего она тянет. Значит, мы все же ей не совсем до фени.

— Не думай о ней. — Старуха пригладила его вихры. — Не думай ни о чем, кроме Битвы. Участие в Отборочном не составит особых трудностей. В демонстрации сил тоже никто не посмеет бросить тебе вызов, коль скоро я сама назначу тебя вторым экстрасенсом. Но как только начнется Главный Турнир, надо будет призвать на помощь всю смелость, находчивость, весь метапсихический талант. Мало просто уцелеть в драке. Тебе придется показать себя вдохновенным вожаком, который способен сокрушить врага. Потом, когда Битва достигнет апогея, под твое знамя должны стать отряды из всех Гильдий — под твое, а не под знамя Ноданна! Лишь тогда ты сможешь претендовать на участие в заключительном Поединке Героев.

Тоненьким голоском Эйкен задумчиво произнес:

— И я ни в коем случае не могу воспользоваться

железом?

Мейвар укоризненно поцокала языком.

— Не юродствуй! Вот будешь королем, тогда пользуйся, чем хочешь. А сейчас, на этой Битве, и думать забудь о кровавом металле. Иначе тебя заподозрят в связях с первобытными. Думаешь, почему я наказывала тебе держать язык за зубами, когда давала оружие против Делбета?

Эйкен сел, скрестив ноги, сплел за головой пятерни и принялся раскачиваться взад-вперед, мечтательно созерцая будущее.

— Как только стану королем, изменю все ваши дурацкие законы. Вооружу железом когорту людей в золотых торквесах, и мы покончим с мятежниками, а заодно и фирвулагов пощиплем. Но истреблять их — ни Боже мой! Теперь, когда врата времени закрыты, где я буду брать себе подобных? К тому ж эти карлики такие умельцы: тут тебе и сбруя, и питье, что враз валит с ног, и побрякушки разные… Нет, я их просто пристрою маленько, и заживем все одной семьей под властью доброго короля.

Он перестал раскачиваться и выпучил черные глаза.

— Ох, черт! Мейвар, ты слышишь? Голос идет в основном по человеческому каналу, но кое-что

через серый торквес все же просачивается, улавливаешь? Это Стейн.

— Возмездие, — сказала Мейвар, прислушиваясь. — Он обвиняет тебя. Невероятно!

Молодой плут застыл на аметистовом троне.

— Нет, прямо он пока не обвиняет. Только пережевывает свою жвачку, осел! Дескать, я обещал, что Сьюки будет в безопасности, а не исполнил. Ergo note 30, вина моя! Ну не идиотская логика? Не сойти мне с этого места, потаскушка все же что-то ему разболтала. Ох, женщины! Довольно одного намека, что выкидыш был не случайным. Ему бы теперь только свалить с больной головы на здоровую!

— Но ты и вправду обещал, — заметила Мейвар. — Дал слово золотого торквеса и кандидата на трон.

— А как насчет ваших пресловутых правил? — взорвался он. — Играй по правилам, сама же сказала! По-твоему, я должен был пойти против короля и королевы только для того, чтобы избавить Сьюки от легкой вздрючки, которая не принесла бы никакого вреда ни ей, ни плоду, не будь Стейн таким тупицей…

---

note notes: Note30
следовательно (лат.)

Мейвар вскинула голову.

— Слышишь, что он кричит? Шутки в сторону, Эйкен Драм!

Плут мгновенно забыл о полемике с Мейвар. Полубезумное телепатическое бормотание передавалось главным образом по уникальному человеческому каналу и было столь сумбурно, что не всякий человек сумел бы его расшифровать. Но Эйкен терпеливо устранил помехи, отбросил квохтанье по поводу Сьюки и уловил нечто такое, от чего кровь застучала у него в висках.

Диверсанты, совершившие налет на фабрику, рассчитывали на его помощь в деле с Копьем. А он подставил их Гомнолу.

— О Боже! — выдохнул плут. — Умственная блокада не держится. Гомнола нет, а моей фиговой экстрасенсорики недостаточно, чтобы надежно заткнуть пробку.

— Надо действовать, и немедленно. Если болтовня Стейна привлечет внимание потомства — не видать тебе Главного Турнира как своих ушей. Отправишься вслед за Гомнолом.

— Черт, вот невезуха! Надо вызволять их отсюда сегодня же! Я, признаться, думал, дело терпит до моей победы.

— Опомнись! Как ты теперь их вызволишь? —

Дрожа от страха перед решающим испытанием, она жестом показала ему самый надежный путь.

— Не могу, — уперся он. — Стейна со Сьюки? Нет, не могу.

— Живые, они будут постоянной угрозой твоей власти.

— Нет. Должен быть другой путь.

— Ты что, чем-нибудь им обязан? Честью? Жизнью? Своим полубредовым обещанием?

— Не могу, я сказал! Кого угодно превращу в головешки, только не их.

— Это не марионеточная любовь, ты взгляни, как они страдают друг за друга, уменьшаясь и увеличиваясь, отдавая себя без остатка! Нет, это было бы ни на что не похоже! Бедные обрученные и обреченные души, почитаемые, но отвергнутые счастливо избежавшим: как я избегаю и отвергаю твой умирающий дух и тело. — Нет, только не их! — повторил он.

Мейвар поднялась с трона. Голова ее раскачивалась под капюшоном, словно бутон фиолетового цветка. Он не видел ее слез, но знал, что они катятся по морщинистым щекам, свежие, как утренняя роса.

— Будь благословен мой выбор! Я знала, знала… ты не Гомнол… Ты прав, другой путь есть.

Он схватил ее за руки.

— Какой?

— Оставайся здесь и готовься к завтрашнему дню. А уж я позабочусь, чтобы твоих друзей нынче же ночью не было в Мюрии.

2

Накануне Битвы каждый истинный приверженец древнего воинского братства думает лишь о том, как отразить натиск врага на празднике жизни и смерти, который считает единственным основанием своего присутствия на Многоцветной Земле. Однако же нашлись такие, кто не верил в традиции, и эти неверующие, включая тех, чья нога уже пятьсот лет не ступала в столицу, сошлись вместе, дабы поразмыслить о том, станет ли нынешняя Битва поворотным пунктом в истории, предсказанным Бредой.

К сожалению, Супруга Корабля не почтила собрание и не дала его участникам ни малейшей путеводной нити.

— Сама Битва явит вам волю Богини, — заявила она Дионкету. — И тогда вы сразу поймете, что делать дальше.

Однако лорда Целителя это не удовлетворило. Что может знать мистическое существо о земном противоборстве? Околеешь, ожидаючи ее предначертаний!

Потому он пригласил лидеров мирной фракции — и плюс к ним двоих изгнанников — на тай-

ное собрание в пещере Горы Героев. Катлинель явилась туда с двумя аутсайдерами, но ввиду чрезвычайной ситуации это было воспринято более чем благосклонно.

Главный Целитель Дионкет. Приветствую вас всех, друзья ренегаты и пацифисты! Отдельный мой привет брату-психокинетику Минанану, брату-принудителю Лейру, кои столь долго отсутствовали на наших тайных сходках, а также высокочтимому противнику…

Суголл. Союзнику.

Дионкет. К огромной нашей радости, оказавшемуся союзником лорду Суголлу, Властелину Луговой Горы и величайшему из так называемых ревунов… Братья и сестры, мы дошли до последней черты. Тебе слово, Мейвар!

Мейвар — Создательница Королей. Эйкен Драм в отличной форме. Юноша полностью активен, обладает всеми метафункциями, кроме целительских, поистине в невероятной степени. Убеждена, что ни среди тану, ни среди фирвулагов нет ему равных. Если не случится никакой катастрофы или массированной атаки воинского братства — чего быть не должно, — и если Эйкена Драма не признают недостойным по древнему нашему уставу, он через пять дней, к исходу Великой

Битвы, одержит победу над Тагдалом и Поданном и будет провозглашен королем.

Минанан Еретик. Человек… от горшка два вершка… Да к тому же шут, если не лжет молва… Что заставило тебя сделать столь странный выбор?

Мейвар. Я проверила его со всех сторон. Не без изъяна, не скрою, но у кого их нет? И все ж таки он самый достойный.

Альборан — Пожиратель Умов. Парень что надо. Отчаянный.

Бунона Воительница. И с огоньком.

Мейвар. Бывает жесток, но способен любить бескорыстно. Одним словом, я не отрекусь от своего выбора.

Изгнанник Лейр. Да, но он же человек и шарлатан вдобавок!

Катлинель Темноглазая. Ты сам когда-то сделал такой выбор, отец. И обе расы слились — на счастье или погибель.

Мейвар. Эйкен Драм даст начало активному поколению. Не столь многочисленному, какое могла бы произвести Элизабет с ее глубинным проникновением, но все-таки…

Главный Генетик Грег-Даннет. Не сомневайтесь, братцы! Генетический потенциал Эйкена

колоссален! Ноданн ему в подметки не годится. Стратег при всем его великолепии породил слишком мало человеческого потомства. А среди его гибридов нет даже ни одного кандидата в рыцари Высокого Стола, ни одного первоклассного чемпиона.

Блейн Чемпион. Да, но кто отважится указать Стратегу на его изъяны?

Сокрушенный смех.

Лейр. Вы видели, как этот парень дерется, я — нет. Но, честное слово, трудно смириться с мыслью, что какой-то человек… оборвыш с дурацким именем бросит вызов Ноданну!

Мейвар. Когда он победит на Главном Турнире, то, согласно нашим обычаям, получит другое имя.

Минанан. Ну, положим, этот ваш Драм одолеет Ноданна на Поединке — правда, я не столь кровожаден, как достопочтенная Созидательница Королей,

— но ведь вы хотите посадить его на трон. А кто же возглавит Гильдию Психокинетиков, кто будет губернатором Гории?

Дионкет. Верно подмечено. После кончины Себи Гомнола Гильдия Принудителей осталась без главы.

Лейр. Всемогущая Тана! Так вот зачем вы вызвали сюда Минни и меня?

Катлинель. На демонстрации сил ты наверняка побьешь Имидола, отец. До покойного Гомнола ему далеко.

Лейр. Так-то оно так, девочка, но не надо недооценивать противника. Имидол — не Алутейн, он едва ли удовлетворится простой демонстрацией. Он потребует, чтобы я выступил против него на Турнире.

Дионкет. Да, брат-принудитель, тут есть определенный риск, ведь Имидол молод. Однако сражаться надо не только оружием, но и умом, а твой ум нам известен. Если ты победишь и вновь войдешь в Высокий Стол, то ум твой будет служить миротворческой силой… независимо от того, кто станет Верховным Властителем.

Лейр. Да пропади оно пропадом! Это Минни — миротворец, а не я.

Альборан. Но ты тоже никогда не требовал истребления людей и гибридов

— в отличие от потомства Нантусвель.

Лейр. Оно конечно…

Катлинель. Я же знаю, отец, как бы ты ни любил состязания на равных, но всегда был против бессмысленной резни, которую учиняют наши

Охоты, или извращений на Отборочном Турнире, или неспортивной тактики, применяемой против врага человеческими борцами в торквесах.

Лейр. Да уж… Психические атаки серых, кавалерия — тьфу, грязь какая! Неудивительно, что враг озлобился и вступил в союз с первобытными.

Дионкет. Нельзя допустить, чтобы потомство управляло Высоким Столом. Мы взываем к тебе, Лейр. И к тебе, Минанан.

Мейвар. Мы на распутье, братья и сестры. Либо мы сами изберем свой путь, либо за нас его изберут.

Лейр. Гм. Может, я уже впал в маразм, но… где наша не пропадала, вызову я этого сопляка!

Мейвар. А ты что скажешь, Минанан?

Минанан. Вы имеете в виду, что в случае поражения Ноданна я должен присоединиться к вам и бросить вызов его преемнику, Сотрясателю Земли Кугалу? Хотите, чтоб я стал во главе Гильдии Психокинетиков?

Мейвар. У тебя достанет сил, ведь ты когда-то был Стратегом.

Минанан. Ну, с тех пор пятьсот лет минуло. И на меня снизошло озарение. Плохо ты меня знаешь. Создательница Королей, ежели думаешь, что я поступлюсь своими принципами и вновь

стану убийцей.

Дионкет. Даже ради того, чтобы положить конец смертоубийству?

Минанан. Даже ради этого.

Мейвар. Но главу Гильдии можно выбрать в результате мирной демонстрации силы, не обязательно на Турнире.

Минанан. Пока Тагдал у власти — едва ли.

Мейвар. А если наша фракция добьется перемен под эгидой нового короля?

Минанан. Тогда другое дело. Но что-то не очень верится в такие перемены. Во всяком случае, до той поры я вас покидаю, братья и сестры. Удаляюсь в свою пустынь. Прощайте! (Уходит.) Бунона. До встречи, брат Еретик! Когда наша фракция возьмет власть над Многоцветной Землей, я тоже заброшу воинское искусство и стану вышивальщицей.

Альборан. Самое милое для тебя занятие! Особенно после того, как ты поохотилась на Делбета вместе с Эйкеном Драмом!

Бунона. Попридержи язык, брат-принудитель! Надо же щадить чувства Создательницы Королей!

Мейвар. Да я и не строю иллюзий насчет верности моего человеческого протеже. Насквозь вижу

его, со всеми пороками.

Дионкет. Помоги нам Тана, если ты заблуждаешься.

Лейр. Вот именно! Что, если твой прохиндей затеет свою игру, как только мы посадим его на трон?

Блейн. Тогда всем нам одна дорога — к Минанану, в Каталонскую пустынь.

Мейвар. Нет, он достоин, поверьте! При нем настанет новая эра на Многоцветной Земле! Единственное, что вызывало сомнения, — связь с Гомнолом, но его уже нет. Теперь, когда врата времени закрыты, мы постепенно добьемся освобождения серых, положим конец позорной эксплуатации женщин, ликвидируем Охоты и восстановим мир между тану и фирвулагами. То, о чем при Тагдале и Ноданне даже мечтать нельзя было, станет реальностью при Эйкене Драме.

Суголл. Не пора ли поговорить еще об одном племени, населяющем нашу землю?

Грег-Даннет. О да, послушайте! Блестящая идея! Просто грандиозная, с точки зрения евгеники! Логично и элегантно! Я едва не умер от восторга, когда Кэти со мной поделилась. Разумеется, она и Суголл станут лишь прообразом того, что воспоследует в результате разрушения старых расовых

предрассудков. Уверяю вас, эффект будет почти идентичен вливанию генов Эйкена с целью совершенствования метапсихического фенотипа…

Лейр. Какого черта он тут болтает, этот бесноватый?

Катлинель. Он говорит обо мне и Суголле, отец. О слиянии всех трех генофондов.

Лейр. Кэти? Ты хочешь сказать, что ты… и фирвулаг?

Катлинель. Ревун, папа.

Суголл. Тело мое, разумеется, иллюзорно. Как все мои подданные, я мутант. Но Кэти приняла меня таким, каков я есть. И пусть между нами не будет недопонимания, будущий тесть. Послушайте…

Лейр. О всемилостивая Тана!

Грег-Даннет. Их дети будут прекрасны. Во всяком случае, в плане умственного развития. Я нынче же ночью отбываю с ними на север, чтобы исследовать тератогенез в естественных условиях и попытаться произвести некоторую коррекцию. Но как бы там ни было, о чудовище судят по его поступкам.

Лейр. Кэти… ох, Кэти!

Дионкет (обнимает ее). Благословляю тебя, сестра! И тебя, властитель ревунов! Ты увозишь

с собой цвет нашего Высокого Стола. Пусть ваш союз послужит связующей нитью!

Суголл. Тройственной нитью! Мы на это уповаем. Прощайте! (Уходит с Катлинель и Грегом-Даннетом.) Бунона. Не отчаивайся, Лейр. По крайней мере, она не попадет в мясорубку. Теперь твоя единственная забота — Имидол… А я, честное слово, завидую ей. Фирвулаг-то очень даже ничего…

Мэри-Дедра. Значит, нам останется только ждать победы Эйкена Драма?

Альборан. Кое-кто из нас примет непосредственное участие в его победе. Для Главного Турнира ему надо будет собрать отряды под своим знаменем. У Эйкена немало поклонников, особенно среди гибридов. Но во главе отрядов должны стать доблестные капитаны. Мы с Елейном предлагаем себя.

Бунона. И я.

Лейр. А, черт! Почему бы и нет? Раз уж мир летит к чертовой бабушке, то и я вместе с ним… правда, есть одна традиция, которую никто еще не дерзнул нарушить. Я говорю о привилегии воинов! Что скажете, братцы? Как насчет небольшой разминки перед Великой Битвой?

Альборан+Блейн+Бунона. Да здравствует привилегия воинов! Неучаствующие не допускаются!

Выкатывайте бочки! (Уходят.) Дионкет. У нас есть другие заботы.

Крейн. Позволь напомнить тебе, лорд Целитель: кое-что должно быть исполнено нынешней ночью.

Мейвар. Мэри-Дедра, ты захватила с собой все, что нужно?

Дедра. Так точно, леди Создательница. Вот она, золотая шкатулка.

Мейвар. Дедра — женщина, ей оно не причинит вреда. Открой и покажи его нам, дитя мое.

Дионкет+Крейн. Ах!

Дедра. Элизабет нашла его под фундаментом Гильдии Принудителей. Видимо, сам лорд Гомнол спрятал его там — от греха подальше. Никто не видел, как мы доставали его оттуда.

Крейн. А правда ли, лорд Целитель, что инструментом из кровавого металла можно безболезненно снимать торквесы с людей?

Дионкет. Так мне сказала Элизабет, а ей — сама мадам Гудериан. С помощью железа они освобождали на севере как серебряных, так и серых. А уж насколько безболезненно — зависит от индивидуальной реакции. Мы вручим инструмент Сьюки и будем надеяться, что ее внушения окажется достаточно. Когда беглецы попадут в

безопасное место и Сьюки убедится, что ей не надо больше принуждать Стейна для его же собственного блага, она спилит торквес и навсегда освободит мужа от влияния тану и от умственного прослушивания.

Мейвар. Но мы дадим бедняжке и другую возможность. Таково желание нашего будущего короля.

Дионкет. Понимаю. Золотой вместо серебряного, что она теперь носит. Она сохранит метафункции и в то же время будет свободна, как ее неокольцованный спутник. То есть выбор будет за ней… Да, скажу я вам, этот некоронованный принц — сущий дьявол!

Мейвар. Уже за полночь. Пора действовать.

Крейн. Пойду за ними. Мне они доверяют — даже Стейн.

Дионкет. Куллукета нет — пирует с потомством до срока. Так что риск минимален. А Элизабет уже ждет на вершине горы.

Дедра. Элизабет?

Мейвар. Пришлось несколько изменить план спасения Стейна и его жены. Судно сразу же привлечет внимание. А воздушный шар Элизабет сможет выдержать троих.

Элладотерий, что тянул коляску по склону, едва

не издох от ужаса, увидев, как над вершиной горы под легким западным ветром колышется огромный шар.

— Крейн! — окликнула Элизабет. Она стояла рядом с корзиной. Ее красный комбинезон и алый шар казались почти черными в мертвящем свете луны.

— Помоги Стейну идти, Элизабет. Сьюки, давай руку.

— Сама дойду, — возразила Сьюки, вылезая из экипажа. — Просто я подумала, что безопаснее будет усыпить Стейна…

— Я держу его, — сказала Элизабет. — Шар готов. Слава Богу, Сьюки, что ты такая маленькая. Нас слишком много, поэтому пусть лучше твой викинг спит, пока мы летим.

— Элизабет… — произнес Крейн надломившимся голосом.

— Оп-ля, Стейн! Э-э, Сьюки, не трогай эту постромку! Она ведет к клапану подачи горячего воздуха, чтобы нам подняться.

Высокий гуманоид застыл возле коляски с полумертвым элладотерием.

— Элизабет!

— Да, Крейн? — Она подошла к нему, думая, что он хочет попрощаться.

— Бреда… поручила мне объяснить, что… ни она, ни кто-либо из нас этого не планировали. Поверь мне! Ее поместили в камеру рядом со Стейном и Сьюки… и я невольно увидел, как мало разума осталось в ней, несмотря на то, что тело не пострадало. Битва наверняка погасит эту искорку, независимо от того, уцелеет ли она физически. Памятуя о вашей дружбе, я посоветовался с Бредой. Она сказала, что выбор за тобой.

Он приподнял кожух. На полу коляски, свернувшись калачиком, лежала Фелиция, хрупкая и беззащитная, как ребенок.

— Ты могла бы немного подпитать шар и научить Сьюки управлять им. Для Великого Магистра — минутное дело. И риск совсем невелик…

«Бреда!»

«Слышу тебя, Элизабет.»

«Твои проделки?»

«Крейн сказал тебе правду! В моем предвидении ничего подобного не было. Это проделки Богини. Или Бога.»

«Нет! Нет! О, будь ты проклята!.. И все вы!..»

Невидимый шар взмыл ввысь над залитой огнями Мюрией. Набирая высоту в районе Большой лагуны, он наткнулся на встречный воздушный

поток. Полууправляемый летательный аппарат вздрогнул и полностью изменил направление. Вместо Корсики-Сардинии его отнесло к Гибралтарскому перешейку.

3

Они ждали рассвета.

Тану, фирвулаги и люди в торквесах, облаченные в великолепные доспехи, собрались в долине, подернутой жемчужной дымкой: в память о туманах Дуата творцы обоих воинских братств натягивали на поле битвы перламутровую пелену. В неподвижном воздухе раздавался низкий трубный звук

— это зрители-фирвулаги вперемежку с тану и людьми исполняли древнюю увертюру к Битве.

Армия фирвулагов — обсидиановые доспехи, подбитые золотом и драгоценными камнями, — стояла огромной, в двадцать тысяч голов, толпой. Карлики, гиганты и дюжие парни среднего роста — все сбились в кучу. У некоторых были штандарты с загадочными эмблемами, прочие же вытащили из ножен оружие. Капитаны сгрудились близ обращенной к востоку мраморной платформы, воздвигнутой для великих из обеих рас. На противоположной ее стороне застыли в ожидании воины тану. Презрительно взирая на беспорядочное скопище своих собратьев, они выстроились стройными колоннами по Гильди-

ям. В первые ряды батальона экстрасенсов среди высоченных чемпионов затесался маленький выскочка. Его стеклянные с золотым подбоем доспехи были украшены аметистами и алмазами желтой воды, а плащ, в отличие от прочих, был черный с фиолетовой оторочкой. Он высоко вздымал знамя со странным символом.

На востоке сквозь густой туман забрезжил свет. Звякнула стеклянная цепь, требуя тишины.

Леди Идона отделилась от группы высоких особ и подняла к небу руки. Позади Покровительницы Гильдий стояли Тагдал и Йочи; монарх тану красовался в драгоценных бело-голубых доспехах, фирвулаг — в черных, с алмазной огранкой.

— Первый день начинается! — провозгласила Идона и отступила в сторону, кланяясь обоим королям.

Тагдал взмахнул рукой. Стратег Ноданн и юный Шарн-Мес, отставший на полшага, как подобает представителю проигравшей в прошлом году стороны, также подошли поприветствовать властителей. Ноданн держал на вытянутых руках стеклянное оружие, похожее на большие двуручные мечи обеих племен, лишь с тем отличием, что от сверкающей плетеной рукоятки вел тонкий провод к ящичку, укрепленному у пояса

Стратега.

Сияющий, словно Аврора, Ноданн официально преподнес Меч Тагдалу. Король отклонил его с той же торжественностью.

— Будь нашим наместником. Разверзни небо для Великой Битвы.

Стратег повернулся к востоку, поглядел на затянутое дымкой солнце и поднял фотонное оружие. Изумрудное сияние прорезало низко нависшую серую толщу и открыло проход солнечным лучам, озарившим сперва их глашатая, затем обоих королей и стоящего за ними генерала фирвулагов и, наконец, всех высоких особ на платформе. Воины и зрители вместе затянули песню; небесный хор тану оттеняли более низкие и звучные голоса фирвулагов. Прорыв в облаках расширился, точь-в-точь как на протяжении долгих тысячелетий на туманной планете Дуат, где древние соперники привыкли употреблять как умственную силу, так и лазерные лучи, чтобы обеспечить солнечную погоду для ежегодных ритуальных войн.

Песнь отзвучала. Плиоценовое небо засверкало голубизной над Серебристо-Белой равниной. Борцы и зрители взорвались могучей здравицей, и первый день Битвы начался.

Фелиция проснулась в полной неподвижности.

Физической. Умственной. Чувственной.

Она полулежала на дне какой-то тесной кабины, прижатая к телу растрепанной женщины в золотом торквесе, которую она никогда прежде не видела. Над нею, словно статуя Геракла, нависал глядящий куда-то в сторону знакомый гигант; в мозгу у него была звенящая пустота.

Нет, это был не он, не ее ненавистный «возлюбленный».

Из-под грязной зеленой туники торчали человеческие волосатые ноги. Талию обхватывал инкрустированный янтарем пояс. Могучие сгорбленные плечи, руки, уцепившиеся за край корзины, белокурые волосы — во всем этом было что-то знакомое.

Вверху над вибрирующим полотном сияло голубое небо.

Что это? Новое развлечение ее палача? Но ум его уже не был в ней. Он ушел, а она осталась. Причем ей вернули силу.

У оплетки был странный замысловатый рисунок, и от нее исходил такой жар, что воздух искрился на много метров вокруг. Оплетка облекала туго надутую форму и крепилась к надувному же контейнеру, вместившему в себя троих людей. От обширного кольца, окаймлявшего отверстие

красной пасти, отходили серебряные провода, которые также вели к их почему-то открытой тюремной камере. Увидев над головой толстую полку, она подтянулась и прочла надписи на приборном щитке:

h — 2104,3 S, km — 2596,1 t — +19 опл. — 77 (зел.) P атм. — 17,5 PO FX 37.39N, 00.33E Gd SP — 66,2 H — 231 F рез. — 2299.64HR ZT — 07:34:15

Она, Стейн и незнакомая женщина находятся в шаре Элизабет.

Свободна!

Фелиция вскарабкалась на ноги и стала рядом с неподвижным человеком. В воздухе ни ветерка, никакого движения, но, если напрячь слух, можно расслышать почти неуловимый треск горячего воздуха, вибрирующего в полууправляемом аппарате, и тоненькое дребезжание открывающейся и закрывающейся вентиляционной решетки.

Свободна, а ум ее…

Кончики пальцев коснулись холодного серого обода на шее. Фелиция улыбнулась, отомкнула застежку, сняла серый торквес, вытянула руку через борт корзины и выбросила его в глубокую бездну Пустого моря.

А теперь расти, маленькая, взлелеянная крупица!

Такая тусклая, такая обманчиво слабая искорка ее разума засияла под сводом черепа. И поток психической энергии вырвался наружу с головокружительной силой. Руины, трещины, осколки, оставшиеся от работы палача и пророчившие безумие (так, во всяком случае, полагал опытный целитель Крейн), разом смыло этой волной. И на их месте уже возвышалось во всей красе новое фантастическое здание — непреднамеренный дар «возлюбленного». Здание ширилось, наполнялось, перестраивалось прямо в процессе роста. За несколько секунд умственный посев развился в зрелый, действующий психический организм. Она едина, целостна, активна. И все это дело его рук! Благодаря ему она снова обладает принудительными, психокинетическими, творческими, экстрасенсорными способностями. Стремясь к уничтожению, он породил жизнь. Сокрушив ее почти до основания, он насильно вдохнул в нее Единство (по крайней мере, в этом бедняжка Амери оказалась права).

Она блаженно парила в воздухе. Любовь и благодарность наполняли ее жилы. Никогда она не любила его так горячо, и мозг пронизывала одна-единственная мысль: как выразить ему свою благодарность? Выйти на телепатическую связь?

Нет, пока рано. Она обязательно свяжется с ним. Но после. Чтобы и «возлюбленный», и вся его родня, пока живы, узнали, на что она способна.

Надо только избрать средство.

Она окинула взглядом безбрежные просторы. Дорога в Мюрию, на Серебристо-Белую равнину для нее закрыта. И тем не менее она сразится с ними, только не по отдельности, а со всеми вместе. Покончит со всеми разом…

Внизу Южная лагуна сужалась, переходя в Длинный фиорд, что в эпоху раннего плиоцена пролегал близ Картахены. Молочные воды, тускло поблескивающие в утренних лучах, уже поглотили ее серый торквес. По солончакам тянулись черные полосы окаменевшей лавы. На участках, где с Бетских Кордильер стекали бурливые реки, побережье было испещрено коричневыми и желтыми пятнами ила. По правую руку вставал Авен; полукруг Драконовой гряды все еще виднелся в легкой дымке. Где-то за ней раскинулся большой город Афалия с прилегающими плодородными плантациями.

Там люди-рабы надзирают за еще более закабаленными рамапитеками или извлекают руду из недр. Смогут ли они опознать движущееся по небу пятнышко? Вряд ли, но на всякий случай

она сделала невидимым шар, пустив в ход свое иллюзионное рукомесло. Фирвулаги?.. Может, и есть там дикари-одиночки, не пожелавшие почтить своим присутствием Великую Битву, но на такой высоте фирвулаги их не достанут, а телепатический сигнал тоже не сумеют подать: в этом они слабаки. Тану?.. Нет, все тану на Битве. Вся их свора собралась на солончаках Пустого моря…

Вот так-то!

Решение пришло внезапно, благословенное, как второе дыхание; задача нелегкая, даже для нее, при всей вновь обретенной силе. Но ей поможет Стейн. Он был бурильщиком земной коры и наверняка знает строение почвы и зоны геологических разломов.

Она улыбнулась ему. Ярко-синие глаза викинга, невидяще устремленные вперед, каждые пять секунд медленно моргают. Элизабет зорко следит за цикличными ритмами опустошенного, отдыхающего мозга. Фелиция невольно залюбовалась работой великого мастера: все вредоносные узлы серого торквеса надежно отключены, действует лишь инстинкт самосохранения. В подкорке Стейна наблюдаются серьезные дисфункции, но их можно устранить.

А эта малютка?.. Ясное дело, его жена. Фелиция

незаметно пробежала по тайным закоулкам спящего ума Сьюки и нашла там глубоко запрятанную мотивировку для Стейна. Ага, теперь он не откажется помочь ей в истреблении тану.

Она снова глянула вниз. Глубокий синий фиорд змеился по древней области, связывающей Европу с Африкой. Эта часть Средиземноморского бассейна сложена сплошь вулканическими породами. К западу от фиорда простираются обширные низины (позднее их назовут Костадель-Соль), а среди них — Большое Гнилое болото с массой островов, к одному из которых причалила когда-то яхта Брайана и Мерси. Еще дальше видны пляжи и залитые солнцем солончаковые пустоши. Среди голой пустыни грозно курилось жерло действующего вулкана Альборан. У его подножия зиял глубокий испарившийся бассейн; за вершинами просматривался хребет Кордильер, что соединял два континента узким и обрывистым Гибралтарским перешейком.

Берега фиорда поросли редколесьем. Чем не местечко для привала? Мило и уединенно.

Еще раз обследовав ум Сьюки, Фелиция выудила оттуда несколько простых приемов, необходимых для того, чтобы опустить шар на землю: тепловая коррекция, торможение, подъем

вентиляционной решетки, — и добавила к ним собственное управление низкими воздушными потоками, грозившими отнести летательный аппарат в сторону. Туда! В ущелье под прикрытием вулканического утеса. Сквозь золотистую почву пробивается зеленая травка. Дно корзины коснулось этого ковра, чуть вздрогнуло и застыло в неподвижности. Удерживая шар на месте, она дернула за нужный шнур, и избыточный горячий воздух с шумом вырвался из трепещущего алого чрева. Нормальный человек спрыгнул бы на землю, чтобы скрутить и закрепить набухшую оплетку. Фелиция же обуздала ее мастерски приложенной психокинетической силой. Еще одно умственное касание — и опрятно сложенные оплетки и мешок перевесились через борт корзины.

— Просыпайтесь! — звонко крикнула Фелиция. — Завтракать пора!

Брайана заперли в комфортабельном двухкомнатном номере, в башне Гильдии Корректоров. Спальня, углубленная в склон горы, была без окон, зато в гостиной имелся балкон, выходящий на сады, оливковые рощи и пригородные домики, что тянулись от окраины Мюрии до резиденции Бреды у оконечности мыса. Прямо под ним

расположена Серебристо-Белая равнина, хотя, конечно, отсюда ему не удастся увидеть Битву: по воздуху до поля километра три, и его заслоняет береговая кромка полуострова. Но чем выше всходило солнце, тем отчетливее представали Брайану отдельные гелиографические вспышки, а налетающий ветер, казалось, доносил отдаленные раскаты грома и музыку.

Доктор антропологии Гренфелл был глубоко разочарован тем, что не посмотрит Великую Битву, хотя и удовлетворился объяснением экзотического красавца Куллукета, заявившего, что ему надлежит сыграть особую роль на завершающем празднестве, поэтому он не должен до срока появляться на сцене. Но какой антрополог не мечтает поприсутствовать на ритуальном действе, и Брайан, чья специализация заключалась в изучении статистики и других не слишком красочных аспектов культуры, был в душе поклонником впечатляющих зрелищ. Ему так хотелось полюбоваться на стилизованное столкновение двух экзотических рас, а вместо этого сиди вот здесь, в унылой монастырской келье, да потягивай разбавленный «Глендессарри», в то время как человеческое и гуманоидное население Мюрии наслаждается спортивной разминкой на искря-

щихся под солнцем солончаках.

Она проникла сквозь запертую дверь, увидела его на балконе и рассмеялась.

— Мерси!

— О эти глаза! Мои любимые удивленные глаза!

Золотисто-вишневое видение подбежало и, встав на цыпочки, обвило руками его шею. Ее головной убор был так затейливо расшит, что Брайан ощутил себя птицей, пойманной в фантастическую, мелодично позвякивающую клетку. Золотистые волосы были спрятаны под усыпанный каменьями тюрбан, и она показалась ему какой-то чужой, незнакомой. Леди Гории, жена богоподобного Стратега, кандидат в главы Гильдии Творцов — да, все это она. Но где же его леди?

— Глупенький! — усмехнулась Мерси.

Щелчок — и она предстала перед ним в простом длинном платье с фотографии, которую он носил у сердца.

— Так лучше? Теперь узнаешь?

Он привлек ее к себе, и снова (как всегда) началось парение среди ослепительного света, а потом провал в черноту, откуда возвращаться с каждым разом становилось все труднее.

Они сидели рядом на диване в тени балкона, и Брайан, очнувшись, рассказал ей про снимок, что помог ему ее отыскать, и про странную реакцию тех, кому он показывал фотографию. Оба посмеялись.

— С тех пор, как компьютер впервые выдал мне твой портрет, там, в «Приюте у врат», я все старался представить себе твою жизнь в плиоцене. И знаешь, что мне рисовалось? Ты, твоя собака, вокруг овцы, земляника и тому подобное. Словом, самая настоящая пасторальная идиллия… Временами даже воображал себя Дафнисом, а тебя Хлоей — да простит мне Бог такую банальность.

Она со смехом поцеловала его.

— Но все ведь было совсем не так, правда?

— Ты в самом деле хочешь знать? — Все еще замутненные от пережитого экстаза глаза цвета морской волны сияли опаловым блеском.

Он кивнул, и она поведала, как это было: как экзаменатор в Надвратном Замке был потрясен, затем напуган результатами ее теста, как все вокруг были потрясены. Как ей оказали беспрецедентную честь и по воздуху доставили в Мюрию, где сами рыцари Высокого Стола подтвердили ее невероятный творческий потенциал.

— Было решено, — продолжала она, — что после

того, как Тагдал наполнит мое чрево королевской милостью, меня отдадут Ноданну. Он явился за мной, думая заполучить еще одну человеческую любовницу. Но когда мы встретились…

Холодная улыбка тронула губы Брайана.

— Чаровница!

— Нет. Просто Ноданн разглядел у меня в мозгу не то, что у других… А еще увидел любовь. Но он не только из-за этого сделал меня своей настоящей женой.

— Ну разумеется, — сухо отозвался Брайан, и она вновь рассмеялась.

— Мы с ним не столь романтичны, как ты, дорогой мой.

Не столь человечны, прошептал голос у него внутри.

— Мы еще не успели достигнуть Гории, как поняли, что созданы друг для друга. Он взял меня в жены, устроил феерическую свадьбу, которая как будто была осуществлением моих самых удивительных снов. О Брайан! Если бы ты только видел! Все одеты в розовое, золотое, цветы, пение, радость…

Он прижал Мерси к груди и через ее голову устремил взор к горизонту, где мелькали отраженные вспышки. Он знал, что ему суждено

умереть за нее, но это уже не имело значения. Ее сказочный любовник — ничто, ее метапсихические силы — ничто, даже ее неизбежное восхождение в Высший Стол теперь не суть важно. Маленькой частицей своего сердца Мерси его любит и поклялась, что он останется там до конца.

Она вернула его с небес на землю веселым сообщением:

— Дейрдра принесла щенят. Четверых. Они теперь бегают по всему дворцу, маленькие белоснежные резвые бесенята. К счастью, мы, тану, любим собак.

Он расхохотался, до сих пор не веря, что они здесь, сейчас, ярким солнечным утром, 31 октября, за шесть миллионов лет до их рождения.

— Хочешь, я покажу тебе игры? — сказала она и поспешно уточнила: — Ах, нет, милый, я не могу взять тебя на Серебристо-Белую равнину — еще не время. Но я могу воссоздать для нас обоих картину того, что там происходит. Это будет как на стереоэкране плюс все ощущения. Мне не надо возвращаться туда до завтра, до демонстрации сил.

— Ты выступишь против Алутейна?

— Да, любовь моя. Но я его одолею, не бойся.

Бедняга очень устал, ведь ему уже три тысячи лет. Представляешь, он признался Ноданну, что готов к закланию!

— А Тагдал? — спросил Брайан. — Ведь Эйкен и Ноданн встретятся на Битве. И победитель бросит вызов Тагдалу. Едва ли Ноданн станет считаться с отцом после победы над Эйкеном Драмом.

Глаза Мерси живо блеснули, но она тут же отвела взгляд.

— Конечно, не станет. Если мой лорд победит, в чем я не сомневаюсь, он сядет на трон и восстановит старые порядки. А то все слишком далеко зашло.

На миг в нем одержал верх ученый.

— Мерси, старые порядки восстановить невозможно. Приход людей, наполнение экзотической культуры нашей технологией, гибридизация рас — все это необратимо! Должен же он понимать!

— Типун тебе на язык, Брайан! Чтоб я больше не слышала таких речей! — Она взмахнула рукой, и далекий Турнир предстал в прозрачном воздухе за перилами балкона. — Давай смотреть — это так возбуждает! А в перерывах ты будешь любить меня снова и снова… И твоя чувствительность цивилизованного человека не пострадает, потому что в первый день смертельные схватки не

предусмотрены. Насилие, но только ради спортивного интереса.

— Так я, по-твоему, цивилизованный человек? — Смеясь, они упали в подушки.

Вокруг них разворачивался Отборочный Турнир: рыцарские поединки тану, гонки в шарабанах, бега иноходцев, состязания грубых фирвулагов в метании копий и булав, бои со свирепыми плиоценовыми чудовищами, в которых представителям всех трех рас позволялось применять только физическую силу и природную хитрость (Брайан с трудом поверил своему затуманенному взору, когда увидел противника гигантской обезьяны), захватывающая драка дев-воительниц, уже с применением не только оружия, но и жутких иллюзий (танускам, фирвулажанкам и женщинам в золотых торквесах не разрешалось только обезглавливать друг друга, чтобы силу побежденных можно было восстановить в Коже, к третьему дню Битвы, когда пойдет настоящая драка).

Брайан и Мерси смотрели спектакль весь день и часть ночи — кто же спит в ночь Великой Битвы? Мерси оказалась права насчет воспламенявшего их возбуждения, и когда она собралась уходить, он уже так насытился ею, что не мог подняться

с дивана.

— Вот видишь, ты нашел то, что искал, — заметила она, целуя его в лоб. — И будет только справедливо, если я тоже получу свою долю, верно, милый? Жди, за тобой придут. А потом, когда все будет кончено, мы встретимся еще один, последний раз.

Вновь представ ему в своем великолепном придворном наряде, она вышла сквозь запертую дверь, как и вошла.

4

Под оглушительные вопли болельщиков гонки в шарабанах подошли к концу, венки из цветов украсили шеи выкрашенных в голубой цвет иноходцев, за чем, разумеется, последовали вручение призов и королевская акколада. Лишь букмекеры проявляли вполне понятное раздражение: не то чтобы исход скачек был предрешен, но, спрашивается, из какого расчета можно принимать ставки против королевы? Ведь ясно, что заключительная победа будет за ней.

— Мои поздравления, Нанни, — проговорил Тагдал, целуя жену, когда она выпрыгнула из плетеной позолоченной повозки. — Ты опять утерла им нос, старушка!

Однако он не захотел смотреть ни бег юниоров тану по пересеченной местности, ни парусную регату людей и гибридов, для которой Фиан — Разрыватель Небес специально пригнал бриз — и благородные леди попадали наземь под яростными порывами ветра. Она уговаривала его посмотреть, как фирвулаги мечут копья, или танец с мечами — вдруг кому-нибудь невзначай пропорют брюхо или отрубят ступню? Но даже

эти маленькие развлечения не прельстили короля.

— Лучше, Нанни, я пойду в павильон, отдохну малость. Настроение что-то паршивое.

Она последовала за ним. Как только они уединились за белым шелковым пологом, Нантусвель поставила метапсихические экраны, заглушив карнавальный гомон. Они сами накрыли для себя стол, так как рамапитекам вход на Серебристо-Белую равнину был заказан из опасения, что их нестойкие умы не выдержат эмоциональной встряски, а серым и голошеим слугам, по давней традиции, на время Битвы давали отпуск, чтобы они могли посмотреть игры и сделать свои ставки.

Тагдал ел без аппетита. Его тревога была настолько очевидна, что Нантусвель в конце концов уложила сиятельного супруга на походную кровать и применила свою личную королевскую терапию. В последовавшем почти бессвязном бормотании он поведал ей все дурные новости. О дезертирстве Катлинель и генетика. О донесении из Гильдии Корректоров — что оруженосец Эйкена Драма Стейн бежал вместе с его последней неблагодарной наложницей, и Фелицией, и… даже Элизабет.

— Грядет беда, Нанни. Тяжелые времена настали, а будет еще хуже. Эйкен Драм клянется, что ему ничего не известно о побегах, но кто ему поверит? Куллукет и Имидол в один голос заявили, что маленький ублюдок говорит правду! Однако если не Эйкен освободил пленников, то кто? И где Элизабет? Она больше не работает с целителями! Сбежала с Фелицией? Или прячется, чтобы воссоединиться с Эйкеном Драмом во время Битвы?

— Ну что ты, Тэгги, конечно, нет. Элизабет неагрессивна. Риганона установила это с первого дня, как только женщина прибыла в Мюрию.

Но король, не слушая, продолжал бушевать:

— А чертова Кэти? Мерзавка — после того, как мы возвысили ее, посадив за Высокий Стол и все такое! Сбежала, подтвердила все, что говорил Ноданн по поводу неверности гибридов! Одной Тане ведомо, зачем она взяла с собой Грегги, но в компьютерном зале все вверх дном.

— Уж не думаешь ли ты, что Грегги умудрился достать копию отчета Брайана? — встревожилась Нантусвель.

Тагдал пожевал усы, заплетенные в причудливые косички.

— Тогда он себя поставил в хорошенькое положение! И нашим и вашим хочет потрафить,

играет против середины. Человеческой середины! А знаешь, кто стоит там у руля и смеется над всеми нами?..

— Грегги — душка, он слишком прост, чтобы стать пешкой в интригах Эйкена Драма, даже если б юнец и оказался способен заварить такую кашу.

— Ха! Насчет простоты Чокнутого Грегги мои сомнения уже давно рассеялись. А Эйкен популярен среди нашей мелкой знати, не заблуждайся. Ты не посмотрела, в каком секторе он будет биться с обезьяной?

Королева потрясенно взглянула на мужа, потом захихикала.

— С гигантопитеком? Ох, Тэгги! Ну и умен же ты, дьявол! Я не должна пропустить такое зрелище!

— Кому охота! — буркнул король. — У шута вся толпа в кармане, даже теперь, когда дело еще не дошло до кровавых событий. Ублюдок им нравится, помяни мое слово! А вот Начнет он свое шоу, пустит в ход проклятые метафункции — так они и вовсе будут его боготворить. Как пить дать, он прорвется через Главный Турнир, привлечет под свое знамя кучу народу и добьется участия в Поединке Героев.

— Какую кучу? Горстку человеческих дилетан-

тов и гибридов!

Тагдал покачал головой.

— Да перед ним по меньшей мере трое рыцарей Высокого Стола стоят навытяжку. Контингенты Ронии, Каламоска, Геронии, Вермеска — все за него. Мейвар по всем провинциям раззвонила про его золотые яйца!

— Нет, никогда не изберут они такого клоуна противником Ноданна!

— Надо смотреть правде в глаза, Нанни. Метафункций у нашего сына Стратега хватит и на меня, и на моего отца, и на моих предков черт знает до какого колена, вместе взятых. Но как производитель он, мягко говоря, не тянет. А ведь они о чем мечтают, эти провинциалы: сильные гены, более многочисленное потомство, прирост населения, чтобы и впредь одерживать победы над ордой фирвулагов… Нет, надо быть реалистами. Если Эйкен выйдет живым из Главного Турнира, то он будет сражаться с Ноданном на Поединке. А в случае победы все паскудное братство единогласно объявит его Стратегом. И тогда уж моей заднице несдобровать.

— Ноданн не допустит победы Эйкена Драма, — возразила королева. — Он твой законный наследник. В случае необходимости он сможет

воспользоваться древней привилегией и взять в руки Меч.

Тагдал свесил голову и признался ей, что у Эйкена есть Копье.

После чего они долго сидели рука об руку, и каждый в отдельности созерцал свой крах, пока наконец оба не пришли к выводу, что страшно умирать в одиночку, вместе — плевое дело. На том и успокоились.

Путешественники решили отдохнуть денек на берегу фиорда. Фелиция заверила Сьюки, что враги не заметят их за воздвигнутыми ею барьерами. Затем она предложила Сьюки обследовать ее мозг, полюбоваться на новорожденное чудо. Все, что знала Сьюки о бывшей хоккеистке, было из вторых рук, от Стейна. (Так, значит, ребенок с огромными карими глазами и в рваной кофте и есть та силачка, с которой Стейн познакомился на постоялом дворе?) Все недоверие Сьюки рассеялось в ауре добродушия и ласковой силы, что сияла в мозгу Фелиции.

Однодневная передышка, решила Сьюки, поможет им найти путь друг к другу, привести себя в божеский вид и принять разумные решения на будущее. А главное — даст возможность провести деликатную операцию по удалению у Стейна

торквеса.

Обоюдоострые стальные напильники обнаружили в одном из ящиков.

— Я сумею исцелить его ум даже без торквеса, — смущенно объясняла Сьюки Фелиции. — Там есть несколько травм, с которыми и Элизабет справиться не в силах, понимаешь? Это старые увечья, усугубленные торквесом. Их исцеление — вопрос не столько целительского искусства, сколько… любви.

У Фелиции вырвался смешок.

— Ну, Стейн, ну, счастливчик! Хочешь, я поработаю напильником, чтобы ты могла полностью сосредоточиться на целительстве? А если потребуется, я утихомирю его.

Сьюки благодарно кивнула. Обе склонились над Стейном; тот лежал на земле, широко открыв глаза. Когда спилили торквес, великан закричал. Но заботливый ум Сьюки был начеку со своими успокоительными приемами и направил его психоэнергетику по каналам, подготовленным Элизабет. По идее, у Стейна не должно было возникнуть серьезных послеоперационных травм. Аномальные цепочки и все следы злоупотреблений, пережитых в результате ношения торквеса, рассыпались, стерлись перед целительной силой

любви. Стейн Ольсон выжил во всей своей личностной целостности.

— Теперь все будет нормально, — сказала Сьюки. — Я разбужу его.

Он очнулся. Долгое время они не видели никого и ничего, кроме друг друга.

Фелиция оставила их вдвоем и пошла изучать ландшафт — пористые блоки лавы, массы слежавшегося пепла, чахлую растительность. Только много часов спустя, когда одежда была выстирана, когда Стейн, в свою очередь став утешителем, вывел Сьюки из короткой истерики, вызванной воспоминаниями, Фелиция как ни в чем не бывало затеяла разговор о планах геноцида.

Они сидели вокруг небольшого костра, созерцая удлиняющиеся вечерние тени. Охотница показала свое нехитрое искусство, подстрелив маленькое существо, напоминающее вислоухого американского зайца. Они изжарили его на вертеле, а на десерт полакомились биопирогом из припасов Элизабет и терпким диким виноградом. Стейн и Сьюки обнялись и умиротворенно переваривали пищу, даже не слыша, о чем толкует Фелиция.

— …фабрика торквесов практически не пострадала, поэтому третий этап плана мадам Гудериан

остался невыполненным. Человечество все еще пребывает в рабстве. Закрытие врат времени не помеха этим ублюдкам. Вы меня понимаете? Тану достаточно только отменить запрет на человеческое воспроизводство — вот вам и источник потенциальных рабов! Думаете, люди подчиняются гуманоидам только из-за торквесов? Черта с два! Видели бы вы, как скулили неокольцованные ренегаты после того, как мы взорвали Финию! Тупицы предпочитают жить под властью тану!

— Можно полететь в Бордо, — сказал Стейн жене. — Ричард предположил, что там тоже есть племя виноделов, подобное первобытным мадам Гудериан. Только они не воюют железным оружием. Просто живут на свободе, как лесные братья. Я бы построил нам маленький домик…

— Ты что, не слушаешь меня? — прервала его Фелиция.

— Слушаю, Фелиция, слушаю. Оставайся с нами. Мы с Сьюки тебе многим обязаны. Как и остальные люди в изгнании. Все, чего ты добилась вместе с твоими друзьями…

— Ничего я не добилась, Стейн. Пока существует фабрика, ни один человек, в торквесе или без, не свободен от рабства. Имейте в виду: преда-

телям, носящим торквесы, железо не страшно. Они не более уязвимы, чем любой голошеий. Стоит Летучей Охоте увидеть с воздуха скрытое человеческое поселение, и тану пошлют серых сделать черное дело.

— Проклятье! Неужели негде укрыться? Не все же тану умеют летать. Воротилы вроде Ноданна будут рыскать на севере в поисках осиного гнезда Гудериан, а в Бордо не сунутся. Это надежное местечко. Ричард все думал, где бы обосноваться, и еще на постоялом дворе потолковал с одним геологом. Я тоже присутствовал… Одним словом, мы остановились на Бордо. Местность там заболоченная, но есть хорошие, высокие островки. Ричард считает…

— Знаешь, где теперь Ричард? — мечтательно улыбнулась Фелиция. — Нет? Так я тебе скажу. Вращается на полуразбитой машине по орбите за сорок девять тысяч километров отсюда вместе с мертвым телом своей дамы. То и дело смотрит на приборы и смеется. И впрямь смешно, как поглядишь, что за видок у него. К тому же запас кислорода кончается.

Сьюки, словно очнувшись, вырвалась из объятий Стейна.

— Фелиция! Как ты можешь насмехаться? Ведь

Ричард — он же твой друг!

Впервые Сьюки осмелилась провести глубинное исследование. Но умственный ланцет корректора сломался о безупречно гладкую поверхность. Сьюки тихонько вскрикнула от боли.

— Не надо этого делать, милочка. Мегаактивный ум либо открывается по своей воле, либо нет. Так что поделикатнее со мной, или тебя в Содружестве не обучили правилам хорошего тона? На Ричарда мне наплевать. Равно как и на тебя, жена-целительница… А вот Стейн мне нужен… потому что я нашла новый эффективный способ навсегда избавиться от рабства.

Стейн и Сьюки во все глаза уставились на нее.

— Я хочу стереть с лица земли ублюдков тану. И момент сейчас самый подходящий, когда все они собрались в одном месте. А вдобавок, в качестве премии, и фирвулагов хорошенько пощипаем. Мы с мадам Гудериан никогда не доверяли маленьким паршивцам.

— Если ты намерена устроить еще один штурм Мюрии, на меня не рассчитывай, сестричка, — отозвался Стейн.

— О нет, Стейн! Ничего похожего. — Она погладила пальцем ложбинку на шее. — Вот здесь был золотой обруч. Он наделил меня сверхъ-

естественной силой. А потом меня схватили, срезали торквес и хотели уничтожить. Но пытки обернулись обратной стороной, тану не поняли, на кого нарвались. Мучения возвысили меня до полной активности. И никакой торквес не нужен. Я теперь ничем не уступлю метапсихологам из Галактического Содружества. А мой психокинез и творчество сильнее, чем у кого-либо из великих тану.

— Ишь ты! — хмыкнул викинг. — Ну давай, лети на Битву и добудь там себе титул королевы мира!

На губах у Фелиции опять появилась мечтательная улыбка.

— Я придумала кое-что получше. Только мне нужна твоя помощь… Я открою затычку на Гибралтаре и впущу Атлантику в Средиземноморский бассейн. А ты покажешь, где заложить взрывчатку, чтоб все было наверняка.

У викинга вырвался восхищенный возглас:

— Утопить их всех, как крыс в бочке? Вот это да!

— Стейн! — надрывно крикнула Сьюки.

— Заманчивая перспектива, правда? — самодовольно проговорила Фелиция.

— Нет! — снова закричала Сьюки.

Он прижал ее к себе.

— Не глупи, малышка. За кого ты меня принимаешь? Там ведь люди, в Мюрии. Элизабет, Раймо… и Амери, и два парня, которых схватили вместе с тобой. И даже поганец в золоченых портках. Ему бы под зад коленом — это точно, но не утопить же!

— Эйкен Драм почти наверняка победит Нодонна в Битве и станет королем. Думаешь, он закроет фабрику? Освободит рабов, лишит себя верных подданных? Не смеши меня!

— А остальные, черт возьми!

— Амери, Бурке и Бэзил тяжело ранены — все равно что мертвы. Единственный способ их спасти — завернуть в Кожу. А чего ради тану станут это делать? Они просто заживо сварят их в Реторте — и все дела.

— Но Раймо… Брайан! — протестовал Стейн.

Фелиция засмеялась.

— Они тоже пропащие. Скажем, отжили и отлюбили. Что касается Элизабет, она сможет спастись, если захочет.

Брови Стейна резко сошлись на переносице.

— Но ты должна ее предупредить. Она помогла Сьюки спасти меня. Она отдала нам свой шар.

Маленькая спортсменка отмахнулась.

— Ладно, пошлю ей телепатическое предупреждение, когда все будет на мази и она не сумеет меня остановить.

— Стейн, не смей! Она… она не человек.

— О да, — согласилась девушка, помешивая прутиком угли костра. Шалаш из тлеющих сосновых веток обвалился, подняв сноп оранжевых искр. — Но тану и фирвулаги тоже. Первых море смоет полностью, от вторых останется маленькая управляемая горстка. Свободным людям еще придется воевать с носителями торквесов во всех городах материка. Но, истребив власть имущих, разрушив фабрику, мы хотя бы получим шанс… Вы получите шанс.

Не глядя на жену, Стейн сказал:

— Сьюки… она права.

— Любимый, а как же те люди, что в Мюрии? Они утонут!

Он поморщился.

— Все, с кем мне приходилось иметь дело, были до мозга костей верны тану.

— Но Фелиция хочет убить сотню тысяч живых существ! Ты не можешь помогать ей, Стейн! Не можешь… если я хоть что-то для тебя значу. Она безумна! Она целую неделю была в лапах у Куллукета. Этого достаточно, чтобы… — Сьюки

осеклась, закусила губу.

Фелиция осталась невозмутимой.

— Тебя он тоже пытал, дорогая. Ты же не сошла с ума. Она рассказала тебе, Стейн? О допросе, проведенном по приказу королевы? Разве ты не хочешь отомстить мучителям Сьюки?

— Стейн знает обо всем, что сделал Куллукет! — вскричала Сьюки. И вдруг ужас сковал ее: он не знает о…

— А Тагдалу ты не хочешь отомстить, Стейн?

— Королю? — озадаченно переспросил викинг. — А ему-то чего? Он вроде добрый старикашка. Мы славно поохотились на Делбета.

— Не надо, Фелиция! — взмолилась Сьюки. — Не смей!

— Твоя жена скрыла от тебя то, что случилось с ней перед допросом, не так ли, Стейн? Она не хотела, чтобы ты натворил глупостей и чтоб тану… или кто другой… навечно заткнули тебе рот. Спроси Сьюки, откуда королеве стало известно про диверсию.

— Не слушай ее, Стейн! Она лжет!

— Разве я лгу, Сьюки? Оно же все там, у тебя в памяти. Жаль, что на Стейне уже нет торквеса, а то бы я и ему показала. Ты тщательно прячешь эти воспоминания, но я все равно их прочла.

В твоем маленьком раболепном подсознании осталась крупица памяти. И ты хочешь передать ее Стейну, поделиться с ним. Одно лишь подозрение, одна возможность… обвинить.

— Пожалуйста, — прошептала Сьюки, — не делай этого со Стейном!

— Обвинить? — Викинг наморщил лоб. — Да как я могу обвинить Сьюки в том, что она выдала планы нападения? Это я не должен был ничего ей говорить. Даже Эйк меня предупреждал. Я виню себя… виню его за то, что…

— Идиот! — прошипела Фелиция. — Да разве за это. За ребенка!

Сьюки спрятала лицо на груди у Стейна и плакала тихо, безнадежно. Руки великана безвольно повисли вдоль ее тела. Он как будто увидел что-то в глубине догорающего костра. Точно бы вспыхнул комочек смолы.

— Король Тагдал, — наконец выговорил Стейн. — Несмотря на обещания Эйкена, и Мейвар, и Дионкета… Он заполучил Сьюки.

— Когда она уже была беременна от тебя. А некоторые женщины в первые недели должны быть особенно осторожны… пока плод хорошо не закрепился. Так что теперь ты знаешь, кто виноват.

Сильные руки обхватили дрожащую фигурку. Стейн не глядел ни на Фелицию, ни на жену. Он уставился в огонь.

— Надо будет произвести разведку с воздуха. Ты можешь направить шар, куда захочешь?

— Конечно.

— Тогда завтра… — Он помолчал и повторил: — Завтра на рассвете.

Элизабет вернулась в комнату без дверей.

Больше ей некуда было идти, не могла же она пассивно ждать, пока потомство до всего докопается и прикончит ее. С момента отправки воздушного шара на нее настроилось слишком много первоклассных экстрасенсов, чтобы удалось как-то иначе сбежать с Авена. А Супруга Корабля со всей очевидной искренностью заявила, что она не в состоянии переправить ее в безопасное место средствами телепортации. Как жаль, сетовала Бреда, что сама Элизабет не сильна в психокинезе!.. Какое-то время Элизабет верила ее оправданиям.

Но потом двуликая лицемерка выдала себя. Ее судьбоносное предвидение

— если б только Элизабет помогла окончательно его прояснить! Кто-то из них

— или обе — должен сыграть свою роль… И

если они исследуют это с помощью Единства, то наверняка узнают правду.

Дионкет предлагал ей укрыться в недрах Горы Героев. Но она знала, что даже естественный скальный заслон недостаточен, чтобы скрыть ее от враждебных умов. Ноданн собрал их более сотни и очень тонко скоординировал. Если кто-то из них обнаружит ее во время сна, то ей уже не проснуться.

Только в комнате без дверей она защищена от них. Что до Бреды… против ее назойливости тоже есть способ… Прочь, фальшивое Единство! Прочь, двуликая искусительница с твоим лживым пролепсисом, что ведет к новым злоупотреблениям. Элизабет не приемлет утешения, если за него надо платить ценой ответственности. В такой варварской, чуждой ее метапсихическому уму обстановке она не может брать на себя ответственность. В изгнании человеческие существа всегда будут терпеть поражение от гуманоидов. А она слишком устала, слишком морально издергана, чтобы приговорить себя к ожиданию в шесть миллионов лет.

Внутренний голос Бреды продолжал взывать: «Ты нужна нам! Всем трем расам! Только взгляни — ты увидишь, как все это будет. Взгляни и

утешься.»

«Не стану я смотреть. Не дам себя использовать. Однажды ты уже обвела меня вокруг пальца, чтобы достичь полной, направленной активности. И не ради своего народа, как уверяла, а чтобы захомутать меня! Чтобы и дальше искушать своими соблазнами, о сакраментальное двуличие! Но я не стану для тебя панацеей, инопланетянка! К такой роли принудить нельзя. И тебе нечем меня утешить. Мое утешение за шесть миллионов лет, а эта плиоценовая теосфера насквозь бесчеловечна и не допускает реинкарнации. Оставь меня в покое. Оставь…»

Обернутая огненным коконом, Элизабет уплыла вдаль. Мольбы Бреды звучали все слабее, слабее, пока не утонули в мертвой тишине.

5

— В наше время ширина пролива была всего лишь двадцать пять километров, — сказал Стейн Фелиции. — И это после того, как шесть миллионов лет его бороздили океанские течения. Ты не сможешь проделать одним взрывом такую впадину.

Они перегнулись через борт корзины. Красный шар, удерживаемый в неподвижности психокинетической силой девушки, завис на высоте триста метров над Гибралтарским перешейком. Вершины гор были скруглены эрозией. В долинах рос кедровник. Ближе к Атлантике перешеек горбился дюнами и поросшими травой холмами, но со стороны Средиземноморья головокружительным эскарпом обрывались голые шероховатые скалы, переходящие в более гладкие отложения Альборанского бассейна.

— Судя по данным альтиметра, высота гряды всего двести шестьдесят восемь метров. Если, как ты говоришь, перешеек напичкан пещерами, словно швейцарский сыр, то я смогу его взорвать. По-моему, он и сам давно должен был рухнуть от естественных причин. А вот восточный контр-

форс вроде спускается ниже уровня моря.

— Мы видели Гибралтар с моего спутника, — улыбнулась Сьюки, глядя в голубое безоблачное небо. — Называли его местом, где Европа целуется с Африкой. Все мы очень сентиментальны, когда речь идет о Земле.

Фелиция не обратила на нее ни малейшего внимания.

— Так где, по-твоему, мне следует нанести первый удар? Насчет взрывной волны не тревожься: я поставлю вокруг нас непробиваемый щит. Что, если начать вот с того маленького выступа?

— Ты что, дура? — воскликнул он. — Тебе нужна настоящая приливная волна или струйка, чтобы наполнить ванну и дать им всем время унести ноги?

— Ты видел мой спутник в ночном небе, когда работал в Лиссабоне, а, Стейн? — спросила Сьюки. — Там, высоко-высоко над мирами?

— Гидравлический удар! — сказал Стейн, стукнув правым кулаком по левой ладони. — Вот что нам нужно, детка! Большая водяная масса. Поток, который прорвется из Южной лагуны на Серебристо-Белую равнину и вмиг затопит поле Битвы.

— Точно! — заявила Фелиция. — Я продырявлю перешеек сразу в нескольких местах. Проход

должен расшириться и впустить биллионы тонн воды! Всю Атлантику!

— Мы там у себя часто смотрели на Землю, — продолжала Сьюки. — Особенно те, кто никогда на ней не бывал. Обитатели спутника в четвертом поколении, как я. Странно, что она так нас притягивала, правда? Ведь на нашем прекрасном спутнике было все, что душе угодно.

— То-то и видно, что у тебя вместо головы задница! Даже если ты прорoешь несколько каналов, то в лучшем случае расширишь проход на пять-шесть километров. О'кей, море вырвется, и ты получишь самый адский водопад в истории. Но Мюрия за тыщу километров отсюда! А ты видала тот здоровенный высохший бассейн между этим местом и Альбораном?

— Ты хочешь сказать — он поглотит всю воду?

— Наш маленький уютный спутник… На внутренней поверхности цилиндра, в какой точке ни стань, центральная ось все равно оказывалась сверху. Иногда эта странность сводила с ума наших гостей-землян. Но мы привыкли. Человеческий мозг очень легко приспосабливается… Почти ко всему.

— Проклятый бассейн задушит нашу волну не далее как в субботу! Нет, радость моя, пока

рано бить по перешейку. Сперва надо вернуться на прежнее место и запечатать фиорд. Ясна картина?

— Создать дополнительный водный поток?

— Именно. Когда мы закроем фиорд, то старая вулканическая граница между Коста-дель-Соль и Африкой образует естественную плотину. Что-то вроде порога, может быть, в двести пятьдесят километров, но невысокого и не слишком широкого. Болото лежит севернее и питается притоком из той испанской реки. Какова глубина фиорда? Метров сто?.. Одним словом, если его перекрыть, получится очень длинная плотина. И не такая твердая, как скальные породы Гибралтара, — все больше пепел да лава.

— Ты не находишь, Стейн, что в Пустой Земле мы будем в большей безопасности, чем в Бордо? — заметила Сьюки. — Ведь еще не поздно…

— Я, кажется, поняла, — кивнула Фелиция. — Когда плотина обеспечит хорошую подпитку, я вскрою перешеек.

— А пупок не развяжется?

— Погоди, громила, увидишь. Ты уверен, что плотина продержится, пока мы сюда долетим?

— Должна. Если твои таланты — не одно хвастовство, то ты сможешь ее залатать, как только

она начнет трескаться.

— Решено! Айда к фиорду, и я вам покажу, на что способна. — Фелиция принялась манипулировать с тепловым генератором. Шар быстро набрал высоту.

— Но Фелицию мы не можем взять в Пустую Землю, — встревожилась Сьюки.

— Насилию нет входа в мирное царство Агарты. Туда являются только с добром. А что станется с ней, если мы ее покинем? Бедная Фелиция! Одна среди трупов!

Стейн ласково потрепал жену по плечу.

— Ты отдыхай, Сью. Вздремни чуток. Не тревожься о Пустой Земле и о Фелиции. Теперь я беру на себя все заботы.

У Сьюки задрожали губы.

— Жаль, Фелиция, что мы не сможем взять тебя с собой. Стейн теперь изменился. Стал мягкий, добрый. Его впустят. А тебя нет… Давай прямо сейчас полетим в Агарту, Стейн. Я не хочу больше ждать.

— Скоро полетим, — заверил он ее. — Поспи. — Он поудобнее устроил ее на полу корзины.

Творческие метафункции Фелиции столкнули две воздушные массы разного давления. Подул ветер с Атлантики, неся шар прямо к фиорду.

Глаза юной спортсменки сияли.

— Сейчас поддам газу, и мы поспеем туда до обеда. Ты уверен, Стейни, что эта штука сработает?

— Когда клинкерная дамба лопнет, оба потока вместе создадут страшный напор для узенькой Южной Лагуны. Старик Ной наверняка бы в штаны наложил.

Сьюки уткнулась лицом в ладони. В глубине черного кошмара сверкнул вдруг луч надежды. Элизабет! С помощью нового золотого торквеса, быть может, она сумеет…

«Дура!» (Сьюки передернулась.) «Ты что, думаешь, я не предвидела этого?»

«Ты не достанешь меня!»

«Да я так тебя стреножу, что ты плюнуть не посмеешь без моего ведома!»

«Там, куда я убегу, тебе ни за что до меня не добраться!»

«Предупредить их решила, да? Лживая дрянь! Да на дне своей глупой добродетельной душонки ты хочешь этого не меньше, чем я!»

«Нет, нет, нет!»

«Да, да, да!»

Бежать…

Сьюки потянула за собой Стейна, но без торквеса он уже не был послушен, как ребенок. Она

могла только просить, умолять, взывать к его не обремененному метафункциями разуму и надеяться, что он все-таки передумает, все-таки последует за ней.

Там, внизу, путь в Агарту, должно быть, еще открыт.

Хоть какое-то занятие, не требующее передвижения на сломанных ногах с грубо наложенными шинами!.. Бэзил, когда не спал, ковырял стену камеры ложкой из небьющегося стекла.

За семь дней он проделал ямку почти на пятнадцать сантиметров в длину, четыре в высоту и один в глубину. Во время одного из последних просветлений вождь Бурке наказал ему:

— Работай! Когда ты пробьешь отверстие, мы сможем выбросить наружу записку: «Помогите! Я пленник в крепости плиоценовой Земли».

Но на том и кончились его героические жесты; больше Бурке уже не выходил из беспамятства, в своих речах величал его не иначе, как «господин адвокат», и выкрикивал пламенные тирады, очевидно, припоминая свою судейскую практику. Бред Амери был не столь громогласным, она лишь выбирала более жестокие, мстительные псалмы, когда муки от ожогов становились совсем уж нестерпимы. На десятый день заключения

и монахиня, и американский индеец затихли: должно быть, уже не находили в себе сил говорить. Бэзилу оставалось (поскольку только один их его переломов был открытым и даже гангрена еще не началась) забирать баланду, подаваемую один раз в день через вертящееся зарешеченное окошко, обменивать полную парашу на пустую и ухаживать за умирающими друзьями, насколько это позволяла кромешная тьма.

Выполнив ежедневные унылые обязанности дежурного по камере, он усаживался ковырять прорезь для послания.

Иногда, превозмогая боль, Бэзил задремывал и видел сны.

В них он снова был выпускником Оксфорда, поклонником Изиды, спорил до хрипоты с другими студентами по поводу всяких эзотерических тонкостей и даже ходил в горы, но — увы! — ни разу не долез до вершины плиоценового Эвереста!

Возможно, и странная женщина лишь приснилась ему.

Она была одета в красное с черным платье из металлизированной ткани, все расшитое бисером, а на голове у нее красовался похожий на крылья бабочки головной убор в стиле пятнадцатого века, тоже весь расшитый. Строго говоря,

это была не женщина, но и не тануска, у нее словно было два лица — одно миловидное, другое странное, гротескное. Он тактично попытался предупредить ее о параше, когда она проникла сквозь каменную стену в камеру и наполнила ее невыразимым сиянием, но, как все видения, незнакомка лишь загадочно улыбнулась.

— Что ж, чем могу быть полезен? — спросил Бэзил, приподнимаясь на локте.

— Как ни удивительно, вы действительно можете быть полезны, — отозвалась та. — И вы, и ваши друзья.

— Вот это вряд ли, — вздохнул Бэзил. — Вы же видите, они, так сказать, на смертном одре. А моя левая нога, кажется, уже отмирает. Там, где торчат наружу осколки малой берцовой кости, уже чувствуется гнилостный запах.

Из дорогого, как и весь ее наряд, заплечного мешка она извлекла довольно увесистый рулон тонкой прозрачной пленки, вроде полиэтиленовой. Без церемоний опустилась на колени среди мусора, плесени и экскрементов и начала заворачивать бесчувственную Амери в эту пленку; когда монахиня была упакована, точно вырезка в мясной лавке, незнакомка проделала то же самое с вождем Бурке.

— Да нет, — запротестовал Бэзил, — они пока еще дышат. А так задохнутся до смерти.

— Кожа приносит жизнь, а не смерть, — ответила странная посетительница. — Вы нужны мне живыми. Теперь усните и не бойтесь, когда проснетесь, на вас уже не будет серых торквесов.

Не успел он рта раскрыть, как она и его окутала пленкой, и сон о ней улетел куда-то вместе с Амери, Жаворонком, узилищем и всем прочим.

Пока Фелиция готовилась к взрыву фиорда, Стейн заново переживал свой плиоценовый опыт, как какую-то несостоявшуюся драму.

Все, что он испытал здесь, было еще более диким и ярким, чем та карнавальная шутка, благодаря которой его схватили в расцвете юности, отшвырнули прочь с дороги, сбросили в какой-то колодец; но если подумать хорошенько, жизнь в изгнании оказалась дьявольской фикцией. Кровопускание в Надвратном Замке, лихорадочная вереница снов, достигшая своего апогея во время глубинной коррекции Элизабет и Сьюки, банкет-аукцион, битва со зверем на арене, убийство танцующей хищницы, охота на Делбета — бред! Он ждал, что со дня на день, с минуты на минуту его участие в этом шоу окончится, он снова облачится в костюм викинга и выйдет че-

рез временной портал в реальный мир двадцать второго столетия.

Даже сейчас, когда он пошел на поправку и ум его вновь обрел способность оценивать события, какой-то отдел мозга отказывается воспринимать полет на воздушном шаре иначе, как продолжение долгого сна. Там, внизу, раскинулся красочный фиорд с берегами из разноцветной застывшей лавы. Бутафорские вечнозеленые растения свешиваются до самой воды. Маленькие островки с цветущими кустами и манговыми зарослями пестрят там и сям на зеркально-гладкой поверхности. Большая стая розовых фламинго добывает себе пропитание на мелководье.

Чушь собачья! Перед глазами так и маячит плакат:

НАСЛАДИТЕСЬ ДРЕВНИМ СКАЗОЧНЫМ НАСЛЕДИЕМ НА ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЛЕ ПЛИОЦЕНА!

Но пока он пребывал среди видений, Фелиция высунулась из корзины и нацелила палец.

Шар окутался защитной метапсихической пеленой. Но вспышка, сотрясение воздуха, облака черной пыли, фонтаны скальных обломков — все это не было бутафорией. Он видел и раньше подобные разрушения. Сам их производил. Взрыв

небольшого вулканического образования, выступающего из береговой кромки фиорда, потряс викинга так, как ничто не потрясало с момента, когда он спустился во врата времени. Глазами новорожденного младенца он взирал на вихри пыли и пара, на взбаламученное болото, на трупы птиц. Его сверхчувствительное ухо уловило рыдания Сьюки и взбудораженное хихиканье Фелиции.

Взаправду.

Рука машинально потянулась к проводам управления, увеличив подачу теплого воздуха из генератора. Они стали подниматься, и вскоре уже можно было в полном объеме созерцать сотворенное Фелицией. Фиорд был перегорожен камнями. Наметанным глазом бурильщика Стейн определил: разрушено не менее полумиллиона кубометров вулканической породы.

— Ну что, убедился?! — ликовала Фелиция.

— Ага. — Он отошел от края корзины с вновь возникшим ощущением связанных в тугой узел внутренностей и горечи во рту. Нагнулся погладить дрожащую Сьюки. — Убедился.

— Сейчас будем взрывать с другого конца, надо обеспечить надежную блокировку. Честно говоря, я не удержалась и ликвидировала эту

нашлепку. Все-таки первый удар! Правда, я мастерски заделала выступ?

— Мастерски заделала… — как в трансе, повторил Стейн.

— Вообще-то я боялась, ведь отсюда всего шестьсот километров до Мюрии! У них же могут быть сейсмографы или что-то в этом роде. Чего доброго, заподозрят неладное. Но один маленький взрыв вполне сойдет за землетрясение, верно?

— Конечно, Фелиция, конечно.

Сьюки, дрожа, вцепилась в него. Призрачный рокот — эхо чудовищного взрыва — все еще звучал среди окрестных холмов. Взаправду, все взаправду. Сьюки — не мираж. И Фелиция тоже.

Через некоторое время белокурая спортсменка выключила щит, и они снова очутились в естественной атмосфере. Она наполовину высунулась, махала руками, вызывая камнепад, и смеялась. Пыль оседала на термостаты и надувные стенки корзины. У Стейна слезились глаза и стучали зубы.

— Простите за бедлам, ребята! — Светловолосая богиня одним психокинетическим усилием разогнала облака пыли. — Тут закончили! Теперь на Гибралтар, займемся серьезным делом.

— Видишь, Стейн? — прошептала Сьюки. — Те-

перь ты видишь?

Но он не сказал ни слова, только еще крепче прижал ее к себе.

Красный шар опять полетел на запад, подгоняемый ветром по имени Фелиция. Над вершиной Альборана и соседних потухших вулканов, над пересохшим бассейном, через гряду Гибралтара в открытое море; завис над Атлантикой, чьи белые гребешки лизали берег, тянувшийся непрерывной полосой на юг от залива Гвадалквивир в Испании до Танжера.

— Иди сюда, Стейн, — приказала Фелиция. — Мы над океаном, здесь взрывная волна не достанет нас. Покажи, откуда начинать… Ну, шевелись!

— Иду, иду.

Сьюки что было сил ухватилась за край его туники. Он разжал ее пальцы.

— Нет, — умоляла она. — Не надо, Стейн!

— Лежи, — сказал он, целуя костяшки ее пальцев. — Не смотри туда.

Фелиция ухватилась за постромки и взобралась на корзину. Босая, она стояла над бездной и глядела в сторону берега.

— Ну давай, показывай!

Он показал.

— Вон там, севернее, такое прямое ущелье. А ты… ты умеешь заглядывать под землю? Видеть сквозь камень — как Эйкен?

Она ошарашенно посмотрела на него через плечо.

— Об этом я не подумала! Но если он мог… О-о! Какое смешное нагромождение света и теней! Точно бутерброды! Вот темный слой, вот пузырчатый, некоторые слишком мутные — ничего не видно. Просто чудо!

У него окаменела челюсть. Он отодвинулся подальше от Фелиции, насколько позволяло тесное пространство корзины; полка с инструментами вдавилась ему в позвоночник. На Сьюки он не осмеливался взглянуть.

Фелиция продолжала восторгаться:

— Ух ты, какие громады! Под твоим прямым ущельем огромная поверхность, идущая под уклон к югу. Что-то вроде стыка двух гигантских изогнутых скал.

— Да, излом континентальных плит. Бей сперва по верхнему слою ската. Взломай его весь. Тут нужна серия сильных ударов. Начинай как можно глубже под водой, потом, не выходя на поверхность, двигайся к берегу и зарывайся в холмы.

— Поняла. Приготовились! Пли-и!

Стейн зажмурил глаза. Он сам как будто спустился под воду, сидя верхом на своем буре в водолазном костюме и зорко следя за лазурной яростью. Когда ему приходилось взрывать, огромные куски планетарной коры откалывались или рассыпались в пыль. Защитные сигма-поля гасили приглушенный гром. Он пробивался сквозь литосферу, а экран геодисплея показывал ему структуру Земли в трех измерениях.

— Поддаются, Стейни! Уходят вглубь. А верхние нет. В чем дело? Верхние слои только сотрясаются. Перешеек по-прежнему твердый.

— Дура! А ты думала, будет так легко? Бей к северу от впадины. Глубже!

— Да ладно, не бесись!

Земля содрогалась. В картине Атлантики произошли какие-то изменения: волны несколько иначе отталкивались от небольшого мыса.

— Хватит, — сказал Стейн. — Теперь тащи этот сволочной шар в восточную часть перешейка.

Корзина ходила ходуном, но Фелиция, как кошка, уцепилась за сеть постромок. Казалось, некая магическая сила несет шар по небу. На километровой высоте он перевалил через Гибралтарскую гряду и застыл над высохшим Альборанским

бассейном.

— Загляни под скалы, — велел Стейн. — Как можно глубже. И скажи, что видишь.

— М-м… Сплошные тени. Огромная дуга между Испанией и Африкой. Верх ее обращен к Атлантике. Но трещины здесь совсем другие. Они уже не расходятся, как ответвления дуги. А там, в глубине, адово пекло.

— Держись от него подальше, черт бы тебя… Взрывай сверху. Но ниже уровня моря. Видишь, вон, где желтый слой? Прорывай туннель. Убери с дороги обломки. Бей по гротам. Сперва изнутри, потом обрушивай своды. Не растекайся по поверхности, главное — вглубь, двигайся в направлении излома, понятно?

Она кивнула, повернулась к нему спиной. Полыхнула ужасающая вспышка, за ней следом послышался непрекращающийся шум. Корзина слегка закачалась, когда девушка изменила положение, но двое пассажиров не почувствовали ни взрывной волны, ни запаха гари. Они безмятежно парили в воздухе, в то время как Фелиция перепахивала землю, из которой дождем летели камни. Восточный ветер гнал атлантические течения. Удар за ударом посылала Фелиция свою психоэнергию в земляной мостик, в самом уз-

ком месте составлявший примерно двадцать километров. Она пробурила длинную, но неширокую расщелину, если не считать места, где обрушились своды огромной пещеры, образовав воронку. Тяжелые каменные массы разлетелись в пыль, рассеиваемую ветром.

«Удар! Еще удар! Вглубь на пять километров. На десять. Рви, кромсай! Пятнадцать километров. Ба-бах! Теперь помедленнее, к самой сердцевине надломленного перешейка. Туда, где плещется в ожидании Атлантический океан. Ты устала, но останавливаться нельзя. Найди силы. В себе или еще где-нибудь… в другом пространстве, в другом времени. Кому какое дело, откуда ты черпаешь энергию? Только не отвлекайся. Бей! Ну, еще раз! Теперь уже близко. Еще разок… ну! Все, прорвалась!»

«Прорвалась?»

«Ха-ха, ну ты даешь, громовержица, норовистая девчонка из самых тупоголовых! Смотри, что ты наделала, дура чертова!»

«Трещина-то все мельче, силенок не хватило! Всего на метр ниже уровня моря. Атлантика плюет на тебя, играя с горячей шершавой поверхностью твоей дилетантской расщелины. Уже многие миллионы лет воды текут в этом

направлении мимо Пустого моря. Какой странный путь...»

— Фелиция, да ты что, ей-Богу! Кому нужна такая халтура? А ну-ка, выровняй скат!

Она скорчилась, держась за постромки. Действие метапсихического заслона ослабело. Вокруг них сгущались массы раскаленного воздуха, принося с собой запах скальной пыли и плавящихся минералов.

— Устала! Я так устала, Стейни!

— Заканчивай! Подводные скалы у излома уже полетели к черту! Не сдавайся! Бей, тебе говорят! Скала обрушится под давлением воды, если ты не прорoешь достаточно глубокую трещину. Где же твое рентгеновское видение?

Она не ответила, даже не послала его куда подальше, только покачивалась, закрыв глаза и цепляясь маленькими грязными ногами за борт корзины.

— Ну давай же, чертова стерва! — орал он на нее. — Нельзя вот так все бросить! Ты ведь клялась, что сможешь! Да, черт возьми, клялась!

Воздушный шар сотрясался под напором его ярости, его страха, его стыда. Вот именно — стыда!..

Фелиция медленно кивнула. Где-то надо найти

необходимую силу.

«Зови ее, ищи ее! Ищи среди беспомощных искр, что составляют Разум плиоценовой Земли. Та, что в тебе, теперь отгородилась, отвернулась, но ты это предвидела. И все остальные, что также помогали тебе на Роне, отступились, пытаются показать тебе иной путь. Но ты избрала другой источник энергии, такой яркий, такой рассветный, он не отвернется! В нем твое истинное Единство, в нем сила, уносящая тебя ввысь, и вглубь, и вширь. Прими его. Энергия поступает. Ты взнуздываешь ее своими творческими метафункциями, усмиряешь, подавляешь, преобразовываешь. И обрушиваешь вниз…»

Поскольку метапсихический щит совсем рассосался, шар подбросило вверх взрывной волной и отнесло в сторону. Стейн гортанно вскрикнул. Тела в корзине беспомощно, как куклы, подпрыгивали, их швыряло на надувные поверхности и друг на друга.

Оглушенные, Стейн и Сьюки катались по корзине, не в силах даже сцепиться руками. Толстая оплетка вздыбилась, ударила в горячую решетку генератора, но отскочила, неопаленная, и завращалась в бешеном вихре. Ввинчиваясь в небо, шар наконец вырвался из ионизированно-

го кокона. То, что несколько секунд назад было сморщенным, змеевидным алым пузырем, распрямилось, разгладилось. Шар поплыл в высоком и тонком воздухе, медленно восстанавливая равновесие.

Стейн наконец отважился подняться на ноги и выглянуть.

Внизу клубился океанский водопад.

Дым и пыль рассеялись, ему было хорошо видно, что произошло. Прорыв в перешейке на глазах расширялся. Коричневые и желтые скалы по обеим сторонам его таяли, как сахар в стакане чая. На востоке слепая лавина десятикилометровым фронтом вливалась в Пустое море. Сероватый покров тумана из загрязненных пылью брызг устилал дно Альборанского бассейна.

Он услышал голос Сьюки. Она вскочила на ноги и встала рядом с ним.

— Где?.. — спросила она.

— Наверно, умеет летать, — ответил он. — Как Эйкен. Поищи своим золотым торквесом.

Сьюки сжала теплый обруч, глядя вниз на яростные потоки, прорывающиеся к западу сквозь расколотый перешеек. Если только не подует ветер с суши, никто в Мюрии не разглядит дымовой завесы.

— Ничего, Стейн. Нигде нет.

Шар продолжал снижаться. Будто не слыша ее, викинг сверился с приборами.

— Три тысячи пятьсот двадцать восемь метров, курс ноль двадцать три. Еще один воздушный поток. Совсем близко к нужному нам направлению. — Он повертел ручку теплового генератора.

— Стейни, я должна сказать Элизабет!

— Хорошо. Но только ей. Больше никому.

Спидометр указывал на то, что они движутся достаточно быстро, но мужчине и женщине казалось, будто они повисли в ясном голубом небе.

— Она не отвечает, Стейн. Не пойму, что могло случиться! Я, конечно, не сильна в телепатической связи, но Элизабет всегда улавливала меня на нашем канале…

Он вздрогнул, схватил ее за плечи.

— Не смей вызывать остальных!

— Прекрати, Стейни! Я никого не вызывала! Больше никто и не сможет…

— Сьюки уставилась на него. Он открыл один из ящичков и что-то достал оттуда. — Ох, нет! — прошептала она.

— Я люблю тебя. Но этого тебе не остановить. Даже если бы Фелиция и не взорвала перешеек, наводнение все равно случилось бы. Пусть со-

трется весь этот кошмар. Элизабет… если она еще там, сумеет спастись. Не тревожься за нее. Ты ни о ком из них больше не должна тревожиться.

Холодный металл коснулся ее шеи. Искаженное, неумолимое лицо викинга расплывалось в ее затуманенных глазах.

— Не бойся, — сказал он. — Так будет лучше.

С превеликой осторожностью он просунул стальное лезвие под золотой обруч. И начал медленно пилить.

«Бреда! — закричал ее ум. — Бреда!»

Перепиленный торквес лопнул на горле, причинив боль. Но она все же услышала ответ:

«Успокойся, дочь моя, предначертанное да свершится.»

6

Второй день Великой Битвы начался первой смертельной схваткой. До открытия «врат времени» Отборочный Турнир служил для выявления способностей неофитов тану, но теперь в основном в нем принимали участие серые, поэтому он получил название Человеческой Схватки. Сотни мужчин-гладиаторов и небольшое число серых женщин дрались на уничтожение, используя все мыслимые приемы воинского искусства. Один сектор поля был разделен на маленькие площадки, с тем чтобы публика могла полюбоваться на кровавое зрелище с близкого расстояния. Для букмекеров наставал звездный час. Толпа болельщиков разочарованно гудела (особенно надрывались беженцы из Финии), узнав, что двое высоко котирующихся участников не будут выступать. Ни Стейн, ни овеянная недоброй славой Фелиция не появились в программе, и этому не было дано никакого объяснения.

Борьба продолжалась с зари до полудня в обстановке великой торжественности и завершилась ритуальной свалкой, напоминавшей об изначальной природе этого события. Серые

победители, не получившие ранений, удалились готовиться к завтрашнему Главному Турниру, в котором выступят бок о бок с серебряными, золотыми и серыми ветеранами против фирвулагов. Поверженных гладиаторов и дев-воительниц препроводили к госпитальным павильонам для помещения в Кожу. Горстку тяжелораненых, а также трупы оттащили к великолепному стеклянному сосуду, напоминающему отделанную серебром и черным крепом ложу, которая стояла у южного края поля на высоком и прочном помосте. Стены ее были прозрачны и несокрушимы.

Теоретически остаток второго дня следовало посвятить выбору лидеров Битвы путем демонстрации сил. Затем враги должны разделиться для ночного пиршества и обращения к Богине перед началом открытых военных действий. Однако на практике все капитаны были избраны сотни (или даже тысячи) лет назад и теперь просто заявляли о своем присутствии, дабы какой-нибудь выскочка не узурпировал принадлежащую им власть. Если кому-либо бросали вызов, обе стороны демонстрировали метапсихические силы и подвергались оценке воинством своей расы. Правящие чемпионы имели привилегию вызвать соперников на поединок с оружием

в руках и с применением метафункций в любой момент Главного Турнира.

Как сторона, проигравшая прошлогоднюю Битву, фирвулаги первыми представили своих капитанов. Королевский помост расширили до размера демонстрационного, а оба короля в сопровождении неучаствующей знати отошли в глубь его, чтобы их ненароком не зацепило, и уселись на троны. Соперникам надлежало направлять удары точно друг в друга, но были известны несчастные случаи, поэтому специальная команда из Гильдии Психокинетиков заняла позиции по периметру платформы, защищая толпу невидимой стеной. Затем лорд Маршал Спорта представил великих фирвулагов, которые просто выступили вперед, а когда никаких вызовов не последовало, удалились под аплодисменты трехрасовой публики.

Да, презентация лидеров маленького народа была почти формальной. Медор, Айфа, Галбор Красный Колпак, Скейта Устрашительница, Нукалави Освежеванный, Тетрол Костоправ, Блес Четыре Клыка, Бетуларн Белая Рука и, наконец, Шарн-Мес были встречены громом аплодисментов, и никто не посмел оспорить их первенства. В завершение, опять-таки согласно ожиданиям,

король Йочи объявил имя Стратега. Не молодого Шарна, который в течение последних двадцати битв исполнял эту неблагодарную миссию, но самого Пейлола Одноглазого.

Вспыльчивый гигант из числа первых пришельцев, в полном обсидиановом облачении, с жутким гребнем на шлеме, под гром приветствий взошел на помост. Многие тану, люди и даже фирвулаги еще ни разу не видели его в деле, поэтому теперь пошли разговоры о том, что силы его атрофировались без употребления. Разумеется, вызвать его никто не осмелился, но как фактический неофит он был обязан продемонстрировать собранию свои первичные метафункции.

Пейлол широко расставил ноги и вытянул руки-копья. Затем поднял голову, будто вглядываясь в высоко стоящее солнце. Забрало его шлема оставалось опущенным, но зрители знали, что под ним вовсе даже не один, а оба глаза. Первый представлял собой нормальное глазное яблоко с налитой кровью радужной оболочкой. Левый, как правило, прикрывала повязка, поэтому о его цвете никто не мог ничего сказать, но теперь он, вне всяких сомнений, был обнажен, подобно грозному оружию.

В небе появились тучи, вызванные непомер-

ной творческой силой старого великана. Густые, плотные, низко нависшие, они то и дело вспыхивали под неестественно багровыми молниями. Великан в черных доспехах даже не шевельнулся. Но, повинуясь его воле, забрало шлема медленно приподнялось.

Два фиолетовых разряда, волоча за собой громовые раскаты, слетели с облаков прямо в латные рукавицы Пейлола. В ответ на это из-под шлема вырвался алый луч, прорыл туннель в тучах, подобно тому, как пушечное ядро ударяет в стены снежной крепости, и солнце блеснуло в глазу Стратега. Забрало тут же опустилось. Небо вновь стало ярко-голубым.

— Слитсал, Пейлол! — хором воскликнуло рыцарство фирвулагов. — Слитсал, Пейлол Стратег! Слитсал!

Король Йочи поднялся с трона и прорычал:

— Доверяем Стратегу Пейлолу Одноглазому отстоять на Великой Битве честь нашего племени!

На том презентация фирвулагов закончилась, настала очередь тану. В прошлые годы маленький народ обычно пропускал эту часть программы, поскольку у всех подводило в брюхе, а стоять в теплых одеждах под неумолимым средиземноморским солнцем тоже радости мало.

Но сегодня никто не ушел. По слухам, в системе власти тану должны были произойти грандиозные перетряски, и никто из фирвулагов не желал пропустить столь захватывающего момента.

Все началось довольно мирно, поскольку вначале следовали представления низшего командного состава. Блейн, гибрид из Гильдии Психокинетиков, не получил вызова, за ним вышел Альборан — Пожиратель Умов, еще один полукровка, своими творческими способностями обеспечивший себе место в Высоком Столе. После них выступили леди Бунона Воительница в серебристо-зеленых доспехах и ястребином шлеме и Тагал Меченосец — эти двое отвечали в основном за подготовку серых воинов и были встречены овацией людей и гибридов.

После борцов настал черед глав гильдий. По древнему обычаю, они имели право не принимать участия в драке и посылать на поле битвы своих делегатов.

— Глава Гильдии Корректоров Главный Целитель Дионкет! — возвестил Маршал Спорта.

Высокая фигура в простом бело-красном одеянии спустилась на помост. В руках у Целителя даже не было оружия.

— Желает ли кто-либо оспорить его власть?

Желающих не нашлось. Дионкет знаком повелел высокому воину в рубиновых доспехах приблизиться и стать рядом с ним.

— Поручаю лорду Куллукету, Королевскому Дознавателю и моему заместителю, отстоять честь Гильдии на Великой Битве.

Оба удалились под гром приветствий тану и насмешливый ропот фирвулагов.

— Глава Гильдии Психокинетиков лорд Гории Ноданн!

Подошедший розово-золотистый Аполлон явно ожидал вызова. Но такового не последовало, и он также доверил своему заместителю и брату Кугалу — Сотрясателю Земли представлять Гильдию на Битве, так как сам присутствовал на ней в качестве Стратега. Когда эти двое сходили с помоста, здравицы тану звучали громче, людские — тише, ропот фирвулагов стал еще более язвительным.

— Глава Гильдии Принудителей лорд Себи Гомнол!

Шум толпы резко оборвался.

Сверкая доспехами, с трона поднялся Тагдал.

— Поскольку наш любимый сын Себи Гомнол призван в объятия Таны, объявляем пост главы Гильдии Принудителей вакантным и призываем

претендентов на его замещение показать свою силу!

Сапфировый титан Имидол взобрался на помост под радостные приветствия тану. За ним вышла еще одна высокая фигура; голубые доспехи и шлем были закутаны в плащ и капюшон из темно-бронзовой парчи. Маршал Спорта откашлялся.

— Великий король и отец! Благородное воинство тану! Перед вами кандидат лорд Имидол…

Крики, рукоплескания.

— А также изгнанник Лейр, предшественник Себи Гомнола на посту главы Гильдии Принудителей!

Под единый вздох толпы бронзовая накидка была отброшена. И низложенный лорд Принудитель предстал во всем великолепии рядом со своим грозным юным соперником.

Тагдал долго молчал. Конечно, он чувствовал, что носится в воздухе. Тысячи лет назад другой низложенный, изгнанный повелитель дерзнул вновь заявить свои права, так что прецедент уже имелся. Наконец король обратился к кандидатам:

— Продемонстрируете ли вы свою силу здесь или сразитесь на поединке?

По праву рыцаря Высокого Стола ему ответил Имидол:

— Мы будет сражаться в смертном бою в тот момент Главного Турнира, какой укажет Богиня.

Раздались жидкие аплодисменты тану, в то время как фирвулаги завопили и засвистели при виде явного замешательства врага. Принудители в голубых доспехах сошли со сцены.

— Глава Гильдии Творцов Властелин Ремесел Алутейн!

Старый толстяк в расшитом кафтане выступил вперед, и Маршал стал выкликать желающих бросить вызов. В воцарившейся тишине слышались хриплые крики чаек. Легкий восточный бриз вздувал серебристые волосы Алутейна и длинные усы, свисавшие с окаменевшего лица. Он глянул через головы толпы, словно бы созерцая бледную лагуну, пока еще безобидно подступавшую к Серебристо-Белой равнине.

— Я вызываю его, — сказала Мерси.

Толпа расступилась перед ней. Она вышла и повернулась лицом к Алутейну; на ней были облегающие парадные доспехи тонкой выделки из серебристого стекла, инкрустированного изумрудами. Голова Мерси была непокрыта, лишь узенькая изумрудная диадема венчала развеваю-

щуюся золотистую гриву.

— Великий Властитель! Лорд Творец! Благородные рыцари! — выкрикнул Маршал. — Перед вами кандидат Мерси-Розмар, леди Гории, супруга Ноданна Стратега.

— Демонстрация или поединок? — спросил Тагдал.

— Демонстрация, — заявил Властелин Ремесел. — Пусть принесут Крааль.

Обслуживающий персонал Гильдии Творцов поставил между Мерси и Алутейном ритуальный котел. Толпа фирвулагов, не в силах сдержать любопытство, придвинулась поближе к платформе и лихорадочно, в нарастающем ритме, жужжала, делая странные тональные паузы.

Звенела стеклянная цепь, безуспешно пытаясь восстановить порядок. Наконец Мерси дали возможность высказаться:

— Я, Мерси-Розмар, призываю лорда Алутейна на ваших глазах разрушить мое творение.

Юная нимфа и старый фавн скрестили взгляды поверх огромного котла. Легкое радужное сияние заструилось из обтянутых перчатками пальцев Мерси. В ответ из ладоней Властелина Ремесел потекла чернота, окутавшая не только разноцветную дугу Мерси, но и весь котел. У зрителей тану

вырвался торжествующий клич. Люди в торквесах и фирвулаги разочарованно заверещали.

Чернильная амеба достигла края платформы в опасной близости от фирвулагов, и мрамор зашипел, задымился, точно под воздействием экзоплазматической кислоты. Маленький народ разом отпрянул; психокинетики приняли оборонительную стойку.

Алутейн засмеялся.

Но что-то вдруг сверкнуло среди темной массы, словно редкостная зеленоватая звезда, прорезающая угольную туманность. Чернота рассеялась. В клубах пара над растворяющимся мрамором помоста все вновь увидели Мерси. Улыбка ее стала еще лучезарнее. Радужный вихрь устремился в недра Крааля, и оттуда полетели искры и звон. Черная волна отхлынула, угрожая своему создателю.

Властелин Ремесел вскрикнул. Здоровенный молот угрожающе навис над Мерси и Краалем. Но и это творение Алутейна оказалось бессильным. Разноцветный торнадо Мерси, вчетверо превышающий рост самого высокого тану, вставал из котла. От него полетели такие же радужные сгустки. Алутейн ловил их огромной черной сетью, бомбил психоэнергетическими разрядами,

загоняя обратно в котел или пытаясь обрушить на женщину. Но радуга ускользала от него и все ширилась, набирала силу, нависая над толпой…

На тану, фирвулагов, людей посыпалась манна, дождь ярких пузырей; их ловили, вскрикивали, находя внутри леденцы, охлажденные фрукты, маленькие восхитительные пирожные и прочие яства, как из рога изобилия сыпавшиеся на голодных ликующих зрителей всех трех рас.

— Сланшл, Розмар! Сланшл, благородная леди Творец! Сланшл!

Она стояла, опустив очи долу, полностью восстановив попорченный помост и одной серебряной рукой держась за край пустого котла. А толпа не унималась: ведь никогда прежде ни один творец не предъявил публике осязаемую органическую материю, которая и не думала исчезать. Астральные закуски Мерси были далеко не иллюзорны, это могли засвидетельствовать желудки тысяч зрителей! Поэтому талант неофитки был встречен восторженно не только в силу его новизны, но и в силу практической ценности.

— Поручаю лорду Велтейну отстоять честь нашей Гильдии на Великой Битве! — высоким чистым голосом воскликнула Мерси.

Тану устроили такой тарарам, улюлюкая отверженному лорду Творцу, что лишь немногие услышали вторую часть речи Розмар:

— Призываю Алутейна, бывшего главу Гильдии Творцов, выбрать между изгнанием из нашего благородного общества и закланием во славу нашей милосердной Богини.

— Заклание! — гордо ответил Алутейн.

Но от него уже все отвернулись, и он без эскорта проследовал к Великой Реторте и присоединился к ожидающим внутри приговоренным.

Вперед вышла Мейвар — Создательница Королей. Ей никто не бросил вызова как главе Гильдии Экстрасенсов, более того — никто не удивился, когда она назначила Эйкена во главе борцов Гильдии, кроме разве наместницы от потомства Риганоны. Наконец Верховный Властитель Тагдал провозгласил Ноданна Стратегом тану, и на этом манифестация закончилась.

С последним громовым приветствием толпа разбрелась по двум палаточным городкам, выросшим по обе стороны равнины. Остаток дня и часть ночи они проведут в пиршествах и развлечениях, пока рассвет не возвестит новый, третий день Великой Битвы — открытую схватку древней войны.

В каких-нибудь восьмистах километрах к западу от Серебристо-Белой равнины пауки, скорпионы и муравьи, обитатели Альборанского бассейна, миллионами захлебнулись в воде. Маленькие летучие хищники, такие, как осы и мухи, прожили дольше, улепетывая от подступающей соленой воды до тех пор, пока ночная влага не пропитала крылышки и не погрузила бедных насекомых в бушующую пучину.

7

До рассвета оставались минуты. Противоборствующие армии выстроились друг против друга в полной боевой готовности.

Превосходящие числом фирвулаги, как всегда, пешие, танцевали и подпрыгивали, сбившись в беспорядочные кучки вокруг своих капитанов, и напоминали стаи черных броненосцев. Таинственные штандарты с фестонами из позолоченных черепов трепетали на ветру, словно бросая вызов врагу, ибо победа в Битве определялась по числу захваченных знамен и слетевших голов. Маленький народ вооружился сверкающими мечами, остроконечными дубинками, цепями и алебардами самых причудливых форм. У фирвулагов не было луков, стрел и метательного оружия: оно, как и боевые халикотерии, противоречило их воинским традициям. У многих, правда, имелись копья, но фирвулаги не столько метали их, сколько пронзали уже поверженного противника, потому копья в прошлом не наносили большого ущерба иноходцам и тяжело вооруженным всадникам.

Немногие фирвулаги в преддверии Турни-

ра сумели удержаться от ткачества иллюзий. Призрачный крылатый змей взмыл над когортой, возглавляемой Карбри Драконономодобным. На другом конце поля зловонный взрыв сопутствовал появлению чудовищного циклопа, расплескивающего соль и гной под непристойные протесты товарищей по оружию. Возле берега катилась бесформенная зеленовато-желтая студенистая масса, изрыгая безумные вопли.

Силы тану встретили эту свалку с гордым и невозмутимым достоинством. В первых рядах стояли отряды кавалерии — серые, вооруженные луками, копьями, мечами, в бронзовых и стеклянных доспехах, с развевающимися плюмажами на шлемах, послушные умственным командам офицеров в золотых торквесах. За ними тянулись эскадроны пяти метапсихических Гильдий: как иноходцы, так и всадники ослепляли всех фосфоресцентным сиянием своих лат. Принудители и психокинетики составляли самый многочисленный отряд, творцов было поменьше, экстрасенсов и целителей — еще меньше, поскольку основная часть их на этом этапе Великой Битвы выполняла обслуживающие функции.

За Гильдиями следовали контингенты из различных городов — у каждого свой прослав-

ленный чемпион и свое знамя, которое ни в коем случае нельзя уступать врагу. Позже, когда Битва разгорится вовсю, как региональная, так и гильдийная сегрегация будет забыта, и бойцы станут стекаться под знамена самых отважных, самых ловких, умеющих не только нападать, но и обороняться.

Небо над Большой лагуной отливало золотом. Едва показался нимб солнца, от него полилось ярко-зеленое сияние, лишь секунд через двадцать сменившееся белым.

— Знак! Знак! — завизжала орда фирвулагов и бросилась вперед. От топота обсидиановых ног зазвенели, задрожали соляные пустоши.

Тану ожидали врага, вытянувшись полукругом, высоко подняв знамена и удерживая в узде иноходцев.

Солнце набирало силу. Ноданн Стратег взлетел на своем закованном в латы скакуне и сверкнул перед противником, будто солнечный диск. Умственному кличу вторил громовой голос на древнем языке тану:

— На бардито!

Стеклянные трубы в руках у воительниц заблестели. Семь тысяч усыпанных каменьями щитов зазвонили, словно колокола, когда в них

ударили плашмя стеклянные мечи. Дикие вопли фирвулагов перекрыл подхваченный рыцарями тану и их человеческими союзниками клич:

— На бардито! На бардито тайнел о погеконе! (Вперед, бойцы Многоцветной Земли!) Два войска схлестнулись, и началась трехдневная схватка умов и оружия. Имеющие уши да услышат гром Битвы высоко на склоне Горы Героев.

— В этом году все будет по-другому, — посулил Шарн-Мес Пейлолу.

Стратег фирвулагов в обличье черной шестиногой выдры с горящими клыками и когтями не отозвался; только опал размером с обеденную тарелку, прикрывающий его глаз, излучал недоверие. Ну конечно, он же не был в Финии!

Молодой и старый генералы, окруженные адъютантами, из-под маски своих иллюзий смотрели, как разворачиваются первые стычки. Но спустя час даже Пейлол вынужден был признать, что маленький народ держится на удивление отважно — словно бы новая, живая струя влилась в его кровь. Победа над Финией не только подняла боевой дух фирвулагов, но и заразила их новыми идеями.

Шарн в обличье трехметрового скорпиона-альбиноса, весь прозрачно-восковой, со светящимися

в полостях внутренними органами, мысленно указал на приближающихся всадников.

«Гляди, Стратег! Никаких больше тактических отступлений! Смотри, что сейчас будет!»

Эскадрон серых летел быстрее ветра на отряд из шестидесяти с лишним фирвулагов, а те, видимо, приготовились, по обыкновению упрямо и безнадежно, стоять до конца. Однако за секунду до того, как копыта втоптали в землю черные щиты, пехота вдруг рассыпалась и пошла пороть ножами незащищенные животы иноходцев и перерубать топорами уязвимые коленные сухожилия.

— Будь я проклят! — вскричал Пейлол.

Серая конница была вмиг опрокинута. Смертельно раненные животные сбрасывали всадников, отчаянно ржали и валились наземь с выпущенными кишками. У тану оставалась в резерве людская пехота, но маленький народ числом одерживал перевес в рукопашном бою, хотя серые были подчас физически сильнее и повиновались умственным приказам знаменосцев драться, не щадя жизни. Призрачные видения и прочая дьявольская нечисть то и дело врезались в гущу схватки. Воздух сотрясался от умственной пальбы. Офицер в золотом торквесе и голубых доспехах принудителя ухитрился свалить полдю-

жины фирвулагов, пока его не накрыла груда тел. Какие бы чудеса храбрости ни показывали тану, за фирвулагами оставалось явное превосходство.

— А эта задумка с конницей не так уж плоха, — признал Пейлол.

— Мы переняли ее у людей в Финии, — пояснил Шарн. — Один ремесленник из первобытных сказал, что такая тактика в традициях его этнической группы… А подсекать сухожилия предложила их монахиня — ты только представь! Она видела, как Моригель таким манером порешила Эпону.

— Моригель? Ворон? А-а, женщина-монстр, Фелиция! — Пейлол тряхнул страшной хищной головой. — Благодарение Тэ, она сошла со сцены. Ходят слухи, что вырвалась из объятий красавца Кулла и улетела на большом шаре, наполненном горячей кровью. Ох уж эти дешевые эффекты! Пускай бы только подольше оставалась там, куда ее черт унес.

Фирвулаги уже нацепили на пики тридцать отсеченных голов. Одну, в шлеме из голубого стекла с золотистым плюмажем, насадили на штандарт ее владельца. Забрало шлема было открыто, и мертвые глаза с легким удивлением уставились на перепачканное кровью голубое знамя.

Группа фирвулагов подбежала к командую-

щему.

— Что скажешь, Стратег? — рявкнул карлик, приплясывая вокруг Пейлола.

— Яви нам свое искусство, как в старые добрые времена!

— Спасибо, братцы, не подкачали! — прохрипела ужасающая выдра, проглотив ком в горле. — Я горжусь вами!

Пейлол сдвинул опаловый заслон с левого глаза и пронзил взглядом сразу несколько голов. Черепа сорвались, закружились, словно метеоры, над пиками воинов, затем упали наземь, сложившись пирамидой, на верху которой красовалась посрамленная эмблема. Каждый из черепов был облит золотом и представлял собой готовый трофей.

— Слитсал, Пейлол! — взревели фирвулаги и, размахивая оружием, бросились искать новой встречи с врагом.

Меж двух карликовых трупов лежал человек и притворялся мертвым в надежде, что ему удастся продержаться до заката, а потом улизнуть.

С превеликой осторожностью Раймо Хаккинен пощупал свой задранный кверху крестец. Стеклянная рукавица со звоном наткнулась на юбочку из набедренников, прикрывавшую его

тыл. Черт! Дырявая башка! Нет у него заднего кармана. И его доброй фляжки «Демерары» с Гудзонова залива давно след простыл. Даже воды не напьешься. Нечем утолить жажду, ежели, конечно, ты не вампир! Из прорези стеклянного розового забрала донесся всхлип.

Но в грохоте кипевшей вокруг Битвы никто этого не услышал.

Ясное дело, они его принудили.

Хохочущие танусские гиены утащили его с банкета, раздели до нитки и подобрали для его исхудалого тела подходящую психокинетическую сбрую. Серый лакей фыркал, натягивая на него исподнее: сперва хлопковую нательную рубаху и подштанники, затем прекрасно скроенный комбинезон из плотной газовой ткани, укрепленной плексигласовыми шариками размером с горошину, — хорошая штука, воздушная, непробиваемая, и весит всего несколько граммов. Шесть танусок сами обрядили его в доспехи из розово-золотистого стекла и наказали храбро сражаться и заслужить себе славу на Серебристо-Белой равнине. После чего он с непокрытой головой принужден был опуститься на одно колено, принять из их рук меч из розового небьющегося стекла и по очереди ублажить дам

единственно доступным при таком облачении способом. Пройдя через подобное унижение, «лорд Раймо» (как они ласково его называли) дал нахлобучить на себя великолепный шлем с козырьком, чем-то напоминающий зюйдвестку, вложил меч в болтающиеся сбоку ножны и, подталкиваемый в спину, поплелся к взнузданному иноходцу, который, судя по всему, так и рвался в бой. Попона на нем была выкрашена в ядовитый цвет фуксии с канареечными, вышитыми конским волосом узорами (пародия на геральдические цвета Гильдии). Не успел Раймо и глазом моргнуть, как очутился в седле и огромный скакун взял с места в карьер, так что бедолага едва не шмякнулся оземь и не отшиб свой чайник.

Но чудом ему удалось удержаться в седле, и в награду цепочки наслаждения отозвались шестью раздельными чмоканьями.

По освещенной факелами и украшенной знаменами улице, среди разряженных воинов и болельщиков, Раймо доехал до Серебристо-Белой равнины. Занимался серый рассвет. Дамы негромко и мелодично наигрывали на струнах его души, приводя в состояние эйфории. Но едва он достиг арены, из торквеса грянула бурная эпиталама и адреналин, впрыснутый в сердце, наполнил

его дикой злобой против врагов-фирвулагов, чьи полки маячили в предрассветных сумерках. Дрожа от азарта, Раймо влился в батальон серебряных психокинетиков.

Но войско целый час провело в ожидании. Оставшись без внимания дам, Раймо растерял весь боевой пыл, и в мозгу его восторжествовали остатки разума. Он очень скоро обнаружил, что за ним не следят, никто его больше не принуждает: видно, ведьмы забыли передать контроль над своей человеческой игрушкой Кугалу, Фиану либо еще кому-нибудь из офицеров.

Когда прозвучал сигнал «к бою», он сорвался с места, размахивая мечом и вопя в два голоса, но изнутри младенческий ум был холоден и одержим страхом.

Сперва его спас халикотерий. Хорошо обученное, хотя и норовистое животное довольно успешно уворачивалось от коварных фирвулагов и наконец вынесло его в арьергард пехоты. К тому времени атмосфера уже пропиталась пылью и миражами, и никто из соратников не обратил на него внимания.

Настал момент подумать о бегстве.

Раймо боязливо озирался, нахлестывая мечом воздух и прикрываясь щитом от чудовищных

порождений дьявола, колеблющихся в лучах солнца. Он метался среди кошмарной сумятицы; бойцы обеих армий появлялись перед ним и исчезали, словно на экране проектора. Лишь один аспект войны в какой-то мере сохранял приметы реальности — безголовые тела людей, тану, фирвулагов и животные, обильно удобряющие землю густой алой кровью и дымящимся навозом.

Один раз он приподнял забрало своего шлема и очень аккуратно, дабы не испугать халика, сблевал. Высокорослое животное пробиралось среди трупов, а он потихоньку направлял его к белому туманному диску восходящего над лагуной солнца. Там, на побережье, ему, может быть, удастся завладеть судном фирвулагов и найти в своем основательно потрепанном психокинетическом потенциале хоть несколько ватт, чтобы прорваться к острову Керсик.

Ну хоть немного везения! Господи! Разве он не заслужил этого после стольких адских мук? Надо же, как наскакивают, проклятые коротышки! Держись, милый, держись!

Халик держался стойко. А фирвулаги, по счастью, не пускали стрелы и дротики, лишь орудовали копьями, потому он за своим щитом,

в высоком седле, чувствовал себя довольно уверенно…

До тех пор, пока гигантский фиолетовый паук не выплыл из тумана и не забрался к нему на спину. Одна из лап пролезла под пластину, прикрывающую круп халика со стороны хвоста. Животное испустило душераздирающий вопль и ткнулось мордой в пыль, пронзенное длинным лезвием. Раймо вылетел из седла и приземлился со звуком разбитого ксилофона. Он увидел, как паук, пошатнувшись, растворился, а вместо него вокруг бывшего лесоруба запрыгал, завизжал фальцетом фирвулаг в заляпанной кровью кирасе — точь-в-точь сварливый гном из диснеевского шедевра.

— Ага, попался! Попался! — ликовал фирвулаг, размахивая у него перед носом черным, остро заточенным ножом.

— На помощь! — заголосил Раймо и приготовился дать деру. Но перед ним бился в предсмертных судорогах халик, не давая ему прохода мелькающими ногами.

«Помогитепомогитепомогитепомогите!»

«О силы небесные, дровосек! Ты ли это?»

«Эйк! Эйк, ради Христа!»

К нему откуда-то протянулся пыльный луч,

словно от карманного фонарика: безобидно скользнул по розовым доспехам, а когда перекинулся на фирвулага, то как-то сконцентрировался.

Конечности карлика судорожно дернулись, обсидиановый нож отлетел в сторону. Оранжево-желтый луч лизнул тело гуманоида, расплавил кирасу, и на теле остался страшный ожог. Фирвулаг пронзительно визжал. Из тумана послышался удовлетворенный голос:

— Недурно сработано. — И астральный луч уперся прямо в разверстую пасть карлика. Последовал негромкий взрыв; за ним распространилось зловоние.

— Да открой гляделки-то, дровосек. Твой сиятельный рыцарь пришел к тебе на помощь.

Все еще оглушенный, Раймо трясущимися пальцами приподнял забрало. Огромный черный иноходец в золотых латах добродушно глядел на него из-под золотого султана. А еще во лбу его торчал граненый аметистовый шип, как у единорога. В седле восседала миниатюрная сверкающая фигурка, казалось, излучавшая неудержимую силу. Ни оружия, ни щита Раймо не разглядел, в руке у человечка было фиолетовое знамя с эмблемой, показывающей фигу миру изгнания.

Черный плащ с фиолетовой каймой во всем незапятнанном блеске прикрывал подбитые золотом доспехи Эйкена Драма. Он усмехнулся и, не шевельнув пальцем, поднял Раймо на ноги.

— Ну вот, дровосек. Ты опять как новенький. Ступай обратно в ад, свидимся позже!

— Погоди… — взмолился бывший лесоруб.

Но Сиятельного уже и след простыл. Шум битвы сгущался вместе с облаками дыма и пыли. С минуты на минуту он вновь попадет в какую-нибудь передрягу.

Раймо, пошарив вокруг, нашел свой меч. Обогнув издыхающего иноходца и жуткую массу, в которую превратился карлик, он поспешил в противоположную от психокреативных взрывов сторону, подальше от бряцания стекла и бронзы, от хора человеческих и нечеловеческих воплей, наполнивших его слух и ум. Но, сделав несколько шагов, застыл на месте: ничего не видно, куда ж идти?

— Что делать, что делать? — скулил он.

Продержись до заката, посоветовал ему внутренний голос, у тебя будет по меньшей мере три часа, пока поле очищают от трупов и раненых. Легко сказать — продержись! Тут и спрятаться-то негде…

Он споткнулся о тела двух обезглавленных фирвулагов и сказал себе: дальше бежать бессмысленно. Ты знаешь, что тебе не найти на равнине ни одного естественного укрытия — так почему бы и нет?.. Он повалился наземь и заполз под черные раскинутые конечности. Затем, как учил Эйкен, когда бабы чуть не свели его с ума, загнал свой ум в маленький спасительный закуток. Если кто-нибудь не направит на него прожектор мысли, то он спасен. Весь в предвкушении блаженного отдыха, почти не чувствуя боли, Раймо Хаккинен стал ждать.

Солнце поднялось высоко, опалило зноем Серебристо-Белую равнину, и раскаленные воздушные потоки подняли завесу пыли к небу. Военные действия возобновились. Героических деяний насчитывалось немало в обоих станах, но серых рекрутов косила новая тактика маленького народа, что было чревато большими опасностями для воинства тану.

Раймо лежал неподвижно, хотя подчас схватки разгорались буквально в нескольких метрах от него. Его мучили жара и жажда, затекли руки и ноги. Тучи мух устроили кровавое пиршество в мертвой плоти фирвулагов, несколько насекомых заползло и ему под шлем. Опомнившись

от потрясения, он пустил в ход свой психокинез и раздавил их о забрало. Время от времени он погружался в тяжелую дрему. Желтые и розовые перья на его шлеме создавали относительную тень, но Раймо все равно кипел в замкнутой раковине из розового стекла. Наконец закатное солнце окрасило гребень Авена в кровавый цвет и скрылось.

Один-единственный горн вывел серебряную ноту, которая эхом прокатилась в усталом мозгу.

Шум Битвы стихал. Повеяло блаженной прохладой. Войска удалились на короткий отдых.

Теперь уж скоро, подумал Раймо. Как только стемнеет.

Он не спал, но ни разу не позволил себе пошевелиться. Его укрытие, как на грех, оказалось в опасной близости от палаточного лагеря тану. Целители и ясновидцы высыпали на Серебристо-Белую равнину с миссией милосердия. Да и военачальники не дремали: поменяв коней, выезжали оценивать результаты дневной баталии. Не дай Бог, кто-нибудь его заметит!..

Он изо всех сил сдерживал мысли, снова углубившись в маленький черепной закуток.

«Я мертв, оставьте меня в мертвых, я покойник, не обращайте внимания, проходите, проходите!»

— Может, все-таки не совсем покойник? — прозвенел в ушах голос, но Раймо не открыл глаз.

Смех.

— Вставай, брат-психокинетик. Не так уж и тяжело ты ранен.

Тела фирвулагов — спасительное прикрытие — сползли с него. Он по-пластунски заскользил по солончакам, но кто-то ухватил его за голову, заставил выглянуть из-под забрала.

Две тануски — одна в фиолетовом, другая в красно-серебряном. А за ними двое дюжих голошеих с носилками. Рядом, как безголовые манекены, лежали фирвулаги.

— Да он вовсе не ранен, сестра, — сказала ясновидящая. Ее глубокие глаза зловеще сверкали из-под фиолетового капюшонах.

— И верно, — подтвердила целительница. — Ум тоже не тронут врагом. Он симулянт. Дезертир!

Охваченный ужасом, Раймо поднялся на ноги. Занемевшие ноги отказывались держать его. Он пошатнулся, и с обеих сторон его подхватили умы обеих дам. Он вытянулся и застыл неподвижно, точно статуя в розовых, забрызганных чужой кровью доспехах.

— Знаешь, что бывает за трусость, первобытный? — спросила ясновидящая.

— Да, высокочтимая леди, — поневоле ответил Раймо.

— Тогда ступай туда, где твое место!

Он опустил голову и понуро поплелся через поле к Великой Реторте.

На семьсот километров западнее вытянулось на склоне Альборана тело юного плезиозавра. Не ведая об опасности, он охотился на тунца в водах Атлантики. А сами тунцы гонялись за головоногими, а головоногие преследовали стаю серебристых сардинок, которые в свою очередь нацелились на микроскопические организмы океанского планктона. Нежданная волна подхватила больших и малых тварей и всосала в Гибралтарский рифт.

В течение адской четверти часа все они кружились в водовороте, увлекаемые к гигантскому водопаду. Изящную шею юного плезиозавра сломал пенистый вал нового Средиземного моря. Он умер мгновенно. Разбитые, разорванные о зубья подводных скал тунцы протянули ненамного дольше головоногих. Благодаря малым размерам сардинки ухитрились скатиться по водяной горе без физических повреждений. Немного опомнившись, они уже хотели вернуться к прежнему образу жизни, но в омут Альборанского бассей-

на нанесло столько ила, что крохотные тельца увязли, и рыбешки задохнулись. Из всех живых существ, волею судеб попавших в новорожденный пролив, уцелел только планктон.

Плезиозавра выбросило на склон вулкана, что прежде высился шестисотметровой громадой над прилегающим бассейном. Чайки и стервятники лакомились мертвечиной до тех пор, пока море не отобрало у них добычу и не понесло на восток в туманной мгле.

8

Ноданн с Имидолом, Кугалом и Куллукетом летал над опустевшим полем битвы, обозревая печальные последствия первого раунда Главного Турнира. Всходила почти полная луна, тускло поблескивали звезды. Стараясь сохранить душевное равновесие, четверо братьев приглушили метапсихический огонь и двигались по небу, точно призраки.

Медики фирвулагов со светлячками в руках копошились в грудах темных тел. В их лагере ярко горели костры — знак вечерней трапезы. Под аккомпанемент барабанов маленький народ распевал залихватскую песню.

— Такой я вроде не слыхал, — заметил Имидол.

— Их боевая песня, — кисло отозвался Кугал. — Они пели ее еще в те времена, когда ты цеплялся за мамкину юбку и подчинял своей воле божьих коровок. Собственно, это даже не песня, а победная лэ. Будем надеяться, что она преждевременна.

— Но как они вообще отважились ее запеть?! — Лицо Куллукета исказилось от гнева.

— Мы им даже по числу знамен не уступаем, —

подхватил Имидол. — Велтейн, конечно, сел в лужу, но Селадейр Афалийский вполне может возглавить батальон творцов.

— То, что от него осталось, — уточнил Кугал.

Стратег до сих пор хранил молчание. Он спустился чуть ниже, к площадке, где мелькали красные и фиолетовые балахоны сестер милосердия.

— Велтейн сам виноват — недооценил Пейлола, — произнес он наконец. — Ведь уже был научен горьким опытом. И не надо принижать значение катастрофы, младший брат. Ряды творцов поредели, от них осталась в лучшем случае одна четверть… А Селадейр… он не из потомства.

Куллукет проговорил каким-то слишком уж нейтральным тоном:

— Так ведь то была твоя идея… Ты велел Мерси объявить Вела вторым творцом. Вспомни, я не раз указывал тебе на его примиренческие взгляды.

— А теперь, — язвительно отметил Кугал, — наш покойный брат из Финии своими налитыми золотом гляделками обозревает фирвулагские пирушки!

— Впереди еще два раунда, — заявил оптимист Имидол. — Фиаско с кавалерией серых — простая случайность. Мы наверстаем, вот увидите.

— Реабилитационные павильоны переполнены, — предупредил Куллукет.

— Я это учел, — отрезал Ноданн. — Тяжелораненые тану и золотые люди будут переправлены в Гильдию Корректоров, чтобы полевые врачи могли заняться годными к строевой. И еще одно новшество. Куллукет, вызови на связь лорда Целителя и проинструктируй его, чтобы лучших серых бойцов помещали в Кожу. А небоеспособные тану пусть подождут. В разгар Битвы мы не можем тратить время на славных немощных ветеранов.

— Ну ты даешь, братец! — воскликнул Кугал. — Отец не простит тебе такого нарушения древних обычаев!

Но Стратег был непреклонен.

— Пришло время пересмотреть кое-какие обычаи. У нас немало забот, помимо уязвленной гордости традиционалистов и даже чести короля. Я признаю, что ошибся, назначив Велтейна на командный пост. Меня тронула его скорбь, кроме того, многие одобрили это назначение.

— Селадейр хороший вожак, хоть и не из потомства, — сказал Кугал. — Но в лице Велтейна мы потеряли верного кандидата в рыцари Высокого Стола и отныне должны будем ох как остерегать-

ся… Это я тебе говорю, младший брат!

— Ты что, насчет Лейра? — взревел Имидол. — Я его приложу, дайте срок. А ты, братец, лучше побереги свою психокинетическую задницу!

Небо на востоке сделалось густо-фиолетовым. Над стальной гладью лагуны сияла Венера.

— Не кипятись, Имидол. Кугал прав, — хмуро бросил Ноданн. — Завтра мы должны быть крайне осмотрительны. Батальоны рассыплются, и фирвулаги наверняка отдадут приказ охотиться на капитанов. Теперь, когда мы лишились стольких творцов и серых, численное превосходство врага ляжет на нас еще более тяжелым бременем. Так что надо полагаться только на умственный перевес. Когда выйдете на поле, не допустите ошибки покойного Велтейна. Знаете, в чем он просчитался? Хотел собрать как можно больше бойцов под свое знамя. И поторопился, применил эффектную, но недальновидную тактику. Позвольте вам напомнить: в наших рядах сражается еще один любитель блефа… причем играет он на высочайшем уровне, делает самые высокие ставки.

Четверо братьев еще некоторое время обсуждали тактические и технические аспекты Битвы, пустив коней шагом. Равнину почти расчистили.

Мертвых фирвулагов грузили на специальные плетеные понтоны на берегу лагуны, с тем чтобы на обратном пути сбросить в воду. Обезглавленные тела тану и людей складывали штабелями возле Великой Реторты: на исходе Битвы, в момент заклания, их прогонят через этот змеевик.

Годами яйца морских креветок и споры мельчайших водорослей ждут дождя.

Надежно укрытые соляной коркой на побережье, они уберегают крохотные капельки жизненной силы от жары, засухи, вредных химических реакций в ожидании векового ливня, смывающего весь налет с плиоценовых Кордильер и заполняющего Большое Гнилое болото.

Тогда в течение нескольких недель тысячи квадратных километров высохших озер в границах болота и сухое ложе Альборанского бассейна становятся свидетелями бурного всплеска жизни. Морские креветки, водоросли и другие простейшие водные организмы плодятся до тех пор, пока воды не иссякнут, не испарятся, оставив на их месте свежие яички и споры, погребенные под соляными отложениями до нового Шторма Века.

Но дождь не начался. Плиоценовое небо в первых числах ноября было чистым, а с горных высот в Средиземноморский бассейн по-прежнему сте-

кала лишь жалкая струйка.

Однако же побережье наполнилось водой. Невероятными потоками она поступала неизвестно откуда.

Биллионы креветок вылупились из яичек, сожрали водоросли и поспешили отложить новые яички в более хрупкой скорлупе, учитывая увлажненную окружающую среду. Вода была грязнее, чем обычно, и принесла с собой нежелательного конкурента — океанский планктон, что вступил в борьбу с креветками за плавучую зелень и даже начал охотиться на самих ракообразных. Но безмозглые твари не сознавали ни этой агрессии, ни того, что им уже не придется выдерживать долгую засушливую спячку.

— Доверьтесь мне! — сказал Эйкен Драм, стоя среди огня, дыма, орущих умов и резни.

— Если твой фокус не сработает, — возразила Воительница Бунона, — то Накалави как пить дать тебя приложит.

Эйкен взметнул к небу свое дерзкое знамя.

— Не боись! Настрой только как следует свои миражи и смотри, чтобы никто из шайки не ринулся на какой-нибудь рыцарский подвиг и не демаскировал засаду. Ты меня слышишь, Тагал, пупсик?

— Враги так теснят нас, — сухо отозвался Меченосец, — что я подчинюсь любому, кто сулит надежду или хоть малую передышку. Даже тебе, Эйкен Драм!

— Молодчина, брат-принудитель! Гляди в оба! Бывайте!

Золотая фигурка на великолепном скакуне растаяла среди клубов фиолетового дыма.

— Не отчаивайся, лорд Меченосец, — обратился к Тагалу лорд Дарал из Барделаска. — Эйкен не только отважен, но и умен. У нас вдвое больше трофеев, чем у коротышек, — и все благодаря тому, что мы встали под его знамя. А голову их героя Блеса Четыре Клыка кто добыл?

— Не пристало нам прятаться в засадах! — проворчал Тагал.

— Это путь к победе, — парировала Бунона. — От вас, старых вояк, одна головная боль!.. Тихо!

Из облака пыли, окутавшего шесть потрепанных батальонов тану, донесся низкий звук — разъяренный рев тысячи глоток — и с ним вместе свист, напомнивший человеческим бойцам сигнал исполинской ЭВМ. В одно мгновение все пять сотен рыцарей исчезли, превратились в груды расчлененных трупов, высящихся по обе стороны совершенно свободного коридора

шириной примерно в тридцать метров и почти вдесятеро больше длиной.

— Иллюзия надежна, — сказал Селадейр. — А теперь готовься!

В расчищенном коридоре галопом проскакал гиппарион, маленькая, не выше осла, трехпалая лошадь эпохи плиоцена. Он был взнуздан и украшен перьями и попоной в фиолетово-золотой гамме. Стоя у него на спине, размахивал своим фиговым знаменем и смеялся, как безумный, Эйкен Драм. На нем был его золотой костюм с множеством кармашков.

Следом мчался легион монстров — фирвулагских крепышей, окутанных самыми чудовищными иллюзиями, какие только можно себе вообразить; их возглавлял высокий призрак кентавра, с которого содрали кожу. Обнаженные мышцы и пазухи, красные и синие кровеносные сосуды сверкали и пульсировали; глазные яблоки выкатились из голого черепа; безгубая пасть с разбитыми клыками была разинута в ужасающем крике. Нукалави Освежеванный, один из первых фирвулагских чемпионов, преследовал маленькую фигурку на гиппарионе, метал ей вслед шаровые молнии, поражавшие какой-то невидимый метапсихический заслон вокруг

летящего шута и разрывавшиеся с безобидным треском.

— Эге-гей! — вопил Эйкен Драм.

Гиппарион вырвался на открытое пространство. Юнец нагнулся, заглянул в проем своих расставленных ног и высунул язык Нукалави, одной рукой держась за поводья, другой сжимая лилипутское знамя. Потом он отбросил полу золотого костюма.

Электронный вой Нукалави достиг ста десяти децибелов. Легион фирвулагов с двух сторон обступили трупы.

Бунона, Альборан и Блейн подали хором умственную команду:

«Вперед!»

— Просыпайся, Брайан. Слышишь? Да просыпайся же!

Чернота каверны, что поглощала его с ужасающе-сладкой неотвратимостью, стала рассеиваться. Он открыл глаза: над ним стояли Фред и Марио, его тюремщики в серых торквесах. А еще с ними был Крейн; он держал в руке маленькое золотое кадило, распространявшее струйки едкого дыма.

— Со мной все в порядке, — сказал Брайан. («Но скоро тьма снова поглотит меня.») Бездонные

глаза гуманоида с плоскими синими зрачками придвинулись совсем близко.

— Благодарение Тане, Брайан, мы уж беспокоились за тебя.

Добрый старик Крейн заботится о нем. Но отчего *он*? Ведь *она* же обещала за ним прийти.

— Ты проспал трое суток, Брайан.

— Ну и что такого?

— Да ничего. — Целитель тану ласково улыбнулся. — Надеюсь, что ничего. Но теперь тебе надо встать и приготовиться. Марио и Фредерик помогут тебе одеться как подобает. Пришло время покинуть Гильдию Корректоров. Через час после заката начнется Вторая Передышка. Все воинство тану собирается на чрезвычайный конклав. Тебя вызывают на Серебристо-Белую равнину.

Брайан выдавил из себя улыбку.

— Еще один парад перед Их Величествами? Думаю, у них в эти дни есть более интересные забавы, чем я и мне подобные.

— Тебя вызывает Ноданн. — Крейн вытянул костлявые, унизанные перстнями пальцы и легонько коснулся руки лежащего антрополога. — Ты не носишь торквеса, поэтому я не могу в полной мере выразить тебе свои дружеские чувства, а также не могу исцелить, даже если б

мне позволили, даже если б это было возможно. Ты сам не ведаешь, что сотворил и, благодарение Тане, никогда не поймешь. А потому ступай, Брайан, получи свой последний подарок. Прощай!

Удивленный взгляд Брайана проводил гуманоида до двери. После ухода Крейна Фред и Марио повели его в роскошную ванную.

— Они меня не слушали! — В полной растерянности Тагдал откинулся на спинку трона.

Банкетный павильон стал скопищем конфликтующих мыслей и возгласов. Никто уже не соблюдал этикета: тану вспрыгивали на столы, и каждый ораторствовал, перекрикивая другого. Между делом все поглощали героические количества спиртного, спорили и ссорились по одному-единственному поводу: чему или кому приписать заслугу вновь наметившейся победы (тану снова повели в счете).

— Напротив, дорогой, по-моему, ты произнес очень милую речь, — разуверила его Нантусвель. — Отставить разногласия, сообща трудиться — что может быть логичнее?

Король лишь принужденно рассмеялся и отхлебнул из своего позолоченного черепа-кубка. Затем с ужасом заглянул в утопленные карбункулы глазниц.

— Помнишь того парня? Магларна Сморщенную Плоть? Последняя сволочь и дубина во всем фирвулагском племени! Я проткнул ему кишки, после того как мы три часа молотили друг друга на Поединке Героев. Вот была Битва! Никаких тебе ударов из-за угла и прочих грязных трюков. А теперь?.. Противник дерется нечестно, и мы тоже. Если не произойдет чуда, то самый грязный из мошенников станет королем Многоцветной Земли.

— Здесь Ноданн, — мягко напомнила ему королева. — Он… привел кое-кого с собой.

Король вскинул голову и позволил себе небольшое святотатство.

— Я мог бы и догадаться, кто упрятал антрополога! Мои парни прочесали весь город и пол-Авена и нигде следов не нашли.

Нантусвель с печалью поглядела на супруга.

— Зато они нашли беднягу Агмола…

Монаршая борода зловеще засверкала.

— Какая же ты наивная, Нанни! Я всех нас пытался спасти.

Приход Стратега вызвал гром приветствий, среди которых явственно слышался непристойный звук. Ноданн с привычным спокойствием поклонился родителям и подвел к ним Брайана. Вид у

антрополога был растерянный, губы кривились в странной улыбке, пальцы то и дело тянулись к шее, к тому месту, откуда исходило сказочное золотое сияние.

— Благородное воинство! — послышался громовой голос, не требующий сигнала стеклянной цепи. — Нынешняя Великая Битва обернулась для нас и поражением… и победой!

Аплодисменты, рев, немало пьяных проклятий.

— Первый раунд Главного Турнира поставил нас на грань катастрофы, когда наша серая кавалерия понесла огромные потери ввиду новой тактики врага. Положение усугубилось, когда командиры подразделений серых рекрутов, полукровок и золотых людей не сумели сплотить их под знаменем нашей древней воинской религии.

Свист, негодующие возгласы, ядовитые реплики, крики: «Позор!»

Стратег выбросил вверх сжатую в кулак руку.

— Вы можете отрицать очевидное, но ряды человечества смяты! И — как следствие — численность армии резко сократилась. Однако виноваты в том не люди и не доблестные воины тану, а мы!

Нарастающий рокот скатился в пропасть гро-

бовой тишины.

— Это результат нашей доверчивости и морального разложения! Мы стали использовать в Битвах сперва животных, приручeнных людьми, затем самих людей. Да… мы усыновили человечество. Люди ведут за нас бои, выращивают для нас хлеб, добывают руду, производят материальные блага. Они управляют нашей торговлей, просачиваются в наши священные Гильдии и даже смешивают свою кровь и свои гены с нашими! Но это еще не все. Мы сами навлекли на себя высшее унижение: человек уже претендует на наш трон!

В огромном шатре повисло звенящее молчание. Наконец раздался громкий голос Селадейра, лорда Афалии:

— Что же здесь позорного, Стратег? Эйкен Драм в одиночку, без оружия бесстрашно бросается навстречу врагу, в то время как некоторые высокопоставленные особы отсиживаются за непроницаемыми экранами и рассуждают о древних правилах игры, которые больше не пугают фирвулагов — не говоря уже о том, чтоб разбить их!

Высказывание было встречено взрывом аплодисментов, а Селадейр добавил:

— Враг объединился с людьми. Финия пала.

Их копьеносцы научились справляться с нашей конницей. Так что же, нам вернуться к древним правилам и сложить головы, ликуя от счастья, что наша честь осталась незапятнанной? Или, последовав за юношей, избранником Мейвар, изведать вкус победы?

На этот раз от криков затряслись стены и потолок павильона, кубки и тарелки заплясали на столах. Но лик Аполлона остался незамутненным, лишь сияние его очей стало таким мощным, что многие попадали навзничь, заслоняя глаза.

— Позвольте все же поведать вам, — произнес Стратег (на этот раз голос его прозвучал угрожающе тихо), — какова будет цена такой победы. Из уст человека, ученого, пользующегося огромным авторитетом в Галактическом Содружестве, вы услышите о том, какое будущее ожидает нас. Сам Тагдал поручил ему проанализировать наши связи с человечеством и сопутствующие этим связям негативные факторы с целью опровергнуть мое давнее противодействие человеческой ассимиляции. Ученый провел вполне объективное исследование. Многие из вас были проинтервьюированы им или его ассистентом, нашим покойным братом-творцом Агмолом.

С этими словами Ноданн поднял зеленую кар-

тонку, дар любви Брайана Мерси.

— Вот копия недавно завершенного им отчета. Но лучше он сам все объяснит. В процессе изысканий на нем не было золотого торквеса, а сегодня он надел его, дабы вы могли исследовать его ум и убедиться в правдивости утверждений. В результате принуждения, оказываемого мной, он не утаит от вас ни одного вывода своего отчета, включая последствия использования железа. Советую внимательно прислушаться к словам Брайана Гренфелла. Это не займет много времени, ведь вскоре нам предстоит вернуться на Серебристо-Белую равнину. Когда восходящее солнце принесет заключительный день Великой Битвы, надеюсь, вы уже сделаете выбор, под чьим знаменем сражаться — вашего Стратега или вашего извечного врага.

Ил и листья лотоса, устилавшие дно Большого Гнилого болота, а также манговые заросли, ибисы, белые цапли, пеликаны, что когда-то гнездились здесь, — все погрузилось в море. Лишь самые высокие островки еще торчали над поверхностью воды; на них обезумевшие звери отчаянно боролись за выживание, пока не потонули или сами не бросились вплавь. Более удачливые нашли убежище на внушительной

дамбе из вулканических пород, но и этим приходилось карабкаться вверх по застывшей лаве, поскольку вода продолжала прибывать. Достигнув вершины, животные совсем выбились из сил, чтобы искать другого пристанища. Да и где искать: противоположный склон плотины был отвесный и гладкий, и поэтому бедняги сжались в кучу под луной. Клыкастые водяные олени, карликовые лошади, длиннотелые кошки, крысы, черепахи, змеи, амфибии и прочие согнанные с насиженных мест твари уже не проявляли друг к другу враждебности. Как хищные, так и жертвенные инстинкты были притуплены разрушением окружающего мира.

Вода поднималась, давила всей тяжестью на естественную плотину, просачивалась в трещины, проникала сквозь жесткий слой слежавшегося пепла. Отдельные потоки находили дорогу среди камней, окаймляющих Длинный фиорд. Когда поток подступил к дельте Южной лагуны, тысячи маленьких струй брызнули из этого узкого каменного ложа.

В бывшем Гнилом болоте, там, где раньше разгуливали фламинго, уровень воды достиг восьмидесяти метров. Впервые за два с лишним миллиона лет косяки рыб попадали от утесов

южной Испании прямо к берегам Марокко.

9

Его опять выудили из теплой, уютной мглы.

О Господи, ну почему, почему его не могут оставить в покое?! Оставить в ожидании последней встречи? Ведь он уже принес жертву богу-солнцу, объяснил этим варварам, почему закрытие врат времени надо только приветствовать, почему тану следует остерегаться чрезмерной зависимости от человеческой технологии.

Как ловко, однако, Стратег повернул статистические данные к своей выгоде! Но он, разумеется, пощадит Мерси и верных гибридов. Ведь погромы столь разорительны, а красавец Аполлон всегда был рациональным человеком и заботливым мужем.

Вещая через свой золотой торквес, Брайан все подтвердил. Бедный Агги был, несомненно, прав, утверждая, что этот обруч облегчает общение (так оно и есть, особенно если ангел-хранитель поддерживает тебя, когда ты выползаешь из вязких цепочек). По окончании краткой лекции общественное мнение отвернулось от Эйкена Драма. Брайан нимало не удивился. Эти дикари вспыльчивы, непостоянны и легковерны, прямо

как ирландцы.

Затем Ноданн проводил его к Мерси. И она вслед за Агмолом продемонстрировала то, чего ему недоставало раньше, когда на нем не было золотого торквеса. Даже полностью сознавая, что на сей раз ему не выбраться, он все равно добровольно отправился с ней в ослепительный полет и в долгое падение.

«Свободен, но не от тебя, не от твоих диких глаз, Мерси. Я буду любить тебя до смерти.»

— Ну выходи же, выходи оттуда! Помоги мне малость. Я не самый лучший целитель в королевстве, но кое-что еще умею. Давай, Брайан! Ты ведь помнишь меня, правда?

«Да, я умираю, но, умирая, вижу, как она проходит мимо, умираю…»

— Он так и будет вертеться, пока ты не двинешь ему по кумполу, Властелин Ремесел.

— Да заткнись ты, шлюха в мужском платье! Я твои шарики уже собрал, так что не мешай… Ну, очнись, Брайан! Открой глаза, сынок!

Круглое нахмуренное лицо, висячие серебряные усы, позади светится желтое утреннее небо со странно багровыми перистыми облаками. Он закрыл глаза, призывая тьму и воспоминание о Мерси.

Но они вернулись не сразу. Нетвердым голосом Брайан произнес:

— Привет, лорд Алутейн.

— Наконец-то! — Рука обхватила его за пояс, приподнимая. Стакан теплой воды поднесли к его губам.

— Я хочу побыть один, — прошептал Брайан. («Ох, отпустите меня туда, вниз! Где оно, то море, не отражающее звезд?»)

— Нет, сынок, потерпи. Пока нельзя.

Он раздраженно выглянул из умственного грота. Какие-то люди — у всех вид довольно жалкий — склонились над ним. Золотые, серебряные и серые торквесы бесцеремонно щупают его мозг.

— Прекратите, вы! — обиженно проговорил он. — В конце концов это неприлично, когда я… когда я…

— Погоди, сынок, не отключайся. Я тебя заштопал, как мог. Ты нам только скажи, что там произошло вчера на конклаве? Что затевает Эйкен Драм? Не нравится мне все. С тех пор, как меня свергли, кто-то будто наложил запрет на мои метафункции. Я вижу умы только ближайших соседей. Но не надо быть ясновидящим, чтобы почувствовать, как дрожит земля, как меняются воздушные течения… А эти ненормальные обла-

ка?.. Скажи, твой приятель Эйкен сотворил что-то с геологией Авена?

Теперь глаза Брайана полностью открылись. Он начал было смеяться, но смех тут же перешел в кашель. Ему опять поднесли стакан.

— Да нет, не думаю… У Эйкена Драма и без того немало всего в загашнике, чтоб еще землетрясения устраивать. — Он безвольно повис на руке Властелина Ремесел. Мозг вдруг пронзила странная мысль: а что, если он не умрет?

Насмешливый голос. Раймо? Да, Раймо Хаккинен, этот несчастный ублюдок.

— Толку от него, как от козла молока! Может, узнаем свежие новости, когда сюда на закате приволокут новую партию проигравших? Хотя какая нам разница?

— И я так думаю, — отозвался Властелин Ремесел. — Однако ж нет, мне не все равно. Я из первых пришельцев, и мне не все равно! Если нам действительно грозит опасность, я должен их предупредить. Это дело чести!

Раймо Хаккинен пробормотал что-то презрительное. Другие голоса — не мысли, а именно голоса — беспорядочными волнами накатывали на мозг Брайана. Ну до чего ж приставучие, копошатся меж развалин, как усталые вампиры!

— А ведь землетрясение может расколоть эту хреновину, и тогда мы спасемся! — произнес голос Раймо.

Восклицания. Протесты. Опять проникновение в мозг. Господи, да сколько ж их на его голову!

— Мерси! — простонал он вслух.

Серебристо-зеленая рука отмела в сторону вынюхивающие умы и показала ему, как поставить экран. Он повиновался. Но когда вновь хотел опуститься, не нашел дороги в грот. Ум и голос в тоске взвыли: Мерси!

Беги, ищи, кричи, лови тьму в жутком свете своего золотого торквеса, который тащит тебя назад, как только ты заметишь ее вдали. Она не дождалась, ушла. А ты, быть может, и не умрешь.

— Мерси! — снова прошептал Брайан и очнулся под сочувственным взглядом старого Властелина Ремесел. После долгого молчания он спросил:

— Где мы? Что это за место?

— Оно называется Великая Реторта, — ответил Алутейн.

Супруга Корабля провела троих людей по тайным лабиринтам Гильдии Корректоров. Она сняла с них серые торквесы, одела в чистое, и теперь они терялись в догадках, кто она такая и чего от них хочет.

— Неважно, кто я, — ответила незнакомка в маске, останавливаясь перед дверью. — Важно то, что откроется вам за этой дверью. Там, погрузившись в грезы своего «эго», лежит та, которая скоро очнется.

Карие глаза Бреды остановились на Бэзиле.

— Ты умный и энергичный человек. Через несколько часов тебе понадобятся твои способности. В нужный момент ты сам поймешь, что тебе делать. И найдешь в комнате все необходимое: карты и разные мудреные приспособления, отобранные у путешественников во времени.

Тюрбан Супруги Корабля откинулся назад, когда она задрала голову к вождю Бурке, и глаза ее смешливо сощурились, встретив настороженный взгляд американского индейца.

— Ты поведешь уцелевших. Это будет нелегко, потому что одни еще в Коже и требуют ухода, а другие вряд ли последуют за голошеим по своей воле. Но ты их заставишь.

Пальцы Бреды легли на ручку двери, и она обратилась к Амери:

— А твоя задача самая трудная — помочь ей в первые страшные минуты адаптации. Но ты была ее другом, никого из вашей группы здесь уже не осталось, и, кроме тебя, Элизабет не на кого

опереться. Ты поймешь ее, хотя и не обладаешь метафункциями. Ей теперь нужен не приобщенный к Единству, а друг… и духовник.

Дверь отворилась. Три стены большой, тускло освещенной комнаты были высечены в голой скале, а дальняя стена имела длинное застекленное отверстие, сквозь которое глазам представала панорама предвечерней Мюрии и солончаковых пустошей к югу от нее. По стенам и в центре комнаты громоздились шкафы, а на низкой кушетке лежала фигура в красном хлопковом комбинезоне.

— Останетесь здесь до завтрашнего утра. Пока не рассветет, не выходите, что бы ни случилось. Меня вы больше не увидите, я должна быть со своим народом в час, который предвидела. Когда Элизабет проснется, передайте ей вот что: «Теперь ты свободна и можешь сделать истинный выбор». Берегите ее, потому что скоро она станет главным человеком в мире.

Бреда скрылась, так и оставшись для них загадкой. Все трое переглянулись, пожали плечами. После чего Амери подошла к Элизабет, а мужчины занялись содержимым шкафов.

Истекали последние часы Главного Турнира. Обе армии испытывали азарт предстоящей по-

беды, хотя фирвулаги сознавали, что счет не в их пользу.

Король Йочи почти всю вторую половину дня провел в затемненной смотровой палатке, где самые способные ясновидцы маленького народа транслировали наиболее интересные моменты военных действий. Особенно острым был поединок между старым Лейром и юным Имидолом из потомства. Йочи хорошо помнил, каков был прежде огнедышащий лорд Принудитель, и обидно было глядеть, как превосходящие метафункции напористого коллеги кромсали его, словно колбасу. В конце концов бедняга разомкнул свое ожерелье и перерезал себе глотку. Погодите, молодые, не вечно вам торжествовать…

Йочи вышел из проекционной и побрел к полевому госпиталю, где раненых готовили к отправке домой. Суда уже начали покидать Авен, далеко не все дождутся официального закрытия. Перемирие длится всего месяц, а переправлять по воде обоз раненых — дело непростое, так что лучше поспешить.

Йочи медленно обходил ряды усталых, окровавленных карликов. Слова ободрения от старика всегда поднимали дух бойцов, а теперь им больше, чем когда-либо, нужна поддержка. Ведь в

полевых госпиталях маленького народа нет волшебной Кожи, все, чем они располагают — это немудрящее хирургическое искусство, сила духа и сверхъестественная выносливость расы, выросшей в суровом, чреватом постоянными опасностями климате. Почти половина личного состава выведена из строя. Но враг (король Йочи припомнил сводки) потерял почти всю двухтысячную серую гвардию и большинство серебряных, а также немало опрометчивых тану и золотых людей.

— У нас еще есть шанс! — выкрикивал маленький король. — Мы не сломлены! Быть может, на этот год Меч Шарна вернется домой!

Глотки раненых хрипели, булькали, свистели. Йочи взобрался на ящик с медикаментами и сдвинул набекрень корону.

— Да, у нас не столько знамен?! Да, мы заполучили всего четыре черепа их великих?! Но, черт меня возьми, два из них принадлежат потомству, а один — рыцарю Высокого Стола! Велтейн и Риганона стоят десяти очков, что перевешивает нашу потерю бедных Блеса и Нукалави. И потом, впереди Поединок Героев, он в одночасье может зачеркнуть все их преимущество! Если они и побьют нас, то с очень незначительной разницей в

счете… Но они нас не побьют! Мы готовы драться, и мы победим!

Палатка затряслась от приветственных кличей. Один раненый даже умудрился на миг оборотиться сороконожкой.

Смахнув непрошеную слезу, Йочи гордо выпрямился, приосанился. Пыльная, отороченная мехом мантия сменилась парадными обсидиановыми доспехами, сверкающими тысячами алмазов. Монарший венец вытянулся, как оленьи рога, и едва не пропорол крышу палатки. Король приобрел грозный и устрашающий вид; зеленые глаза сверкали, точно маяки.

— Срок моего правления подходит к концу, братцы. И я, признаться, даже не мечтал перед уходом поглядеть на возрождение былой славы. Но он настал, наш великий час! Даже если в этом году проиграем… погодите, то ли будет на следующий год!

— Слава Йочи! — крикнул кто-то.

Увечные, контуженые поднимались, кто как мог, и кричали здравицы Полноправному Властелину Высот и Глубин, Монарху Адской Бесконечности, Незыблемому Стражу Всем Известного Мира.

Чудовищные иллюзорные обличья на миг

наполнили палатку, но быстро погасли. Карлик в пыльной мантии и сбитой набекрень короне провозгласил:

— Да исцелит Тэ ваши тела и души! Прощевайте покуда, парни и девки!

Величавые демоны вновь превратились в окровавленных, усталых карликов.

Йочи выскользнул в сумеречный свет Последней Передышки. Теперь надо подкрепиться да прочесть молитвы перед исходом Турнира. Скоро закончится драка, пойдут награждения и акколады. Как ни лень, а придется вновь облачаться в доспехи.

Небо показалось ему каким-то странным. С запада плыли, отливая лилово-синим, клочковатые облака. Для дождей вроде рано. Король покачал головой. Большая полная луна сияла дымчато-оранжевым светом среди не улегшейся пыли; над лагуной курился туман. Санитары с носилками пробирались по полю мимо огромной груды черепов, окруженной ритуальными кострами. Гора позолоченных трофеев никогда еще не была столь высока. И как здорово будут выглядеть захваченные знамена на фоне старых, покрытых сажей полотнищ, коими задрапированы сталактиты в Верхней Цитадели! Возможно, им и на

сей раз не отбить утраченный Меч Шарна, но поражение по крайней мере не будет позорным.

— Вот что важно! — стиснув зубы, прошептал Йочи.

10

В полночь серебряная луна поднялась высоко над сморщенными, словно мокрый шелк, облаками. Армии сложили оружие. Стремянные уводили в стойла иноходцев. Проворные психокинетики очищали поле от тел и обломков. Рядовые тану и фирвулаги были так измучены, что уже не держали строй.

Короли в окружении своих свит проследовали к мраморному помосту. Тагдал нес трофейный Меч. Из палаток высыпали зрители, желающие своими глазами полюбоваться на Поединок Героев. И тут произошло нечто беспрецедентное, не требующее комментариев: явилась Бреда.

Никому уже не нужны были вывешенные сводки: каждый знал, какой счет Турнира: тану вели незначительным большинством захваченных благородных голов, но перевес вполне можно было ликвидировать во время Поединка. Чемпионы обоих племен теперь будут сражаться по отдельности. Силы их примерно равны. Никто из героев-фирвулагов не отличался карликовым сложением: все как на подбор здоровяки, а некоторые — настоящие великаны. Тану (за

единственным исключением) тоже молодцы хоть куда; не слишком развитая мускулатура уравновешивалась умственным превосходством. Учитывая равенство сил, Поединки, как правило, заканчивались благополучно: за много лет ни один из героев не лишился жизни.

Судьи заняли свои места. Герольды протрубили в стеклянные и серебряные фанфары, фирвулаги забили в барабаны. Из толпы выступил Пейлол Одноглазый и воткнул в соленую почву страшный и загадочный штандарт. Девять чемпионов маленького народа тоже вышли вперед, чтобы принести присягу своему Стратегу: Шарн-Мес, ветеран Медор, Галбор Красный Колпак, богатырши Айфа и Скейта, Тетрол Костоправ, Бетуларн Белая Рука и посвященные в рыцари взамен Блеса и Нукалави Фафнор Ледяные Челюсти и Карбри Драконоподобный.

Еще не отзвенели приветствия толпы героям-фирвулагам, а Ноданн уже вонзил в землю свой солнцеликий штандарт. Под него стали Имидол, Куллукет Дознаватель, Кугал — Сотрясатель Земли и Селадейр Афалийский, введенный в Высокий Стол и назначенный вторым творцом (в конце концов он все-таки решил последовать за Ноданном). Затем под рев толпы появился

Эйкен Драм и собрал под своим знаменем Тагала Меченосца, Воительницу Бунону, Альборана
— Пожирателя Умов и Блейна Чемпиона.

Собрание бурлило. Такой раскол в стане тану означал, что позиции Ноданна как Стратега и законного наследника поставлены под сомнение маленьким, одетым в золото человеком. Фирвулаги в таком случае объявили бы всенародный референдум, как при избрании королей; тану выносили свои дворцовые конфликты на поле брани. Теперь Поединок Героев должен был решить, кто же встретится с Пейлолом Одноглазым — Ноданн или Эйкен Драм. Заключительная схватка Стратегов подведет черту под общим счетом, а затем Тагдал либо вручит Меч королю Йочи, либо оставит себе.

На этом официально завершится Великая Битва, но не окончится борьба, поскольку соперники тану еще будут драться между собой, и победитель завоюет возможность либо принести присягу правящему монарху, либо бросить ему вызов тут же на месте.

Перспектива падения королевской власти тану донельзя возбуждала фирвулагов, и они начали нетерпеливо и вызывающе притопывать ногами. Земля затряслась. Рыцари тану в долгу не

оставались, и вскоре воздух уже вибрировал от взаимных оскорблений; казалось, вот-вот начнется свалка.

Тогда вперед вышла леди в красно-черном платье. Стеклянная цепь даже не шелохнулась, а толпа все равно откатилась назад, и умственная буря мгновенно стихла.

— Начинается Поединок Героев! — объявил Маршал Спорта.

В публике вновь поднялся гомон: все делали ставки. Из-за комбинации Эйкен Драм — Ноданн бедный Карбри оказался лишним; его убрали с поля, чтобы с каждой стороны осталось по восемь героев. Тагдалу, как хранителю Меча, принадлежала честь распределить чемпионов попарно. Для этого ему потребовалось несколько секунд напряженных раздумий. Поддастся ли он соблазну обеспечить преимущество группе Ноданна? Рискнет ли потерять Меч, лишь бы побить маленького нахала? Во всех прошлых матчах между Поданном и Пейлолом счет был почти равным. Возможно ли, чтобы золотой коротышка обладал более сильными метафункциями, чем славный Аполлон? (Физически-то даже сравнивать нельзя.) И все же что-то, видно, есть в этом сопляке, раз он вообще дошел до вызова. С поры смутных

времен Великая Битва не знала столь дикого завихрения, да и тогда ничего подобного не было: ведь одно дело еретик на троне Многоцветной Земли, другое — человек…

Тагдал поднял руки, сияющие, как две радуги.

— Против Фафнора Ледяные Челюсти — Кулукет Дознаватель! — (Ничего себе, новичок фирвулаг против рыцаря, неизменно возглавляющего турнирные таблицы, известного своими умственными трюками, что маскируют сомнительную отвагу!) — Против Бетуларна Белой Руки — Селадейр Афалийский! — (Оба хороши, старик Село, пожалуй, покруче будет.) — Против Тетрола Костоправа

— Альборан — Пожиратель Умов! — (Кивок в сторону фирвулагов: Тагдал, видно, какую-то хитрость замыслил.) — Против Галбора Красного Колпака — Тагал Меченосец! — (Тут, скорей всего, прокол. Тагал и раньше бивал этого парня.) — Против Скейты — Воительница Бунона! — (Шансы равные. Попробуй разбери дерущихся баб!) — Против Айфы — Блейн! — (Ну, тут говорить нечего! Женушка Шарна разделает этого гибрида, как жареного цыпленка. Она и Эйкена Драма приложила бы.) — Против Медора — Кугал — Сотрясатель Земли! — (Оба бравые, ребята.

Почти равны, правда, у этого тану дьявольский психокинез.)

— И против Шарна Меса — лорд Принудитель Имидол! — (Трудно сказать: Имидол еще зеленый, но с этими принудителями всегда надо быть начеку, а парень, видать, в своем ремесле здорово поднаторел.) — Вы будете сражаться точно отведенное время, — пояснил Тагдал. — А потом без промедления уступите место следующей паре. И пусть Богиня оценит вашу доблесть и вынесет свое решение!..

— Эй, брат-принудитель! — взывал Властелин Ремесел. — Неужто не слышишь: земля дрожит! В коре какие-то электромагнитные изменения!

Жизнерадостный парень в золотом торквесе пожал плечами.

— Еще б ей, черт побери, не дрожать, когда болельщики чуть с ума не сходят! В группе Эйкена Драма два проигрыша, две победы, а у Ноданна одна победа, одно поражение и ничья между Кугалом и Медором. Последняя схватка Имидола и Шарна-Меса станет определяющей не только в состязании Стратегов, но и во всей Битве! И отстань от меня, я при исполнении, из-за тебя самое интересное пропущу!

Серые солдаты загнали под стеклянный колпак

новую колонну мужчин и женщин, вытащенных из узилищ и темниц Мюрии и доставленных на Серебристо-Белую равнину на заклание. Это были уже не аристократы и не струсившие бойцы, а отбросы общества: изменники, воры, бандиты, чьи преступления не подлежат амнистии, мятежные голошеие, слишком хилые, чтобы находить удовольствие в Охотах, женщины, истощенные деторождением, а главное — бедняги, потерявшие разум из-за серых, серебряных или золотых торквесов; стоя вдоль стеклянных стен Великой Реторты, они глядели пустыми глазами на залитое лунным светом поле Битвы.

— Прочти мои мысли! — крикнул Алутейн капитану стражи. — Обследуй мой ум! Что-то неладное творится, говорю тебе! Разреши мне вызвать на связь короля или Идону — Покровительницу Гильдий!

— Хватит, навызывался! — отрезал принудитель. — Теперь отдыхай, дружище. Умей умереть достойно. — Он отдал умственное распоряжение солдатам и поспешил вон, к ожидавшему его иноходцу.

— Говорил, ничего не выйдет! — проворчал Раймо. — Но все ж таки ты молодчага, Ал!

Алутейн заскрежетал зубами и уставился в

толстое незамутненное стекло Реторты.

— Черт бы их всех побрал! Проклятье! Средиземноморский бассейн колеблется! Там, на востоке, между Керсиком и архипелагом, который люди вашего будущего назовут Италией, есть зона нестабильности коры, я уж двести лет за ней наблюдаю. Что, если потрясение сильнее обычного? В лагуне может быть сейш!

— А что это — сейш? — заинтересовался Раймо.

— Да так, небольшая стоячая волна. — Один из золотых дезертиров поцокал языком. — Вот она и даст хорошего пинка под зад храбрым гладиаторам! Уж мы-то знаем, как тану боятся ноги промочить!

— В такой мелкой лагуне особо не промочишь, — возразил кто-то.

— Однако же соль может отсыреть, и огонь под Ретортой не загорится! — предположил другой.

— Это вряд ли. Ты что, никогда большого пожара не видал, приятель? Так спроси Ала — Властелина Хреновых Ремесел — он тебе разобъяснит! Поди, сам каждый год запаливал поленницу из трупов. Психоэнергия всей Гильдии Творцов вскипятит наш чайник, даже если дождь будет хлестать вовсю.

— Я обязан их предупредить! — вскричал Алу-

тейн. — Это мой долг! О, если б я только мог связаться…

— А ты шифрованную телеграмму пошли, — посоветовал чей-то хриплый голос.

— Нет, давай мы разыграем твое послание в шарадах, когда они придут зажигать костер! — предложила женщина.

Ее истеричный смех был очень заразителен. Вся Реторта огласилась хохотом обреченных на смерть.

Тем временем Алутейн — Властелин Ремесел, бывший лорд Творец, употреблял остатки своих метапсихических сил, чтобы направить послание через гладкую панель Реторты. Скорее всего, ничего не выйдет, но он все же должен попытаться.

— Ты продул!

— Но он применил против меня гнусный прием! — горячо возразил Имидол.

— Я основательно потрепал Шарна и его проклятый скорпионовый костюм! Если бы у меня было еще хоть три секунды…

— Ты продул, твое бахвальство и неопытность могут стоить нам Великой Битвы!

Сапфировый титан снял шлем и вылил ведро холодной воды на дымящиеся волосы.

— Отчего? Ведь ты в первом же раунде приложишь Эйкена Драма!

— Дурак! — взъярился Стратег. — Ты что, забыл про фирвулагов? Они теперь поведут в счете!

В умах всех восьмерых чемпионов засияла вывешенная Ноданном турнирная таблица:

КУЛЛУКЕТ (ПРОИГР.) ФАФНОР СЕЛАДЕЙР (ВЫИГР.) БЕТУЛАРН АЛЬБОРАН (ВЫИГР.) ТЕТРОЛ ТАГАЛ (ВЫИГР.) ГАЛБОР БУНОНА (ПРОИГР.) СКЕЙТА БЛЕЙН (ПРОИГР.) АЙФА КУГАЛ (НИЧЬЯ) МЕДОР ИМИДОЛ (ПРОИГР.) ШАРН-МЕС

Стратег кивнул в сторону четверых союзников Эйкена Драма, что столпились вокруг опозорившегося героя-принудителя.

— Благодари наших братьев и сестру! Теперь придется послать тщедушного пройдоху на Поединок с Пейлолом Одноглазым!

Над ними взвилось облако фиолетового дыма.

— По-моему, кто-то упомянул мое имя всуе! — усмехнулся Эйкен. — Неужто, солнцевеликий брат, ты сомневаешься в том, что я выбью Одноглазому оставшийся глаз!

— Он в тысячу раз сильнее своего кровного брата Делбета, который когда-то изрядно погонял нас, — заметил Стратег. — Причем Пейлол не из тех, кто ударит и бежит. Думаешь, твой умишко

защитит тебя от этого глаза? Да пока ты до него дотянешься, юноша, он шарахнет тебе кулаком по башке — и нет тебя.

— Как вы предпочитаете, чтоб я его убил?

Восемь чемпионов и Стратег невесело рассмеялись.

Эйкен скривил губу.

— Нет, серьезно? Я могу его убить. Как Делбета. По-человечески. Но только чтоб потом Высокий Стол не пришил мне нарушение ваших паршивых правил.

Под роскошным золотисто-розовым шлемом засветилась презрительная улыбка.

— Ты не можешь использовать Копье против Пейлола, первобытный. Только против меня.

— Я не о том, — заявил Эйкен. — Не гони коней, солнцевеликий. Твоя очередь еще придет. — Он ухмыльнулся, обвел взглядом всех чемпионов. — Ну так что? Спасать мне ваши задницы или нет? Моя тактика не более бесчестна, чем та, которую они применили против ваших парней в Финии. Давайте, совещайтесь, а то ведь взлечу в небо, как ракета, и останетесь на бобах!

— Да лети, чтоб ты пропал! — взревел Имидол. — Тогда Стратег встретится с Пейлолом и победит.

— Уверен? — вкрадчиво спросил шут. — Наберет ли он достаточно очков, чтобы перевес опять был в вашу пользу? Ноданн не может четвертовать Пейлола, а я могу. И всем вам известно, каков тогда будет счет.

— Я переговорю с Высоким Столом, — сказал Ноданн.

Через пятнадцать секунд он объявил:

— Ты сразишься с Пейлолом Одноглазым по-человечески и не будешь за это наказан.

Луна сделала свое дело. Она все еще освещала Средиземноморский бассейн, но ее воздействие на приливы, до сих пор остававшиеся без последствий для мелководья, начинало сказываться в западной части Авена, когда темные воды перепрыгнули вулканический гребень.

11

Эйкен Драм наступал на Пейлола Одноглазого.

Гигант даже не позаботился принять иллюзорное обличье. Он ждал — черный монолит в центре белого соляного круга — и посмеивался. Этот звук напоминал некоторым из притихших зрителей грохот металлического мусорного бачка, катившегося по длинной лестнице.

Дураки! Какие же тану дураки, что послали против него эту убогую тварь! Да они его просто забыли! Видно, долгое его отсутствие на поле брани притупило их память, а может, роковой контакт с первобытными привел к разжижению мозгов. Эта букашка, этот червяк в золотистых доспехах с желто-фиолетовыми перьями на шлеме — да с ним и драться-то зазорно! От одного взгляда Пейлолова психоэнергетического глаза он враз окочурится.

Эйкен Драм остановился. У него не было ни копья, ни аметистового меча и вообще никакого оружия. Пейлол разглядел только маленький, висящий на шее золотой шарик на кожаном шнурке.

Подняв руку в общепринятом жесте, озна-

чавшем просьбу о передышке, Эйкен принялся вертеть шарик неловкими пальцами в латных рукавицах. Все еще смеясь, Пейлол снял свой жуткий шлем, заткнул его под мышку, а другой рукой приподнял заплатку на глазу.

Вжик! — просвистел алый луч, поразив невидимый трехметровый свод, накрывающий Эйкена, и рассыпался паутинкой молний.

Эйкен насупился, продолжая возиться с шариком. Что это он делает? Развинчивает его на половинки? Или пытается нажать какую-то кнопку, утопленную в шарике?

Вжик! На этот раз часть метапсихического экрана засветилась зловещим голубым светом. Великан радостно завопил. Теперь поглядим, как ты спрячешься, нахальная козявка!

Еще один радиоактивный залп ударил в умственный щит Эйкена. Разряды статического электричества поражали экран со всех сторон, заставляя его светиться голубым, зеленым, мертвенно-желтым светом. Толпа болельщиков вышла из прострации и начала орать. Тану бряцали мечами и трубили в рога. Фирвулаги визжали и наяривали по своим барабанам, пока те не трескались. Большой белый ринг обступили алмазные доспехи и прыгающие ночные кошмары.

Наконец шарик распался на две половинки. Эйкен Драм дружелюбно улыбнулся Пейлолу, не обращая никакого внимания на сокрушительную бомбардировку. Щит из пунцового сделался приглушенно-красным, что было сигналом неминуемого распада.

— Ну вот и я, Голиаф, пупсик! Привет тебе!

Эйкен стащил с шеи шнурок и начал раскручивать его над головой. Что-то серебристое вылетело сквозь дырку в экране, сверкнуло в огненных лучах и поразило Стратега фирвулагов в правый глаз.

Пейлол взревел. Зажал лицо руками. Ужасный левый глаз скривился под рукавицей, а из правого брызнула кровь, показавшаяся черной в бледном свете луны. Вой великана стихал, и медленно, точно монолит, лишившийся опор, гигантская фигура в доспехах согнулась, осела и рухнула на солончаки.

Мейвар — Создательница Королей вышла из толпы и поднесла своему протеже аметистовый меч. Эйкен единым взмахом отсек голову Пейлола и поднял ее над толпой. Огнедышащий левый глаз был закрыт. В кровавом месиве правой глазницы что-то поблескивало. Пройдоха аккуратно вытащил смертельный снаряд, очистил его своей

творческой силой, и щипчики для откусывания кончиков сигар покойного лорда Гомнола снова сделались сияющими, так что ясновидящие в публике дальним зрением смогли прочитать выбитые на металле буквы:

ЗОЛИНГЕН — НЕРЖАВЕЮЩАЯ СТАЛЬ

— Итак, начинается новая эра! — воскликнул Эйкен Драм. — Да здравствую я!

В шестистах километрах к юго-западу от Мюрии естественная плотина, протянувшаяся между Испанией и Африкой, наконец поддалась — и не в одном, а в сотне мест, по всей затопляемой, осыпающейся длине. Под невыносимым давлением воды большие пласты вулканической породы соскальзывали вниз по восточному склону. Когда море перелилось через край, трещины начали расти, соединяться друг с другом, и стало ясно, что непрочная плотина с минуты на минуту прорвется в дельту Южной лагуны.

Соленая вода разбивала куски темной лавы посреди области, превратившейся в водную пустыню после исчезновения Длинного фиорда. Она струилась по залитым лунным светом равнинам, находила новые дренажные каналы среди гипсовых дюн и полосатых соляных отложений. От сотрясения земли воздух наполнился

оглушительным ревом: за пятнадцать минут от двухсоткилометровой плотины не осталось и следа.

Узкая дельта Южной лагуны не выдерживала напора воды: ее уровень все поднимался. Свистел ураганный ветер. Бледные воды лагуны словно бы попятились от ужаса перед темной, почти отвесной стеной, но потом, не выдержав, вышли из берегов ей навстречу. Приливной вал достиг высоты в двести тридцать метров.

Разрушив последнее препятствие, океанские воды устремились к Серебристо-Белой равнине.

Тану и люди хором пели песню, все рыцари выставили обнаженные сверкающие лезвия мечей. Под белым трепещущим знаменем с вытканным на нем золотым ликом стояли Тагдал и Нантусвель, а за ними — пародией собственной тени, несмотря на окружающее многоцветье, — застыла Бреда. Тану присутствовали все до единого, фирвулаги же понемногу расходились — слишком велико было очередное унижение, слишком все были подавлены, чтобы смотреть небывалый заключительный спектакль.

Эйкен Драм подобрал с земли знамя Пейлола. В последний раз предъявив народу голову павшего Стратега, он совершил еще один символический

акт: голова была превращена в позолоченную маску смерти, на месте левой глазницы засиял рубин размером с грейпфрут. Затем плут насадил голову на свой собственный штандарт и решительно направился к королю Тагдалу.

Но прежде чем он успел открыть рот, сутулая фигура в фиолетовых одеждах отделилась от толпы великих и встала рядом с ним.

Потрясенный происходящим Маршал Спорта едва сумел прохрипеть свое очередное объявление:

— Великий король и отец! Судьи обеих рас… поручили мне подвести окончательный итог. Итак… победа присуждается благородному и славному воинству тану из Многоцветной Земли. — Выдержав соответствующую паузу для оваций, он продолжил: — Здесь перед вами в ожидании королевской акколады стоит Высший Чемпион Битвы лорд Эйкен Драм…

— Нет, — тихо произнесла Мейвар.

Все затаили дыхание.

— Он больше не Эйкен Драм, — пояснила старуха, — ибо наконец я нарекаю его именем тану, как всякого человека, посвящаемого в наше рыцарство и братство. Имя это я до сих пор хранила в сердце своем, ибо желала, чтобы он убедил всех

вас в том, что его достоин. Я, Мейвар — Создательница Королей, никогда в нем не сомневалась. Теперь на поле брани он доказал, что является истинным избранником Богини… Поэтому с любовью и уверенностью я даю ему новое имя! Он — Сиятельный! Он — молодой Луганн!

На миг толпа потрясение притихла, затем поднялся жуткий ураган голосов и умов, рогов и звякающих о щиты мечей. Было в нем ликование, была и ярость, но в сумятице никто не смог бы определить, с кем же все-таки симпатии большинства — с новым Стратегом или с прежним.

Тагдал выступил вперед. Лицо его застыло, как маска на королевском знамени. Он принял из рук золотого человечка трофейный штандарт фирвулагов и тут же передал его Воительнице Буноне. Покровительница Гильдий Идона подошла к отцу, неся что-то на длинной бархатной подушке. Рев толпы прекратился. Этого момента ждали все. Возьмет ли Эйкен Драм-Луганн священный Меч Шарна и передаст ли его в знак верности Тагдалу, как всегда делал Ноданн? Или…

Золотые ручонки подхватили огромное оружие, оставив привязанную к нему батарею на подушке, которую все еще держала Идона. Взявшись за рукоять обеими руками, Эйкен направил

острие Меча вниз и вонзил его в землю, после чего повернулся к Тагдалу спиной.

Публика медленно выдохнула. Тану и фирвулаги словно окаменели под знаменами своих королей.

В этой тишине вперед шагнула темная фигура, тысячелетиями управляющая обоими племенами. Ее красно-черные одежды повторяли цвета неба, потому что рассвет был уже близок. Открывшееся всем взорам лицо было залито слезами.

— Да будет так, — прозвенел голос, подхваченный умом. — Да будет так, как я предвидела. Пусть герои сразятся Мечом и Копьем в последнем раунде Великой Битвы.

Четверо чемпионов тану, выступившие за Сиятельного в Поединке Героев, принесли Копье. Блейн закрепил на плече и бедре человека драгоценную перевязь, что поддерживала батарею. В прозрачном воздухе материализовался Ноданн и опустился рядом с Мечом. Он вытащил его из земли, в то время как Кугал, Имидол, Куллукет и Селадейр закрепили на нем перевязь.

Толпа отхлынула. Герои заскользили над поверхностью солончаков, которые приобрели теперь глухой красный оттенок близящегося рассвета. Сверкающие нимбы умственной энергии

осенили исполинское розово-золотое видение и миниатюрную фигурку шута.

— Начинайте, — сказала Супруга Корабля.

Сверкнула двойная вспышка изумрудного пламени, и синхронное сотрясение заставило всех зрителей в торквесах спрятать за экраном свои чувства. Когда публика опомнилась, гром все еще катился над долиной. Соперники стояли нерушимо, психические барьеры и сверкающие доспехи остались неповрежденными.

Опять раздались два зеленых взрыва и чудовищный гром — но на сей раз эха не последовало. Гул стал отчетливей, земля дрогнула под ногами героев. Откуда ни возьмись, налетел ветер, добавив к рокоту свою более глубокую ноту. Черно-красное небо вдруг затуманилось вдоль всего горизонта.

Король Тагдал увидел волну и первым прокричал умственное предупреждение. Приложив каждый эрг своей метапсихической силы, он воздвиг стену.

«Ко мне! Все ко мне!»

Все кинулись к нему — фирвулаги, тану и люди в торквесах — массированным броском, еще невиданным за все время изгнания. Ноданн тоже бросил на подмогу свою психокинетическую

мощь. И Луганн, и маленький народ поддержали сотворенный бастион короля, дабы помешать подступающему морю смыть их всех. Но темная вода прибывала, давила своим весом в миллионы тонн на обороняющиеся умы.

И наконец прорвалась.

— Я все еще король, — удовлетворенно сказал Тагдал. Волна захлестнула его. Утопая, он так и не выпустил руку королевы.

Первый приливной фронт на рассвете утратил высоту и распространился по Большой лагуне. Вторая волна смыла часть полуострова Авен и затопила внутренние земли, прежде чем стечь по скалам. Воды застигли оставшихся в городе, и большинство погибло, включая почти всех рамапитеков.

Амери хотела выбежать из комнаты в башне Гильдии, но вождь Бурке схватил ее и прижал к себе, а она отбивалась, кричала, пока не лишилась сил. Тогда подошел Бэзил и склонился рядом с ними перед страшным окном. Амери и суровый судья-индеец поняли, что бывший выпускник Оксфорда шепчет древнюю молитву:

— Elevaverunt flumina fluctus suos, a vocibus aguarum multarum. Mirabilis elationes maris.

Mirabilis in altis Dominus note 31.

Все вместе они ждали Элизабет.

note notes: Note31

Возвышают реки, Господи, возвышают реки голос свой, возвышают реки волны свои. Но паче шума вод многих, сильных волн морских силен в вышних Господь (лат.). — Библия. Пс. 92; 3-4

12

Как голосили их умы, пока не пробились к ней!

Да, они пробились к Элизабет даже сквозь огненный кокон. Оказалось, покинувшие Мюрию перед Битвой были первыми каплями дождя, предвещающими бурю; затем жители стали улетать целыми стаями. Настало временное затишье. Шторм поднялся снова, накрыв и ее. Развоплощенные умы спешили сквозь пространство и время. Но лишь немногие заворачивались в маленькие коконы и расплывались по водам, уходя своим собственным гибельным путем.

Но она не могла свободно плыть по умственной реке. Она все еще цеплялась за сушу. Во время последнего разграничительного катаклизма она почувствовала сотрясение даже в своем укрытии и поневоле приоткрыла умственную амбразуру. Слишком удивленная, чтобы скорбеть, она смотрела и слушала бурлящий поток.

Многие были ей знакомы. Вот девятый вал пронес мимо слишком хорошо знакомое лицо. Ум Бреды напоследок умоляюще коснулся ее, а потом Элизабет увидела, как нечто странное, но

большое, яркое, любящее встретило подругу и препроводило в пределы невозможного света…

Элизабет проснулась.

Над ней склонилась сестра Амери; лицо ее осунулось, глаза глубоко запали — такое выражение бывает, когда уже нет слез.

— Я знаю, — сказала Элизабет.

Монахиня крепко стиснула ее руку.

— Здесь была… инопланетянка. Она знала, что это случится. Она нас вылечила. Привела сюда, к тебе. И велела передать, что ты теперь свободна и можешь сделать истинный выбор. Надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

Элизабет села на постели. Спустя минуту у нее появились силы встать и подойти к окну бункера, где стояли Бэзил и вождь Бурке, не в силах оторвать глаз от сцены, происходящей у подножия горы.

Было утро, но тяжело набухшие тучи придавали ему какой-то серый и скорбный вид. Серебристо-Белая равнина, оба палаточных городка, вся поверхность сверкающих соляных отложений, что когда-то отгораживали Мюрию от утесов и берегов лагуны, — все исчезло. На месте их плескалось море. Оно было темно-зеленого цвета, белые барашки волн бежали к далекому

горизонту и, подгоняемые порывистым ветром, бились о маленький мыс, на котором находился дом Бреды. Теперь Мюрию уже не достать, однако разрушенные дома, и деревья, и медленно иссякающие лужи показывали, где промчался вал, уничтоживший большую часть столицы.

«Теперь ты свободна и можешь сделать истинный выбор.»

За дверью комнаты слышался шум. Мозг Элизабет вобрал в себя рой тревожных мыслей. Было трудно — да нет, просто невозможно, учитывая невыносимую эмоциональную нагрузку, — отличить тану от людей, людей от фирвулагов. Среди них не было рабов и господ, друзей и врагов, были только уцелевшие.

— Думаю, мы можем выйти, — сказал вождь Бурке.

Элизабет кивнула. Четверо отошли от окна и направились к двери. Бурке отодвинул засов.

«Теперь ты свободна и можешь сделать истинный выбор.»

Там стояли Дионкет, и Крейн, и другие целители. За ними — тысячи уцелевших. Элизабет мягко успокоила их, встретилась взглядом с обоими целителями.

— Дайте мне несколько минут. — Она пока-

зала на свой красный комбинезон. — Мне надо переодеться.

Сорванный с постамента стеклянный сосуд плыл по водам, а тела внутри сотрясались и бились друг о друга при каждом яростном ударе. Наконец Реторта выровнялась, будто бы найдя себе довольно устойчивый киль. Половина ее была скрыта под водой, и те из пленников, кто не лишился сознания, почувствовали, что плывут в какой-то странной лодке со стеклянным дном. Черно-серебряное декоративное покрытие Реторты вконец истрепалось. Лавки, столы, буфеты, посуда, кувшины с водой перемешались с телами приговоренных.

Раймо Хаккинен выплюнул соленую воду и вместе с ней зуб. Его придавило к передней стене, ближе к двери. В стыке между стеклянными панелями просачивалась вода.

— Идите ко мне, — прохрипел он, разрывая Зубами нижнюю рубаху.

Только одна женщина из пострадавших, одетая в доспехи, откликнулась. Они вместе разодрали на лоскуты ее нательный комбинезон; укрепляющие плексигласовые шарики оказались отличным материалом для законопачивания щелей.

— Теперь продержимся, — сказал, ухмыляясь, Раймо.

— Плывем… — Женщина, как завороженная, смотрела на бурую воду, на вертящиеся обломки, обступавшие их со всех четырех сторон. — Словно дикий аквариум — только там, снаружи, не рыбки. — Она отвернулась, и ее начало выворачивать наизнанку.

Раймо встал на четвереньки.

— Попробую найти целый кувшин.

Он стал ползать среди тел и предметов. В живых остались немногие, но и те уже испускали дух. Он обнаружил кувшин с водой, застрявший между тремя трупами. Ох, а это случаем…

Он перевернул тело.

— Брайан? Ты как? — Губы его растянулись в улыбке. — Брайан!

— Он тебя не слышит, — раздался голос Алутейна — Властелина Ремесел.

— Твой друг уже в объятиях Таны.

Раймо отпрянул, сжимая в руках кувшин.

— Ух ты, как жалко! Мы ведь с ним на одном корабле приплыли в Мюрию. И если то, что я слышал о нем и леди Розмар, правда, то… ну, словом, и мучения нам выпали одинаковые.

Алутейн осторожно расстегнул золотой торквес

Брайана.

— Нет, Раймо, не одинаковые. Но ни тебе, ни ему не придется больше мучиться. — Он защелкнул торквес у Раймо на шее, сняв с него старый, серебряный. — Думаю, Брайан был бы рад, что на тебе его торквес. Твой мозг поправляется, я там кое-что подлатал, может, среди нас отыщутся более искусные целители. Или… потом.

— Думаете, прорвемся? Думаете, этот чертов стеклянный гроб в конце концов вынесет на сушу?

— Тех, кто наложил ограничения на мои метафункции, уже нет в живых. Теперь, очнувшись, я смогу породить умеренный психокинетический ветер и даже отогнать волны, укрепив стены Реторты. — Он указал на раскиданные тела. — Ты бы помог мне отсортировать живых…

— Не, сперва надо помочь даме, с которой мы щели конопатили.

Раймо ухмыльнулся и отошел. Пол Реторты закачался, и тела вновь покатились в разные стороны.

Властелин Ремесел в последний раз взглянул на улыбающееся лицо мертвого антрополога. Затем, рыча от боли и бессилия, занялся делом.

Она была хорошей пловчихой и храброй жен-

щиной. Употребив свои иссякающие творческие силы, сделала из обрывков своего придворного платья два пузыря и подложила их себе под мышки. Когда солнце наконец засияло на поверхности грязной воды, ей стало плохо, она почувствовала, что теряет сознание.

— Мой лорд! Где ты, Ноданн? — позвала Мерси.

Ответа не последовало. Как тяжело собирать усилия для телепатической речи! Она смертельно устала! Но все же ей удалось снова позвать:

«Ноданн! Ноданн!»

«О, приди, мой демон, ангел света, приди! Разве мы можем умереть не вместе?»

Она кружилась в водовороте. Слабые мысли, далекие, искаженные, щебетали в ее мозгу. Но ни одна из них не была его мыслью.

— Ноданн! — все время шептала она. И только один раз: — Брайан!

Голова откинулась, волосы плыли по воде, словно темные водоросли. Солнце зашло, и стало холодно. Ноги и вся нижняя часть тела онемели. Ее мучила жажда, но, чтобы отделить молекулы пресной воды от соленых, требовалось нечеловеческое усилие. Из всех метафункций творчество более всего подвержено психическому травматизму.

Тогда я умру вместе с его миром, сказала она себе, потому что ничего больше нет, ни света, ни чуда, ни песен.

Слабый желтый свет.

Он мерцал, рос, приближался. Она решила подождать, поскольку лучащееся существо подавало ей знаки, хотя она и не могла разглядеть его своим умственным взором. Спустя, наверно, час оно уже было совсем близко. Она увидела, что это Крааль — большой священный котел, приписанный к Гильдии Творцов. Она вскрикнула:

— Брат-творец! Ты не знаешь, Ноданн жив?

— И это вместо благодарности? — спросил Эйкен Драм.

Он выглянул из котла, протянул руку, усеянную золотыми кармашками, и довольно грубо втащил ее внутрь. Она очутилась рядом с ним на куче искореженного металла, и он, глядя на нее сверху, ухмыльнулся.

— Прости, Мерси, дорогая, я, наверно, сделал тебе больно. Но это не нарочно, сам едва на ногах стою. Лежи спокойно, попробуем тебя подсушить.

— Ты, — сказала она. — Ты жив.

— Угу. Самый негодный из всех. Когда я понял, что нет никакого шанса заполучить это сраное

королевство, то предоставил всех самим себе и соткал для себя маленькую воздушную капсулу. У меня остались силы, только чтобы плыть. Эта бочка попалась очень кстати, должен тебе сказать. Я забрался в нее — и вот, к твоим услугам!..

Он медленно, слушая ее, очистил от соли и грязи, неуклюже восстановил порванную одежду. Когда работа была закончена, Мерси пробормотала уже сквозь сон:

— Платье... Оно было розовое, а не черно-золотое.

— Черно-золотое мне больше нравится.

Она приподнялась на локте и прошептала с ноткой былого кокетства:

— Ну и что же там, в этом проказливом уме, лорд Луганн — Эйкен Драм?

— Спи, маленькая леди Гории, маленький творец Мерси-Розмар. Об этом мы еще успеем поговорить.

На болотах Бордо настала пора зимних дождей. Русло реки было илистым, рыбы мало, зато полно дичи, маленьких безрогих и клыкастых оленей, а в верхней части острова в дубовых и каштановых рощах росли прекрасные грибы. Сьюки очень их полюбила и нынче умолила Стейна пойти набрать корзину. Но, как назло, пошел сильный

дождь. Надо приготовить ужин и протопить дом к его приходу.

Он вернулся, когда почти стемнело. Кроме грибов, притащил ляжку молодого дикого кабана.

— Остальное спрятал в дупле. Завтра приволоку. Только чтоб как следует прожарила, слышишь?

— Да уж постараюсь. Знаю, что иначе мне несдобровать. — Она схватила мокрые мозолистые руки и поцеловала их. — Спасибо за грибы.

— Весь промок, — проворчал он, стягивая куртку из шкур, штаны и грубые мокасины. Потом подошел погреться у огня, а она прижалась к нему и тоже с улыбкой глядела на пламя.

Летом он уже родится, и тогда они станут искать других людей. При хорошей погоде лететь — одно удовольствие: шар плывет медленно и приземляется почти без встряски. В августе или в сентябре они покинут это место. А пока и тут не так уж плохо. Они одни, в полной безопасности, у них полно еды, уютная хижина и любовь.

— Ешь. Я просушу одежду и разберусь с мясом.

Ближе к ночи дождь перестал. Стейн поднял откидную дверь и вышел наружу; его не было довольно долго, и когда она услыхала его шаги, вышла навстречу и встала рядом в тихой и влаж-

ной тьме. На небо высыпали звезды.

— Люблю это место, — сказала она. — Люблю тебя, Стейн!

Он обхватил ее одной огромной рукой и ничего не ответил, только смотрел на звезды. Зачем им улетать отсюда? Они часто говорят об этом, но для чего им искать других людей? Кто знает, что еще за люди окажутся! К тому же на континенте в чащах промышляют фирвулаги. Он видел из кустов их пляшущие костры.

Им повезло — не наткнулись на гуманоидов, когда пробирались в здешний рай. Безумие опять рисковать, двойное — брать новорожденного младенца в путешествие на шаре. Шар, он ведь непредсказуем. Летит сам по себе, а не по твоей воле. Если они неожиданно нарвутся на сильный ветер, то их отнесет за сотни километров. Может даже отнести на юго-восток, через всю Францию, к Средиземноморью.

Ни за что! Никто его не заставит смотреть, что они там натворили!

— Ой, Стейн! — воскликнула Сьюки. — Глянь, звезда летит! Или… что это? Очень уж медленно летит. Ах ты, поздно, скрылась за тучей! А я желание не загадала.

Стейн взял ее за руку и повел обратно в их ма-

ленький домик.

— Ничего, — сказал он. — Я за тебя загадал.

Огни дисплея орбитальной станции погасли, приборы уже не подавали сигналов. Без сил, без кислорода аппарат тем не менее держался своей орбиты, вращаясь над миром на высоте чуть меньшей, чем пятьдесят тысяч километров.

Почти все время темный борт корабля был не виден на фоне космической черноты. Но изредка все же солнце ударяло в щиток, освещая лицо Ричарда. В кратком просветлении он вновь уносился на Землю.

А маленькая разбитая птица все вращалась и вращалась по кругу. До бесконечности.

В Горном Дворце короля в Высокой Цитадели поредевший Карликовый Совет фирвулагов собрался, дабы обсудить процедуру избрания Полноправного Властелина Высот и Глубин, Монарха Адской Бесконечности, Отца всех фирвулагов и Незыблемого Стража Всем Известного Мира.

— Ну, теперь жди беды, — объявил всем Шарн-Мес.

— Почему это? — удивилась Айфа.

Он сообщил ей и остальным дурную весть:

— Ревуны потребовали избирательного права.

Огромная черная птица по спирали спускалась туда, где пировали ее соплеменники. Стервятники процветали, как никогда, по всему Североафриканскому побережью. Пиршество продолжалось уже четыре месяца, а съестные припасы все не иссякали.

— Ка-арр! — проговорила вновь прибывшая и злобно нахохлилась, когда соседка и не подумала отодвинуться, чтобы дать ей место на скелете дельфина. — Ка-а-а-аррр! — повторила она и захлопала крыльями.

Это была большая птица, чуть не вдвое превосходившая остальных; в глазах ее блестело безумие.

Стая с неохотой отлетела в сторону и оставила гостью пировать в одиночестве.

— Едут! Едут! — крикнул козопас Калистро и помчался вдоль каньона в Скрытых Ручьях, забыв о своем стаде. — Сестра Амери, и вождь, и все остальные!

Люди высыпали из хижин и взволнованно перекликались. Длинная кавалькада уже показалась на окраине деревни.

Старик Каваи услыхал крики и высунул голову из двери крытого розовой черепицей дома мадам Гудериан под сенью сосен. Увидев кавалькаду, он

присвистнул сквозь зубы.

— Они!

Маленькая кошка выпрыгнула из ящика под столом и чуть не сшибла его с ног, когда он подошел к столу за ножом.

— Мне ж еще цветов надо нарвать! — Он строго погрозил пальцем кошке.

— А ты смотри, вылижи хорошенько своих котят, чтоб они нас не опозорили!

Завешенная марлей дверь захлопнулась. Бормоча что-то себе под нос, старик нарезал охапку пышных июньских роз и поспешил по тропинке, роняя розовые и алые лепестки.

ЭПИЛОГ

Вспомнив случай из детства, молодой рамапитек вернулся к озеру Исполинских Птиц.

Тропа, протоптанная большими существами более года назад, не заросла, так как лето выдалось засушливое и глубокое озеро было благословением для жаждущих. Однако рамапитека привела сюда не жажда.

Он медленно подполз к берегу. Вот она, птица! Он скрючился под ней и удивился: почему она кажется меньше? И дырки в животе нету, и подъемника тоже. Но это она, его птица! Память о ней навечно застряла у него в голове. Мать тогда напустилась на него, выхватила, зашвырнула драгоценную, блеснувшую на солнце игрушку далеко в чащу.

Вот сюда, в заросли можжевельника. Он пошарил мохнатой коричневой лапой в колючих ветках. Поскреби высохшую землю. Хорошенько взрыхли, перерой все.

Лапа нащупала что-то гладкое и твердое. С великой осторожностью рамапитек вытащил его. Точно такой, каким сохранился в памяти. Щелк-

нула застежка, половинки раздвоились, и на этот раз штука пришлась ему впору: теперь голова уже не выскользнет. Никто больше не отнимет у него радость.

Он поднялся и пошел по тропинке к лесу, где его ждала робкая подруга. Солнце стало ярче, запах кустов и трав острее, щебетание птиц отчетливее. Все вокруг преобразилось. Это одновременно возбуждало, радовало и немного пугало его.

«Я иду! Я уже здесь!»

Он подпрыгнул от счастья, и меньшие братья врассыпную бросились с тропы, давая ему дорогу.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

В настоящей саге изображен древний ландшафт Европы в эпоху так называемой мио-плиоценовой регрессии, когда Средиземное море до появления Гибралтарского пролива было крайне мелководным. Время образования пролива точно не установлено, но, скорее всего, это произошло около пяти с половиной миллионов лет назад от настоящего момента; я же округлила до шести миллионов. В эпоху плиоцена Средиземноморский бассейн получал воду Атлантики по двум каналам, которые несколько раз открывались и закрывались: Бетскому каналу на юге Испании и каналу Риф, проходившему через Северный Марокко, Алжир и Тунис. Прорыв на Гибралтаре произошел после того, как оба канала закупорились. С открытием Гибралтарских ворот Средиземное море, судя по всему, заполнилось весьма стремительно; за сто лет после катаклизма приток из Атлантики наверняка наводнил Пустое море, затопив древнюю долину Роны до самого Лиона, а начавшаяся тектоническая адаптация, без сомнения, не только привела почвы

Средиземноморья к их нынешней топографии бездн и мелей, но и вызвала глубокие изменения в геологической структуре Апеннинского полуострова, Сицилии и других нестабильных регионов.

Единственным событием, отдаленно соотносимым с заполнением Средиземноморья, было Большое наводнение Миссулы, произошедшее во время плейстоценового Ледникового периода на западе Северной Америки. Стоячие воды Кордильерского ледника в Скалистых горах устремились на запад и столкнулись с Оканоганским ледником, что перекрывал вход в долину Клар-Форк возле современного озера Пенд-Орей в Северном Айдахо. В результате образовалось ледниковое озеро Миссула, один из обширнейших источников пресной воды, когда-либо имевшихся в западной части континента. Глубина его в отдельных местах достигала тысячи футов. Выйдя из берегов, озеро наводнило долины Западной Монтаны, пока естественная плотина из камня и льда не рухнула. Около 500 кубических миль воды просочилось из озера всего за две недели, очистило вашингтонский ландшафт, известный под названием Разветвленной Помойки, и через Колумбийское ущелье перетекло в Тихий океан.

Гидравлический каптаж ущелья поднял приливные воды на высоту около четырехсот футов над уровнем моря в регионе, прилегающем к Портленду (Орегон). Наводнение, видимо, не раз повторялось. Сравнивая наводнение Миссулы с заполнением Средиземного моря, хочу напомнить, что Средиземноморский бассейн теперь содержит один миллион кубомиль воды, а в эпоху раннего плиоцена он, по предположениям, был гораздо мельче.

Начерченная мной карта Пустого моря носит чисто гипотетический характер, особенно в отношении дельты Южной лагуны, Большого Гнилого болота и районов, ныне известных как Альборанское море и Алжирский бассейн. Однако анализ некоторых остаточных вулканических пород, найденных в Кабо-де-Гата, на мысе Труа-Фурш, в Марокко и, естественно, на самом острове Альборан, придает моей вулканической плотине по крайней мере отдаленную достоверность.

В «Саге об изгнанниках» я воспроизвела понтийскую флору и фауну периода Средиземноморского наводнения. Я старалась быть точной в описании климата, географии, растительности и животного мира упомянутой эпохи, но геологи и палеонтологи наверняка заметят кое-

какие подтасовки, допущенные ради чистой развлекательности, и, надеюсь, простят мне их. Рамапитеки — эти загадочные, очаровательные человекоподобные — помещены в понтийский период благодаря челюсти, описанной в 1972 году фон Кенигсвальдом, которой он дал название Graecopithecus freybergi.

По поводу структуры, названной Рис (или Рискессель), имеются расхождения: одно направление науки считает ее астроблемой, другое относит ее происхождение за счет скрытной вулканической деятельности, извлекшей на поверхность метеоритоподобные минералы. Аргументы в пользу последней точки зрения суммированы Дж.Макколом в «Метеоритах и их происхождении» (Нью-Йорк, Уайли, 1973). Более драматичная гипотеза весьма изящно обосновывается Э.Пройссом в статье «Рис и теория метеоритов» (Штутгарт, «Достижения минералогии», 1964. 41; 271-312). Маккол, видимо, не принял во внимание данные Пройсса в своем более позднем обзоре.